

Р.А. Давыдов

Русские на севере Норвегии в XIX – начале XX вв.

Российская академия наук
Уральское отделение РАН

Р.А. Давыдов

**РУССКИЕ НА СЕВЕРЕ НОРВЕГИИ
в XIX – начале XX вв.**

Екатеринбург
2025

УДК 94(470)+94(481)
ББК 63.3(2)5-64(4Нор)+63.3(4Нор)5-64(2)
Д 139

Рецензенты:

Кандидат исторических наук **Е.А. Орехова**

Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации,
доктор исторических наук **А.В. Репневский**

Давыдов Р.А.

Д 139 Русские на севере Норвегии в XIX — начале XX вв.
Екатеринбург: УрО РАН, 2025. — 260 с.

ISBN 978-5-7691-2592-8

В монографии рассматривается жизнь и деятельность россиян на севере Норвегии, преимущественно в Финнмарке, с 1800 по начало 1917 годы. Деятельность россиян (рыболовство, торговля) показана в международно-правовом, политическом, религиозном контекстах, как в условиях мира, так и в условиях военного времени – в эпоху наполеоновских войн, Крымской и Первой мировой войн. В каждой из глав большое внимание уделяется людям, которые впоследствии стали широко известны или наоборот – оказались незаслуженно забыты, но чьи взгляды и поступки, так или иначе, повлияли на развитие событий.

Книга написана преимущественно на основе документов российских архивов, главным образом – Государственного архива Архангельской области и Архива внешней политики Российской империи. Она адресована специалистам по истории российско-норвежских отношений, скандинавских стран, Русского Севера и всем тем, кто интересуется данной тематикой.

УДК 94(470)+94(481)
ББК 63.3(2)5-64(4Нор)+63.3(4Нор)5-64(2)

*Исследование выполнено в рамках государственного задания
ФГБУН ФИЦКИА УрО РАН № FUUW-2025-0009 «Динамика и современное
состояние биологического разнообразия и биологических ресурсов в Арктике
и на Европейском Севере РФ в контексте исторического опыта и современных
практик их охраны и хозяйственного использования»
(регистрационный номер – 125021902594-4)*

ISBN 978-5-7691-2592-8

© УрО РАН, 2025
© Давыдов Р.А., 2025
© ФИЦКИА УрО РАН, 2025

Введение

Объектом настоящего исследования являются российско-норвежские отношения; *предметом* исследования – дипломатическая, промысловая, торговая и иная деятельность российских подданных в Норвегии.

Хронологические рамки настоящей работы – XIX – начало XX вв. или, точнее, 1800–1917 гг. Выбор их определяется предметом исследования, историографическими традициями и источниками, используемыми в работе.

За этот период границы Архангельской губернии, жители которой главным образом посещали север Норвегии для ведения промыслов и торговли, претерпели гораздо меньшие изменения, в сравнении с более ранними и более поздними временными периодами. Архангельская губерния была образована на рубеже XVIII – XIX вв. серией законодательных актов 1796–1801 гг.¹ и являлась крупнейшей губернией Европейской части Российской империи до установления советской власти.

Период с начала 1800-х гг. по 1917 г. примечателен также и относительной стабильностью административного устройства России. Реформы начала 1800-х гг., в ходе которых на смену коллегиям пришли министерства, в целом определили государственную структуру и механизмы реализации государственной политики (в том числе при проведении реформ) более чем на столетие вперед, вплоть до 1917 г.²

Эти два фактора – относительная стабильность границ губернии и стабильность работы губернских административных учреждений в 1800-х–1917 гг. – положительно повлияли на многолетнюю преемственность в ведении делопроизводства архангельской губернской и уездными администрациями. Следствием этого стало то, что основной

¹ ПСЗРИ-I. Т. XXIV. 1796–1797. СПб., 1830. № 17634. С. 229; Т. XXVII. 1802–1803. СПб., 1830. № 20353. С. 210; № 20455. С. 305.

² Подробнее см.: *Ерошкин Н.П.* Российское самодержавие. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2006; *Высшие и центральные государственные учреждения России: 1801–1917. В 4-х т. Т. 1: Высшие государственные учреждения* / Отв. ред. Н.П. Ерошкин, отв. сост. Д.И. Раскин. СПб., 1998.

массив источников по интересующей нас тематике неплохо сохранился в Государственном архиве Архангельской области (ГААО).

Применительно к отечественной истории, заявленные хронологические рамки полностью включают в себя эпохи правления пяти российских императоров: Александра I (1801–1825), Николая I (1825–1855), Александра II (1855–1881), Александра III (1881–1894) и Николая II (1894–1917). В каждую из этих эпох реализация государственной политики имела свои особенности, как в России вообще, так и на Европейском Севере ее в частности. С позиций советской историографии, рассматриваемый период включает в себя т.н. «период разложения феодально-крепостнического строя», который обычно ассоциировался с первой половиной XIX в., и эпоху капитализма в России (1861–1917 гг.).

Рассматриваемый в книге временной период полностью, с точностью до года, соответствует периоду Нового времени в России – 1801–1917 гг., как его определяют некоторые историки³.

Если рассматривать хронологические рамки книги с точки зрения истории международных отношений и военной истории, то они охватывают эпоху наполеоновских войн, весь период существования Венской системы международных отношений – т.н. «Европейского концерта» и I мировую войну, до прихода к власти в России правительства большевиков.

Хронологические рамки исследования также сопоставимы с «долгим XIX веком» («long 19th century»), названным так британским историком-марксистом Эриком Хобсбаумом (Eric Hobsbawm)⁴.

Территориальные границы исследования в основном сопоставимы с границами Финнмарка (Finnmark) – норвежской административно-территориальной единицы, называемой «фюльке» («fylke»), что на русский язык обычно переводится как: «губерния», «провинция», «область». Надо учитывать, что Финнмарк по количеству населения и площади территории в исторической ретроспективе более сопоставим с небольшим уездом времен Российской империи или районом времен СССР, нежели с губернией, областью. Финнмарк – малонаселенная и самая северная территория Норвегии на материке, имеющая общую границу с Российской Федерацией.

Финнмарк относится к Северной Норвегии (Nord-Norge) – географическому региону, включающему в себя территории этой страны, расположенные на материке севернее 65° с.ш. и имеющие заметную культурно-историческую общность⁵. Это фюльке Финнмарк, Тромс и Нурланн. Контакты жителей Архангельской губернии с населением,

³ См., например: *Гросул В.Я.* О периодизации всемирной и отечественной истории // *Отечественная история*. 2007. № 3. С. 136.

⁴ «Долгий XIX век» Э. Хобсбаума – исторический период с 1789 по 1914 гг. – от Великой французской революции до начала Первой мировой войны.

⁵ *Norway North of 65* / Ed. Ørnulv Vorren.: Oslo: Oslo University Press; London: George Allen and Unwin LTD, 1961. P. 9.

проживавшим на севере Норвегии и, особенно, в Финнмарке, в XIX – начале XX вв. не встречали активного противодействия со стороны властей – как России, так и Норвегии, хотя и не всегда находились в так называемом «правовом поле». Промысловая и торговая активность россиян на севере Норвегии была обусловлена отсутствием официально и взаимно признанной государственной границы между странами до 1826 г. и отсутствием охраны границы вплоть до 1910-х гг.

Книга, хотя и посвящена российско-норвежским отношениям в основном в Финнмарке, но не ограничивается исключительно территорией Финнмарка и прилегающей к ней морской акваторией; название ее указывает на более широкие границы: «Русские на севере Норвегии в XIX – начале XX вв.»

Говоря о русских на севере Норвегии, нельзя забывать – откуда они туда прибывали. А прибывали они в основном из Архангельского, Кемского (с 1859 по 1883 гг. включал в себя территории Кольского уезда), Кольского (с 1899 г. переименованного в Александровский), Онежского уездов. Ведомственная переписка, связанная с пребыванием и деятельностью жителей этих уездов Архангельской губернии в Норвегии, велась в учреждениях Архангельска. Поэтому в расширенном понимании территориальные границы исследования следует распространить также и на Архангельскую губернию.

Если бы настоящее исследование готовилось к изданию, например, во второй половине 1990-х – начале 2010-х гг., я бы мог для обозначения его территориальных границ указать еще и Баренцев Евро-Арктический регион (БЕАР)⁶ в который входят все упомянутые выше как российские, так и норвежские территории.

Термин «Баренцев Евро-Арктический регион» возник вскоре после распада СССР, в 1993 г. Он официально использовался во всех странах, в том числе и в Российской Федерации, на самом высоком уровне⁷. Идея бесконфликтного и взаимовыгодного международного сотрудничества в рамках Баренц-региона – между отдельными северными областями России, Норвегии, Швеции и Финляндии – широко продвигалась в 1990-х годах⁸. Но примерно в первой половине 2010-х гг. возник и постепенно развился скепсис в отношении перспектив этого

⁶ На английском языке – Barents Euro-Arctic Region. В современных публикациях – официальных, научных, публицистических распространены два варианта написания региона с точки зрения русской орфографии. В научной литературе, периодике широко распространен вариант написания через дефис, «калька» с английского языка: «Евро-Арктический регион». В российских официальных документах 2000-х гг. чаще использовался вариант названия без использования дефиса «Евроарктический регион».

⁷ Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу. URL: <http://government.ru/info/18359/> (дата обращения 07.04.2025); Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/62947> (дата обращения 07.04.2025).

⁸ Булатов В.Н., Шалев А.А. Баренцев Евро-Арктический регион и Архангельская область: международное сотрудничество. История и современность. Архангельск: Поморский госуниверситет, 2001; Нильсен Й.П. Российско-норвежские отношения в арктической Европе и история Баренцева Евро-Арктического региона // Barents-Journal. 2002. № 1. С. 14–25 и др.

сотрудничества⁹. Возникла даже усталость от самого термина, так как слово «Баренц» вставляли куда угодно и кто угодно¹⁰. Исследователи стали обращать внимание на его конъюнктурность; стали высказываться и сомнения в возможности и правомерности изучения общей истории Баренцева Евро-Арктического региона как таковой.

Российско-норвежские контакты на региональном уровне действительно существовали в течение длительного времени (некоторым аспектам их как раз и посвящена настоящая книга). Но, надо заметить, что в отечественных источниках и литературе рассматриваемого периода (XIX – начало XX вв.) не было ни термина «Баренцев регион», ни даже Баренцева моря, по названию которого регион назван. Гидроним «Баренцево море» в нашей стране начал широко использоваться лишь в XX веке, после установления советской власти¹¹. Поэтому в книге Баренц-терминология почти не используется.

Актуальность работы обусловлена современной государственной политикой России в Арктике и недостаточной изученности заявленной темы.

Степень изученности темы.

На сегодняшний день существует большое количество серьезных работ, как России, так и за рубежом, о российско-норвежских отношениях конца XIX – начала XX вв. вообще и в Арктике в особенности. Опубликованы обзоры историографии по данной тематике¹². В начале XXI века на английском и норвежском языках изданы объемные монографии, справочные издания по региональной истории по истории Баренцева региона в целом¹³, отдельных норвежских коммун¹⁴ и даже сравнительно небольших норвежских населенных пунктов¹⁵, в которых, среди прочего, рассматриваются различные аспекты российско-норвежских отношений.

⁹ Репневский А.В. Российский взгляд на Норвегию в «розовых очках» и без них // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2013. № 1. С. 32–40.

¹⁰ Nilsen T. Trademark Barents URL: <https://barentsobserver.com/ru/briefs/barenc-tm> (дата обращения: 07.04.2025).

¹¹ Минкин А.А. Топонимы Мурмана. Мурманск: Мурманское кн. изд-во, 1976. С. 26..

¹² Россия и Норвегия: вопросы отечественного источниковедения и историографии (XIX – XXI вв.) / Отв. ред. А.А. Комаров. М.: URSS, 2012; Касиян А.С. Зарубежная историография российско-норвежских отношений рубежа XIX–XX веков // Новая и Новейшая история. 1916. № 2. С. 115–121; Беляев Д.П., Карелин В.А., Орехова Е.А. К 10-летию «Вестника Баренц-центра МГТУ»: библиография публикаций мурманских историков по истории российско-норвежских связей (2005–2010 гг.) // Вестник «Баренц-центра» МГТУ. Мурманск, 2010. Вып. 9. С. 189–198.

¹³ The Barents Region. A Transnational History of Subarctic Northern Europe / Chief ed. L. Elenius. Oslo: Pax Forlag, 2015 и рецензия на эту книгу: Голдин В.И. Новый труд по истории Баренцева региона // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2015. № 5. С. 159–163; Encyclopedia of the Barents Region / ed. by M.-O. Olsson: in two vols. Oslo, 2016 и рецензия на энциклопедию: Голдин В.И. Энциклопедия Баренцева региона // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2017. № 4. С. 148–150.

¹⁴ См., например: Lunde A. Sør-Varangers Historie. Sur-Varanger kommune, 1979.

¹⁵ Balsvik R.R. Vardø. Grensepost og fiskevær 1850–1950. 2 bd. Vardø kommune, 2007; Nielsen J.P. Alta historie. 2 bd. Alta kommune, 1990, 1995 и др.

Недавно завершился многолетний научно-исследовательский и издательский проект «Асимметричное соседство: Норвегия и Россия в период с 1814-го по 1917-й», который на сегодняшний день является крупнейшим совместным норвежско-российским исследовательским проектом в области истории¹⁶. Результатами его стала серия публикаций¹⁷, наиболее значимая из которых – коллективная монография, снабженная научно-справочным аппаратом, изданная в 2014 г. на норвежском¹⁸ и 2017 г. русском¹⁹ языках. Последняя монография, несмотря на свой немалый объем (708 с. или 74,34 усл. печ. л.), представляет по сути дела обзор, своего рода «краткий курс» истории российско-норвежских отношений периода 1914–1917 гг., охватывающий очень широкий круг вопросов. Более «узкой» теме – российскому присутствию и российской активности в Норвегии в XIX–XX вв. – из двадцати одной главы этой монографии посвящены три. А именно: глава 3 – «Поморские рыбные промыслы и торговля до 1815 года» (авторы: Т.А. Шрадер, Й.П. Нильсен, Н. Колле); глава 7 – «Консулы и купцы, поморская торговля и руссенорск» (авторы – А.В. Репневский, Й.П. Нильсен, В.В. Тевлина); Глава 18 – «Киберг и Кибергские привилегии» (авторы – Э. Ниemi, Н. Колле, Й.П. Нильсен, К. Мюклебуст, В.В. Тевлина).

Если же обратиться к более ранним работам, предшествующим этой книге, то можно выделить несколько основных направлений исследований о деятельности русских в Финнмарке. Наиболее изученными на сегодняшний день стали вопросы, связанные, во-первых, с делимитацией и демаркацией границы между Россией и Норвегией в 1825–1826 гг.; во-вторых, с т.н. «поморской торговлей»; в-третьих – с мнимой «русской угрозой» Финнмарку.

Различные аспекты разграничения России и Норвегии, российско-норвежских отношений на сопредельных территориях привлекли внимание историков сравнительно недавно. До установления в России советской власти эта тема занимала внимание почти исключительно публицистов – авторов небольших статей, издававшихся как в периодике, также и отдельно, в виде брошюр²⁰. Советских историков различные

¹⁶ Репневский А.В. 25 лет сотрудничества: вехи на пути к международному проекту «Асимметричное соседство: Норвегия и Россия 1814–2014» // Россия и страны Северной Европы: физические и символические границы: сборник статей V Киркенесского Международного семинара историков. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2016. С. 163–174; Голдин В.И., Зайков К.С. Норвегия и Россия: 1814–2014. Итоги мегапроекта // Вопросы истории. 2019. № 3. С. 100–109.

¹⁷ Например, о различных аспектах российско-норвежских дипломатических отношений в период 1814 – 2014 гг.: *Caution and Compliance. Norwegian-Russian Diplomatic Relations 1814–2014* / Ed. by K.A. Myklebost & S. Bones. Orkana Akademisk, 2012.

¹⁸ Christensen O., Davydov R.A., Egeberg E. et al. *Russland kommer nærmere. Norge og Russland 1814–1917* / J.P. Nielsen (red.), P. Mankova (bildet). Oslo: Pax Forlag, 2014.

¹⁹ Давыдов Р.А., Зайков К.С., Карелин В.А. и др. *Сближение: Россия и Норвегия в 1814 – 1917 годах* / ред. Й.П. Нильсен. Пер. с норв. М.: Весь Мир, 2017.

²⁰ Голубцов Н. К истории разграничения России с Норвегией. Архангельск, 1910; Козмин К. К вопросу о русско-норвежской границе. Архангельск, 1913; Никольский В.Н. На русско-норвежской границе. Архангельск, 1914.

коллизии, связанные с российско-норвежской границей, интересовали не сильно. Зато в постсоветский период (с 1991 г. по настоящее время) тема вызвала к себе значительный интерес. По истории «российско-норвежского пограничья» появились отдельные статьи²¹, сборник статей²² и публикации, специально посвященные историографии вопроса²³.

По российско-норвежской, или так называемой «поморской» торговле существует также множество публикаций. Эту торговлю, преимущественно менового характера, вели на севере Норвегии прибывавшие туда каждое лето на своих частных судах поморы – жители поселений, расположенных в основном на морских побережьях Архангельской губернии. Есть публикации как зарубежных²⁴, так и россий-

²¹ В хронологическом порядке: *Чудинов К.А.* Конвенция о русско-норвежской границе 1826 года // Россия и Норвегия: история и культура. Архангельск, 1992. С. 16–20; *Кристоман Б.Б.* Территориальные споры на северо-западной границе Российской империи в период XIX–начала XX вв.: исторический опыт решения. Архангельск: Помор. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2003; *Ермолаев Д.А.* Приграничные отношения в районе Западного Мурмана во второй половине XIX – начале XX веков. Проблемы границы и колонизации // Вестник «Баренц-Центра» МПГУ. 2006. № 5. С. 45–59; *Зайков К.С.* Пространственные границы Российской Империи на Мурманском побережье в начале XIX в. // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. 2010. № 1 (9). С. 49–72. URL: <http://www.hcpncr.com/journ910/journ910zaykov.html> (Дата обращения: 30.08.2020); *Нильсен Й.П., Зайков К.С.* Норвежско-российское пограничье: от общих округов к Поморской зоне // Арктика и Север. 2012. № 5. С. 71–84; *Зайков К.С., Тамицкий А.М.* Россия и Норвегия – пограничная комиссия 1825 г. Мифы и реальность // Международные отношения на Европейском Севере и в Арктике в первой четверти XX века: исторический опыт и современность: материалы междунар. науч. конф. «Государственная политика по защите национального суверенитета и урегулированию спорных проблем международных отношений на Европейском Севере и в Арктике в первой четверти XX века: исторический опыт и уроки для современности» (Архангельск, 6–10 сентября 2015 г.) / сост. В.И. Голдин, Т.И. Трошина, под общ. ред. В.И. Голдина; Сев. (Аркт.) федер. ун-т им. М.В. Ломоносова. Архангельск: САФУ, 2015. С. 91–97; *Карелин В.А., Зайков К.С.* Проблема саамских сервитутных прав в пограничных отношениях России и Норвегии в начале XX века // Вест. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2016. № 1. С. 32–41; *Зайков К.С., Тамицкий А.М.* Лопарские промыслы в истории российско-норвежского пограничья 1855–1900 гг. // Былые годы. 2017. Т. 45. Вып. 3. С. 915–927; *Рябов С.А.* Российско-норвежская граница: история с топографией. М.: Институт Наследия, 2018. и др.

²² Россия и Норвегия. Многогранные взаимоотношения в приграничье. Сборник научных статей. / Под ред. В.В. Тевлиной, И.В. Рыжковой, У. Врокберга. Мурманск: Изд-во МАГУ, 2020.

²³ *Зайков К.С.* История российско-норвежского пограничья в свете российской и европейской историографии // Россия и страны Северной Европы: физические и символические границы: сборник статей V Киркенесского Международного семинара историков. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2016. С. 75–90; *Зайков К.С.* Российско-норвежское пограничье в зарубежной историографии XX – начала XXI вв. // Арктика и Север. 2018. № 30. С. 60–75; *Зайков К.С.* Российско-норвежское пограничье в отечественной историографии XIX – XXI века // Вест. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2018. № 2. С. 27–39.

²⁴ *Ратке Й.* К истории торговых отношений русского севера с норвежским Финмаркеном. [Б. м., Б. г.]; *Kraft S.* Pomorhandelen på Nord-Norge under 1800-tallets förra hölt. Tromsø–Oslo, 1968; *Paine R.* The Russian Trade in Finmarken // The Norseman. Vol. 16. 1958. P. 73–80; *Ниеми Э.* Поморская торговля глазами норвежцев // Оттар. 1992. № 4 (192). С. 15–23; *Саариниemi П.* Поморская торговля глазами русских // Оттар. 1992. № 4 (192). С. 47–53; *Кристиансен Т.* «Русские губят нас; они лишают нас средств к пропитанию...»: Русско-норвежские отношения на Крайнем Севере до 1820 года // Русский сборник: Исследования по истории России. Т. VIII. М.: МОДЕСТ КОЛЕРОВ, 2010. С. 26–52.

ских авторов²⁵, посвященные этой торговле. Из отечественных авторов наиболее весомый вклад в ее изучение внесла советский и российский историк, этнограф Татьяна Алексеевна Шрадер (Алимова)²⁶.

О мнимой «русской угрозе» Норвегии вообще и Финнмарку в особенности, о захвате которого российские власти будто бы мечтали десятилетиями, много писал норвежский историк – профессор Йенс Петтер Нильсен (Jens Petter Nielsen). Заслуга его в том, что, подробно рассмотрев различные аспекты этой «угрозы» в исторической ретроспективе, он пришел к однозначному выводу о том, что данная угроза – английский пропагандистский продукт первой половины XIX в., ставший популярным в Скандинавии, и что в реальности в России «захват» Финнмарка никогда и никем не рассматривался даже гипотетически²⁷.

²⁵ Репневский А.В. Мифы и реалии поморской торговли // М.В. Ломоносов и национальное наследие России. Тезисы докладов международной научной конференции. Архангельск, 1996. С.129–132; Репневский А.В. Историческая судьба поморской торговли и день сегодняшний // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2004. С. 138–145; Красавцев Л.Б. Правовые аспекты поморской торговли с Норвегией в XIX в. // Архангельск и северные страны конца XVI – начала XX веков: Избранные доклады. Архангельск, 1999. С. 50–58; Карелин В.А. Российская торговля с Норвегией накануне Первой мировой войны в «зеркале статистики» и экспертных оценок современников // XVI Конференция по изучению скандинавских стран и Финляндии. 9–12 сентября 2008 г.: Материалы конференции в 2-х частях. Ч. 1. М.–Архангельск, 2008. С. 9–12; Пересадило Р.В. Российско-норвежские экономические отношения на русском Севере (конец XVII – начало XX вв.) // Материалы Шестой ежегодной научной конференции (14–16 апреля 2004 г.) Под ред. В. Н. Барышникова. СПб, 2005. С. 100–114; Порцель А.К. Российско-норвежская морская торговля на Кольском Севере в 1914–1920 гг. // Новейшая история России. 2011. № 2. С. 80–89; Семушин Д.Л. Подвижная идентичность. Русские поморы XIX века // URL: <https://goarctic.ru/korennye-narody-severa/podvizhnaya-identichnost-russkie-pomor-y-xix-veka/>; <https://goarctic.ru/korennye-narody-severa/podvizhnaya-identichnost-russkie-pomor-y-xix-veka-chast-ii/> (дата обращения: 07.04.2025); Семушин Д.Л. «Поморская торговля» и «русские поморы» с точки зрения российского государственного законодательства XIX века // Арктика и Север. 2014. № 15. С. 125–146 и др.

²⁶ Алимова Т.А. Русская крестьянская торговля с северной Норвегией (Первое десятилетие XIX века) // Скандинавский сборник. Т. XXII. 1977. С. 45–54; Алимова Т.А. О торговле русских поморов в Северной Норвегии на рубеже XVIII – XIX вв. // Скандинавский сборник. Т. XXVI. 1981. С. 73–83; Шрадер Т.А. Торговые связи русского Поморья с Северной Норвегией, конец XVIII – начало XIX веков : диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.02. Л., 1985; Шрадер (Алимова) Т. С торгом в Норвегии // Следопыт Севера. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1986. С. 193–204; Schrader T.A. Pomor Trade with Norway // Acta Borealia. 1988. № 1/2. P. 111–118; Shrader T.A. Across the Borders: the Pomor Trade // Russia-Norway: Physical and Symbolic Borders. Ed. T. N. Jackson and J. P. Nielsen. Moscow, 2005. P. 105–115; Шрадер Т.А. С торгом в Норвегии (Поморская торговля как фактор взаимовлияния культур) // Скандинавские чтения 2008 года / Сост. Т.А. Шрадер. СПб. МАЭ РАН; 2010. С. 256–273 и др.

²⁷ Nielsen J.P. Ønsket tsaren seg en istfri havn i nord // Historisk tidsskrift. 1991. № 4. S. 604–621; Nielsen J.P. Russisk fare mot Nord-Norge? // Ottar. 1992. № 4 (192). S. 33–40; Нильсен Й.П. Миф о «русской угрозе» Северной Норвегии // Слово о людях и земле Поморской. Тезисы докладов III научно-краеведческих чтений «Слово о людях и земле Поморской» / Под ред. А.В. Репневского. Архангельск: Изд-во Поморского педуниверситета, 1995. С.77–86; Нильсен Й.П. Старая Россия и новая Норвегия (1905–1917): соседство без страха? // Страх и ожидания. Россия и Норвегия в XX веке / Под ред. В.И. Голдина, Й.П. Нильсена. Архангельск: Изд-во Поморского госуниверситета им. М.В. Ломоносова, 1997. С. 6–28; Нильсен Й.П., Байль Б. «Призрак русского нашествия». Записка вице-консула в Хаммерфесте (Северная Норвегия) Е. Попова в Российскую миссию в Стокгольме. 1902 г. // Исторический архив. 1999. № 2. С. 139–156; Нильсен Й.П. «Русская угроза» на севере Европы и Ноябрьский договор 1855 года // Российская история. 2009. № 3. С. 84–89.

О мнимой «русской угрозе» Финнмарку писали и в России, в т.ч. и автор настоящей книги²⁸.

Настоящая книга не претендует на то, чтобы охватить всю тематику жизни и деятельности россиян в Норвегии в XIX – начале XX веков. В ней подробно рассматриваются лишь те аспекты, которые ранее были малоизвестны или вообще неизвестны специалистам, как в России, так и за рубежом. Эти новые аспекты истории российско-норвежских отношений были мною выявлены, исследованы и представлены в докладах на конференциях в Архангельске, Мурманске, Санкт-Петербурге, а также в Норвегии. Большинство из них, но не все, были опубликованы в статьях в 2000-х–2010-х годах в малотиражных сборниках и журналах, тексты которых еще не все размещены в Интернете и потому труднодоступны заинтересованным читателям. Теперь же материал этих статей в переработанном виде впервые сведен под одну обложку и представлен в девяти главах данной книги. В этом смысле книга отличается определенной новизной.

Цель исследования: изучение российского опыта международных отношений на региональном уровне, обусловленного хозяйственной и иной деятельностью россиян на приграничных с Россией норвежских территориях в XIX – начала XX вв.

Задачи исследования:

– рассмотреть на конкретных примерах деятельность россиян в Финнмарке, связанную с рыболовством, обратив особое внимание на сему́жьи промыслы российских саамов как с точки зрения их пра-

²⁸ Аселиус Г. Зеркало «русской угрозы» // Родина. 1997. № 10. С. 108–112; Давыдов Р.А. Миф о «русской угрозе» для Северной Норвегии: историко-культурный феномен // Экологические проблемы Севера: Материалы докладов молодежной научной конференции (11–13 марта 2008 г.) / Отв. ред. чл.-корр РАН Ф.Н. Юдахин. Архангельск, 2008. С. 228–231; Давыдов Р.А. Миф о русской угрозе Северной Норвегии и его влияние на мероприятия властей Российской империи в Евро-Арктическом регионе (вторая половина XIX – начало XX в.) // Империи и империализм нового и новейшего времени: Сборник статей. СПб: Исторический факультет СПбГУ, 2009. С. 356–361; Давыдов Р.А. Народные волнения в Северной Норвегии, слухи о русской угрозе и... массовой измене норвежцев в пользу России (по донесениям русского консула О. Визеля лета 1903 г.) // Живущие на Севере: Альманах. Вып. 1. Мурманск, 2010. С. 79–86; Орехова Е.А., Давыдов Р.А. «Разбойники» на Мурмане и их «жертвы», норвежцы: еще один аспект старого мифа о русской угрозе Норвегии? // In the North, the East and West meet. Festschrift for Jens Petter Nielsen / Kari Aga Myklebost and Stian Bones (eds.). Orkana Academisk, 2019. P. 283–297; Касиян А.С. «Русская угроза» Норвегии: происхождение, эволюция и интерпретация мифа // Вестник Баренц-Центра МГПУ. Вып. 7. Мурманск, 2008. С. 31–42; Касиян А.С. Проблема «русской угрозы» Норвегии (XIX – начало XX в.) в освещении зарубежной историографии и отечественных источников // История. 2011. Вып. 5. Т. 2. URL: <https://history.jes.su/s207987840000114-4-2/> (дата обращения: 22.04.2025); Зарецкая О.В., Топтунов А.А. Трансформация представлений о «русской угрозе» в Швеции и Норвегии накануне Первой мировой войны // Мурманск в истории российской государственности. Сборник докладов международной научно-практической конференции (Мурманск: 22–23 сентября 2016 года). Екатеринбург: Издательский дом «Сократ», 2016. С. 24–29; Топтунов А.А., Зарецкая О.В. Миф о «русской угрозе» в Швеции и Норвегии: особенности формирования и трансформации в начале XIX в. // История. 2018. № 10 (74). URL: <https://history.jes.su/s207987840002191-9-1/> (дата обращения: 22.04.2025).

вового регулирования, так и организации их. Также рассмотреть конфликтные взаимоотношения норвежских рыбаков с норвежскими китобоями в контексте норвежской экспансии в т.н. «восточные льды» и спекуляций на тему «русской угрозы» Финнмарку;

- охарактеризовать особенности русской торговли (т.н. «поморской торговли») с Финнмарком в военное время – в эпоху Наполеоновских войн, Крымской и Первой мировой войн – на примерах участия в ней отдельных судов, их шкиперов и владельцев;

- рассмотреть отдельные аспекты российско-норвежских отношений в Финнмарке, имеющие отношение к религии и церкви: описать деятельность католической «Полярной миссии», организованной в Финнмарке русским эмигрантом С.С. Джунковским в середине 1850-х – 1860-х гг. и многолетние перипетии, связанные с попыткой строительства православного храма в Финнмарке в 1880-х – 1890-х гг.

Методология исследования:

В основу исследования положен наиболее универсальный, гибкий и доступный историко-генетический метод, суть которого состоит в последовательном раскрытии изучаемой реальности в процессе ее исторического движения. Данный метод является аналитически-индуктивным по своей логической природе и описательным по форме выражения информации. Его практическое применение позволяет показать причинно-следственные связи и закономерности исторического развития в их непосредственности, а конкретные исторические события и личности охарактеризовать в их индивидуальности и образности²⁹. Естественными следствиями использования историко-генетического метода являются описательность книги и ее очерковый характер.

Описательность оправдывается необходимостью введения в научный оборот большого количества архивных источников. Я солидарен с мнением российского историка и популяризатора российской истории С.Ф. Платонова, который во введении к своему «Полному курсу лекций по Русской истории» сделал наблюдение, не утратившее своей актуальности в отношении предмета настоящего исследования: «Состояние русской историографии до сих пор таково, что иногда налагает на русского историка обязанность просто собирать факты и давать им первоначальную научную обработку»³⁰.

Очерковый характер данной книги (при наличии, однако, единого объекта и предмета исследования, что свойственно для монографии) обусловлен в значительной мере отсутствием желания ее автора подробно повторять то, что уже ранее было опубликовано и, в той или иной степени, известно специалистам. И, наоборот, – желанием подробно описать процессы, события, на которые ранее мало обращали внимания,

²⁹ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987. С. 170–171.

³⁰ Платонов С.Ф. Лекции по русской истории, читанные в 1898–99 учебном году на Высших Женских Курсах, в Императорском С.-Петербургском университете и в Военно-Юридической Академии. Вып. I. СПб., 1899. С. 4.

но которые значимы для понимания исторического опыта российского присутствия в Норвегии в целом.

Использованные источники.

До сих пор значительный объем документов, характеризующих деятельность россиян на севере Норвегии в XIX – начале XX вв., не систематизирован и не издан. Сборники архивных документов по истории российско-норвежских отношений XIX – начала XX вв. лишь начинают издаваться³¹.

В основу настоящей книги положены преимущественно т.н. «первичные» источники – в большинстве своем ранее не опубликованные и не введенные в научный оборот материалы официального делопроизводства из фондов Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ), Государственного архива Архангельской области (ГААО) и, отчасти, других архивов, в которых довелось поработать автору.

В АВПРИ объемный фонд 155 – II Департамент (Департамент внутренних сношений) МИД России³² – содержит сравнительно компактную группу дел (55 ед. хр.) за 1853–1917 гг., тематически объединенных в описи 445 «Север». В делах, помимо переписки чиновников департамента с российскими дипломатами в Швеции и Норвегии, сохранились подлинные письма в МИД из других министерств и ведомств России, относящиеся к «Северу». Наличие данной корреспонденции вместе с ответами (отпусками) на нее из МИДа существенно облегчает восприятие предмета исследования.

В ГААО нет ни фонда, ни описи, куда были бы сведены все дела, касающиеся российско-норвежских отношений. Это представляет известную сложность для исследователей данной темы. Большая часть дел, имеющих отношение к российско-норвежским отношениям и, особенно, пребыванию жителей Архангельской губернии на севере Норвегии, находятся в фондах: 1 – Канцелярия архангельского губернатора; 2 – Канцелярия архангельского военного губернатора и 4 – Архангельское губернское правление.

Материалы официального делопроизводства, сохранившиеся в АВПРИ, ГААО и других архивах взаимно дополняют и частично дублируют друг друга (например, если оригинал документа хранится в АВПРИ, в ГААО есть его копия и наоборот).

³¹ См., например: «Старая» Россия и «новая» Норвегия...

³² Департамент внутренних сношений МИД России был учрежден в 1832 г., переименован во II Департамент в 1897 г. К его компетенции относились: охрана прав и интересов российской торговли и мореплавания за границей; дела о юридических отношениях российских граждан за границей и иностранцев в России; переписка о российских гражданах, пребывающих за границей и об иностранцах, находящихся в России. Кроме того, для заинтересованных ведомств собиралась информация по тем или иным конкретным вопросам, осуществлялся перевод официальных документов и т.д. Штат департамента, по состоянию на 1868 г., состоял из 32 чиновников (директор, вице-директор, 14 делопроизводителей и 16 переводчиков). Подробнее см.: Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802–2002: В 3 т. Т. 1. 860–1917 гг. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 391–393.

Практическая значимость работы.

Работа в целом и отдельные ее главы, выводы к ним могут быть востребованы российскими и зарубежными историками при подготовке обобщающих работ, справочных изданий по истории международных и, особенно, российско-норвежских отношений; истории международного права XIX – начала XX вв.

Результаты исследования могут быть использованы в учебном процессе, при подготовке лекционных курсов по российской и всеобщей истории, учебной и учебно-методической литературы. Основное содержание работы может быть интересно работникам культуры, сотрудникам музеев при организации экспозиций по арктической тематике. Материалы работы могут быть востребованы российскими политиками и общественными деятелями регионального и федерального уровней при реализации государственной политики, социальных, историко-культурных программ и мероприятий.

Даты, указанные в тексте книги, приводятся по юлианскому календарю или «по старому стилю», как во всех подлинных русских документах, сохранившихся в архивах. Рядом в скобках могут указываться даты по привычному для нас григорианскому календарю или «по новому стилю». Например, так: 25 октября (7 ноября) 1917 г. Не следует забывать, что в XIX в. разница между датами календарей составляла 12 дней, а в XX и XXI вв. составляла и составляет 13 дней³³.

Географические названия в авторском тексте даются в основном в современной русской орфографии; при цитировании – как в оригинале. Например, название норвежского города Hammerfest в русских документах и литературе XIX – начала XX вв. указывалось как Гамерфест; а в современной орфографии он – Хаммерфест (см. таблицу на с.14).

Еще один нюанс. В отечественной литературе, архивных документах вместо громоздкой формулировки «соединенные королевства Швеции и Норвегии» и короткой «Швеция–Норвегия» нередко встречается словосочетание «Шведско-Норвежское королевство». Последнее не совсем верно: в период 1814–1905 гг. было не одно, а два королевства с одним общим королем. Норвегия была «свободным, независимым и неделимым королевством, соединенным с Швецией в лице общего короля» (именно такая формулировка была принята норвежским парламентом – стортингом – 4 ноября 1814 г.). Норвегия в данный период обладала значительной автономией. Суверенитет Норвегии был ограничен главным образом в возможности проводить самостоятельную, независимую от Швеции, внешнюю политику.

³³ Если точнее, то с 18 февраля (1 марта) 1800 г. по 16 февраля (28 февраля) 1900 г. разница между датами юлианского и григорианского календарей – 12 дней; с 17 февраля (1 марта) 1900 г. по 15 (28) февраля 2100 г. – 13 дней. Причина разницы в том, что в юлианском календаре 1800 и 1900 года являются високосными, т.е. содержат в феврале по 29 дней, а в григорианском календаре эти годы високосными не являются и содержат в феврале лишь 28 дней. Подробнее см.: *Селешников С.И.* История календаря и хронология / Под ред. П.Г. Куликовского. М.: Наука, 1970. С. 70–71.

Географические названия, упоминаемые в книге, с различными вариантами их написания

Названия, используемые в Норвегии в настоящее время	Названия, использовавшиеся в Российской империи (в скобках, курсивом – неофициальные названия, использовавшиеся русскими поморами) в XIX – начале XX вв.	Названия, использовавшиеся в СССР и используемые в Российской Федерации
Båtsfjord	Ботсфьорд	Ботсфьорд
Berlevåg	Берлевог	Берлевог
Christiania, Kristiania *	Христиания	Христиания, Кристиания
Kiberg	Киберг (<i>Бирка, под Биркой, Киберка</i>)	Киберг
Kirkenes	Киркенес	Киркенес
Finnmark (устар. – Finmarken)	Финмаркен	Финнмарк
Gamvik	Гамвик (<i>Генвик</i>)	Гамвик
Jakobselva	Ворьема	Ворьема, Гренсе-Якобсэльв, Якобсэльв
Jarfjorden	Ровдина губа (<i>Ровдинка</i>)	Ярфьорд, Яр-фьорд
Hammerfest	Гамерфест, Гаммерфест	Хаммерфест
Mehamn, Mehavn**	Мегавн	Мехамн, Мехавн
Neidenelva	Нявдема	Нейден
Pasvikelva	Паз, Пазрека, Паз-река	Пасвикэльв, Патсойоки, Паатсойоки, Паатсо-Йоки
Tromsø***	Тромсэ, Тромзен, Тромсен, Тромсин	Тромсе, Тромсё
Vadsø***	Вадзое, Вадсё, Вадсе, Вадс-э (<i>Васин, Васино</i>)	Вадсе, Вадсё
Vardø***	Вардое, Вардё, Вардо, Вардэ, Вард-э (<i>Варгав, Варгаев</i>)	Варде, Вардё
Vardøhus****	Вардехуз, Вардехус, Вардгауз, Вардгроуз, Вардэ-Хус	Вардехус, Вардёхус,

* С 1624 по 1877 гг. – Christiania (Христиания), с 1877 по 1925 гг. – Kristiania (Кристиания). С 1925 г. – Oslo (Осло) – столица и крупнейший город Норвегии.

** В современной норвежской орфографии – Mehamn или, если речь идет о гавани, – Mehavn; в современной русской орфографии соответственно – Мехамн, Мехавн. В источниках зачастую указывается гавань, и, вместе с этим, имеется в виду расположенный вблизи нее населенный пункт. Более того, в отечественных источниках из-за незначительности расстояний (особенно по российским меркам), гавань Мехавн и поселок Мехамн могли отождествляться с муниципальным образованием Гамвик (Gamvik kommune), административным центром которой поселок Мехамн и являлся. Гамвик входит в состав губернии Финнмарк (Finnmark fulke).

*** Фонетически точнее писать по-русски названия норвежских городов Вардё, Вадсё, Тромсё с буквой «ё» на конце слова. Но в русском языке «ё» всегда ударная гласная. А на норвежском языке в названии этих населенных пунктов ударение приходится на первый слог. Кроме того, в публикациях на русском языке «ё» зачастую печатается как «е». Поэтому в современных публикациях можно видеть варианты написания как с «ё», так и с «е».

**** Vardøhus festning – крепость в городе Vardø. В отечественных источниках XIX – начала XX вв. иногда словом Vardøhus могли обозначаться и город и крепость одновременно.

Глава 1

Российские саамы и их промысел сёмги в Финнмарке во второй половине 1820-х – 1910-е гг.

Саамы, саами – коренной народ Северной Европы. В Скандинавии их называли *lappa*, *lapper* и др., в России – лопью, лопарями. Отсюда и название края, населенного лопарями – Лапландия. Территории, относящиеся к Лапландии, расположены за Полярным кругом и находятся в настоящее время под суверенитетом Норвегии, Швеции, Финляндии и России. Лапландия никогда не была единым государством в современном смысле этого слова; населявшие ее жители могли платить подати нередко двум и даже трем монархам одновременно (т.н. «двоеданные» и «троеданные» лопари) – до делимитации и демаркации границ между государствами на севере Скандинавии в 1825–1826 гг.

Хозяйству и быту саамов, в российских дореволюционных источниках и литературе называемых лопарями, посвящено немало публикаций³⁴. В контексте нашего интереса к российско-норвежским отношениям и деятельности российских подданных в Финнмарке, мы рассмотрим лишь вопросы, относящиеся промыслам российских саамов.

Деятельность саамов на сопредельных территориях России и Норвегии в XIX – начале XX вв. неоднократно становилась объектом внимания министерств иностранных дел Российской империи и властей Швеции и Норвегии. Конфликтам и жалобам по мелочным, казалось бы, поводам (о том, где должны пастись олени, кому и где можно заготавливать дрова, какой семье принадлежит та или иная семужья тоня и т.п.) обе стороны уделяли внимание. Хозяйственные и бытовые споры между саамскими семьями приобретали политическую окраску и порождали длительную переписку: ведь речь шла о «притеснениях» российских подданных подданными иностранного государства (или наоборот). Собственно, такого рода конфликты стали одними из формальных поводов к установлению государственной границы между Россией и Норвегией в 1826 г.

³⁴ Саамская библиография: литература на русском и саамском языках (1776–1996). Мурманск, 2005.

Russiske „Skoltelapper“.

Илл. 1.1. Российские саамы-сколты.

Friis J.A. En Sommer i Finmarken, Russisk Lapland og Nordkarelen. Christiania: Forlagt af Alb. Cammermeyer, 1880.

Саамы-сколты (сколты, колтты) или восточные саамы вели кочевой образ жизни, занимаясь охотой, рыболовством, оленеводством на сопредельных территориях Российской империи – в Архангельской губернии и в Великом княжестве Финляндском, а также на севере Норвегии. Благодаря деятельности в середине XVI в. преподобного Трифона Печенгского и, позднее, других православных священнослужителей, среди саамов-сколтов была распространена православная вера. В рассматриваемый временной период на территории Норвегии язык и вера православных саамов официально и жестко притеснялись властями в рамках политики т.н. «норвегизации саамов» (*fornorskingen av samene*), целью которой была ассимиляция их в этнически и культурно однородную норвежскую нацию.

Настоящая глава посвящена преимущественно политическим и правовым аспектам международных отношений, связанных с ведением в Норвегии семузьего промысла российскими саамами (лопарями) в 1820-х–1910-х гг.

1.1. «Приличнейшее решение» комиссаров: разграничение России и Норвегии в 1825–1826 гг.

В феврале 1822 г. кольский исправник Постников доложил архангельскому генерал-губернатору о результатах поездки по Мотовскому, Печенгскому, Пазрецкому погостам. В своем письменном донесении он, в частности, сообщил, что обнаружил в этих местностях новые поселения саамов, обитатели которых при беседе с ним называли себя «одни шведами, другие норвежцами». Российские саамы пожаловались Постникову, что пришельцы притесняют их, обивая мох на их традиционных пастбищах стадами своих оленей. Кроме того, солдаты из крепости в Вардё регулярно совершали порубки леса на участках российских подданных – пазрецких лопарей, вывозя ежегодно с них до 100 кубических сажень дров.

Собранные исправником сведения генерал-губернатор Алексей Федотович Клокачев изложил в письме министру внутренних дел, в котором просил его обратиться через МИД к шведско-норвежскому правительству с просьбой запретить «своим жителям въезд в российские пределы»³⁵.

Шведско-норвежские власти явно не желали заниматься решением возникших конкретных проблем. Да и претензии российской стороны опровергнуть было довольно трудно: зависимость Вардё от поставок дров с русских территорий являлась общеизвестной³⁶. Шведский посланник при российском дворе постарался представить спорное дело малозначительным и ничтожным. Император Александр «по благости и великодушию уважил ходатайства о прибрежных бедных жителях Норвегии» (в число которых, надо полагать, попал и весь гарнизон крепости в Вардё!) и разрешил им и впредь заготавливать дрова в пограничных российских погостах³⁷.

Император Александр I с легкостью пошел на уступки и, видя это, в Швеции решили наконец-то решить старую проблему разграничения Лапландии. Переписка по жалобе российских лопарей оказалась для этого удобным поводом приступить к определению границ в Лапландии «для предупреждения дальнейших несогласий между пограничными линиями и чиновниками»³⁸.

Надо заметить, что норвежская сторона понимала «хрупкость» своих аргументов³⁹. Еще в XVI веке преподобным Трифоном был основан здесь православный Печенгский монастырь. Жалованной грамотой царя

³⁵ ГААО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1010. Л. 20; Козмин К. К вопросу о русско-норвежской границе // Известия АОИРС. 1913. № 17. С. 769.

³⁶ Нильсен Й.П. Хорошие соседи. Норвежцы и русские на Севере. 1826–1917. Осло, 1992. С. 9.

³⁷ ГААО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1010. Л. 20.

³⁸ Козмин К. К вопросу о русско-норвежской границе...// Известия АОИРС. 1913. № 17. С. 769.

³⁹ Нильсен Й.П. Хорошие соседи... С. 9.

Ивана Грозного в 1557 году монастырю было пожаловано «на пропитание в вотчину» морские губы: Мотовская, Пазрецкая и Нявдемская⁴⁰. Однако, шведско-норвежские власти, уклоняясь от «исторического рассмотрения предмета», приступили к обсуждению с российской стороной чисто организационных работ по разграничению двух государств.

Дальнейшее развитие событий можно объяснить только полным равнодушием в Санкт-Петербурге к северным окраинам империи.

Хотя архангельскому генерал-губернатору Степану Ивановичу Миницкому и было поручено «собрать на месте сведения», которые бы дали возможность «судить о важности спорного участка земли»⁴¹, но сбор этих сведений не оказал никакого воздействия на дальнейший ход событий. С.И. Миницкий на запрос управляющего Министерством иностранных дел в 1824 г. однозначно отвечал, что территории, неожиданно ставшие спорными, принадлежат России и давал понять, что хотя ценность данных земель определяется не стратегическими, а лишь хозяйственными соображениями, передавать их другой стране нецелесообразно⁴².

Вопросами внешней политики России с 1816 по 1856 гг. (40 лет!) занимался граф Карл Васильевич Нессельроде (Karl Robert Reichsgraf von Nesselrode-Ehreshoven) – одиозная фигура высшей бюрократии империи. Отечественные историки и публицисты, еще с XIX в. давали ему и его деятельности во многом различные оценки, преимущественно нелестные. Утверждали, например, что Карл Нессельроде будто бы за всю жизнь так и не выучился без ошибок говорить по-русски и не стремился к этому, в переписке и в своем круге общения вполне обходясь без русского языка. Сплетничали об его родовитом отце, служившем несколькими европейским монархам до того, как он был приближен ко двору российской императрицы Екатерины II; о его матери Луизе Гонтар, происходившей из богатой еврейской семьи. Подозревали, что именно К.В. Нессельроде на протяжении многих лет явно и неявно препятствовал продвижению и закреплению России на Дальнем Востоке и в Русской Америке. Отмечали, что он, с юности находясь под обаянием известного дипломата – министра иностранных дел Австрии Клеменса фон Меттерниха, сам являлся проводником австрийских интересов, а потому позволил Австрии втянуть Россию в военные действия по подавлению Венгерского восстания 1848–1849 годов. В значительной мере на К.В. Нессельроде возлагали вину за то, что в начале 1850-х годов Россия вступила в Крымскую войну не только против Османской империи (как ожидалось), но и, внезапно, против Великобритании и Франции – крупнейших колониальных империй мира того времени. В войну, в которой России победить было невозможно. Будто бы К.В. Нессельроде

⁴⁰ Никольский В.Н. На русско-норвежской границе // Известия АОИРС. 1914. № 6. С. 161–162.

⁴¹ ГААО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1010. Л. 20.

⁴² Чудинов К.А. Конвенция о русско-норвежской границе 1826 года // Россия и Норвегия: история и культура. Архангельск, 1992. С.18.

либо сам неверно оценивал политическую ситуацию в Европе, либо, понимая возможные риски развития событий, не смог или не захотел довести это понимание до императора Николая I.

Обилие резко негативных высказываний о К. Нессельроде, в том числе и от представителей российской аристократии XIX в., поражает своим количеством и хлесткостью формулировок. Министр иностранных дел предстает совершеннейшим до карикатурности злом – «изменником-немцем», близоруким тщедушным карликом, интеллектуальной посредственностью, но при этом вкрадчивым, хитрым и беспринципным пройдохой, любящим лишь «вкусный стол, цветы и деньги». Историки порой даже начинают сомневаться – действительно ли К. Нессельроде был настолько плох и вреден для державы? Не было ли у его многочисленных и родовитых критиков личных мотивов для неприязни к нему? И, если всё написанное ненавистниками его – правда, как же он мог 40 лет управлять внешней политикой Российской империи?⁴³

Изучение обстоятельств и результатов разграничения Лапландии в 1825–1826 гг., увы, не дают оснований для изменения доминирующего негативного представления о К. Нессельроде в лучшую сторону.

...В середине 1820-х гг. карьера Карла Нессельроде была на подъеме. Весной 1825 г. он известил архангельского генерал-губернатора С.И. Миницкого, что предварительная переписка по вопросу о границе закончена, тем самым ясно давая понять, что возражения последнего проигнорированы. Государь император соизволил признать нужным отправить в спорные места начальника главного штаба Его императорского величества Петровского пехотного полка подполковника Галямина и квартирмейстерской части прапорщика Вейкарта, которые бы совместно с иностранными представителями «вошли бы в исследование местного положения земли и приготовили бы все необходимое к разграничению»⁴⁴.

Все делалось в спешке. Валериан Емельянович Галямин с сопровождавшими его лицами прибыл на Мурман в начале лета 1825 г. будучи абсолютно незнакомым с местными условиями. Представителей архангельской губернской администрации не допустили к участию в проверке состояния пограничных территорий. А с кольским исправником, в чьем непосредственном ведении находились предполагаемые

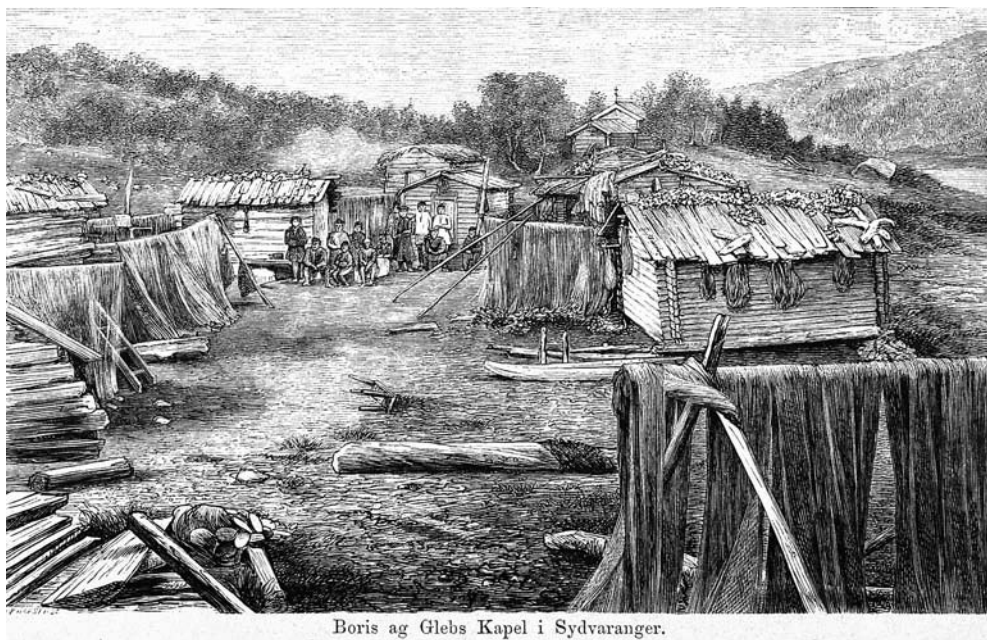
⁴³ Из сравнительно недавних публикаций см., например: *Гребенщикова Г.А.* Карл Роберт Нессельроде: к 230-летию со дня рождения. Штрихи к портрету // *Клио*. 2010. № 2 (49). С. 98–108; *Таньшина Н.П.* Граф К.В. Нессельроде в восприятии современников: причины непопулярности // *Ключевские чтения – 2020. Народ и власть: Материалы международной научной конференции молодых ученых. Сборник научных трудов.* / Отв. ред. В.Е. Воронин. М.: Издательство «Спутник+», 2021. С. 446–455; *Таньшина Н.П.* К.В. Нессельроде и Крымская война: изменник или защитник национальных интересов России? // *Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: Материалы V международной научной конференции (Севастополь, 2–6 июня 2021 г.)* / Отв. ред. В.В. Лебединский; ред.-сост. Н.В. Гинькут, Ю.А. Пронина. М.: ИВ РАН, 2021. С. 273–275; *Таньшина Н.П.* К.В. Нессельроде: Искусство быть дипломатом. СПб.: Евразия, 2021.

⁴⁴ ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3076. Л. 60б.

к отчуждению земли, случился вообще курьез: пригласить-то его пригласили, однако дату его приезда указали по григорианскому календарю, чего исправник предположить не мог и, естественно, опоздал к началу работ комиссаров⁴⁵.

Комиссар, представлявший интересы королевств Швеции и Норвегии, полковник Ю. Шперк⁴⁶ предложил провести границу по реке Паз. Однако В.Е. Галямин заметил, что на западном берегу остается православная церковь Св. мучеников Бориса и Глеба, отдавать которую как-то неудобно. Видимо, заранее предполагая, что такая просьба может быть высказана, шведские комиссары с готовностью согласились оставить России храм и клочок земли вокруг него. Но в обмен они потребовали, чтобы граница далее шла по суше, по восточному берегу до верхнего течения реки Ворьемы⁴⁷, а затем вдоль течения этой реки до впадения в море⁴⁸.

Известно, что в Петербурге сначала не одобрили это решение. Граница была бы значительно точнее, если бы проходила до самого моря по реке Паз. Мнение это довели до сведения шведско-норвежских вла-

Илл. 1.2. Церковь Св.мучеников Бориса и Глеба.

Friis J.A. En Sommer i Finmarken, Russisk Lapland og Nordkarelen. Christiania: Forlagt af Alb. Cammermeyer, 1880.

Церковь с крестом на крыше виднеется в отдалении. Строительство ее связывают с деятельностью преподобного Трифона Печенгского в середине XVI в.

⁴⁵ Козмин К. К вопросу... С. 771.

⁴⁶ Юхан Хенрик Шперк (или Спёрк) – Johan Henrik Spørk.

⁴⁷ Современное норвежское название – Jakobselva; финское – Vuoremijoki.

⁴⁸ Нильсен Й.П. Хорошие соседи... С.8.

Церковь Бориса и Глѣба на Мурманскомъ берегу. (Изъ альбома Е. И. В. Вел. Им. Алексѣя Александровича).
(Съ наброска Ф. Чалѣева, рисов. на дер. Г. Бродницъ, грави. Л. А. Сфракоуъ).

Илл. 1.3. Церковь Св. мучеников Бориса и Глеба на Мурманском берегу.
Из журнала «Всемирная иллюстрация».

стей. Но они упорно стояли на своем, ссылаясь на «добрую волю», проявленную ими в связи с «уступкой» России земли с православной церковью, вероятно, подразумевая, что теперь проявлять «добрую волю» уже очередь России.

Новый российский император Николай I не стал вникать во все тонкости данного пограничного вопроса. Что неудивительно. Восстание декабристов, развернувшееся следствие по их делу, трудности первых месяцев правления и желание избежать возникновения напряженности в отношениях с северными соседями – все это привело к тому, что он согласился со шведско-норвежским предложением⁴⁹.

2 (14) мая 1826 г. в Санкт-Петербурге был заключен трактат⁵⁰ «между его величеством императором всероссийским и его величеством королем шведским и норвежским» «О границах между Россией и Норвегией в Лапландских погостах». Под документом поставили подписи чрезвычайный посланник короля шведского и норвежского барон Николай Фридрих Пальмстиерна (Niels Fredrik Palmstierna) и управляющий Министерством иностранных дел России граф Карл Роберт Нессельрод⁵¹. В тот же год документ был ратифицирован императором Николаем I и королем Карлом Юханом.

⁴⁹ Там же, С.8–9.

⁵⁰ В литературе применительно к данному документу и даже в самом тексте документа одновременно используются термины «трактат» и «конвенция». См.: ПСЗРИ-II. Т. I. С 12 декабря 1825 по 1827. СПб., 1830. № 302. С. 408–412.

⁵¹ В документах и литературе того времени в русской орфографии фамилия часто писалась как «Нессельрод», а не «Нессельроде».

Оставалось провести разграничение государств на местности, посредством установки пограничных знаков. Дело это не требовало отлагательств, так как в пункте 4 конвенции говорилось: «Немедленно после ратификации сей конвенции имеют быть назначены с той и с другой стороны комиссары, которые отправятся в те места для проведения черты разграничения и установления столбов, сию черту означать имеющих»⁵².

В начале лета 1826 г. в Лапландии снова появился подполковник В.Е. Галямин. Прошедшая зима в С.-Петербурге выдалась для него беспокойной: в отношении него проводились следственные действия по делу, связанному с восстанием декабристов; будто бы он даже провел некоторое время под арестом. Пребывание, пусть и временное, под следствием, нисколько не помешало В.Е. Галямину несколько месяцев спустя продолжить миссию по делимитации и демаркации государственной границы империи!

На пограничные территории В.Е. Галямин в 1826 г. не поехал, а остановился в норвежском местечке Вадсё. Пребывание там было для него, конечно, более предпочтительным с точки зрения комфорта, нежели в саамских селениях. Кроме того, для него это был удобный способ избежать каких-либо контактов с местными жителями, которые досаждали ему, пытаясь показать ему старую, «настоящую» границу⁵³. Кольского уездного исправника не забыли, как это случилось годом ранее. Ему предложили организовать работы по изготовлению и установке пограничных столбов. В конце концов, комиссары завершили свой труд «к общему удовольствию обоих правительств»⁵⁴.

Шведские власти ловко использовало в своих целях отсутствие интереса столичных чиновников к северным землям и недостаток знаний по «лапландскому вопросу» у Министерства иностранных дел России. Кроме того, как среди норвежцев, так и, в особенности среди русских широко было распространено мнение, что российского пограничного комиссара его иностранные коллеги попросту подкупили.

Намеки на продажность подполковника В.Е. Галямина встречались во многих дореволюционных публикациях, так или иначе затрагивавших историю русско-норвежского разграничения⁵⁵. Различались только сведения о форме и размерах норвежской взятки. Так, по одной из версий, иностранный «подарок» состоял из 20 лисьих шкур и некоторой суммы денег⁵⁶. По другой версии, Галямин будто бы принял за свою уступчивость от норвежцев «куль червонцев». Но потом, мол, обнаружилось, что золото было только сверху, а под ними – черепки или медные

⁵² Голубцов Н. К истории разграничения России с Норвегией. Архангельск: Издание Архангельского губернского статистического комитета, 1910. С. 24.

⁵³ Козмин К. К вопросу о русско-норвежской границе... С.162.

⁵⁴ ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3076. Л. 1 об.

⁵⁵ Нильсен Й.П. Хорошие соседи... С.7.

⁵⁶ Студитский Ф.Д. О стремлении иностранцев завладеть морскими промыслами на русском северном побережье // Труды СПб императорского Общества для содействия русскому торговому мореходству. 1878. С.244.

монеты. Тут-то, мол, офицер осознал свою глупость, гнусность предательства и повесился, как Иуда. Ходили слухи и о подаренной В.Е. Галямину шведами золотой табакерке с алмазами...⁵⁷

В действительности же В.Е. Галямин не повесился, а сделал карьеру и прожил довольно долгую жизнь. За успешное выполнение возложенного поручения по разграничению Лапландии он был награжден в Швеции орденом и крупной денежной премией⁵⁸. В 1830–1831 гг. участвовал в подавлении польского восстания; в 1832–1838 гг. был директором Императорского фарфорового завода. Умер он в 1855 г. До настоящего времени сохранились акварели, написанные им во время его поездки в Лапландию⁵⁹. И причудливая линия границы между Россией и Норвегией сейчас та же, что и 200 лет назад⁶⁰.

С архангельской губернской администрацией по вопросам разграничения с Норвегией В.Е. Галямин ни в 1825, ни в 1826 годах «ни в какие сношения не входил». Он даже не выслал губернатору карты новой границы⁶¹. Никаких карт в Архангельск не прислали и из российского МИДа. Это было обидно: столичные чиновники далеко не в первый и не в последний раз походя дали понять провинциальным чиновникам их место.

В 1828 г. архангельский гражданский губернатор Иван Яковлевич Бухарин запросил от Кольского земского суда «самых основательных и подробных сведений», полученных из архивных дел и показаний старожилов «о границе между Россией и Норвегией, существовавшей до сего». Он просил узнать: «Сколь далеко простирались российские владения, нет ли признаков самой граничной черты, какое пространство земли отошло по новому разграничению во владение Норвегии и не наносит ли уже самый значащий и нестерпимый вред сие разграничение нашим подданным»⁶². На получение карты от МИДа он, видимо, уже не надеялся.

⁵⁷ *Никольский В.Н.* На русско-норвежской границе... С.163. Вразрез мнению большинства авторов, писавших о российско-норвежском разграничении и склонных в той или иной степени подозревать В. Галямина в получении взятки, исследователь, скрывший свое имя под инициалами «А.П.» на страницах «Архангельских губернских ведомостей» подверг критике такого рода догадки. Он назвал их «столь же недостойными, как и смешными» сплетнями; но не представил аргументов для опровержения их (АГВ. 1877. 21 декабря).

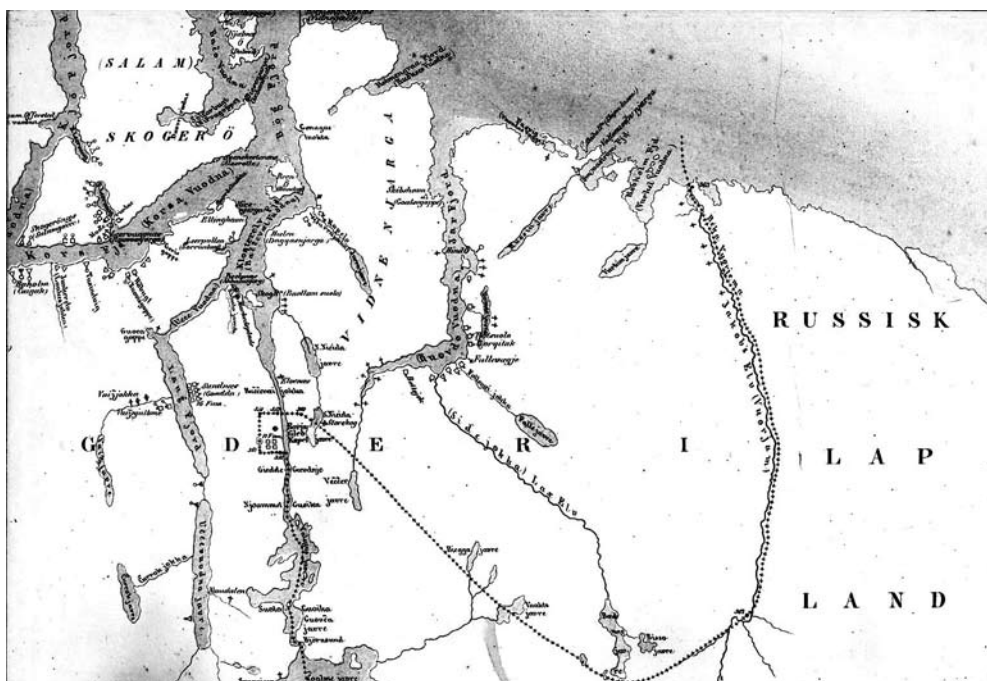
⁵⁸ В 1913 г. К.В. Козмин обращался в Министерство иностранных дел с просьбой разрешить ему «обозреть дело» о разграничении России и Норвегии в 1825–1826 гг., но безрезультатно. Сведения о награждении В.Е. Галямина – единственное, что ему тогда удалось узнать (*Козмин К. К.* Вопрос о русско-норвежской границе... С. 776).

⁵⁹ *Ружникова Е.И.* Виды города Архангельска на акварелях В.Е. Галямина // Мильчик М.И., Попова Л.Д. Первые ворота Российского государства: Очерки градостроительной и архитектурной истории Архангельска и Холмогор. СПб.: Лики России, 2002. С. 202–205.

⁶⁰ Не надо забывать о том, что после получения Финляндией независимости район Печенги (Петсамо) был передан советскими властями Финляндии. У Советской Россией не стало границы с Норвегией, а Финляндия получила выход к Баренцеву морю, т.е. в акваторию Северного Ледовитого океана. По итогам II мировой войны, согласно Парижскому мирному договору (1947 г.), район Печенги (Петсамо) был передан СССР; у СССР снова появилась граница с Норвегией.

⁶¹ ГАО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1010. Л. 21.

⁶² ГАО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3076. Л. 6 об.–7.

Илл. 1.4. Российско-норвежская граница на норвежской «этнографической» карте Финмарка 1861 г. (фрагмент).

Ethnographisk kart over Finmarken. Utgivet af Videnskabselskabet i Christiania, med Bidrag af Oplysnings-væsenets Fond. 1861.

Карта составлена по результатам исследований Йенса Андреаса Фриса (*Jens Andreas Friis*) – норвежского лингвиста, этнографа и писателя, занимавшегося изучением саамских диалектов. Государственная граница с Россией показана линией из близко расположенных друг к другу крестиков. Карта наглядно показывает результаты взаимных «уступок» при делимитации и демаркации границы по реке Паз или Pasvig в 1826 г. Достаточно сравнить размеры прямоугольного участка на западном берегу р. Паз вокруг русской православной церкви Св. мучеников Бориса и Глеба, который шведско-норвежская сторона уступила (!) России, с размерами территории восточнее реки, которую Россия уступила Норвегии.

Когда спустя 20 лет после делимитации границы, в 1845 г., министр внутренних дел потребовал от архангельского губернатора маркиза де-Траверсе назначить из числа архангельских чиновников наблюдателей по возобновлению границы, тот отозвался, что не может это исполнить по совершенному неимению у него документов о границе с Норвегией⁶³. Единственной бумагой был рапорт губернскому правлению кольского исправника о примерных местах установки «граничных столбов с досками» 1826 г.⁶⁴

Иначе говоря, даже через 20 лет после делимитации границы у архангельского военного и у архангельского гражданского губернаторов

⁶³ Голубцов М. К истории разграничения... С.24–25.

⁶⁴ ГААО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 829. Л. 79.

не было официальных карт с показанием государственной границы вверенной их управлению губернии с сопредельным иностранным государством!

1.2. Право «ходить на земли другой державы для звериных и рыбных промыслов»

В соответствие со VII статьей трактата «О границах между Россией и Норвегией в Лапландских погостах», российским и норвежским семьям, пользовавшимся ранее общими лапландскими погостами и поступавшим после их разграничения «под власть того или другого правительства» разрешалось в продолжении шести лет беспрепятственно посещать территории обеих держав для производства рыбной и звериной ловли, «соображаясь однако ж с правилами внутренней полиции и таможенными учреждениями»⁶⁵.

«Если по истечении шестилетнего срока, – говорилось в той же статье, – ничего не будет по сему предмету постановлено вновь, то для коренных тех погостов жителей прекратится право производить на чужой земле рыбные и звериные промыслы»⁶⁶.

По прошествии шести лет с обеих сторон были назначены комиссары для изучения на месте ситуации с промыслами и выработки дальнейших рекомендаций по ее урегулированию. Комиссары, «рассмотрев местные обстоятельства и сообразив нужды обоюдных жителей, согласились между собою о приличнейшем разрешении предоставленного их рассмотрению вопроса» и представили соответствующие донесения своим правительствам.

6 (18) августа 1834 г. в Санкт-Петербурге граф Нессельроде и барон Пальмстиерна подписали Протокол, который получил точно такую же силу, как и подписанная в 1826 г. Конвенция. Протокол отменял право права как российских, так и норвежских лопарей право «ходить на земли другой державы для звериных и рыбных промыслов». Исключение было сделано лишь для российских пазрецких лопарей и их семужих промыслов в северной Норвегии.

«Коренные пазрецкие лопари, – отмечалось в статье 2-й Протокола, – российские подданные, пользовавшиеся с незапамятных времен правом на ловлю семги в водах, принадлежащих ныне Норвегии и имеющие для сего особенные заведения в помянутых водах, будут и впредь пользоваться сим правом в продолжение неопределенного времени. К таковой ловле допускать их на том же основании и в те же времена года, как то делалось прежде. Наконец, ловлю сию производить им в тех же местах, в которых они производили оную доселе, а именно: в устьях Пасвига (или Пазрека) и в Ярф-Орденском заливе (Ровдинская губа)»⁶⁷.

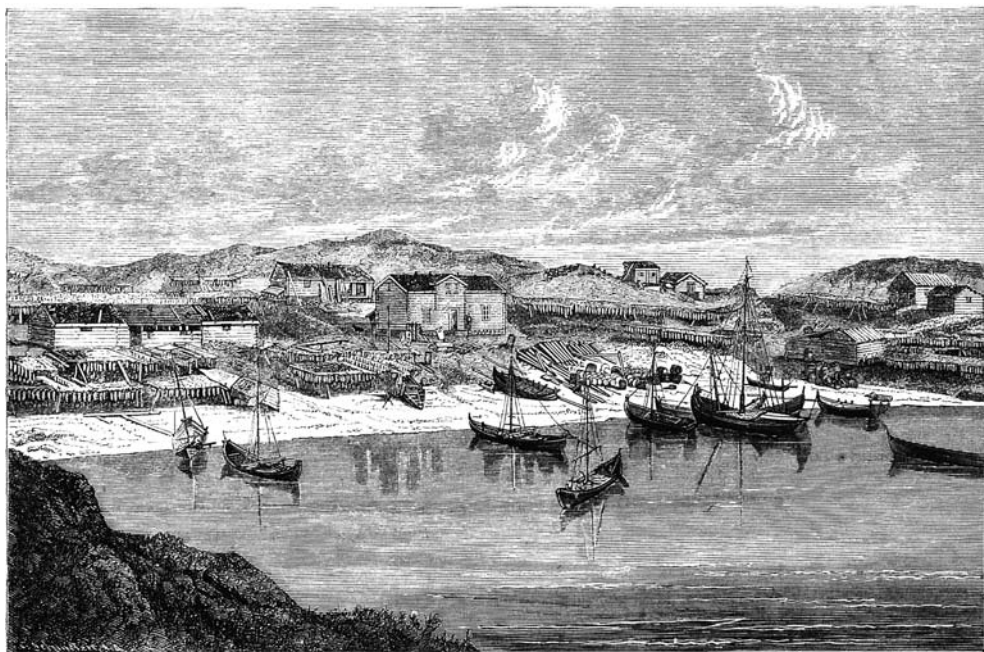
⁶⁵ ГАО. Ф. 71. Оп. 4. Д. 692. Л. 20; ПСЗРИ-II. Т. I. С 12 декабря 1825 по 1827. СПб., 1830. № 302. С. 410.

⁶⁶ ПСЗРИ-II. Т. I. С 12 декабря 1825 по 1827. СПб., 1830. № 302. С. 411.

⁶⁷ ГАО. Ф. 71. Оп. 4. Д. 692. Л. 20об.-21.

Для предупреждения возможных злоупотреблений кольскому начальству вменялось в обязанность каждые 3 года «доставлять Ост-Финмаркенскому начальству список пазрецких лопарей». Кроме того, каждый из них, отправляясь на промысел семги, должен был иметь выданное местным начальством специальное свидетельство «с означением в оном имени, отчества и фамилии и удостоверяющее в том, что он действительно коренной пазрецкий житель» и быть готовым предъявить его всякий раз, когда это от него потребуется⁶⁸.

Свидетельства действительно выдавались Кольским земским судом в 1835 г. Потом выдача их прекратилась, равно как прекратилась и доставка «списков пазрецких лопарей» «Ост-Финмаркенскому начальству».

Pasvig.
Sidste Fiskevær paa den norske Kyst.

Илл. 1.5. Норвежское селение у реки Паз.

Friis J.A. En Sommer i Finmarken, Russisk Lapland og Nordkarelen. Christiania: Forlagt af Alb. Cammermeyer, 1880.

⁶⁸ Там же. Л. 21.

1.3. «Притеснения лопарей» и переписка по этому вопросу

Фактическое прекращение выдачи саамам свидетельств привело к тому, что аккуратно следующие буквы закона норвежские чиновники стали препятствовать им в ведении промысла.

В сентябре 1871 г. пристав 5 стана Кемского уезда Лебедев сообщил уездному исправнику о поступивших к нему «словесных жалобах пазрецких лопарей», а также о результатах своей беседы по ним с норвежским ленсманом⁶⁹ Клерком⁷⁰.

Клерк заметил Лебедеву, что «ныне кольским начальством (...) порядок вовсе не исполняется, почти никто из лопарей не имеет установленных свидетельств, и из Колы вовсе не сообщаются именные списки в Вадсё. Молодое поколение и женщины пазрецких лопарей встречают иногда затруднения в промыслах на водах норвежских, пока он, ленсман Клерк, не удостоверится в том, что просители принадлежат к коренным лопарям пазрецкого погоста». Клерк уверил Лебедева, что за 17 лет его службы в этой местности он познакомился со всеми коренными пазрецкими жителями и старается без необходимости не стеснять их.

Лебедев еще раз опросил саамов. Они подтвердили все сказанное Клерком, а лопарь Максим Федоров даже показал сохранившееся у него свидетельство более чем тридцатилетней давности, выданное Кольским земским судом 1 марта 1835 г.⁷¹

Проблему удалось решить сравнительно быстро.

Департамент внутренних сношений российского Министерства иностранных дел, в компетенции которого находились охрана прав и интересов российской торговли, мореплавания за границей, а также переписка о российских гражданах, пребывающих за границей⁷², направил письмо начальнику Архангельской губернии. В письме подтверждалось, что Протокол 1834 г. не подвергался никаким изменениям со времени его подписания и «восстановление права на ловлю семги в Норвегии пазрецким лопарям совершенно правильно»⁷³.

⁶⁹ В цитируемых нами российских архивных документах и публикациях XIX в. встречаются разные варианты написания должности норвежского чиновника: «ленсман» (ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 1. Д. 94; Материалы для разработки вопросов, касающихся Севера России. Выпуск первый. Мурман и беломорские порта. СПб., 1881) и «ландсман» (Ухтомский Л. Путевые заметки при обзоре состояния мурманских рыболовных промыслов // Морской сборник. 1874. № 8. Неоф. часть. С. 113–144).

⁷⁰ В российских источниках и литературе фамилия этого человека пишется и как «Клерк» и, реже, «Кларк».

⁷¹ ГААО. Ф. 4. Оп. 14. Т. 1. Д. 94. Л. 2–3об.

⁷² Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802–2002: В 3 т. Т. 1. 860–1917 гг. – М. ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 393; Путеводитель по фондам Архива внешней политики России. В IV частях. Ч. II. Центральные учреждения Министерства иностранных дел России (XIX – начало XX в.). М., 1989. С. 36.

⁷³ ГААО. Ф. 4. Оп. 14. Т. 1. Д. 94. Л. 16–16об.

В январе 1872 г. Архангельское губернское правление постановило: «Для восстановления в настоящем случае прав лопарей необходимо восстановить порядок, указанный в постановлении, состоявшемся в 1834 г. с Высочайшего соизволения между Министерством иностранных дел и шведским посланником, и в этих видах препроводить в Кольское полицейское управление копию с этого постановления, предписать ему, приведя в известность коренных пазрецких лопарей, имеющих право на лов семги в норвежских водах, список этим лопарям передать остенфинмаркенскому начальству, с выдачей означенным лопарям свидетельств о личности предьявителя и о том, что он действительно коренной пазрецкий житель»⁷⁴.

1.4. «Англичан интересуе не прибыль, а процесс лова»

В конце 1860-х гг. к семужьим тоням на Паз-реке проявили интерес английские туристы. Упоминания о ведущемся ими семужьем «промысле» мы находим в публикациях путешествующих по Мурману российских чиновников и туристов.

В 1872 г. на шхуне «Полярная звезда» Мурман посетил капитан 1 ранга князь Л.А. Ухтомский. Он побывал в приграничных поселениях по обе стороны от российско-норвежской границы, пообщался с представителями властей. Саамский быт и культура не вызвали у князя никаких положительных эмоций. «Смутные лица этих дикарей» (по отношению к которым он считал вполне уместными определения типа «грязный старик», «чучело» и т.п.) напоминали ему молдаван, а «заунывное» пение вызвало ассоциацию с чем-то персидским.

Проблему притеснения саамов норвежскими властями Л.А. Ухтомский обсуждал все с тем же ленсманом Клерком, к которому он проникся явной симпатией: «Почтенный человек, весьма сведущий и крайне обязательный»⁷⁵. Клерк сказал князю Ухтомскому примерно то же, что годом раньше говорил приставу Лебедеву: все беды происходят от русских чиновников, не выдающих саамам установленных законом билетов, без которых допустить их к промыслам он не имеет права.

Четырех английских туристов и их прислугу Л.А. Ухтомский впервые встретил в компании Клерка, который почти неотлучно сопровождал

⁷⁴ Там же. Л. 17–18.

⁷⁵ Дом Клерка располагался на мысе Эльвенес в устье реки Паз. В хозяйстве Клерка, на момент посещения его князем Ухтомским, были лошадь и четыре коровы, на огороде росли картофель, морковь и репа; в погребе хранилась семга, засоленная «по новому способу»; большой деревянный дом с каменным подвалом отапливался чугунными печами, произведенными в Гамбурге; от дома Клерка в сторону соседней фермы у русско-норвежской границы вело шоссе. Живя «весьма комфортабельно», с большим семейством, Клерк заведовал также и таможенною частью, вел бесплатно метеорологический журнал и отсылал его в Упсалу (Материалы для разработки вопросов, касающихся Севера России... С. 1; Ухтомский Л. Путевые заметки... С. 123–124).

их на рыбной ловле и в доме которого они квартировали. «Общество туристов (англичан – *Р.Д.*) уже 3-й год сряду приезжает сюда и откупает у русских устье реки Пазы, где и ловят семгу⁷⁶. Они покупают это право за 200 рублей⁷⁷ в лето, хотя не выловят и на 30 рублей; они позволяют ловить рыбу и лопарям, но только на удочку (...). Англичане, кроме того, приезжают в Норвегию чтобы иметь оригинальное удовольствие зажечь в полночь увеличительным стеклом сигару. Известно, что летом в северной Норвегии солнце не заходит более 60 дней»⁷⁸.

Восемь лет спустя, в 1880 г., Министерством иностранных дел в норвежскую провинцию Финмаркен и Архангельскую губернию был командирован Д.Н. Островский. В Эльвенесе он встретился с ленсманом Клерком, в доме которого тогда же гостили английские туристы и семья русского священника из церкви Св. мучеников Бориса и Глеба:

«Высокий, мощный, но белый, как лунь, старик Клерк встретил меня на крыльце своего дома. Еще в Вадсэ я познакомился с ним и зафрахтовал его маленький пароходик для объезда колоний, лежащих между границей и Вайдо-губой... Англичане приезжают каждое лето ловить семгу в Паз-реке и доставляют Клерку немалую выгоду. Так как лов семги в Паз-реке особенно обилен у водопада, у церкви Св. мучеников Бориса и Глеба, то англичане сняли тони у наших лопарей за 212 руб. в год по контракту, заключенному на 12 лет, при участии Министерства государственных имуществ и кончающемся в нынешний год. Англичан интересует не прибыль, а процесс лова. Записав в свою книжку меру и вес пойманной рыбы, они отдают последнюю Клерку, который, соблюдая свои интересы, зорко следит за тем, чтобы контракт не нарушался и чтобы никто из лопарей или причта церкви не ловил семги даже для пищи!»⁷⁹

В Норвегии власти, безусловно, обратили внимание на данный прецедент. В России довольно легко согласились на временную передачу англичанам права лова семги на тонях, где промышляли саамы. Это дало норвежцам повод предположить, что русское правительство окажется уступчивым и в случае, если ему предложить выкуп за отказ от права промысла семги российскими саамами в норвежских водах. Были основания думать, что, возможно, даже сами русские выступят с такой инициативой, если создать лопарям невыносимые условия для ведения промысла.

А спортивной рыбалкой англичане продолжали заниматься неподалеку от Борисо-Глебского водопада на Паз-реке и в более позднее время. В.Н. Никольский в своей публикации 1914 г. вскользь упоминает об «англичанах-спортсменах», членах некоего спортивного клуба, который командует их по очереди на семужьи промыслы и платит за это лопарям по 600 руб. в год⁸⁰.

⁷⁶ Точнее – участок у церкви Св. мучеников Бориса и Глеба.

⁷⁷ В других источниках, применительно к 1870-м – 1880-м гг., указывается более точная цифра – 212 рублей.

⁷⁸ *Ухтомский Л.* Путевые заметки... С. 119.

⁷⁹ Материалы для разработки вопросов, касающихся Севера России... С. 2–3.

⁸⁰ *Никольский В.Н.* На русско-норвежской границе... С. 167.

1.5. «Необходимо усилить административный надзор»

Историки Константин Сергеевич Зайков и Александр Михайлович, Тамицкий сравнительно недавно, в 2017 г., ввели в научный оборот документы второй половины 1870-х гг. из дела фонда Канцелярии архангельского губернатора Государственного архива Архангельской области, содержащего переписку по поводу двух инцидентов с участием российских пазрецких лопарей на территории Норвегии⁸¹.

Дела были внешне крайне малозначительными: в одном случае российские пазрецкие саамы были уличены представителями норвежских властей в том, что пасли оленей на норвежской территории; в другом, что убили на норвежской территории двух оленей. За пастьбу оленей норвежцы взыскивали с россиян штраф; виновные в убийстве оленей посажены под арест в Норвегии на тридцать суток. Причем в обоих случаях норвежская сторона не сочла необходимым российскую сторону даже проинформировать о случившемся.

Местные российские власти, узнав о случившемся, сообщили в Архангельск; архангельский губернатор начал переписку с чиновниками российского МИДа. В ходе последующей переписки выяснилось, что норвежские чиновники склонны весьма произвольно интерпретировать в целом недвусмысленные статьи Конвенции 1826 г. и Протокола 6 (18) августа 1834 г.

Статья VIII Конвенции 1826 г., запрещающая пастьбу скота на территории соседнего государства, приписывала: «Всякое нарушение сего запрещения доводиться будет до сведения того начальства, которому подчинен виновный и сей последний, по исследовании дела, подвергнуться денежной пене, соразмерной важности проступка»⁸².

Получалось, что ленсман, представляющий норвежскую власть на приграничных с Россией норвежских территориях, при обнаружении правонарушения, в котором подозревались российские подданные, обязан был уведомить своего русского коллегу – кольского исправника и уже потом провести с ним общее следствие по делу. Норвежские же чиновники, принимая решения в одностороннем порядке, настаивали на расширенной интерпретации статей Протокола 1834 г., дававших норвежским властям полную судебную юрисдикцию над русскими лопарями, пребывающими на территории королевства.

Во Втором департаменте МИД России, однако, обнаружили, что норвежская сторона искусственно манипулирует текстами документов в своих интересах, пытаясь распространить на спорные вопросы, связанные с оленеводством, действие статей, относящихся лишь исключительно к рыболовству. Когда это вскрылось, шведско-норвежская

⁸¹ ГАО. Ф. 1. Оп. 8. Т. 1. Д. 1632а; Зайков К.С., Тамицкий А.М. Лопарские промыслы в истории российско-норвежского пограничья 1855–1900 гг. // Былые годы. 2017. Т. 45. Вып. 3. С. 919–920.

⁸² ГАО. Ф. 1. Оп. 8. Т. 1. Д. 1632а. Л. 4.

сторона в довольно резких выражениях стала угрожать вообще полным пересмотром действующих с Россией соглашений, напоминая при этом, что это стало бы «крайне невыгодно для пазрецких лопарей» и указывая на то, что на пограничных с Норвегией российских территориях полиции просто нет. Мол, с кем же проводить совместные следственные действия?⁸³

Российская сторона воздержалась от дальнейших споров, обнаружив в очередной, далеко не в первый и не последний раз, тот неприятный факт, что не она может на практике обеспечить ни совместных расследований с норвежцами, ни надлежащего контроля хозяйственной деятельности саамов, не говоря уже об охране границы. У местной российской полиции – в заштатном городе Коле, весьма удаленном от границы – для этого не было ни людей, ни времени, ни опыта, ни надлежащих полномочий. До уездного города Кеми были сотни верст по пустынной местности. На приграничной территории со стороны России вообще не было ни одного постоянно находящегося там чиновника!⁸⁴

Глава второго департамента МИД России граф Ф.Р. Остен-Сакен в письме к архангельскому губернатору Н.П. Игнатьеву под грифом «доверительно» заметил, что «прежде чем приступать к каким либо изменениям прежних международных соглашений (...) необходимо было бы усилить административный надзор и власть за территорией и населением нам принадлежащим»⁸⁵.

1.6. «Лопари... должны быть благодарны норвежскому правительству»

В 1882 г. пазрецкие саамы обратили внимание пристава 5 стана Кемского уезда на новый способ «стеснения» их норвежцами. Они пожаловались на уменьшение уловов семги в Паз-реке, что, по их мнению, было обусловлено деятельностью «около Пазрецкого залива в Ровдинской губе» норвежского китобойного завода, с которого «всякая дрянь» выбрасывалась в океан. «Воняет вода, и этим самым сильно вредит приходу семги в губу и реку», – полагали лопари.

Вдополнение к существующему заводу норвежцы в начале 1880-х гг. начали строить в местечке Рене-Сунд еще один. Лопари решили, что с его устройством лов семги в Пазрецком заливе и в Паз-реке окончательно прекратиться, они вынуждены будут «оставить насиженные места, чтоб не умереть с голоду и не лишиться своих оленей». Олени же, думали лопари, будут уничтожены волками, которые расплодятся опять-таки из-за обилия отбросов нового китобойного завода

⁸³ Там же. Л. 9.

⁸⁴ Там же. Л. 9–9об.

⁸⁵ Там же. Л. 15–16 об. Подробнее см.: *Зайков К.С., Тамицкий А.М.* Лопарские промыслы в истории российско-норвежского пограничья 1855–1900 гг. // *Былые годы*. 2017. Т. 45. Вып. 3. С. 919–920.

и в подтверждение этого ссылались на печальный пример зарубежных соседей – лопарей и норвежцев, живущих неподалеку от действующего китобойного завода в Ровдинской губе, у которых не осталось будто бы ни одного оленя⁸⁶.

Пристав сообщил о жалобах кольскому уездному исправнику. Тот, несколько смягчив выражения в рапорте пристава (заменяв «всякую дрянь» на «нечистоты», «вонючую» воду на «зараженную»), изложил проблему уже в своем рапорте, адресованном архангельскому губернатору, приложил план местности и уточнил, что новый норвежский завод строится «в самом Пазрецком заливе, в 100 саженях ниже места, называемого Рене-Сунд, где ловли наших лопарей, против Солдатского острова».

«С открытием действий этого завода, – резюмировал исправник, – ход семги в пролив между Солдатским островом и материком совершенно прекратится; кроме того, вообще семга едва ли пойдет в губу, в зараженную воду; а не пойдет в губу – следовательно, прекратится лов семги не только по губе, но и в реке Пазе, именно в той части, которая у церкви Бориса и Глеба принадлежит России, на расстоянии одной версты, и каковую лопари отдают в аренду ежегодно за 212 руб.»⁸⁷

3 (15) февраля 1883 г. кольский уездный исправник получил ответ из Архангельского губернского по крестьянским делам присутствия от 21 января 1883 за №161, подписанный губернатором П.А. Полторацким⁸⁸. Ответ был совершенным в своем роде образцом воинствующей некомпетентности:

«Вследствие рапорта Вашего Высокоблагородия от 27 октября 1882 г. за № 586 относительно стеснения лопарей Пазрецкого погоста норвежцами в ловле семги в Пазрецкой губе и в реке Пазе, Губернское по крестьянским делам присутствие уведомляет, что в силу VII ст. Трактата, заключенного 2/14 мая 1826 года о проведении границы между Россией и Норвегией, лопари имели право производить промысел рыбы и зверя на норвежской территории только в течение шести лет, а потому Губернское по крестьянским делам Присутствие нашло, что рыболовные тони, которыми пользуются наши лопари в Пазрецкой губе, находятся в пределах Норвегии, и если они до сего времени не отобраны от них, в силу трактата, то в этом случае лопари только должны быть благодарны Норвежскому Правительству, не воспреещающему им в настоящее время производить промыслы в пределах Норвегии. Жаловаться на устройство китобойных заводов, препятствующих промыслу семги на тонях, не принадлежащих вовсе лопарям – они не имеют никакого основания, так как норвежцы на своей территории свободны заниматься всякими промыслами и устраивать заводы, какие они признают необходимыми. Опасение за то, что семга не пойдет в реку Пазу, нахо-

⁸⁶ ГАМО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 73. Л. 1–2.

⁸⁷ Там же. Л. 3–4.

⁸⁸ Действительный статский советник Александр Петрович Полторацкий вступил в должность архангельского губернатора в сентябре 1882 г., а летом 1883 г. уже оставил ее.

дящуюся в наших пределах и состоящую в пользовании лопарей, – гадательно и потому рассмотрению по существу не подлежит»⁸⁹.

Чиновник, который подsunул на подпись губернатору вышеприведенный текст, явно ничего не знал о цитированном нами выше Протоколе от 6 (18) августа 1834 г., разрешавшем коренным пазрецким лопарям – российским подданным, пользовавшимся «с незапамятных времен правом на ловлю семги в водах, принадлежащих ныне Норвегии (...) и впредь пользоваться сим правом в продолжение неопределенного времени»⁹⁰.

Вопрос же о том, в какой степени в действительности было вредным воздействие норвежских заводов на окружающую среду, никто тогда не стал изучать.

1.7. «Определить в натуре и нанести на специальную карту...»

В 1897 г. Российское Министерство иностранных дел сочло возможным воспользоваться предстоящим пребыванием в Вадсё комиссара по проверке русско-норвежской границы, «чтобы определить в натуре и нанести на специальную карту места, занятые ныне и занимавшиеся ранее тонями русских лопарей в означенных норвежских водах». Для определения лопарских тоней консулу В.А. Березникову было поручено провести опрос пазрецких лопарей на российской стороне, а также ознакомиться с делами архива Кольского уездного управления⁹¹. Поскольку шведско-норвежское правительство выразило желание «предварительно произвести исторические изыскания о рыбных ловлях, принадлежащих нашим лопарям», Департамент внутренних сношений российского МИДа направил соответствующие распоряжения архангельскому губернатору, а тот в свою очередь, переслал его чиновнику по крестьянским делам Кольского уезда Таратину⁹².

11 февраля 1898 г. на сходе крестьян Пазрецкого погоста был проведен опрос лопарей «о рыбных ловлях в губах Паз и Ровдины». Согласно данным опроса, лопари считали «своими» в то время 9 тоней в Пазрецкой и 3 тони в Ровдинской губах, утраченными – 2 и 6 тоней соответственно. Были составлены план, указывающий местоположения тоней, их названия на лопарском наречии, и «Ведомость тоней, промышленников и улова пазрецких лопарей в лето 1897 г. в гг. Пазы и Ровдины». Вместе с протоколом опроса Таратин отправил их губернатору. На плане обращают на себя в первую очередь топонимы русского происхождения: так, на Паз-реке были обозначены острова Солдатский и Банный,

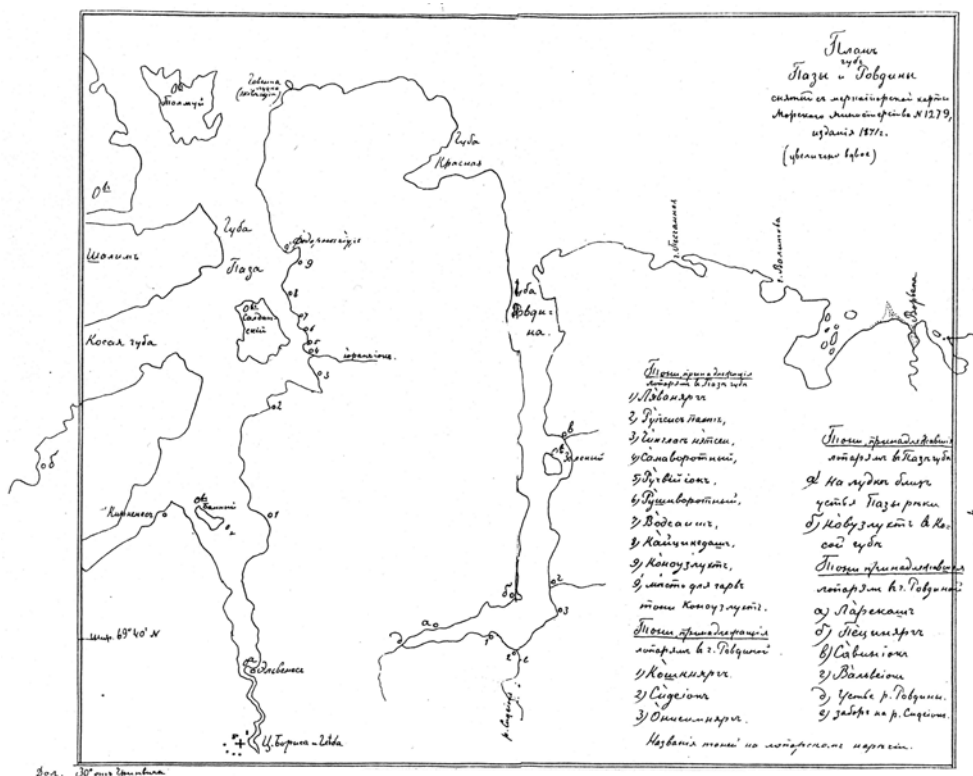
⁸⁹ ГАМО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 73. Л. 5 – 5 об.

⁹⁰ ГААО. Ф. 71. Оп. 4. Д. 692. Л. 20 об.– 21

⁹¹ ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Т. 1. Д. 2234. Л. 1–1об.

⁹² Там же. Л. 6.

причем последний – в непосредственной близости от Киркенеса; один из заливов значился Косой Губой, было и местечко под названием Говенна лудка и др.⁹³

Илл. 1.6. План губ Пазы и Ровдины 1897 г., с показанием местоположения тоней, принадлежавших российским саамам («пазрецким лопарям»), после разграничения 1826 г. оказавшихся на территории Норвегии.

ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Т. 1. Д. 2234. Л. 28об.–29.

Утраченные восемь тоней были попросту заняты норвежцами при разных обстоятельствах. Саамы «беспрекословно удалялись и в спор не вступали»⁹⁴. А в тех местах, где они все-таки продолжали вести промысел, норвежцы, не стесняясь, ставили свои кильноты⁹⁵ между их гарвами и неводами в 10–50 саженьях. Уловы лопарей значительно сократились. Если раньше улов семги в наиболее благоприятное время (с 9 мая по 20 июня) составлял от 7–8 пудов на тоню в «плохие» годы до 20 и более пудов – в «хорошие», то с появлением конкурентов он сократился примерно до 4 пудов с тони⁹⁶.

⁹³ Там же. Л. 28об.–29.

⁹⁴ Там же. Л. 31–31об.

⁹⁵ В документах чаще всего встречаются два варианта написания данных рыболовных снастей – «кильноты» или «киленоты». При цитировании я оставляю орфографию оригинального текста.

⁹⁶ Голубцов Н. К истории разграничения России с Норвегией... С.111.

Всего же, по ведомости за 1897 г., с семи тоней⁹⁷ в губе Паза российские саамы выловили 39 пудов семги на сумму 273 рубля, 843 пуда сайды на сумму 329 рублей, а с трех тоней в губе Ровдина – 26 пудов семги на сумму 78 рублей⁹⁸.

В 1899 г. по соглашению с королевствами Швецией и Норвегией, исследования в местах промыслов были поручены особой международной комиссии, в состав которой со стороны России вошел консул в Финнмарке и назначенный от Военного министерства офицер Генерального штаба. Предполагалась, что комиссия сможет урегулировать пользование российскими саамами тонями в Норвегии. Но между комиссарами возникли разногласия, и всех проблем решить не удалось.

По месторасположению тоней, размеру снастей и расстоянию между комиссарами двух государств не возникло серьезных разногласий. Вместе с тем, шведско-норвежская сторона настаивала на том, чтобы российские лопари отказались от любой хозяйственной деятельности в Норвегии, не предусмотренной соглашением 1834 г., и ловили лишь исключительно семгу. Кроме того, российские лопари, находясь в Норвегии, должны были подчиняться всем местным законам и распоряжениям, и, в частности, воздерживаться от ведения промысла в воскресные дни. Наконец, власти Шведско-Норвежского королевства отказывались вводить какие-либо меры, направленные на ограничение рыболовства своих граждан в местах промыслов российских лопарей⁹⁹.

1.8. «Единогласно и решительно высказались против уступки...»

По мере увеличения численности населения в Финнмарке, его культурного и промышленного роста, лопарский семужий промысел стал подвергаться все большему «стеснению», участились столкновения с оседлыми местными промышленниками, некоторые из тоней, издавна принадлежащих российским саамам, были фактически заняты норвежцами.

Между «убогими» и «примитивными» гарвами, которыми российские саамы промыслили на протяжении столетий, норвежцы стали устанавливать свои кильноты. Саамам ничего другого не оставалось, как вести промысел в те дни недели, когда законопослушные норвежцы не пользовались кильнотами, и постоянно ожидать наказания за это, или же промысливать в то время, когда норвежцы вытаскивали свои кильноты для чистки. В начале XX в. доходы от семужьего промысла

⁹⁷ Алексей Летов и вдова Афанасьева, промысляющие на тоне, называемой «Чингласнэтсен», не присутствовали на сходе и, соответственно, сведений о своих уловах не представили. Дмитрий Летов, занимавший ранее тону «Коноузлукхт», утонул вместе с семьей во время промысла.

⁹⁸ ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Т.1. Д. 2234. Л. 30.

⁹⁹ ГАМО. Ф. 87. Оп. 1. Д. 24. Л. 2 об.–3.

в Норвегии у российских саамов почти сравнялись с расходами на его организацию¹⁰⁰.

Илл. 1.7. Саамы-скотлы на российской стороне пограничной реки Паз (Павсиг). 1902 г.

Фото Вессель Эллисиф Раннвейг (Wessel Ellisif Rannveig).

Varanger museum IKS. Grenselandmuseet Kirkenes. SMU.F000030

URL: <https://digitaltmuseum.no/011012802959/skoltesamer-ved-nordre-ende-av-langvannet-pa-russisk-side-i-pasvik-190> (дата обращения 16.04.2025)

Установление государственной независимости Норвегии в 1905 г., видимо, способствовало повышению активности норвежцев в их стремлении избавиться от ежегодных промыслов в их территориальных водах подданных иностранного государства. В 1906 г. от норвежского правительства последовало предложение начать переговоры о выкупе норвежской стороной прав лопарей на семужьи промыслы в водах Паз-рецкого и Ровдинского заливов.

Министр иностранных дел отношением от 30 ноября 1906 г. за № 14910 просил министра внутренних дел вопрос о семужьей ловле лопарей в северной Норвегии передать для разработки архангельской губернской администрации. Как видно из данного документа, наиболее благоприятным и выгодным разрешением вопроса, в российском МИДе уже тогда считали принятие предложения норвежского правительства о выкупе всех прав лопарей по производству ими семужьего лова в Паз-рецкой и Ровдинской губах: «В политическом отношении, такое разрешение вопроса лопарского представлялось бы выгодным, так как этим

¹⁰⁰ Там же. Л. 15.

Илл. 1.8. Женщина из саами-сколтов у своего дома неподалеку от церкви Св. мучеников Бориса и Глеба. Конец XIX – нач. XX вв.

Фото Вессель Эллисиф Раннвейг (Wessel Ellisif Rannveig).

Varanger museum IKS. Grenselandmuseet Kirkenes. SMU.F001588

URL: <https://digitaltmuseum.no/021018364633/skoltesamekvinne-spinner-pa-handtein-utenfor-sitt-hjem-i-boris-bleb> (дата обращения 16.04.2025)

способом устранялся бы в корне самый повод к постоянным пререканиям между обоими соседними правительствами и к возможному расстройству желательных дружеских отношений между ними»¹⁰¹.

Копию отношения направили архангельскому губернатору с просьбой «подвергнуть этот первостепенной важности вопрос тщательной и всесторонней разработке» и провести опрос заинтересованных в этом деле саамов.

В феврале 1907 г. настоятель Трифонова Печенгского монастыря архимандрит Ионафан, протоиерей Пазрецкого прихода К. Щеколдин и чиновник по крестьянским делам 1 участка Александровского уезда А.А. Мухин опросили пазрецких лопарей. Последние «единогласно и решительно высказались против уступки норвежцам за денежное вознаграждение своих прав на семужьи тони в Пазрецкой и Ровдинской губах и постановили тогда ходатайствовать перед правительством о сохранении за ними и впредь права пользования 12 родовыми семужьими тонями в Пазрецкой и Ровдинских губах». При этом лопари просили избавить их от «стеснений», причиняемых им норвежскими промышленниками, и восстановить сохраненное за ними конвенцией 1826 года, но упущенное в Протоколе 1834 г. «исконное право их лова всякой (кроме семги) морской рыбы, как то: трески, сайды, сельдей и проч. по морскому берегу, начиная с Пазрецкого залива и до р. Ворьемы в удобных

¹⁰¹ ГАМО. Ф. 87. Оп. 1. Д. 24. Л. 3 об.

для промысла местах», где у них прежде были промысловые избушки, уничтоженные норвежцами.

В сущности, все требования российских саамов, от выполнения которых зависело сохранение их промысла, сводились к четырем пунктам:

- 1) предоставление им свободы промыслять иную, кроме семги рыбу,
- 2) разрешение привозить с собой на норвежскую территорию и выпускать на пастьбу овец,
- 3) свободу рубки в норвежских лесах топлива и
- 4) воспрещение норвежским рыбопромышленникам ставить свои снасти (киленоты – ставные сети большой длины) в районе лопарского лова.

Губернатор И.В. Сосновский, признавая необходимым добиться от норвежского правительства осуществления всех перечисленных пожеланий лопарей, сомневался, однако, в возможности получить согласие Норвегии на односторонние уступки. Он предлагал предложить Норвегии компенсацию в виде отказа от права для российских лопарей ловить семгу в Ровдинском заливе, где за ними числились 4 семужьих тони, но которыми они фактически перестали пользоваться»¹⁰².

Заключение И.В. Сосновского и протокол опроса лопарей в октябре 1908 г. были направлены в Департамент общих дел. 18 июня 1910 г. отношением за № 14299 МВД препроводило эти документы в МИД. При этом министр внутренних дел заявил, что всецело поддерживает высказанное камергером Сосновским заключение.

1.9. «Пойти навстречу норвежскому предложению...»

28 марта 1912 г. на имя министра внутренних дел из Второго департамента МИДа было отправлено письмо за №3923, подписанное министром С.Д. Сазоновым. Письмо имело гриф «доверительно»; его копия, отправленная архангельскому губернатору, сохранилась в Государственном архиве Архангельской области. В нем, на наш взгляд, наиболее полно отражена позиция по отношению к семужьим промыслам российских лопарей в Норвегии, которую занимало Министерство иностранных дел накануне Первой мировой войны. Ниже мы приводим выдержки из этого документа:

«Министерство иностранных дел затруднилось с изысканием тех способов, которыми при наличии у нас с Норвегией нормальных, существующих между независимыми государствами, отношений (...) возможно было бы достичь осуществления выраженных нашими лопарями и поддержанных как местною администрацией, так и Министерством внутренних дел пожеланий.

Прежде всего, Министерство иностранных дел встретилось с тем существенным затруднением, что акт 1834 года как устанавливающий

¹⁰² ГААО. Ф. 71. Оп. 4. Д. 692. Л. 30–31.

для Норвегии определенный сервитут в пользу некоторой части русских подданных с трудом может быть подвержен распространительному толкованию, тем более, что непопулярность и стеснительность для несущей обязанности стороны становятся с каждым годом все более стеснительными.

(...) Не представляется почти никакого вероятия, чтобы Норвегия фактически бесплатно согласилась на такое толкование Протокола 1834 года, по которому в значительной мере увеличились бы тяготы уже в настоящем объеме ей ненавистного сервитута. Помимо этого, существенным затруднением при обсуждении вопроса с норвежским правительством будет подыскание достаточно с юридической стороны обоснованных аргументов, могущих дать нам возможность утверждать, что, говоря лишь о лове семги, соглашение 1834 года имело в виду и всякую иную рыбу, и что под правом рыбного промысла подразумевается и право пастьбы на чужих угодьях скота и пользование чужим лесом. Замечание камергера Сосновского о том, что при таком понимании состава права рыбной ловли наши лопари были бы уравнены в правах с норвежцами оказывается не вполне правильным. Норвежское законодательство не содержит и намека о том, что права пастьбы скота и порубки являются производными от права рыбного промысла правами. (...) Приезжие из средней Норвегии промышленники с собою скота не берут и не собирают бесплатно топлива на частновладельческих или казенных владениях.

Полагая, таким образом, на основании имеющихся у него сведений, что всякая наша попытка к расширению предоставленных нашим лопарям Протоколом 1834 года прав обречена на неизбежную неудачу, Министерство иностранных дел считает своим долгом обратить внимание Министерства внутренних дел на всю опасность для наших интересов оставления настоящего вопроса в нынешнем его неопределенном положении. До тех пор, пока берега отошедшей к Норвегии части Североокеанского побережья, где производится рассматриваемый семужий лов, были мало населены, пазрецкие лопари могли без всякого стеснения заниматься своими промыслами, являясь фактически почти единственными обладателями края. Но с течением времени, в особенности со второй половины прошлого столетия, норвежское население берегов Южного Варангера стало быстро расти и параллельно с этим начали увеличиваться притеснения, чинимые местными жителями временным пришельцам, лопарям. В настоящее время между норвежцами и прибывающими на семужий промысел пазрецкими лопарями происходит характерная, *обычная борьба более культурной народности с менее культурною* (выделено мной – Р.Д.). Тяготясь навязанным им соглашениям 1834 года сервитутом и присутствием на их землях иноземцев, норвежцы напрягают все свои усилия к тому, чтобы путем последовательных стеснений вытеснить лопарей с их тоней. В этом направлении норвежцы пользуются негласною поддержкою своих властей, старающихся соблюдать с внешней стороны корректность и беспристрастие,

но втайне сочувствующих, конечно, своим соотечественникам и горячо желающим прекращения пользования лопарями естественными богатствами Норвегии. При таком положении вещей лишь весьма малою поддержкою для лопарей служит консульская защита. Следует сознаться, что консулы наши в Финмаркене, при всем внимательном отношении их к интересам лопарей, бессильны оказывать им скольнибудь реальную помощь, и постепенное вытеснение лопарей под давлением культурного напора норвежцев с семужьих тонь идет столь верными и за последнее время быстрыми шагами, что в более или мене отдаленном будущем лопари окончательно откажутся от осуществления предоставленным им соглашением 1834 года прав и, лишаясь дохода от промысла семги, не получают никакой за то компенсации. Примером тому, как быстро утрачиваются лопарями их договорные права и как скоро эти последние сокращаются в своем объеме, может служить то обстоятельство, что из 12 определенных за лопарями тонь, в минувшем 1911 году эксплуатировались лишь 4 тони.

По всем изложенным соображениям Министерство иностранных дел приходит к тому убеждению, что в интересах наших было бы, *пойти навстречу норвежскому предложению о выкупе* (выделено мной – Р.Д.) сказанных тоней и договорится о такой выкупной сумме, проценты с которой, равняясь среднему годовому заработку лопарей на семужьем лове в Пазрецком и Ровдинском заливах, представились бы справедливой компенсацией для лопарей за отказ от своих выговоренных Протоколом 1834 года прав (...).

Обращаясь к этому вопросу, Министерство иностранных дел не может отрицать, что отказ от хождения в Норвегию на семужий промысел представит из себя некоторый переворот в укладе веками сложившейся экономической жизни лопарей. Но при этом Министерству не представляется, чтобы подобный переворот имел столь крутой и существенный характер, чтобы грозить подрыву экономического благосостояния нашего пазрецкого лопарского населения. В смысле доходности лопари ничего не теряют, раз им будет обеспечена на вечные времена рента по размеру равняющаяся нынешнему их заработку на тонях (...).

В настоящее время пазрецкие лопари ведут более чем полукочевой образ жизни, меняя пять раз в течение года место своего жительства (...). Такие постоянные передвижения и необходимость иметь жилища в четырех местах, не могут, конечно, способствовать поднятию материального благосостояния и культурного уровня лопарей(...).

Признавая весьма желательным с политической точки зрения сохранение на нашей пограничной с Норвегией окраине лопарского населения, как ввиду многих положительных качеств этой народности и ее беззаветной преданности России, так и во внимание к тому, что лишь лопари, как природные оленеводы могут оживить нашу северную тундру и извлекать из нее некоторый доход, Министерство склонно думать, что некоторое сокращение перекочевков пазрецких лопарей скорее послужит им на пользу, дав возможность при более долгом пребывании

на одном месте, сделать некоторый культурный прогресс и лучше обеспечить свое существование. Опыт соседних норвежских лопарей показывает, что те из них, которые обратились к более оседлому образу жизни, достигли весьма удовлетворительного экономического и культурного состояния, мало чем отличаясь в этом отношении от финляндского населения крайнего севера. Наоборот, те из норвежских лопарей, которые не вышли из полукочевого состояния на океанском побережье, влачат жалкое существование (...).

Сообщая о вышеизложенном, я имею честь обратиться к Вашему превосходительству с покорнейшей просьбой не отказать, в случае согласия Вашего с изъясненными взглядами Министерства иностранных дел на вопрос о выкупе лопарских тоней в Южном Варангере, в зависящем распоряжении о вторичном опросе лопарей Пазрецкого погоста по существу норвежского предложения. При этом позволяю себе выразить мнение о желательности присутствия при этом допросе нашего консула в Финмаркене, которого подлежащие местные власти могли бы заблаговременно поставить в известность о времени опроса. В случае же производства вторичного опроса надлежало бы, по мнению моему, не ограничиваться одним лишь заслушиванием лопарских пожеланий, из коих большинство оказывается, как выше пояснено, прямо невыполнимыми, а *разъяснить лопарям настоящее положение дела* (выделено мной – Р.Д.) и ту опасность, которую может представить для их интересов оставление вопроса об их тонях в Норвегии без разрешения.

Равным образом, представлялось бы необходимым, чтобы об опросе и о заявлениях лопарей был составлен подробный акт за подписью как производших опрос чинов, так и самих лопарей или уполномоченных их общества»¹⁰³.

1.10. «Простое выполнение пожеланий»

«Вторичный опрос» саамов произвел чиновник по крестьянским делам 1 участка Александровского уезда. После некоторых рассуждений пазрецкие саамы посчитали достаточной за отказ от промысла ежегодную ренту для всей общины в 5000 руб. Архангельский губернатор С.Д. Бибилов, со своей стороны, в представлении в Департамент общих дел от 2 мая 1913 г. полагал возможным увеличить эту сумму до 6000 руб., «принимая во внимание увеличение цен на семгу и возможность увеличить промысел количественно при рациональном ведении его»¹⁰⁴.

Согласно списку, составленному в июне 1912 г. и направленному в МИД, под определение «коренных пазрецких лопарей» попали 28 семей, в том числе «душ мужских» – 74 и «душ женских» – 70¹⁰⁵.

¹⁰³ ГААО. Ф. 71. Оп. 4. Д. 692. Л. 10–15об.

¹⁰⁴ Там же. Л. 29–29об.

¹⁰⁵ Там же. Л. 4–6об.

Юридическое оформление международного соглашения о выкупах уже вступило в завершающую фазу, когда к обсуждению его вдруг подключилась патриотическая общественность.

В 1913 г. в газетах «Вечернее время» и «Новое время» появились публикации, смысл которых сводился к тому, что официальный отказ от прав на промысел семги в Пазреке и Ровдине – ошибочное и вредное решение. Основную ответственность за него авторы возлагали почему-то на архангельские власти. При этом назывались фантастические данные о «нескольких тысячах лопарей, живущих исключительно рыбным промыслом» и недвусмысленно намекалось на то, что действия архангельской администрации приведут к голоду и страданиям несчастных.

Архангельскому губернатору С.Д. Бибикову пришлось оправдываться перед руководством ряда министерств и ведомств за те решения и действия, к которым ни он лично, ни его предшественники не имели никакого отношения:

«Изволите убедиться, что никакого предрешения властями Архангельской губернии вопроса о передаче Норвегии прав собственности на воды заливов Пазреки и Ровдинки не было, а было лишь простое выполнение пожеланий, как Министерства иностранных дел, так и Министерства внутренних дел (...). В действительности в лопарском погосте числится лишь 28 дворов с населением 74 души мужского пола и 70 женского. Совершенно неправильными (...) являются и те соображения корреспондента («Вечернего времени» – Р.Д.) о том, что устья рек Пазы и Ровдинки представляют собою одни из самых богатых естественных садков семужьего лова; количество вылавливаемой здесь семги и качество ее говорят за то, что ценными естественными садками в губернии являются скорее р.р. Онега, Двина, Варзуга и т.д., но никак ни устья р.р. Пазы и Ровдинки»¹⁰⁶.

Скандалный общественный резонанс, возможно, затормозил процесс принятия окончательного решения российскими властями. Тем более что и в 1914 г. в России публиковались статьи, где авторы в резкой форме обвиняли власти (опять почему-то архангельские!) в стремлении их – «глупых сыновей» – разбазарить трудом нажитое «отцово богатство»; приводился пример неосмотрительно проданной Аляски¹⁰⁷.

Некоторых авторов пытались преследовать в судебном порядке за распространение клеветнических, порочащих начальство слухов. Так, например, было заведено дело в отношении В.Н. Никольского, позволившего в своей статье «На русско-норвежской границе», напечатанной в «Известиях Архангельского общества изучения Русского Севера» несколько нелестных отзывов в адрес «высшей административной власти в крае» в связи с предстоящей сделкой¹⁰⁸.

¹⁰⁶ Там же. Л. 32об.–33.

¹⁰⁷ Никольский В.Н. На русско-норвежской границе. Архангельск, 1914. С. 166.

¹⁰⁸ Кстати, некоторые высказывания В.Н. Никольского были прямо-таки пророческими. Так, например, в 1914 г., в той же работе он писал: «Быть может, недалеко то время, когда на Кольском полуострове появится новая плотно населенная губерния с главным городом-

С началом I мировой войны общественный интерес к «продаже прав» саамов по понятным причинам уменьшился. Незадолго до ее начала, в начале лета 1914 г., в местах промыслов российских саамов в Норвегии побывал российский консул. Увиденное произвело на него заметное впечатление: российские саамы, словно ободренные вниманием властей к их проблеме, занимали все 9 тоней в Пазрецком заливе! Они упорно продолжали ставить там свои гарвы, несмотря на то, норвежские рыбаки «перехватывали» значительную, если не большую часть их потенциального улова.

В письме, написанном по результатам этой поездки на имя директора II Департамента МИД России, отмечалось:

«Лопари, по-видимому, дорожат своим промыслом; в особенности ценят его лопари более зрелого возраста, отцы семейств, так как этот промысел допускает известное разделение труда между отдельными членами семейств; взрослые мужчины устанавливают снасти, затем же отбывают от тоней для других занятий, предоставляя надзор над снастями женщинам и подросткам; в нынешнем году, например, многие лопари находятся в Киберге, где они занимаются морским рыболовным промыслом; следует заметить, что, несмотря на отмену права русских подданных промыслять в Киберге на собственных судах, они, тем не менее, при условии платы в 10 крон, могут там участвовать в морском промысле в составе команды на норвежских ботах; правом этим (...) лопари привыкли пользоваться в довольно широких размерах (...). Несемейные же, более молодые лопари, как кажется, несколько менее ценят свои семужьи промыслы; они находят их слишком малоприбыльными и не считают себе возможным конкурировать с норвежскими усовершенствованными снастями»¹⁰⁹.

В 1918 г. часть Александровского уезда Архангельской губернии была передана Финляндии, получившей государственную независимость вскоре после прихода к власти в России большевиков¹¹⁰. Помимо независимости, Финляндия получила давно желанный выход к Баренцеву морю Северного Ледовитого океана в районе Печенги (Петсамо). Граница России с Норвегией, перестала существовать; часть российских пазрецких саамов оказалась на территории Финляндии. В одной из публикаций начала 2000-х гг. утверждается, что в 1924 г. норвежское правительство наконец-то добилось того, чтобы Финляндия подписала договор, по которому пазрецкие саамы теряли права на вылов рыбы в реках и фиордах Норвегии в обмен на компенсацию в размере 12 000 крон. Проценты от этой компенсации, теоретически,

портом, круглый год не замерзающим и ведущим обширную морскую торговлю со всем миром (...), не опасаясь никакого закрытия проливов, столь привычного для нас на других морях». Романов-на-Мурмане (с 1917 г. – Мурманск), как известно, был официально открыт в 1916 г., а в 1921 г. образована Мурманская губерния.

¹⁰⁹ АВПРИ. Ф. 155. Оп. 445. Д. 31. Л. 70 об. – 71.

¹¹⁰ Административно-территориальное деление Архангельской губернии и области в XVIII – XX веках: Справочник. Архангельск, 1997. С.79.

должны были ежегодно распределяться между саамами: на каждого из приблизительно 140 пазрецких саамов должно было приходиться примерно по 6 крон в год¹¹¹. На практике же, как представляется, вряд ли кто-то из них смог воспользоваться этими, в общем-то, символическими суммами. Косвенные данные указывают на то, что большая часть пазрецких саамов эмигрировала. Район Печенги (Петсамо) становился местом ведения боевых действий между СССР и Финляндии и в ходе Зимней (1939–1940) войны, и в ходе Великой Отечественной войны (1941–1945), по итогам которых территории вокруг Печенги стали частью СССР и продолжают оставаться частью современной Российской Федерации.

Изложенная выше более чем 80-летняя история решения проблем, связанных с семужьими промыслами нескольких десятков саамских семей, служит примером довольно напряженного, но мирного диалога представителей двух государств – России и Норвегии – в обсуждении спорных вопросов.

В то же время, эта история также служит примером упорства, последовательности, целеустремленности и изобретательности властей Норвегии в достижении своих национальных интересов, даже внешне незначительных. Как видно из сохранившихся документов, власти Норвегии готовы были методично работать на протяжении многих десятилетий без излишней суеты ради достижения результата. В данном случае – ради устранения с норвежской территории российских саамов, имеющих законное право заниматься там хозяйственной деятельностью. В конце концов, норвежская сторона достигла желаемого, используя благоприятную внешнеполитическую конъюнктуру и временную слабость восточного соседа.

Похожая тактика и практика, показавшие свою эффективность, направленные на постепенное ограничение легальной хозяйственной и иной деятельности россиян на территории Норвегии под различными предлогами, использовалась и продолжает использоваться норвежской стороной, например, на архипелаге Шпицберген¹¹².

¹¹¹ *Парели Л.* Саамы – коренные жители пограничья // Россия и Норвегия. Сквозь века и границы. М.: ИПЦ «Художник и книга», 2004. С. 60–61.

¹¹² О Шпицбергене и вокруг него // URL: https://archive.mid.ru/web/guest/about/social_organizations/association/-/asset_publisher/w6CkLeKcy2bQ/content/id/4058415 (Дата обращения: 26.03.2025).

Глава 2

Из истории поморской торговли в эпоху наполеоновских войн: подвиг Матвея Герасимова

Более чем два века назад, в 1810 г., команда русского парусника привезла в норвежский порт Вардё не только груз ржи, но и... английских каперов, сдав их коменданту местной крепости.

2.1. Поставки русского хлеба в Норвегию в эпоху наполеоновских войн

До начала 1800-х гг. развитие русской или, как ее чаще называют в настоящее время, поморской торговли в населенных пунктах севера Норвегии сдерживал целый ряд факторов. В Норвегии торговле с русскими был придан официальный статус лишь в 1780-х – 1790-х гг., после того как власти отказались от поддержки системы торговых монополий, взяв курс на стимулирование развития городов за Полярным кругом. Ранее торговля с русскими была фактически контрабандной, хотя в ней и участвовала значительная часть местного населения, включая чиновников¹¹³. В России же ведение торговли с зарубежными странами в то время разрешалось представителям лишь купеческого сословия, причем только наиболее состоятельным из них – купцам первой гильдии. Существовали также и определенные законодательные ограничения в торговле с зарубежными странами по видам товаров.

В 1799 г. во Франции вследствие острого политического кризиса произошел государственный переворот; первым консулом Французской республики стал пользующийся широкой поддержкой в народе и армии генерал Бонапарт. В 1802 г. Бонапарт добился признания своих полномочий пожизненно, в 1804 г провозгласил себя императором Наполеоном I. В ходе нескольких войн в 1799–1815 гг. он добился выдающихся успехов в деле объединения Европы под своей властью.

¹¹³ Niemi E. Pomorhandelen sett med norske øyne // Ottar. 1992. № 4 (192). S. 17–18.

Наполеоновские войны¹¹⁴, изменившие границы европейских государств и определившие будущее Европы на многие десятилетия вперед, не могли не отразиться, среди прочего, и на русской (поморской) торговле на севере Норвегии.

В ноябре 1806 г. Наполеоном был издан декрет, разосланный монархам и правительствам всех союзных с Францией и зависимым от нее европейским странам. Декрет запрещал вести торговые, почтовые и др. сношения с Великобританией – в то время главным и наиболее опасным противником Франции. Этим документом было положено начало Континентальной блокаде, целью которой было с одной стороны нанесение экономического ущерба Великобритании путем закрытия для нее европейских рынков, а с другой – установление гегемонии французской экономики в Европе. Однако, пытаясь создать проблемы правительству Великобритании, Наполеон создал едва ли не большие проблемы странам, которые, по разным причинам оказались вовлечены в участие в Континентальной блокаде. Среди последних оказались Россия, а также соединенные королевства Дании и Норвегии, лишившиеся возможности вести официально взаимовыгодную торговлю с Великобританией.

Годы Континентальной блокады в норвежской истории ассоциируются с народными бедствиями. Британский королевский флот в качестве ответа на блокаду, в свою очередь стал препятствовать движению торговых судов между Данией и Норвегией. В Норвегии стала ощущаться нехватка хлеба. Цены на продукты выросли, начались голод, болезни, возросла смертность населения¹¹⁵. В этих условиях поставки продовольствия из России стали жизненно необходимыми для населения севера Норвегии.

Мы не будем подробно рассказывать об том, как это происходило, в каких объемах и по каким расценкам. Заинтересованный читатель может обратиться, например, к диссертации и публикациям российского исследователя Т.А. Шрадер и других авторов¹¹⁶. Отметим лишь следующие моменты.

В 1807 г. датско-норвежский посланник при дворе русского императора Александра II Отто Бломе (Otto Blome) добился разреше-

¹¹⁴ В российской историографии эпоху наполеоновских войн часто ограничивают 1799–1815 гг., т.е. тем периодом, когда Наполеон Бонапарт находился во главе французского государства. Следует, однако, учитывать, что известность Наполеону, как военачальнику, еще раньше принесли Итальянская компания и Египетская экспедиция.

¹¹⁵ История Норвегии. М.: Наука, 1980. С. 241–242; подробнее см.: Worm-Müller J.S. Norge gjennem nødsaarene (1807–1810). Christiania, 1918.

¹¹⁶ Подробнее см.: Kraft S. Pomorhandelen på Nord-Norge under 1800-tallets förra hölt. Tromsø–Oslo, 1968; Алимова Т.А. Русская крестьянская торговля с северной Норвегией (Первое десятилетие XIX века) // Скандинавский сборник. Т. XXII. 1977. С. 45–54; Алимова Т.А. О торговле русских поморов в Северной Норвегии на рубеже XVIII – XIX вв. // Скандинавский сборник. Т. XXVI. 1981. С. 73–83; Шрадер Т.А. Торговые связи русского Поморья с Северной Норвегией, конец XVIII – начало XIX веков : диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.02. Л., 1985.

ния от российских властей на закупку значительного объема ржи для последующей транспортировки ее через Архангельск в норвежские порты, в том числе и для размещения на военных складах в Тронхейме¹¹⁷.

В 1808 г. архангельский купец первой гильдии Василий Попов, возглавлявший один из крупнейших русских торговых домов Архангельска¹¹⁸, отправил в Норвегию 18 тыс. четвертей ржи, а в 1809 г. – еще около 50 тыс. четвертей ржи¹¹⁹.

Несмотря на то, что некоторые из судов, перевозивших груз, потерпели крушение и были захвачены английскими крейсерами, большинство из них благополучно достигли норвежских портов.

В 1810 г. более 20-ти морских судов, принадлежащих купцу Василию Попову, невзирая на риск быть захваченными англичанами, как и в прежние годы, взяв груз, вышли из Архангельска¹²⁰.

О том, что стало с одним из русских судов, отправившихся в Норвегию с грузом в конце августа – сентябре 1810 г., расскажем более подробно.

2.2. Бедствия и героизм команды русской лодыи

19 (31) августа. Новопостроенное трехмачтовое судно¹²¹ «Евплус 2-й»¹²², принадлежащее архангельским купцам Алексею Попову и сыновьям, по пути в Норвегию с грузом ржи до 200 четвертей, захвачено на подходе к мысу Нордкап трехмачтовым английским судном, вооруженным пушками. Шкипер Матвей Андреевич Герасимов и большая

¹¹⁷ Worm-Müller J.S. Norge gjennem nødsaarene. 1807–1810. Christiania, 1918. S. 189, 191.

¹¹⁸ Основатель торгового дома Алексей Иванович Попов (1743–1805) происходил из крестьян. Он финансировал морское судостроение; свои суда со своими грузами направлял в Гамбург, порты Голландии и Англии; представлял интересы иностранных предпринимателей в Архангельске.

¹¹⁹ Четверть – русская мера сыпучих тел. В справочной литературе обычно указывают, что в начале XIX в. четверть равнялась примерно 209,91 л.; в торговле в тот же временной период было принято считать, что в объеме 1 четверти содержится либо 9,5 пуда пшеницы, либо 6,25 пуда ржи, либо 7,25 пуда ячменя, либо 6 пудов овса. (См., например: Куратов А.А. Метрология Русского Севера. Архангельск, 1991. С. 16). Фактически, четверть могла заметно отличаться от вышеуказанных 201,91 л., в зависимости от конкретных исторических условий и традиций, существовавших в различных губерниях России.

¹²⁰ Огородников С.Ф. Очерк истории города Архангельска в торгово-промышленном отношении. СПб., 1890. С. 268–269.

¹²¹ Длина судна по килю, как показывал М.А. Герасимов, была 80 футов. Это чуть более 24 метров (1 английский фут = 30,48 см).

¹²² Название судна необычно. Кто такой Евплус? И почему 2-й? Писавшие о М.А. Герасимове старались либо не упоминать это название, либо не акцентировать на нем внимания. Возможно, судно было названо в честь священномученика архидиакона Евпла (греч. Εὐπλος), проповедовавшего христианство в сицилийском портовом городе Катании (Catania) и обезглавленного ок. 304 г. У православных верующих память священномученику Евплу – 11 августа по юлианскому календарю или т.н. старому стилю.

часть его команды (6 человек)¹²³ перевезены на английское судно. В тот же день одного М.А. Герасимова после безрезультатного допроса (сказался языковой барьер) вернули на «Евплус 2-й». Туда же была направлена английская¹²⁴ призовая команда, состоящая из 8 человек. Судно М.А. Герасимова взято на буксир.

23 августа (4 сентября). Буксировка сделалась невозможной по погодным условиям. На «Евплус 2-й» возвращены двое русских матросов. Английское и русское суда разлучились, продолжая следовать в Англию самостоятельно.

30 августа (11 сентября). Рано утром М.А. Герасимов при помощи одного из своих матросов запер спящих в каюте англичан (вместе с больным русским юнгой и штурманом Спиридоновым, отказавшимся поддержать соотечественников в явно опасном деле). В то же время другие трое россиян сбросили в воду вооруженного английского матроса, бывшего на палубе. Он стал единственной жертвой этого переворота. Еще один английский матрос был ранен багром в щеку при попытке выбраться из каюты. «Евплус 2-й» лег на обратный курс.

30 августа – 1 сентября (11–13 сентября). Англичане время от времени пытались освободиться, стреляя и стараясь выломать двери каюты. Русские укрепили двери каюты. Последняя попытка англичан выбраться – вечером 1 (13) сентября, когда судно потеряло управление вблизи берега, а вся русская команда была занята, пыталась предотвратить аварию.

1–4 (13–16) сентября. Судно шло с сильным попутным ветром, с заметным креном: груз ржи сместился к одному борту, поправить его не было возможности. В трюме время от времени открывалась течь. Русские и запертые в каюте англичане обменивались водой и продовольствием: в распоряжении русских оказались вода, крупа, масло, говядина; у англичан в каюте – сухари и ром.

4 (16) сентября. В условиях штормовой погоды М.А. Герасимов травмирован; у него разбито лицо, на короткое время он теряет сознание. Английский офицер вернул М.А. Герасимову отобранную у него ранее карту и просил выпустить его на палубу, чтобы помочь с управлением, но его не выпустили.

¹²³ В первоисточниках приводятся не совсем понятные, даже противоречивые сведения о численности команды «Евплуса 2-го», а также о количестве россиян, оставшихся на его борту и увезенных англичанами. Вероятнее всего, объясняется это поспешностью составления документов. Например, из рапорта кольского городничего, составленного со слов М.А. Герасимова 20 сентября 1810 г., получается, что всего на борту изначально находилось 10 россиян: «На оном корабле было матросов 8 человек и один из отставных офицеров штурман, с коими и я» (ГААО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 468. Л. 1). Из другого документа, также составленного в Коле не позднее 18 января 1811 г., команда получалась больше: «На оном корабле жителей было 10 человек с юнгой, с коими я» (Цит. по: Козлов С.А. «Лишиться вовсе жизни или спасти оную...». Записка русского корабельщика Матфея Герасимова о пленении его англичанами в 1810 году // Новый часовой. 2002. № 13–14. С. 232). Полного именного списка команды «Евплуса 2-го» нам пока не встречалось.

¹²⁴ Здесь и далее мы говорим «англичане» (как в источниках), вполне понимая, что среди каперов могли находиться ирландцы, шотландцы и т.д.

4–7 (16–19) сентября. Русские измотаны работой, бессонницей; они находились в постоянном напряжении, ожидая возможного нападения англичан из каюты или встречи с другим английским капером. Они решили более не рисковать, следуя в Россию с семьёй вооружёнными неприятелями в каюте судна, а высадить на «датском берегу»¹²⁵.

7 (19) сентября. «Евплус 2-й» приходит в Вардё¹²⁶. М.А. Герасимов, как мог, сообщил о случившемся коменданту местной крепости. Тот направил к судну отряд солдат. Выйдя из каюты, английский офицер¹²⁷ добровольно отдал М.А. Герасимову шпагу, кортик, карманный кинжал, флаг и карту города Лондона. После чего всех семерых англичан со связанными руками и завязанными глазами отконвоировали в крепость. Команда, пережидая противный ветер, занялась приборкой и ремонтом судна.

16 (28) сентября. М.А. Герасимов, прибыв в Колу, сообщил о случившемся городничему Ф. Голубеву¹²⁸.

2.3. «Добровольно отдал мне свою шпагу...»

Сохранившиеся архивные документы, непосредственно относящиеся к подвигу М.А. Герасимова, были опубликованы сравнительно недавно.

В 2002 г. в издании «Новый часовой» был опубликован «Журнал путешествия с англичанами русского корабельщика Матфея Герасимова», составленный, видимо, вскоре после возвращения М.А. Герасимова в Россию. «Журнал...» представляет собой тетрадь без переплета в 12 листов. Рукопись написана одним четким почерком без правки и подписи автора. На титульном листе после заглавия сделана запись: «Журнал получен от кольского купца Романа Шабунина Генваря 18 дня 1811 года. Н. Озерецковский». (Вероятнее всего «Журнал...» был передан академику Николаю Яковлевичу Озерецковскому¹²⁹, который еще студентом побывал в Архангельске и Коле в 1771 г. в составе экспедиции Академии наук, возглавляемой профессором И.И. Лепехиным). Сейчас журнал находится на хранении в Санкт-Петербургском отделении архива Российской академии наук¹³⁰.

В 2004 г. в Архангельске вышла хрестоматия, в которую составителями был включен рапорт кольского городничего Ф.В. Голубева

¹²⁵ Норвегия тогда находилась в унии с Данией.

¹²⁶ М.А. Герасимов, как и другие поморы, называет его «Варгаев».

¹²⁷ М.А. Герасимову его имя запомнилось как «Кабет Годон».

¹²⁸ «Евплус 2-й», из-за противных ветров, прибыл в Колу позднее.

¹²⁹ Н.Я. Озерецковский (1750–1827) – автор одной из первых публикаций, посвященных городу Коле. См: *Озерецковский Н.Я.* Описание Колы и Астрахани. СПб., 1804.

¹³⁰ *Козлов С.А.* «Лишиться вовсе жизни или спасти оную...»... С. 231–236; отзыв об этой публикации: *Соркажердыев В.* Английские пленники кольского шкипера // Мурманский вестник. 2005. 9 апреля.

от 20 сентября (2 октября) 1810 г. в Архангельское губернское правление о храбрости и предприимчивости кольского мещанина М.А. Герасимова, проявленные им при освобождении судна и команды от пленения английским военным кораблем. Большую часть рапорта занимает «объявление» Матвея Герасимова, приведенное в документе от первого лица¹³¹.

В обоих документах содержатся упоминания о холодном оружии, переданном М. Герасимову британским офицером в норвежском городе Вардё при освобождении:

«Приплыв к городу Варгаеву, где, остановясь, съехал я на гору, являсь к тамошнему коменданту, коему объявля причину моего к нему прихода. А он, сколько мог от меня понять, не мешкав, отрядил одного унтер-офицера с 10 рядовыми ко мне на корабль, при коих я каютные двери отворил, откуда сперва вышел английский¹³² офицер, который добровольно отдал мне шпагу, кортик и карманный кинжал. А потом за ним вышли поодиночке и матросы его, шесть человек, и все оные люди забраны были датскою командою и увезены в город (...). Английские ж шпага, кортик и кинжал при мне состоят, а датское свидетельство при сем представляю»¹³³.

«С нуждой достигли на 7-е сентября к датским берегам и, не осмелясь более (...) в Россию с неприятелями следовать, пристав к городу Варгаеву, где, остановясь, съехав на берег и являсь к тамошнему коменданту, коему объявля причину моего к нему прихода, а он, сколько мог от меня понять, не мешкав, отрядил унтер-офицера с 10-ю рядовыми вооруженных, с коими приехал я на корабль и при коих я приказал отпереть из матросской каюты двери. Оттуда приказал выйти своему юнге и потом и английскому офицеру, который добровольно отдал мне свою шпагу, кортик и карманный кинжал. И по выходе, не выпуская на день, завязали оным руки и платками глаза¹³⁴, а потом и всех его 6-ть

¹³¹ ГААО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 468. Л. 1 – 3. Документ опубликован: Архангельский Север в документах истории (с древнейших времен до 1917 года). Хрестоматия / Общ. ред. А.А. Куратова. Архангельск, 2004. С. 199 – 202.

¹³² Здесь приводятся цитаты в современной орфографии. В подлинных документах – «аглинский» офицер, «аглинский» кортик; «дацкие» берега»; «матроз» вместо «матрос», «юнка» вместо «юнга» и т.д.

¹³³ ГААО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 468. Л. 3; Архангельский Север в документах истории... С. 201.

¹³⁴ Такое отношение к англичанам – завязывание глаз и связывание рук – становится понятным, если учитывать, что события, связанные с пленением и освобождением М.А. Герасимова в августе–сентябре 1810 г., происходили в эпоху наполеоновских войн, а Норвегия тогда находилась в унии с Данией (с 1536 по 1814 гг.), будучи фактически провинцией последней; поморы, направляющиеся для ведения промыслов и торговли на север Норвегии, указывали в документах, что идут «к датским берегам». В 1801 и 1807 гг. датский флот дважды уничтожался англичанами из соображений своеобразно понимаемой целесообразности. Первый раз – вообще без объявления войны; во второй раз британский Royal Navy в течение четырех дней обстреливал из корабельных орудий столицу Дании – Копенгаген, вызвав в ней многочисленные пожары, разрушения и гибель сотен мирных жителей. Не удивительно, что Дания в конце октября 1807 г. заключила военный союз с наполеоновской Францией. Россия также выступила союзницей Дании, объявив войну Англии 7 ноября. Англо-датская война продолжалась до 1814 г. (см., например: Советская военная энциклопедия. М.: Воениздат, 1976. С. 179).

человек, и все оные люди были забраны датскою командою и увезены (...). В добычу ж мне достались от англичан флаг и столичного города план»¹³⁵.

2.4. «Вещи эти лично от него истребовать»: адмирал Мартын Петрович фон Дезин отбирает трофеи у героя

Вопрос о том, что стало впоследствии с трофеями Матвея Герасимова, долго не рассматривались отечественными историками¹³⁶. Ниже мы представим материалы, позволяющие дать ответ на этот вопрос, хотя и не вполне исчерпывающий.

В Архангельском губернском правлении, узнав о подвиге Матвея Герасимова из рапорта кольского городничего, поспешили сообщить о нем в донесении Правительствующему Сенату. Одновременно губернское правление поручило кольскому городничему забрать «имеющиеся у Герасимова шпагу, кортик и кинжал аглинские» и хранить их в Коле, «в городническом правлении впредь до особого повеления»¹³⁷.

В силу особенностей делопроизводства того времени, это поручение было оформлено как Указ Его Императорского Величества, исходящий из губернского правления. Чиновники, получавшие такого рода указы, обычно старались не затягивать с ответом, рапортуя о получении и исполнении их. 15 ноября 1810 г. Кольский городничий указ получил, но выполнить его не смог: Матвей Герасимов отказался отдать оружие! Свой отказ он оформил в письменном виде.

«Сим честь имею объяснить, что я оных орудиев – шпаги, кортика и кинжала отдать не намерен, а прошу оставить при мне, ибо оные достались мне добычею от неприятеля», – написал Матвей Андреевич. При этом, полагая, что начальством движет в первую очередь забота о сохранности трофеев, он написал, что «никуда их не утратит» и будет готов при необходимости предъявить властям¹³⁸.

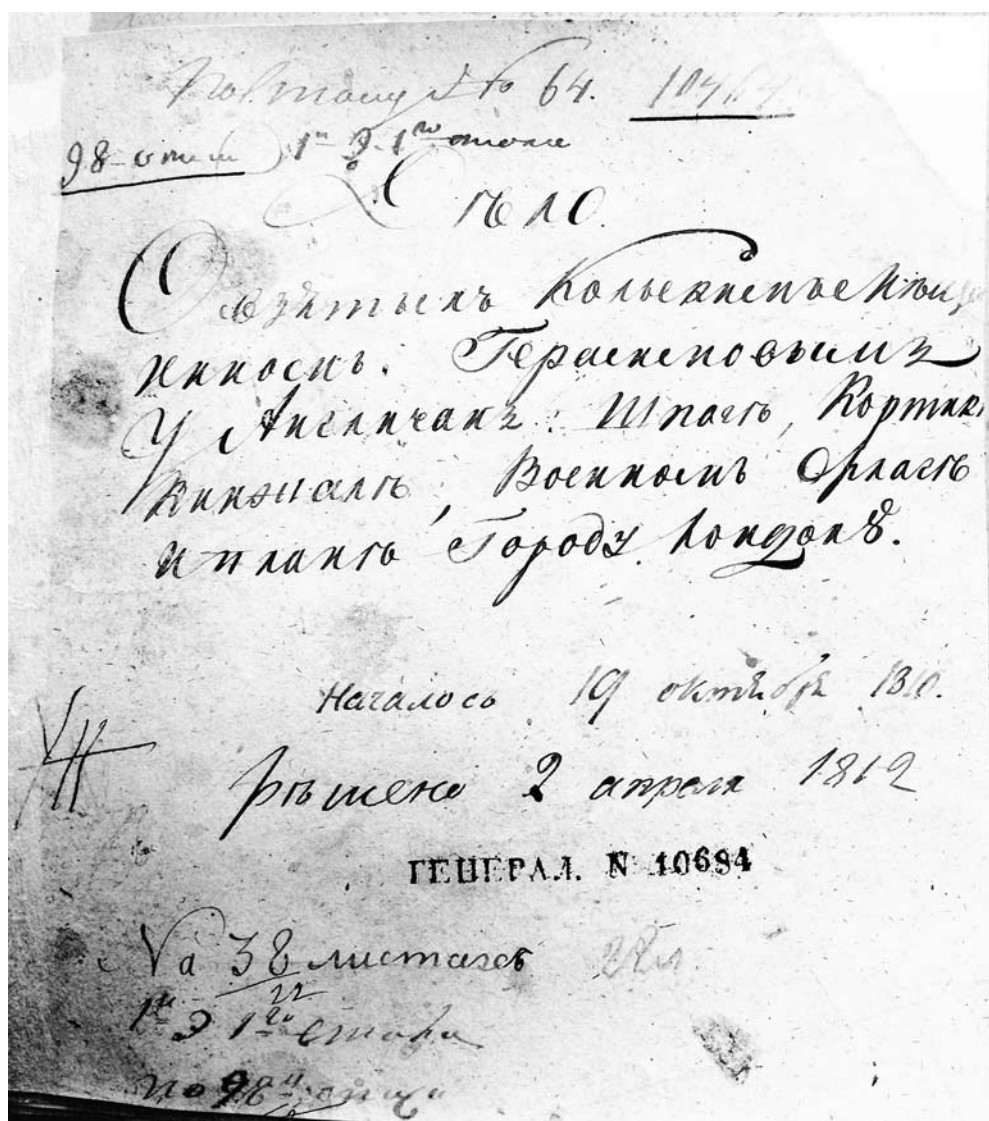
Из вышеизложенного получается, что М.А. Герасимов передал пленных англичан коменданту крепости г. Вардё, т.е. представителю военной власти дружественного России государства, у которого с Россией тогда был общий враг. Вот такой своеобразный пример «братства по оружию»! Великобритания же прекратила демонстративно враждебные действия в отношении России лишь после того, как Великая армия Наполеона вторглась на территорию России в 1812 г.

¹³⁵ Козлов С.А. «Лишиться вовсе жизни или спасти оную...». С. 235–236.

¹³⁶ Такая попытка ранее была предпринята автором настоящей книги: Давыдов Р. Трофеи кольского мещанина Матвея Герасимова: к 200-летию подвига // Архангельская старина. 2010. № 2. С. 64–71; Давыдов Р.А. Трофеи кольского мещанина Матвея Герасимова: к 200-летию подвига // VII Ушаковские чтения: сборник научных статей / научн. ред. Ю.П. Бардилова, Е.Л. Крикун, С.А. Никонов. Мурманск: МГГУ, 2011. С. 25–35; Davydov R. Fra pomorhandelens historie under Napoleonskrigene // Årbok for Vardø 2016. Vardø, 2016. S. 35–41.

¹³⁷ ГААО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 468. Л. 4.

¹³⁸ Там же. Л. 8–8 об.

Илл. 2.1. «Дело о взятых мещанином Герасимовым у англичан: шпаге, кортике, кинжале, военном флаге и плане города Лондон». Обложка. ГААО Ф.4 Оп.3 Д.486.

Однако архангельский военный губернатор и главный командир Архангельского порта адмирал М.П. фон Дезин (именно он, судя по всему, и был инициатором изъятия трофеев у М.А. Герасимова), не оставил своего намерения. 31 января 1811 г. он предложил губернскому правлению вернуться к этому вопросу: «Поелику оный мещанин Герасимов находится ныне в Архангельске, то и можно вещи эти лично от него истребовать». Фон Дезин предложил отправить трофеи министру полиции или, оставив при губернском правлении, испросить мнение министра: «Что с таковыми вещами учинить повелено будет?»¹³⁹

¹³⁹ Там же. Л. 10 об.

На следующий день М.А. Герасимов отдал в губернское правление оружие и флаг с картой¹⁴⁰.

Настойчиво стараясь отнять трофеи у героя, фон Дезин, возможно, руководствовался не только и не столько рациональными причинами, сколько эмоциями. Не исключено, что он просто завидовал славе отважного помора.

Дело в том, что, судя по сохранившимся источникам и публикациям, М.П. фон Дезин, несмотря на сделанную им карьеру, был весьма посредственным флотоводцем и администратором. Он неоднократно вызывал нарекания начальства своими профессиональными качествами, и, в особенности, умением командовать кораблями в бою. В 1788 г. во время морского сражения со шведским флотом у о. Гогланд в Финском заливе, русский арьергард под его командованием действовал плохо, а два корабля вообще вышли из сражения, за что их командиры были преданы суду. Впоследствии М.П. фон Дезина старались не подпускать к командованию кораблями, а «употреблять в должность по чину его» на разнообразной службе, связанной с бумагами. В 1798 г. он был назначен военным губернатором и главным командиром Архангельского порта, в 1799 г. произведен в адмиралы. Конец карьере фон Дезина наступил в 1811 г., т.е. в тот же год, когда он отобрал трофеи у М.А. Герасимова. Большая смертность в Архангельском морском госпитале вызвала интерес в С.-Петербурге, и по Высочайшему повелению в Архангельск был командирован штаб-лекарь Жуков. Начавшееся следствие открыло множество «злоупотреблений», так или иначе имеющих отношение к фон Дезину. Его отстранили от дел, запретив ему въезд в С.-Петербург и Москву. Правда, в декабре 1811 г. фон Дезин был Всемиловейшее прощен и окончательно уволен от службы с полным жалованьем¹⁴¹.

М.А. Герасимов, в том же 1811 г. был награжден знаком отличия военного ордена Святого Георгия «для ношения по установленному порядку», но без права именоваться кавалером¹⁴².

¹⁴⁰ Там же. Л. 11. Нежелание М.А. Герасимова расстаться с кинжалом, кортиком и шпагой по-человечески понятно. Однако если вдуматься, в просьбе губернского начальства нет ничего необычного. Даже с позиций дня сегодняшнего. Попробуем лишь представить ситуацию, в которой некий смелый россиянин, наш современник, с риском для жизни обезвредит опасных преступников, террористов, и, завладев их оружием, решит оставить трофеи у себя. Получит ли он на это разрешение от сотрудников правоохранительных органов? И что будет, если он в письменном виде откажется отдать оружие?

¹⁴¹ Русский биографический словарь. Т. VI. Дабелов–Дядьковский. СПб., 1905. С. 171–173.

¹⁴² ГААО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 468. Л. 12, 16. Позже М.А. Герасимовы был награжден еще и золотой медалью ленте ордена Св. Анны за свою службу в качестве лоцмана в одной из экспедиций Ф.П. Литке. См.: *Литке Ф.П.* Четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый океан на военном бриге “Новая Земля” в 1821–1824 годах / Ред., примеч. Я.А. Марголина. М.: Географиз, 1948. С. 199, 211, 213.

2.4. «Возвратить по принадлежности»: адмирал Алексей Григорьевич Спиридов восстанавливает справедливость

Назначенный вместо фон Дезина архангельским военным губернатором и главным командиром Архангельского порта А.Г. Спиридов узнал об истории М.А. Герасимова. 27 февраля 1812 г. он поручил правителю своей канцелярии Н. Рыбкину выяснить в губернском правлении: «В оном ли правлении до сих пор хранятся, или куда именно отданы представленные в прошедшем году кольским мещанином Герасимовым взятые им у англичан флаг, кинжал, кортик, штага и план города Лондона?»¹⁴³

На следующий день из губернского правления сообщили, что «сии вещи» хранятся там до сих пор, поскольку от министра полиции не поступило относительно их никакого распоряжения¹⁴⁴.

29 февраля 1812 г. в архангельском губернском правлении получили лаконичное, в несколько строк «предложение» военного губернатора, управляющего гражданскою частью адмирала А.Г. Спиридова: «Хранящиеся в оном гражданском правлении отобранные в январе месяце прошлого 1811 года от кольского мещанина Матвея Герасимова вещи, как то: флаг, кинжал и прочее, коими завладел он у пленных англичан, я губернскому правлению предлагаю возвратить по принадлежности ему Герасимову»¹⁴⁵.

Видимо, у Алексея Григорьевича не возникло сомнений ни в правомерности принимаемого им решения, ни в собственных властных полномочиях. Отсутствие документа с мнением министра полиции не остановило адмирала.

7 марта 1812 г. Архангельское губернское правление очередным «Его Императорского Величества указом из оного правления» предписало кольскому городничему объявить мещанину Матвею Герасимову, что «когда он явится в Губернское правление, то выданы ему будут хранившиеся в оном отобранные от него вещи, как то: флаг, кинжал, шпага, кортик, план городу Лондону»¹⁴⁶. 18 марта 1812 г. этот документ был получен кольским городничим, его содержание доведено до сведения М.А. Герасимова¹⁴⁷.

Но воспользовался ли полученным разрешением Матвей Андреевич, забрал ли он обратно свои трофеи (все или некоторые)? И что с ними стало в последующие десятилетия? Пока точно мы не можем ответить на этот вопрос. Из публикаций, содержание которых приводится ниже, можно с известной осторожностью предположить, что в период после

¹⁴³ ГААО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 468. Л. 18.

¹⁴⁴ Там же. Л. 18 об. – 18 а.

¹⁴⁵ Там же. Л. 17.

¹⁴⁶ Там же. Л. 19 – 19 об.

¹⁴⁷ Там же. Л. 20.

смерти М.А. Герасимова в 1831 г. и до 1862 г. они находились в Архангельске (во всяком случае, точно были здесь с 1844 по 1862 гг.).

2.6. Затерянные трофеи

Весна, лето и осень 1862 года запомнилась архангелогородцам долгим, надоевшим холодом. «Только холод, да холод и чувствуем мы в Архангельске нынче; только льды, да льды и видят до сих пор кругом себя по Белому морю мореплаватели, приходящие сюда», – писал 14 (26) июня в «Морской Сборник» один из архангельских корреспондентов¹⁴⁸.

Холодная погода вполне соответствовала тоске и унынию, охвативших в то лето жителей Архангельска и особенно Соломбалы.

В начале «эпохи великих реформ» власти России и лично император Александр II и великий князь Константин Николаевич сделали с Архангельском и защищавшей его с моря Новодвинской крепостью то, что пытались, но так и не смогли сделать враги. Старейшее и крупнейшее в России адмиралтейство было упразднено и фактически разрушено. Та же судьба ожидала и крепость. 5 (17) марта 1862 г. император Александр II «высочайше повелеть соизволил (...) главный порт в Архангельске упразднить. В порте сем сохранить лишь гидрографическую часть и управление маяками и лоцией»¹⁴⁹. Оказавшиеся лишними военные чины были уволены со службы или переведены в другие порты; имущество выставлено на торги или отправлено в С.-Петербург. В опубликованных в 1862–1863 гг. в «Морском сборнике» коротких корреспонденциях с новостями из Архангельска, сквозило, мягко говоря, сожаление о принятом решении. Для тех, кто еще недавно строил корабли для великой империи, видеть, как умышленно приводятся в негодность пушки, разбиваются станки и оборудование, отправляются на слом портовые суда, как бегут из Соломбалы люди, «будто при землетрясении», было невыносимо¹⁵⁰.

Разгром адмиралтейства невольно наводил современников, чья служба так или иначе была с ним связана, на мысли о бренности сущего, о смысле прожитой жизни, о необходимости сохранения исторической памяти. В этом контексте вспомнили и о трофеях М.А. Герасимова. Читатели газеты и корреспонденты морской газеты «Кронштадтский вестник» в 1862 г. минимум четыре раза возвращались к этой, неожиданно взволновавшей их теме! Мы не будем пересказывать содержание

¹⁴⁸ Морской сборник. 1862. № 7. Совр. обозрение. С. 20.

¹⁴⁹ Постановления и распоряжения правительства. Приказы Е.И.В. Генерал-Адмирала // Морской сборник. 1862. № 4. С. 51–53.

¹⁵⁰ Подробнее см.: *Попов Г.П.* Ногою твердой стать при море...: Штрихи к истории Архангельского порта. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1992. С. 126–137; *Давыдов Р.А.* Начало Великих реформ в Архангельске: упразднение Архангельского порта, ликвидация Архангельского адмиралтейства и Новодвинской крепости // Сборники Президентской библиотеки. Серия «Электронный архив». Вып. 4. Эпоха великих реформ: история и документальное наследие. Ч. 1. СПб., 2019. С. 236–250.

корреспонденций¹⁵¹, а воспроизведем их с незначительными сокращениями в хронологическом порядке.

«Вообще в нас еще не развита склонность к сбережению и сохранению исторических памятников. Существуют ли у нас хоть частицы корабля «Азова», брига «Меркурия», парохода «Владимира»? Не говоря о многих других драгоценных предметах, достойных украшать морской музей. Что станется после упразднения Архангельского порта с английским флагом, шпагой и кортиком, трофеями Герасимова, хранившимися до сих пор в конторе над портом при Соломбале?»¹⁵²

«В № 28 Кронштадтского вестника в статье «Из письма в редакцию», между прочим, выражено сожаление о том, что станется после упразднения Архангельского порта с английским флагом, шпагой и кортиком, трофеями Герасимова, хранившимися до сих пор в конторе над портом при Соломбале? Что, в самом деле, станется с этими достопримечательностями, я сказать, по некоторым обстоятельствам, от меня не зависящим, не могу, хотя и принадлежу к числу служащих в этой конторе. Потому что, да будет известно и ведомо читателям «Кронштадтского Вестника», вещи эти в конторе над портом в Соломбале не хранятся и не хранились никогда. Да мне кажется странно и предполагать, а тем страннее еще печатно утверждать, что подобные вещи могли храниться в конторе, так как известно, я думаю, всем и каждому, что портовая контора – не арсенал какой-нибудь, не музей, не иное что подобное, а просто ни больше, ни меньше как присутственное место, в котором даже и письменные дела после окончательного их решения, дольше трех лет не могут оставаться, а должны быть непременно сдаваемы для хранения в архив. Слышал я, однако, что упомянутые трофеи Герасимова находятся в ведении артиллерийской части Архангельского порта и хранятся в принадлежащем той части арсенале. Когда, откуда и каким образом они туда попали, об этом, я полагаю, должно быть известно в артиллерийском управлении Архангельского порта, которому известно, конечно, и о том, что станется с этими трофеями после упразднения нашего порта»¹⁵³.

«Прочитав корреспонденцию г. Ст. Петухова из Архангельска от 12 мая в № 41 «Кронштад. Вестн.», спешу вам сообщить, что в 1844 году покойный П.Ф. Кузмищев, как хозяин конторы над портом, сам мне показывал трофеи Герасимова, которые ему удалось где-то отыскать. Не знаю, сколько времени до моего прибытия (1844 г.) в Архангельск трофеи эти были помещены конт.-адм. Кузмищевым в конторе над портом и долго ли они там оставались, но, во всяком случае, как моряки Соломбалы, так и мои сослуживцы на корабле «Ингерманланд» подтвердят, что видели эти трофеи в 1844 году при конторе над портом в Соломбале. В бытность же мою в Архангельске в 1830 году об этих тро-

¹⁵¹ В газете «Кронштадтский вестник» заглавия материалам корреспондентов часто не давались, авторы – не указывались, или указывались лишь инициалами.

¹⁵² Кронштадтский вестник. 1862. 8 апреля.

¹⁵³ Кронштадтский вестник. 1862. 27 мая.

феях и речи не было, и только такому человеку, каким был Кузмищев, любившему все полезное и хорошее, могло прийти на мысль отыскать подобные достопамятности, поставив их на видном месте. Плохо помнят в Соломбале о бывшем капитане над портом П.Ф. Кузмищеве по его деятельности. Едва прошло 18 лет, а уже уверяют, что вещи эти (трофеи) не хранились никогда в конторе над портом в Соломбале!»¹⁵⁴

«Как-то в «Кр. Вестнике» возбужден был вопрос о флаге и кортике, взятых как трофеи с английского капера архангельским мещанином Герасимовым в 1810 году. Нам положительно известно, что вещи эти хранятся ныне в арсенале бывшей здесь артиллерийской части и, по случаю упразднения порта, назначены в числе прочих артиллерийских предметов к передаче в ведение архангельской новодвинской артиллерии, где, вероятно, и скроются уже навсегда от взоров современников и потомства. Мы советовали бы местным гражданам вступить в это дело и возвратить себе названные трофеи, как свое кровное наследство и достояние, завоеванное отважным моряком-собратом. Знаки эти приличнее было бы поместить в здешнем городском соборе, где сохраняются Петровы флаги, деревянный крест, сделанный им собственноручно, и орудия, отбитые архангелогородцами под Новодвинкой у шведов»¹⁵⁵.

2.7. Кортик

После 1862 г. следы трофеев М.А. Герасимова вновь теряются. Вероятно, их все-таки вывезли в Кронштадтский арсенал, а позднее – в Санкт-Петербург.

В сравнительно недавно опубликованных книгах заведующего фондом оружия Центрального военно-морского музея капитана 1-го ранга в отставке, кандидата военно-морских наук И.П. Суханова подробно описан трофейный кортик, длиной 58,6 см, когда-то принадлежавший М.А. Герасимову, а теперь находящийся на хранении в Центральном военно-морском музее в Санкт-Петербурге (инв. № 5444):

«Клинок стальной, с остатками травленого орнамента, однолезвийный, с широким и узким долами. Ширина клинка у пяты 3,2 см, кривизна 43/4,8 см. Черен рукояти костяной, с пропиловкой поверхности мелкими ромбиками и тремя фризами. Навершие рукояти литое латунное с головкой и гривой льва. Крестовина также литая, латунная с закругленными и загнутыми в противоположные стороны концами. На нижнем конце крестовины закреплено латунное ушко. Заодно с крестовиной отлиты пластины перекрестья и крепления рукояти, изготовленные в виде заостренной пирамиды с боковыми округлениями, канавками и цветками. Ножны листовые латунные с двумя ушками и кольцами для крепления пасовых ремней. Устье в ножнах зафиксировано двумя

¹⁵⁴ Кронштадтский вестник. 1862. 10 июня. Письмо в редакцию подписано «А. Фр.»

¹⁵⁵ Кронштадтский вестник. 1862. 30 сентября. Автор корреспонденции П. Богославский.

винтами. На верхней обоймице ножен – овалный штамп с надписью: «R. Banks 49. Fore street. Plymouth»¹⁵⁶.

Этот кортик – единственный из трофеев М.А. Герасимова, современное местоположение которого достоверно известно автору настоящей публикации.

*Илл. 2.2. Английский кортик с ножнами – трофей М.А. Герасимова.
Суханов И.П. Оружейные реликвии Российского флота. Из коллекции
Центрального военно-морского музея. СПб.: ООО «Фортекс», 2002. С. 92.*

*Илл. 2.3. Английский кортик – трофей М.А. Герасимова.
Архангельская старина. 2010. № 2. С. 2.
Фото Д. Жаворонкова.*

¹⁵⁶ Суханов И.П. Оружейные реликвии Российского флота. Из коллекции центрального военно-морского музея. СПб: ООО «Фортекс», 2002. С. 92; Суханов И.П. История российского морского кортика. СПб.: ООО «Бранко», 2007. С. 238–239.

Илл. 2.4. Штамп на ножнах английского кортика – трофея М.А. Герасимова.
 Давыдов Р. Трофеи кольского мещанина Матвея Герасимова: к 200-летию подвига // Архангельская старина. 2010. № 2. С. 70.
 Фото Д. Жаворонкова.

* * *

В 1810 и 1811 гг. жители Кольского и Кемского уездов получили правительственное разрешение на ежегодный вывоз в Норвегию до 2000 четвертей хлебных припасов. Именно с этих лет поморы, пока – лишь некоторые из них и пока в ограниченном объеме – получили право самостоятельно, без посредничества купцов и торговых домов, официально совершать рейсы в Норвегию для обмена товаров¹⁵⁷.

Купец Василий Попов, от имени которого в Норвегию шла большая часть грузов в беспокойные годы, предшествовавшие Отечественной войне 1812 года, пожертвовал значительную часть своего состояния для защиты страны. Только в 1812 г., он передал 5 тыс. рублей на нужды ополчения – сумму огромную по тем временам даже для состоятельного купца. Постепенно объемы торговли Василия Попова стали сокращаться, и в 1818 г. он был вынужден прекратить ее. Однако со временем он поправил свои дела и открыл в Архангельске два сахарных завода. Он неоднократно избирался на должность архангельского городского головы и даже исправлял одно время обязанность норвежского консула в Архангельске. За свою жизнь он профинансировал и организовал строительство более 200 морских судов. Умер в 1847 г. в С.-Петербурге¹⁵⁸.

¹⁵⁷ Шрадер Т. (Алимова) С торгом в Норвегу // Следопыт Севера. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1986. С. 203.

¹⁵⁸ Огородников С.Ф. Очерк истории города Архангельска в торгово-промышленном отношении. СПб., 1890. С. 267–270

Матвей Герасимов за свой подвиг был награжден «Знаком отличия военного ордена» Святого Георгия. Еще одну награду – золотую медаль «За усердие» – он получил в 1823 г., за работу лоцманом в одной из полярных экспедиций Федора Петровича Литке (Friedrich Benjamin von Lütke) – выдающегося моряка, географа, гидрографа, военного и государственного деятеля – из семьи «обрусевших» немцев, с 1730-х гг. живших и служивших в России. Будучи по торговым делам в С.-Петербурге, Матвей Герасимов заболел и умер в 1831 г.

Подвиг Матвея Герасимова, совершенный им в 1810 г., впервые нашел отражение в печати в художественном произведении – повести «Мореход Никитин» (1834 г.) Александра Александровича Бестужева-Марлинского¹⁵⁹. Но лишь в середине XIX в. реальные обстоятельства подвига и сама личность героя стали привлекать внимание публицистов и историков. Первые публикации появились в 1849 г.¹⁶⁰ и были переизданы в 1854 г., в условиях войны с Великобританией, когда тема народного сопротивления королевскому флоту сделалась вновь актуальной¹⁶¹. Общие сведения о М.А. Герасимове можно почерпнуть из посвященных ему статей справочных изданий, наиболее подробной из которых является статья в «Русском биографическом словаре»¹⁶². О М.А. Герасимове писали советские исследователи дореволюционной истории Архангельской губернии – мурманский историк И.Ф. Ушаков¹⁶³ и архангельский историк Г.Г. Фруменков¹⁶⁴. Одной из наиболее основательных, специальных работ советского периода, посвященных М.А. Герасимову и его подвигу, является статья Л.Е. Вострякова, напечатанная в 1983 г.¹⁶⁵

¹⁵⁹ А.А. Бестужев (1797–1837) – русский писатель, критик. Марлинский – псевдоним. За участие в заговоре декабристов штабс-капитан А.А. Бестужев сослан в Якутск, в 1829 г. переведен на Кавказ рядовым, участвовал в боевых действиях, получил чин унтер-офицера и георгиевский крест, затем произведен в прапорщики. Погиб в стычке с горцами; тело его не было найдено. «Мореход Никитин» считается одним из лучших его произведений. Подробнее см.: *Скеллер Л.С., Шапенков В.Н.* К вопросу об истории создания и судьбе повести А. Бестужева-Марлинского «Мореход Никитин» // *Русская литература*. 1997. № 4. С. 149–153.

¹⁶⁰ *Заринский М.* Подвиг морехода Герасимова // *Северная пчела*. 1849. № 178; *Чернышев В.* Русский мореход Герасимов // *Журнал Министерства внутренних дел*. 1849. № 5. С. 289–296; *Он же.* Русский мореход Герасимов // *Москвитянин*. 1849. № 16. С. 81–84.

¹⁶¹ *Заринский М.* Подвиг морехода Герасимова // *АГВ*. 1854. 10 апреля; *Он же.* Подвиг морехода Герасимова // *Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений*. 1854. Т. III. С. 330–338.

¹⁶² Герасимов, Матвей Андреевич // *Русский биографический словарь*. Т. IV. Гааг–Гербель. М., 1914. С. 470–471.

¹⁶³ *Ушаков И.Ф.* Кольская земля. Очерки истории Мурманской области в дооктябрьский период. Мурманское кн. изд-во, 1972. С. 228–230; *Он же.* Кольский Север в досоветское время: Историко-краеведческий словарь. Мурманск: Мурманское кн. изд-во, 2001. С. 51.

¹⁶⁴ *Фруменков Г.Г.* Соловецкий монастырь и оборона Беломорья в XVI – XIX вв. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1975. С. 110; *Фруменков Г.Г., Новожилов Ю.К.* Поморы, сыны отечества // Архангельск 1584–1984: Фрагменты истории. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1984. С. 47–48.

¹⁶⁵ *Востряков Л.Е.* «Пожаловать знак отличия...» (Матвей Герасимов – русский патриот) // Архангельское поморье. История и культура. Архангельск, 1983. С. 3–12.

Неизвестной пока остается судьба английских моряков, в несчастливый для себя час решивших захватить русское торговое судно и увести его в Великобританию. Кто они и что с ними стало? Матвей Герасимов в последний раз видел их в норвежском порту Вардё со связанными руками и завязанными глазами, под конвоем солдат местного гарнизона. Возможно, на этот вопрос смогут ответить норвежские или английские историки? Возможно какие-то документы (например, рапорты о случившемся в сентябре 1810 г. от коменданта крепости Вердехус) могли сохраниться норвежских или датских архивах.

Также остается неизвестной и судьба тех россиян из команды Матвея Герасимова, которые были насильно увезены на английское судно, но которым не посчастливилось, в отличие от шкипера и двух других своих товарищей, вернуться обратно к себе «Евплус 2-й».

Глава 3

Торговля с Норвегией в условиях блокады беломорских портов во время Крымской войны (1853–1856)

Известный норвежский исследователь международных отношений Улав Ристе (Olav Riste) в одной из своих книг сделал предельно краткий экскурс в историю Норвегии и Швеции в годы Крымской войны:

«Крымская война (1853–1856) была вызвана попыткой России установить контроль над Черным морем и выходом в Средиземное море. Когда в июле 1853 г. российские войска вступили на территорию придунайских княжеств, турецкий султан объявил России войну, а в марте следующего года Англия и Франция выступили на стороне Турции. Объединенные королевства Швеции и Норвегии, а также Дания заявили о своем нейтралитете в этом конфликте, но король Оскар I вел закулисную деятельность по вовлечению объединенных королевств в войну на стороне западных держав. Его целью было ослабить позиции России в Северной Европе, а, возможно, и проложить путь для возвращения Финляндии и Аландских островов под власть Швеции. Для подкрепления своих усилий он оживил старую идею об экспансионистских планах России по овладению незамерзающими портами на побережье Финнмарка, и в ноябре 1855 г. подписал договор с Англией и Францией, по которому эти две державы предоставляли гарантии территориальной целостности дуалистского королевства против покушений России. Однако, несмотря на попытки короля Оскара привлечь внимание держав-союзниц к северному театру, ареной боевых действий по-прежнему оставалось Причерноморье. В Норвегии военные приготовления¹⁶⁶ привели к резкой конфронтации с правительством и Стортингом. Наместник Норвегии Северин Лёвеншельд неоднократно предостерегал короля от вовлечения обеих стран в войну, а в конце концов подал в отставку со своего поста»¹⁶⁷.

¹⁶⁶ В ближайшей к России крепости Вардё, например, был усилен гарнизон и установлены новые орудия. См.: Verneplan Vardøhus festning. Oslo: Forvarsbygg, 2006. S. 41–42, 119, 123, 175.

¹⁶⁷ Ристе У. История внешней политики Норвегии / Пер. с англ. М.: Весь Мир, 2003. С. 78. Книга была опубликована двумя годами ранее в Норвегии: Riste O. Norway's Foreign Relations –

Соглашаясь с сутью вышеприведенной цитаты норвежского автора, хотелось бы обратить внимание на следующие нюансы:

Во-первых, именно Турция, Англия, Франция, официально *первыми* объявили войну России. А была еще Сардиния (на одной из лекций один из слушателей, не историк, спросил меня: а где это – в Прибалтике?), про которую редко вспоминают, но которая послала в Россию воевать около 18 тыс. солдат и офицеров; примерно четверть из них умерла в Крыму от холеры, тифа и цинги. И именно западные державы, вмешавшись в русско-турецкий конфликт, направили в Россию свои войска.

Во-вторых, все противники России (за исключением упомянутой выше Сардинии) были достаточно сильны даже по отдельности, а их совокупный военный и экономический потенциал существенно превосходил российский.

В-третьих, Россия середины XIX в. была, возможно, единственной державой, воспринимавшейся либеральной и революционной общественностью Запада как тирания, «жандарм Европы» и «тюрьма народов», что было в значительной мере спорным утверждением, особенно если сравнивать ее внутреннюю и внешнюю политику с политикой ее противников. Противостоящие России страны в то время не отличались ни миролюбием во внешней политике, ни совершенством внутреннего общественного и политического устройства, с точки зрения современных взглядов на равенство прав людей независимо от расы, пола, вероисповедания. Великобритания и Франция были тогда крупнейшими *колониальными* империями. Примечательно, едва закончив войну с Россией в том же, 1856 году, Великобритания, а чуть позже и Франция, развязали уже Вторую (!) опиумную войну в Китае¹⁶⁸, защищая права и интересы своих наркоторговцев и контрабандистов, которым китайские власти препятствовали в организации свободной и повсеместной продажи опиума. Одновременно с войной в Китае власти и войска Великобритании были заняты еще и подавлением антиколониального восстания в Индии, известного как восстание сипаев (1857–1858)¹⁶⁹.

В-четвертых, в истории известно немало случаев, когда под предлогом противодействия вымышленной угрозе против страны – ее источника начинались настоящие военные действия¹⁷⁰. У России никогда

A History. Oslo: Universitetsforlaget, 2001. Наблюдения и выводы У. Ристе в целом согласуются со взглядами советских и российских историков. См., например: История Норвегии / Отв.ред. А.С.Кан. М.: Наука, 1980. С. 288–289.

¹⁶⁸ Первая опиумная война (1840–1842); Вторая опиумная война (1856–1860).

¹⁶⁹ «Российская империя – тюрьма. Но за границей та же кутерьма», – строки Андрея Андреевича Вознесенского из культовой рок-оперы «Юнона и Авось». Восторженные советские зрители 1980-х гг. обращали внимание на первую часть данной цитаты и, возможно, искали в этом некий намек поэта «шестидесятника» на окружающую его действительность. Но безусловная справедливость второй части цитаты оставалась ими незамеченной или непонятой.

¹⁷⁰ Сравнительно недавний пример – военное вторжение США и их союзников в Ирак, свержение правящего там режима. Одним из главных поводов для вторжения декларировалось

не было планов по овладению незамерзающими портами на побережье Финнмарка. Сейчас это однозначно доказано как российскими, так и, что важно, норвежскими историками. Отсюда следует, что те политические и общественные деятели в объединенных королевствах Швеции и Норвегии, которые в середине 1850-х гг. не поверили в придуманную «русскую угрозу» и воспрепятствовали втягиванию их стран в войну, не только спасли своих соотечественников от участия в чуждой им кровавой бойне. Они еще и внесли тем самым скромный вклад в предотвращение перерастания Крымской войны в войну мировую. Современные исследования показывают, что такая вероятность тогда, в середине 1850-х гг., была пугающе близка к своему осуществлению...

В Архангельской губернии начали готовиться к обороне до официального объявления войны. В марте – мае 1854 г. военная и гражданская администрации Архангельска, еще до открытия навигации¹⁷¹ реализовали комплекс мероприятий, направленных на защиту губернского города от вторжения с моря. Была перевооружена Новодвинская крепость¹⁷², контролирующая подход к Архангельску со стороны моря по основному судоходному фарватеру; в дельте Северной Двины оборудованы береговые артиллерийские батареи. Также для защиты подходов к Архангельску со стороны моря менее чем за три месяца построена флотилия из 20 деревянных гребных канонерских лодок, вооруженных пушками¹⁷³. Жителям сел и деревень дельты Северной Двины произведена раздача пехотных ружей; налажена система постов для наблюдения за побережьем и действиями противника.

наличие у Ирака оружия массового поражения, которое следовало найти и уничтожить. Запомнился госсекретарь США Колин Пауэлл, размахивавший пробиркой с неким веществом на заседании Совета безопасности ООН 5 февраля 2003 г. В том же году вторжение США в Ирак состоялось; Ирак погрузился в хаос, его лидер окончил жизнь на виселице, но оружия массового поражения в Ираке никто так и не нашел. А в пробирке, как выяснилось потом, не было ничего опасного.

¹⁷¹ Возможности Архангельского порта были ограничены тем, что он мог функционировать около полугода, из-за замерзания реки Северной Двины. Продолжительность навигации зависела от сроков ледохода весной и ледостава осенью. Например, в 1854 г. навигация открылась 30 апреля (12 мая), закрылась – 8 (20) ноября. (ГААО. Ф. 786. Оп. 1. Д. 415. Л. 12 об.).

¹⁷² Новодвинская крепость заложена по указу Петра I от 17 (28) декабря 1700 г. в мае 1701 г. Менее чем через два месяца у строящейся крепости произошел бой с военными судами шведской эскадры, офицеры которой, согласно данной им инструкции, должны были «войти в Архангельскую гавань (...); поджечь город и русские корабли и суда, разорить, разрушить и уничтожить, захватить и забрать, по военному обычаю, все, что можно». 25 июня (6 июля) 1701 г. два шведских судна сели на мель напротив крепости и превратились в неподвижные мишени для русских пушек. Шведы вынуждены были оставить их вместе с артиллерией и отказаться от дальнейших попыток достичь Архангельска. Основные работы по строительству крепости были завершены к 1705 г. (Подробнее см.: *Беспярых Ю.Н.* История знаменитого сражения: Шведская экспедиция в Архангельск в 1701 году. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1990).

¹⁷³ Заложены 6 (18) марта, спущены к 25 мая (6 июня) 1854 г. Морской сборник, 1854. №7. Официальные статьи и известия. С. 192–193.

Следствием принятых мер стало то, что ни в 1854 г., ни в 1855 г. английские и французские военные суда не рискнули углубиться в устья Северной Двины и двинуться по направлению к Архангельску. Попытки проведения ими промерных работ на фарватерах, установки навигационных знаков пресекались силой оружия. Старейшее и крупнейшее в России Архангельское адмиралтейство¹⁷⁴, правительственные учреждения и частные предприятия в 1854 и 1855 гг. работали в нескольких десятках миль от эскадр неприятеля! Задача по защите Архангельска – фактической столицы Русского Севера¹⁷⁵ – была успешно выполнена.

В то же время для организации эффективной обороны всего морского побережья администрация Архангельской губернии не имела ни времени, ни возможностей, ни войск, ни пушек. За время нахождения в Белом и Баренцевом морях английских и французских военно-морских сил в навигации 1854 и 1855 гг. в результате обстрелов из корабельных орудий полностью или по большей части сгорели: город Кола, приморские селения Пушлахта, Мегра, Стрельна, Кандалакша и другие. Но, как это не покажется странным, никто из россиян во время них не погиб, тогда как от ответного огня англичане и французы понесли потери. Примечательно, что во многих случаях корабельным орудиям и вооруженным десантам успешно противостояли не регулярные войска, а решительные местные крестьяне с ружьями.

Наиболее подробно описанными событиями Крымской войны на Русском Севере стали военные действия у Соловецкого монастыря 6–7 (18–19) июля и у города Колы 11 (23) августа 1854 г. В обоих случаях пароходы Royal Navy открывали многочасовую стрельбу из орудий после того как малочисленные и плохо вооруженные русские гарнизоны отказывались сдаться. Повреждения кирпичных зданий Соловецкого монастыря, укрытого толстыми каменными стенами оказались ничтожными, несмотря на интенсивность обстрела, продолжавшегося, по разным источникам, около 8–9 часов. Однако Кола – административный центр и единственный русский город на Мурманском берегу, «столица русской Лапландии» в результате

¹⁷⁴ До середины XIX в. Архангельск был крупнейшим центром военно-морского судостроения России. В 1734–1852 гг. в Архангельском адмиралтействе было построено 225 линейных кораблей и фрегатов, а в адмиралтействах и на верфях Санкт-Петербурга за тот же период лишь 148 (Список русских военных судов с 1668 по 1860 год / Под ред. Ф.Ф. Веселаго. СПб., 1872; Пальмин В.А. Военно-морское судостроение на Севере России в эпоху парусного флота. Архангельск: Поморский ун-т, 2008. С. 174). Примечательно, что в то же самое время город оставался в положении «сапожника без сапог»: лишь единицы русских военных судов находилось в Белом море; они были сравнительно небольшого водоизмещения, несли слабое артиллерийское вооружение, выполняя функции брандвахты, занимаясь снабжением маяков и т.п.

¹⁷⁵ Как известно, Архангельск в то время был административным центром губернии, полностью или частично включавшей в себя территории пяти современных субъектов Российской Федерации: Архангельской и Мурманской областей, республик Карелии и Коми и Ненецкого автономного округа.

примерно 20-часового обстрела выгорел почти полностью, так как был плотно застроен деревянными домами¹⁷⁶.

Командование английских и французских эскадр рассматривало расположенные по берегам Белого моря села и деревни в первую очередь как источник продовольствия для экипажей судов. Вооруженный десант, прикрываясь белым «переговорным» флагом высаживались на берег, понуждая русских крестьян отдавать продовольствие, отнимали у них личное имущество и уничтожали казенную собственность. Единственным способом воспрепятствовать высадке десантов была стрельба по шлюпкам еще до подхода их к берегу. Если защитники сел и деревень решались на последнее, то командиры английских и французских судов получали формальный повод («нарушение права переговорного флага») для стрельбы по жилым домам и церквям из корабельных пушек.

Смыслем военного присутствия в Белом море английской и французской эскадр могла бы стать *блокада* беломорских портов. Однако правительства Франции и, особенно, Великобритании, вероятно, понимали, что «строгая» блокада нанесет вред не только и не столько России. Блокада неизбежно вызвала бы недовольство и у многочисленных судовладельцев и торговых фирм нейтральных европейских государств, которые вели торговлю через порты Белого моря. Под угрозой неминуемо оказался бы бизнес подданных собственно Великобритании, на протяжении трех столетий занимавшихся экспортом из России леса, пиломатериалов и другого сырья через Архангельск и Онегу¹⁷⁷. А Север-

¹⁷⁶ Подробнее об обороне Колы см. публикации автора настоящей книги: *Давыдов Р.* Кола глазами неприятеля. К 150-летию сожжения Колы английским пароходом «Миранда» // Наука и бизнес на Мурмане. 2004, № 4 (43). С. 17–20; *Давыдов Р.А.* Крымская война... в Арктике. Оборона города Колы в 1854 году // Военно-исторический журнал. 2016. № 5. С. 59–66; *Давыдов Р.А.* Оборона города Колы в Крымскую войну в рапортах и воспоминаниях лейтенанта А.М. Бруннера // Исторические поселения севера Европы. Материалы историко-краеведческой конференции. Тринадцатые Феодоритовские чтения / под ред. митрополита Митрофана (Баданина). Апатиты: Издательство Кольского научного центра, 2021. С. 26–63.

¹⁷⁷ Общеизвестно, что возникновение г. Архангельска – старейшего морского порта России – явилось следствием открытия англичанами морского пути в Россию в 1553 г., после которого между двумя странами стали развиваться интенсивные торговые и дипломатические контакты. В 1853 г. архангельское купечество под покровительством военного губернатора, главного командира Архангельского порта Р.П. Боиля с размахом отмечало 300-летний юбилей этого события.

Основание г. Онеги в 1780 г. стало непосредственным результатом активности английского предпринимателя-авантюриста Гома, развернувшего с середины 1750-х гг. по 1783 г. здесь необычайно бурную деятельность. В кратчайшие сроки за счет ссуд, взятых им из русской казны, он устроил морской порт, маяк, три лесопилки, две судоверфи (только в 1761–1768 гг. на них было построено 18 кораблей и 6 галиотов), прядильный двор, канатную фабрику, несколько мельниц, специально оборудованное становище для погрузки судов. Он организовал хищническую вырубку лесов в бассейне р. Онеги. Только с 1762 по 1774 гг. было загружено пиломатериалами 346 судов и отправлено за границу. Более тысячи северных крестьян привлек Гом к работе на своих предприятиях. Маленькая промышленная революция в отдельно взятом месте прекратилась в 1783 г., когда выяснилось, что Гом то ли не может, то ли не хочет возвращать русской казне свои долги на сумму около 1,5 млн. рублей. Гом прекратил свою деятельность, предприятия пришли в запустение. В 1790-е гг. только

ная Норвегия, в середине XIX в. все еще зависимая от поставок русского хлеба на поморских судах именно через беломорские порты, вообще могла оказаться на грани голода. Последнее обстоятельство не могло не учитываться правительствами Великобритании и Франции: обрекать на голод и лишения своих потенциальных союзников им было совершенно не нужно.

3.1. «Беспрепятственное продолжение» торговли?

5 (17) и 7 (19) мая 1854 г. архангельский военный губернатор, главный командир архангельского порта Роман Платонович Боиль получил письма соответственно из Министерства иностранных дел и королевского шведско-норвежского консульства в Архангельске, содержание которых было посвящено русско-норвежской меновой торговле в условиях войны.

В первом письме говорилось:

«Шведское правительство сообщило Министерству иностранных дел, что по случаю нынешних политических обстоятельств сделано было им сношение с английским и французским правительствами об устранении губительного влияния войны между Россиею и западными державами на меновую торговлю, производимую с давнего времени жителями Архангельской губернии с норвежским Финмаркеном, и что означенные правительства, изъявив согласие на беспрепятственное продолжение сей торговли, имеющей особенную важность для Норвегии, обязались не тревожить наших судов, исключительно в оной участвующих»¹⁷⁸.

Аналогичного содержания было письмо от «заведующего королевским шведско-норвежским консулатом»¹⁷⁹.

В обоих письмах содержалась просьба к военному губернатору сделать соответствующие новым обстоятельствам распоряжения и объявления. Р.П. Боиль пришлось вспомнить о своих собственных воинственных призывах двухмесячной давности к северянам, напечатанных в «Архангельских губернских ведомостях»:

«Зная, что жители Архангельской губернии – народ смысленный, бестрашный и всегда отважный, я надеюсь, что они, с Божьею помощью, не дадут себя в обиду какому-нибудь сорванцу-пришельцу, который бы, желая поживиться чем-либо нажитым трудами, вздумал напасть на них; я вполне уверен, что они, при своем уме и всегдашнем удалстве,

огромные пространства вырубленного леса, штабеля гниющих бревен, тянущиеся на несколько верст по речным берегам, развалины эллингов напоминали о «зловредном бродяге» Гоме. Подробнее см.: *Огородников С.Ф.* Очерк истории города Архангельска в торгово-промышленном отношении. СПб., 1890. С. 193–198; *Трофимов П.М.* Очерки экономического развития Европейского Севера России. М., 1961. С. 83–86.

¹⁷⁸ ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 5. Д. 5631. Л. 5–5 об.

¹⁷⁹ Там же. Л. 9–9 об.

постараются даже завладеть неприятелем¹⁸⁰, если он осмелится показаться на заветных водах нашего Белого моря, и через это заслужить от Царя-Отца спасибо, а от соседей похвалу»¹⁸¹.

Теперь же Р.П. Боилю, в свете новых обстоятельств, приходилось срочно отдавать новые, противоречащие предыдущим, распоряжения:

«Предлагаю Губернскому правлению, – писал он 6 (18) мая, – через припечатание ныне же в губернских ведомостях, предупредить поморцев, чтобы они, занимаясь меновою торговлею с норвежским Финмаркеном, отнюдь не смели делать какого-либо нападения или предпринимать каких-либо неприятельских действий против судов англо-французского флота, если во время плаванья с оными встретится, чтобы ружей, которые поморцам розданы для защиты здешнего края, они не брали с собою и вообще, чтобы суда, которые будут плавать для торговли с норвежским Финмаркеном, отнюдь не имели вооруженного вида, дабы тем не подать повода английскому и французскому правительствам сомневаться в мирном плаваньи наших торговых судов и затем нарушить изъявленное ими согласие на беспрепятственную торговлю с Финмаркеном»¹⁸².

Через день, 8 (20) мая, «Архангельские губернские ведомости» опубликовали объявление «О беспрепятственном продолжении меновой торговли приморских жителей в Финмаркене», в которое было включено и вышеприведенное «предупреждение» военного губернатора¹⁸³.

В тот же день, архангельский военный губернатор, проинформировав управляющего Министерством иностранных дел России о сделанных им распоряжениях, сообщил и запрашиваемые министерством сведения о грузоподъемности русских судов и посещаемых ими портах Северной Норвегии: «Величина судов, употребляемых жителями Архангельской губернии для торговли с Норвегиею проситруется от 9 до 70 ластов и (...) эти суда ходят в следующие норвежские порты: Вадзое, Вардгауз, Гаммерфест и Тромсен, который и составляет самый южный пункт их плаванья к норвежским берегам»¹⁸⁴.

3.2. «Покорнейше прошу Вас продолжать...»

Пару недель спустя губернатор Р.П. Боиль узнал, что в шведско-норвежское консульство в Архангельске развернуло массовую выдачу неких свидетельств для русских судовладельцев, занятых в торговле с Норвегией.

¹⁸⁰ Здесь явный отсыл к подвигу кольского мещанина М. Герасимова, о котором подробно рассказано в предыдущей главе.

¹⁸¹ АГВ. 1854, 6 марта.

¹⁸² ГАО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 5. Д. 5631. Л. 10–10 об.

¹⁸³ АГВ. 1854, 8 мая.

¹⁸⁴ ГАО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 5. Д. 5631. Л. 15 об.

26 мая (7 июня) Р.П. Боиль написал в Архангельскую портовую таможню:

«До сведения моего дошло, что на некоторых из русских купеческих судов, отправляющихся из Архангельского порта в Норвегию, росписи товаров свидетельствуются исправляющим должность шведско-норвежского в Архангельске консула. В случае, если подобное свидетельство делается не на всех судах, отправляющихся с товаром в Норвегию, то те из них, которые не имеют этого свидетельства, легко могут быть захвачены неприятелем под тем предлогом, что они, не имея означенного консульского удостоверения, не принадлежат к числу судов, которым предоставлено право свободного плавания по торговле в Норвегию, а потому предлагаю портовой таможне доставить мне сведения – на всех ли без исключения русских купеческих судах, отправляющихся в Норвегию, свидетельствуется товар консулом»¹⁸⁵.

В таможне об этом «освидетельствовании» ничего не знали, и потому обратились к консулу за разъяснениями. Он ответил, что он действительно выдавал особые удостоверения за своей подписью тем поморам, у кого уже были на руках паспорта на отход в Норвегию. В каждом таком документе консул указывал название судна, фамилию и имя шкипера, численность команды, порт назначения, сведения о товаре (т.е. то же самое, что было указано в таможенном паспорте)¹⁸⁶. Поморы сами настаивали на выдаче их, полагая, что документы за подписью консула станут главной «охранной грамотой» их в случае встречи их с военными судами неприятеля.

Разобравшись в ситуации, военный губернатор Р.П. Боиль не только не стал возражать этой новой, стихийно возникшей процедуре, но и одобрил ее, написав шведско-норвежскому консулу 4 (16) июня:

«Покорнейше прошу Вас продолжать это засвидетельствование, если только сами судовладельцы будут просить Вас об этом, не обязывая однако ж их к этому, так как такое требование было бы несогласно с существующими правилами о торговле России с Норвегиею»¹⁸⁷.

Забегая вперед, скажем, что после этого русские судовладельцы не только Архангельска, но и из других прибрежных поселений стали требовать у норвежского консула соответствующих «свидетельств». Когда же консул отказывал просителям (суда их находились не в Архангельске, а у их владельцев не было при себе никаких документов, подтверждающих их намерение идти в Норвегию с конкретным грузом), те шли жаловаться военному губернатору!

Например, 17 (29) августа губернатор Р.П. Боиль направил шведско-норвежскому консулу следующее письмо:

«Мещане Сумского посада Григорий Демидов и Павел Ростовцев принесли мне жалобу на то, что Вы отказали им в выдаче свидетельств

¹⁸⁵ Там же. Л. 16–16 об.

¹⁸⁶ Там же. Л. 17–17 об.

¹⁸⁷ Там же. Л. 19–19 об.

на отплытие их со своими судами в Норвегию не из Архангельска, а из Сумского посада, так как суда их находятся в Суме. Покорнейше прошу Вас уведомить меня, почему Вы отказали в выдаче свидетельств мещанам Демидову и Ростовцеву»¹⁸⁸.

Консул ответил, что свидетельства выдает только по предъявлению ему паспортов, получаемых поморскими жителями от таможи. А поскольку Демидов и Ростовцев никаких документов ему не предъявили, то он не счел себя вправе выдать им свидетельства до тех пор, пока не увидит удостоверения русского начальства, что к отплытию заявителей в Норвегию препятствий не имеется.

Дабы пресечь повторение подобных случаев в будущем, Р.П. Боиль написал начальнику Архангельского таможенного округа: «Имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство предписать всем таможенным заставам для объявления поморским жителям, отправляющимся в Норвегию, что для получения свидетельства от консула должно предъявлять ему таможенный паспорт, в коем означается и груз и количество оно; тогда консул будет знать, в чем он дает свидетельство»¹⁸⁹.

...С открытием навигации русские судовладельцы, как и в прежние годы, направили свои шхуны и лодьи с грузами к берегам Северной Норвегии. Они не были вооружены; их команды рассчитывали на то, что выданные норвежским консулом свидетельства послужат им надежной гарантией безопасности плавания, а офицеры английских и французских эскадр не нарушат обещания, данного правительствами их стран не препятствовать старинной торговле с Норвегией. Но очень скоро некоторым из них пришлось убедиться, что все не так просто.

3.3. «Здорово, ребята!»

В первых числах июня (по старому стилю) поморы, прибывшие в Вардё, увидели военные суда неприятеля своими глазами.

3 (15) июня Кольский мещанин Роман Хипагин, находившийся на своем судне, с интересом рассматривал шлюпку, на которой английские моряки направлялись к берегу в сторону крепости Вардё. Один из находившихся в ней, рыжебородый мужчина в сюртуке, на чистом русском языке поприветствовал Хипагина и бывших с ним россиян: «Здорово, ребята! Хлеб да соль!» Англичане, встреченные норвежскими официальными лицами, посетили крепость, пробыли в ней около часа и пошли в дом купца Бродкорба, где также пробыли около часа. Ждавший их пароход тем временем находился под парами около берега. На берегу тот же самый переводчик, служащий у англичан, завидев другого россиянина, приступил к нему с разными расспросами, а узнав, что тот из

¹⁸⁸ Там же. Л. 64.

¹⁸⁹ Там же. Л. 66–66 об.

Кеми, ласково погладил его по голове, и сказал: «Хорошо, дружок! Попадаемся и с тобою!» По возвращении англичан на пароход, с последнего раздалась пушечная стрельба: англичане салютовали норвежской крепости.

Встреча с неприятелем, особенно с болтливым переводчиком, произвела тягостное впечатление на поморов. Роман Хипагин съехал на берег и пошел к купцу Бродкорбу. От Бродкорба он узнал, что англичане планируют идти к городу Коле, произвести промеры Екатерининской гавани и побывать в Соловецком монастыре. Потеряв несколько дней на ожидание попутного ветра, Р. Хипагин прибыл в Колу 10 (15) июня, где сообщил о виденном и слышанном местным властям¹⁹⁰.

К тому времени англичане взяли уже первый «приз». Им оказалась шхуна «Волга», направлявшаяся в порт Тромсё на севере Норвегии.

3.4. Захват шхуны «Волга» англичанами: «Правила наши иначе не позволяют»

Василий Антонов прибыл из Кеми в Архангельск на своей шхуне «Волга» в мае 1854 г. Узнав, что всем жителям Архангельской губернии «дозволены приход и торговля в Норвегии без опасности от неприятельского задержания», он принял на шхуну груз, состоящий преимущественно из муки, и 1 (13) июня направился в Тромсё. 5 (17) июня, на пути к Трем Островам, команда шхуны увидела английские военные суда. Со стороны англичан прозвучал выстрел; на «Волге» убрали паруса и остановились. После этого к шхуне подошла шлюпка, в которой находились полтора десятка вооруженных матросов и офицер. Забрав все судовые документы, в том числе и свидетельство шведско-норвежского консула в Архангельске, в котором подтверждалось, что судно идет в Норвегию (!), офицер доставил В. Антонова на флагманский фрегат английской эскадры «Eurydice»¹⁹¹.

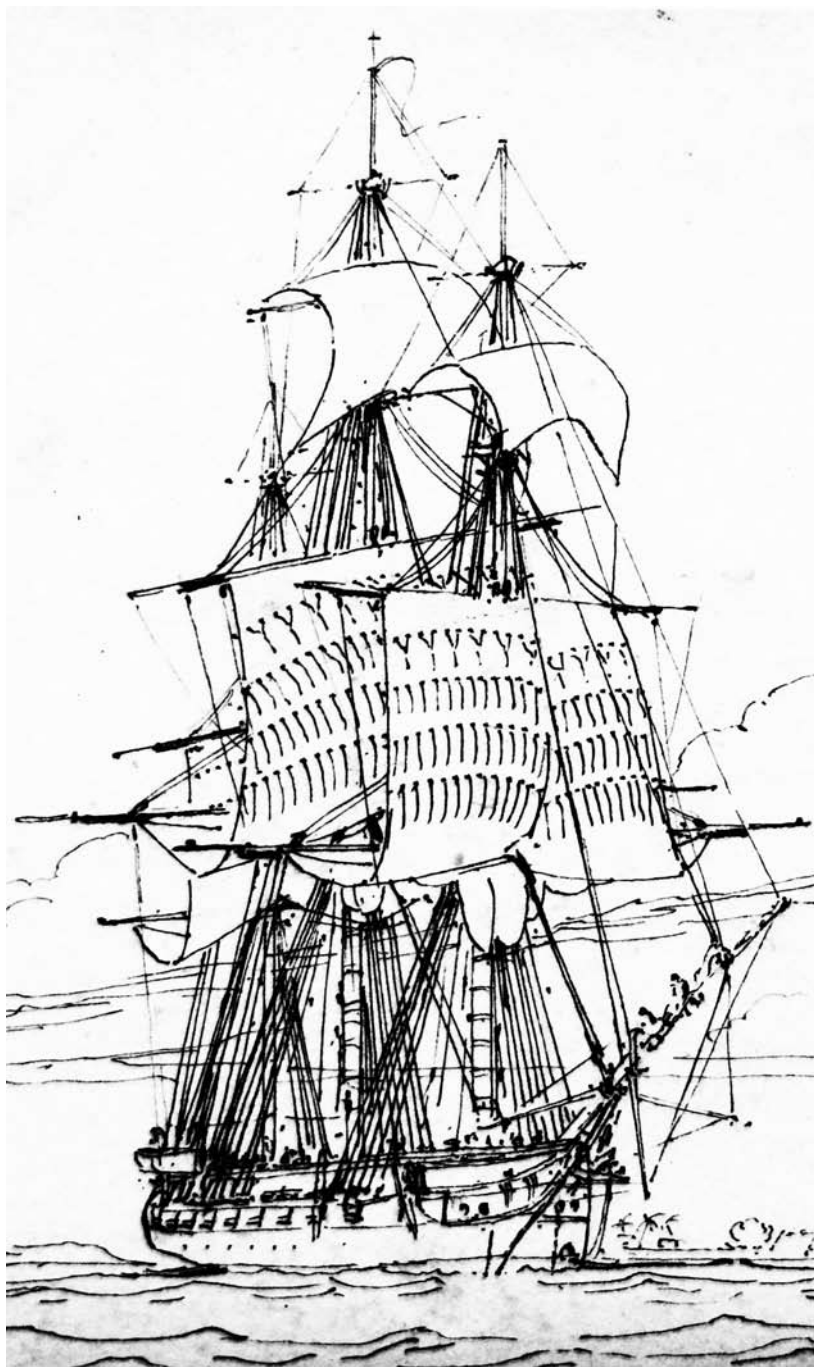
«Введен я был в каюту и через переводчика капитаном Оммани¹⁹² объявлено, что дело решено – меня и шхуну мою задержать, – вспоминал впоследствии В. Антонов, – и затем отвезли меня обратно (...), а матросов моих перевезли на пароход, а на шхуне моей оставили офицера и 6 человек их матросов¹⁹³. Пробыв тут 4 дня и, в это время 8 числа, я, скучая этим арестом и видя очевидную потерю собственности и лишение свободы, решил написать к капитану Оммани письмо, в коем

¹⁹⁰ ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Т.5. Д. 5581. Л. 26 – 28 об.

¹⁹¹ Название фрегата по-русски чаще всего пишется «Эвридика». В официальных письмах с английской эскадры, написанных на русском языке, название фрегата выглядело вообще экзотично: «Юридисей».

¹⁹² Erasmus Ommanney (1814–1904) – в отечественной литературе его фамилия пишется как Аммани, Оммани, Омманей и т.п.

¹⁹³ Кроме того, по разным данным, с Антоновым оставили на «Волге» одного или двух его матросов.

Илл. 3.1. Фрегат «Эвридика» (HMS «Eurydice»).

National Maritime Museum, Greenwich, London.

<http://collections.rmg.co.uk/collections/objects/113555.html>

Неизвестно, есть ли и сохранились ли рисунки флагмана английской эскадры в Белом море, относящиеся к 1854 г. Этот рисунок фрегата «Эвридика» был сделан пятью годами ранее, 10 февраля 1849 г. у форта Св. Себастьяна в Мозамбике. Художник – George Pechell Mends.

просил освободить меня с экипажем, и письмо отправил с офицером, приезжавшим с фрегата ко мне на шхуну»¹⁹⁴.

11 (23) июня В. Антонову привезли ответное послание на русском языке с обилием орфографических ошибок, подписанное командующим английской эскадрой. В нем выражалось сожаление в связи с задержанием шхуны и как бы в оправдание утверждалось: «Правила»¹⁹⁵ наши иначе не позволяют». Владельцу «Волги» предлагалось собрать личные вещи и быть готовым 12 (24) июня переехать на фрегат, где ему «спокойно будет»¹⁹⁶.

Командующий эскадрой не уточнил в письме, какие именно «правила»¹⁹⁷ помешали ему выполнить официальное обещание английского правительства не препятствовать плаванию русских судов в Норвегию и обратно по делам меновой торговли. Зато на словах В. Антонову потом пояснили, в чем его будто бы была вина: свидетельство шведско-норвежского консула было будто бы написано на простой, а не на гербовой бумаге (?), а сама шхуна так изящно построена, что может использоваться в качестве военного судна!¹⁹⁸

Кроме «Волги» были задержаны с интервалом в несколько дней другие русские суда, никакого отношения к русско-норвежской торговле не имеющие¹⁹⁹. По каким-то причинам англичане не прибегли к помощи переводчиков, не разобрались в документах и всех отпустили, посчитав, что русские суда идут в Норвегию²⁰⁰.

В тот день, 11 (23) июня, когда владелец «Волги» собирал вещи и готовился перебраться на английский пароход, до губернского города Архангельска достигли первые известия о появлении на Белом море военных судов неприятеля²⁰¹.

«Волгу» новые хозяева вооружили пушками и оправили в Англию²⁰². Команду ее освободили, за исключением Василия Антонова и матроса Якова Долгобородина²⁰³. Последним пришлось еще несколько недель²⁰⁴

¹⁹⁴ ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 5. Д. 5599. Л. 101 об.

¹⁹⁵ В оригинале было написано «правила».

¹⁹⁶ Там же. Л. 7.

¹⁹⁷ Рассуждения Э. Омманея о «правилах» середины XIX в. невольно вызывают ассоциацию с устойчивым выражением начала XXI в. – «порядок, основанный на правилах». Это выражение вполне официально, вовсе без иронии, до недавнего времени широко использовалось в западных СМИ для характеристики современных международных отношений, регулирующихся не только и не столько общепризнанными законами, сколько некими неписанными для акторов «правилами».

¹⁹⁸ Морской сборник. 1854, №7. Официальные статьи и известия. С. 197.

¹⁹⁹ Например, 7 (19) июня англичанами была остановлена, но спустя шесть часов отпущена шхуна «Радуга» крестьянина Мудьюгского селения Николая Корельского, которая шла в г. Колу с грузом ржаной муки для общественного магазина.

²⁰⁰ ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 5. Д. 5581. Л. 80–81 об.

²⁰¹ Морской сборник. 1854, №7. Официальные статьи и известия. С. 195–196.

²⁰² Так, по крайней мере, объявили Антонову. Однако он потом, более недели спустя, у о. Соновца еще раз увидел свою шхуну. Как ее использовали англичане – остается загадкой.

²⁰³ В документах встречается и другой вариант написания фамилии матроса – Долгобородов.

²⁰⁴ Всего с момента захвата «Волги» до освобождения В. Антонова прошло 34 дня.

провести в плену на разных судах английской эскадры. После освобождения В. Антонов сообщил российским властям свои впечатления об английском фрегате, пароходах и их командах²⁰⁵:

«Офицеров [на фрегате] до 20 человек, в том числе два лекаря, один лейтенант, а прочих не могу поименовать по незнанию оных и фамилий их; а весь экипаж с этими офицерами на том фрегате заключается из 250 человек, в том числе солдат 30²⁰⁶, унтер-офицеров 4 и один офицер по артиллерии; а прочие матросы – вольнонаемные из жалования, малоопытные в воинском деле, как заметно, и всех их обучают в каждый день по утру в 9 часов, а вечеру – в 6 часов ружейным приемам, у которых имеются ружья; а другие вольные матросы вооружены только саблями и пистолетами, но когда выезжают куда-либо – на гору или на проходящие суда, то все они снабжаются ружьями и в боты берут с собою небольшие медные по одной пушки. Фрегат этот вооружен тридцатью пушками, из них две медные, а остальные 28 чугунные разной величины»²⁰⁷.

«Из числа виденных мною неприятельских всего четырех судов (...), фрегат и пришедший впоследствии из Англии бриг²⁰⁸ были парусные; и два парохода, которые вооружены каждый по восемнадцать пушек²⁰⁹. Экипаж на оных не больше, чем по сто человек, в том числе солдат не более как по 20 человек; а прочие все матросы, и даже при пушках служители из вольных завербованных людей, которые весьма худо действуют при неоднократно замеченных мною действиях во время учений²¹⁰(...) Из пароходов один по виду довольно длинный и, как слышал

²⁰⁵ В нижеприведенных цитатах мы допускали некоторые изменения в орфографии и пунктуации оригинала, в соответствии с правилами современного русского языка.

²⁰⁶ Английские морские солдаты (Royal Marines), помимо участия в десантных операциях, при необходимости удерживали в повиновении матросов. См.: Английский военный флот в начале 1853 года // Морской сборник, 1853. № 5. С. 402.

²⁰⁷ ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5599. Л. 101–101 об. В английских изданиях говорится, что вооружение фрегата «Eurydice» состояло из 26 орудий (См., например: *Yonge C.D. The History of the British Navy from the Earliest Period to the Present Time. Second edition. In 3 vol. London, 1866. Vol. III. P. 318; Clowes Wm. The Royal Navy. A History from the Earliest Times to the Present. In VII Vol. Vol. VI. London, 1901. P. 428).*

²⁰⁸ Упоминания о появлении на Белом море английского брига, привозившего уголь для пароходов, встречаются и в других архивных источниках.

²⁰⁹ В отечественной историографии нередко ошибочно указывается, что пароходы «Brisk» и «Miranda» были вооружены 60-ю пушками каждый. В английских изданиях говорится, что на каждом из пароходов было по 14 пушек (*Clowes Wm. The Royal Navy... P. 428*). В. Антонов, утверждал, что на каждом пароходе было по 18 пушек. (Возможно, В. Антонов либо ошибся, либо имел в виду общее количество орудий: 14 на пароходе и по одной – на его шлюпках).

²¹⁰ Примечательно, что низкое качество физической и боевой подготовки вольнонаемных английских моряков неоднократно отмечали северные крестьяне, видевшие их при десантных операциях. Отзывы были обескураживающими, как, например, о высадившихся в селе Ковде англичанах: «Все были старый, да малый, кто кривой, кто хромой – всякий сброд». Архангельский военный губернатор Р.П. Боиль опытный моряк, не стеснялся в выражениях относительно возможностей своих бывших соотечественников (!) при высадке десантов: «сброд», «дрянь», «раки на земле», «стрелять не умеют», «мастера грабить только тех, кто их струсит», «бабы наши могли бы их ухватами переколотить» и т.д. Подробнее см.: *Давыдов Р.А., Попов Г.П. Оборона Русского Севера в годы Крымской войны: Хроника событий. Екатеринбург: УрО РАН, 2005. С. 83–84, 89, 93–94, 107–108, 129, 144.*

от переводчика (...), будто бы в 350 сил (...), а другой немного менее. Фрегат сидел в воде в 21 фут, пароходы же сидят по 17 фут»²¹¹.

«На фрегате имеется всех катеров 6. Из них два, вмещающие вооруженных по 50 человек, а четыре, вмещающие по 25 вооруженных, а на пароходах по четыре катера, из них по одному, вмещающие по 50, а остальные – по 25 вооруженных человек, и на всех этих судах бывает по одной медной пушке малого калибра»²¹².

«Переводчик русского языка один²¹³. Объявлял он мне себя английским уроженцем по фамилии Хиль, и якобы проживал наперед сего в Архангельске много годов, и был в С.-Петербурге в октябре месяце 1853 года. Он немалого росту, волосы на голове и бровях светло-русые, лицо рыжеватое, и он еще сказывал, что, будто, поступил в эту эскадру по собственной воле без жалования и из любопытства...»²¹⁴

Рассказал В. Антонов и о результатах обстрела англичанами Соловецкого монастыря²¹⁵. Он заметил повреждения бизань-мачты одного из пароходов, произведенные пушечным выстрелом защитников монастыря, а «из разговоров понял, будто бы у них убито только два человека»²¹⁶.

8 (20) июля в селение Лямца Онежского уезда с двух шлюпок высадили вооруженный английский десант под белым флагом – около 40 человек. Поскольку почти все население деревни было на сенокосах, десантники застали в Лямце лишь пятерых стариков и священника. Угрожая старикам оружием, они ограбили дома, постреляли и забрали с собой принадлежавшие крестьянам быков, баранов и кур²¹⁷. Там же в Лямце англичане оставили В. Антонова и Я. Долгобородина. Получив долгожданную свободу, бывший владелец и шкипер шхуны вместе со своим матросом упростили 70-летнего крестьянина Д.П. Шестакова отвезти их на карбасе в Кемь²¹⁸. Однако их радость от встречи с родными и соседями была недолгой. Стараниями помощника кемского окружного

²¹¹ ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5599. Л. 108 об.–109.

²¹² Там же. Л. 110.

²¹³ Переводчиков у англичан было как минимум двое. В. Антонов либо не знал, либо сознательно умолчал о другом переводчике – русском по происхождению, предположительно архангельском мещанине П.М. Жебелеве, подробнее о котором см.: *Давыдов Р.А., Попов Г.П. Оборона Русского Севера...* С. 44.

²¹⁴ ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5599. Л. 109 – 109 об.

²¹⁵ Подробнее см.: *Давыдов Р.А., Попов Г.П. Оборона Русского Севера...* С. 63.

²¹⁶ ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5599. Л. 107 об. Это вполне сопоставимо с данными, приводимыми в английской литературе – один убитый и один раненый (*Clowes Wm. The Royal Navy...* P. 428)

²¹⁷ Через год, в ночь на 28 июня (10 июля) 1855 г. крестьяне Лямцы дали бой английскому десанту и не допустили его высадку. Последующий многочасовой обстрел Лямцы из пушек парохода не причинил никакого серьезного вреда ни селению, ни его жителям. Английские моряки заметили, что наиболее интенсивный огонь по десанту крестьяне вели со стороны церкви, откуда был сделан и первый выстрел; русские источники, в свою очередь, отмечают самоотверженность священника Петра Лыскова, в продолжении всего боя под артиллерийским огнем «ободравшего крестьян словом своим». Подробнее см.: *Давыдов Р.А., Попов Г.П. Оборона Русского Севера...* С. 77–80, 134–139.

²¹⁸ ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5599. Л. 77.

начальника Андрея Горбатова, Василия Антонова едва не отдали под военный суд как... предателя.

«Помощник кемского окружного начальника Горбатов доносит мне, – писал управляющий Архангельской палатой государственных имуществ военному губернатору 27 июля (8 августа), – что выпущенный из плена в деревне Лямце кемский мещанин Антонов, пробираясь в Кемь, убеждал крестьян Нижмозерской волости не сопротивляться неприятелю, а снабжать его всем, что потребует, и что в таком случае селения не будут сожжены и за все забранное будет заплачено. Горбатов присовокупил, что подобные возмутительные слова подействовали до такой степени на крестьян, что они решительно отказались защищать свои селения от набегов неприятеля и не хотели принять отправленные мною в ту волость ружья, порох и свинец, и что некоторые из крестьян осмелились даже ему, Горбатову, ответить, что ежели он будет настаивать и принуждать к сопротивлению, то они его передадут неприятелю»²¹⁹.

Р.П. Боиль посчитал нужным сообщить вышеизложенное в С.-Петербург, в военное и морское министерства, присовокупив, что им «к прекращению этого беспорядка тотчас же приняты должные меры, а для убеждения крестьян сопротивляться неприятелю до последней возможности, послан в помянутую волость благонадежный чиновник»²²⁰. О «возмутительных поступках мещанина Антонова» узнал даже император!

Однако в процессе следствия все опрошенные свидетели дали показания в пользу подозреваемого. Оказалось, что инцидент с ружьями хотя и имел место, но к В. Антонову не имел никакого отношения и был вызван в первую очередь плохой организационной работой самого А. Горбатова, не объяснившего крестьянам их обязанностей по защите края. Все разговоры, которые вел владелец «Волги» после освобождения из плена, в основном сводились к тому, что он будет жаловаться начальству на противоправные действия англичан²²¹. Дело об «изменническом поступке» превратилось в дело «о чиновнике Горбатове, ложно оговорившем Антонова». А. Горбатов изрядно поволновался, но и для него все закончилось не так уж плохо.

«Хотя чиновник Горбатов действительно донес об Антонове неосновательно, – резюмировал С.П. Хрущов, сменивший в должности архангельского военного губернатора умершего Р.П. Боиля, – но это произошло, как из обстоятельств дела оказывается, собственно от недоразумения его, но отнюдь не из предосудительных каких-либо побуждений, за которые бы он должен был подвергнуться строгому взысканию...»²²²

²¹⁹ Там же. Л. 2–3.

²²⁰ Там же. Л. 9.

²²¹ Там же. Л. 76 об.

²²² Там же Л. 294.

Тем не менее, издержки, употребленные на следствие, – 67 руб. 12 коп. – с А. Горбатова взыскали и от должности его отстранили. За «несчастливого» вступилась его супруга, Ольга Горбатова, мать восьмерых детей, оставшихся без пропитания. В конце концов, издержки приняли на счет казны²²³.

О ситуации с захватом «Волги» в течение минимум двух лет, 1854 и 1855 гг., велась переписка не только в Архангельске, но и в... Лондоне. Судя по тем документам, с которыми автору настоящего очерка удалось ознакомиться, переписка о «Волге» началась по инициативе бывшего консула Великобритании в Архангельске, Джона Уайтхеда²²⁴. Бывший консул считал задержание принадлежавшей Василию Антонову шхуны «Волга» незаконным и даже требовал от властей Великобритании компенсаций для пострадавшего россиянина!

Сложно сказать, какие именно мотивы обусловили такую настойчивость о консула. Мы можем лишь предполагать, зная некоторые факты его биографии.

Джон Уайтхед жил в Архангельске вместе со своей семьей с 1838 г., т.е. около 16 лет. У него был здесь и свой бизнес – «Торговый дом под фирмою Гладстон и Вайтед», приносящий стабильный доход. В 1853 г. Архангельск праздновал 300-летие «открытия» морского пути в Россию Ричардом Ченслером²²⁵. И Дж. Уайтхед, как великобританский консул и предприниматель был в центре внимания, принимая многочисленные поздравления от россиян и иностранного купечества. В самом начале 1850-х гг. семейство Уайтхедов обзавелось новым двухэтажным каменным домом – в престижном и живописном месте города с видом на Северную Двину²²⁶. Стоит ли сомневаться в том, что Дж. Уайтхед, как и другие его соотечественники, сделавшие себе состояния на торговле лесом с севера России, как минимум без восторга восприняли известие об объявлении Великобританией войны России?

Несмотря на то, что после объявления войны России консулы Великобритании и Франции «были приглашены выехать из России»²²⁷, Дж. Уайтхед мог остаться в Архангельске на вполне законных основаниях. Еще 27 февраля (11 марта) 1854 г. архангельский военный губернатор Р.П. Боиль написал письмо министру внутренних дел, в котором просил уведомить его: могут ли после объявления всего приморского края губернии «в военном положении» в Архангельске и Онеге проживать английские подданные, имеющие здесь оседлость и торговые дела?²²⁸

²²³ Там же. Л. 295, 303, 310 об.

²²⁴ John Whitehead. В российских документах, справочных изданиях середины XIX в., консула Великобритании в Архангельске называли Иваном Матвеевичем Вайтедом. См., например: Справочная книжка Архангельской губернии на 1852 год. Архангельск, 1852. С. 253.

²²⁵ Следствием чего стало решение, принятое в 1883 г. Иваном IV Грозным об основании города, получившего потом название Архангельск.

²²⁶ Усадьба Дж. Уайтхеда сохранилось до наших дней.

²²⁷ ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 5. Д. 5630. Л. 15.

²²⁸ Там же. Л. 1 – 1 об.

Ответ на этот вопрос пришел в Архангельск из Министерства иностранных дел; он был получен 18 (30) апреля 1854 г. В нем сообщалось, что Его Императорскому Величеству было благоугодно тем «английским консулам, которые принадлежат к купеческому сословию или имеют здесь оседлость, занимаясь торговлею, промышленностью и тому подобным, – позволить остаться»²²⁹.

Тем не менее, война, объявленная России Великобританией, вынудила Дж. Уайтхеда уехать вместе с женой, тремя детьми и племянником, оставив в Архангельске свой бизнес и новый дом. В одном из своих прощальных писем, отправленном 23 апреля (5 мая) 1854 г. на имя архангельского гражданского губернатора В.Ф. Фрибеса, Дж. Уайтхет писал: «Касательно вопросу, желаю ли я здесь остаться во время войны, я имею честь объяснить, что так как официальные мои обязанности ныне кончаются и торговые сношения между обеими державами прекращены, и часть моего семейства, состоящая из 4-х старших детей отправлены были в Англию после бывшего в 1851-м году пожара, лишившего меня прежнего дома, то я намерен ехать с женою и 3-мя состоящими при себе детьми и племянником соединиться с ними (...)»²³⁰.

Илл. 3.2. Корреспонденция консульства Великобритании в Архангельске 1850-х гг.

TNA. FO 264/3.

Фото автора книги.

²²⁹ Там же. Л. 15–15 об.

²³⁰ ГАО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 5. Д. 5630. Л. 24 об.–25.

Илл. 3.3. Печать консульства Великобритании в Архангельске середины 1850-х гг.

TNA. FO 264/3.

Фото автора книги.

Вернувшись в Великобританию и приводя в порядок свои дела, Дж. Уайтхед, среди прочего, инициировал переписку о захвате эскадрой Royal Navy русской шхуны «Волга» и выплате компенсации ее шкиперу и владельцу. Возможно, захват «Волги», получивший широкий резонанс среди поморских судовладельцев и поставивший под угрозу русские поставки хлеба на север Норвегии, вызвал у Дж. Уайтхеда чувства, похожие на стыд? Ведь именно он, основываясь на официальной позиции МИД Великобритании, обещал, что русские частные суда, занятые в торговле с Норвегией будут неприкосновенны – обещал не только русским властям, но и властям королевств Швеции и Норвегии.

В переписку оказались вовлечены: министр иностранных дел Великобритании лорд Кларендон²³¹, Адмиралтейство, Коллегия юристов гражданского права в Лондоне²³², бывший командующий эскадрой Royal Navy в Белом море в 1854 г. Эрасмус Омманней и другие официальные лица.

²³¹ Имеется ввиду, вероятнее всего, Джордж Уильям Фредерик Вильерс, 4-й граф Кларендон (George William Frederick Villiers, 4th Earl of Clarendon) – министр иностранных дел Великобритании с 21 февраля 1853 г. по 26 февраля 1858 г.

²³² В оригинале название этой коллегии звучит лаконично и несколько двусмысленно: Doctor's Commons.

Переписка эта производит тягостное, хотя и ожидаемое впечатление. За годы жизни на Севере России Дж. Уайтхед, видимо, слегка подзабыл о том, как т.н. «двойные стандарты» в отношении Запада к России могут применяться на практике. Но соотечественники в Лондоне ему быстро напомнили. Логика британских официальных лиц, отвечавших ему, была, почти в дословном изложении, следующей. «Волга» шла под русским флагом? Да. Команда на ней была русская? Русская. Война с кем идет? С Россией. У Великобритании со Швецией были какие-то договоренности? Да, были какие-то; но захват русских судов, где бы они ни были встречены, это даже не право, это – долг британских крейсеров! Хотя бедного владельца «Волги» жаль, конечно, но ничего не поделаешь – война. Но о компенсации ему в данном случае и речи быть не может²³³.

Когда же отрицать наличие официальных договоренностей со Швецией и Норвегией о беспрепятственной российско-норвежской торговле стало невозможно, аргументация противников Дж. Уайтхеда изменилась. Мол, поздно уже что-либо исправлять: деньги за «призовое судно» уже поделены.

Эрасмус Омманней, которого запросили об обстоятельствах взятия «Волги» ответил, что у шкипера «Волги» не было никаких документов, подтверждающих его участие в торговле с Норвегией (и ему, конечно, поверили на слово). Главным же аргументом Э. Омманнея было то, что «Волга» (опять же со слов Э. Омманнея) была больше 100 тонн – как минимум 120 тонн²³⁴.

Казалось бы, ну и что? Какая разница, какое водоизмещение или грузоподъемность у русской шхуны: 100, 110 или 120 тонн? Ни Великобритания, ни Швеция с Норвегией через своих консулов не сообщали российским властям о каких-либо ограничениях по этим показателям для судов, которым было официально разрешено производить торговлю с Норвегией в условиях войны. Между тем, Э. Омманней настаивал: раз «Волга» больше 100 тонн, значит – законный приз. Его объяснение в Великобритании посчитали «полным и удовлетворительным»²³⁵. А усилия

²³³ В оригинале одного из документов: «The vessel was admittedly Russian, and was navigated under Russian Flag»; «the rights, nay the duty, of a British cruiser to capture Russian vessels wherever they may meet them»; «poor owner»; «I hardly think that that can be considered a ground for compensation in the present case». См.: TNA. TS 45/140 Admiralty Solicitor: Miscellaneous Papers on Admiralty Causes. Prize, Blockade and Salvage. Russian vessel Volga: capture and sale.

²³⁴ Вероятно, здесь имеется в виду водоизмещение шхуны, а не ее грузоподъемность. Как в зарубежных, так и российских документах середины XIX в., эти нюансы зачастую не уточнялись. В оригинале: «Captain Ommanney then observes that the dimensions of the "Volga" far exceeded those which had been prescribed, being at least 120 tones, that she had moreover no certificate from any consul as to her being engaged in the coasting trade (...)». Подробнее см.: TNA. TS 45/155 Admiralty Solicitor: Miscellaneous Papers on Admiralty Causes. Prize, Blockade and Salvage. Russian ship Volga: query on prize money.

²³⁵ В оригинале: «(...) his explanation appears to me be most full and satisfactory». Подробнее см.: TNA. TS 45/155 Admiralty Solicitor: Miscellaneous Papers on Admiralty Causes. Prize, Blockade and Salvage. Russian ship Volga: query on prize money.

Дж. Уайтхеда, ходатайствующему о компенсации Василию Антонову за захват его судна оказались тщетными.

С позиций дня сегодняшнего, мы с полным основанием можем сказать, что аргумент Э. Омманея про некие «100 тонн» – лукавый.

3.5. Лукавые цифры

Э. Омманей утверждал, что в 1854 г. еще по пути в Белое море его эскадра заходила в Хаммерфест. И там к нему обратились купцы (надо полагать, норвежские), сопровождаемые офицером норвежского флота, желающие узнать, действительно ли британская и французская эскадры не будут препятствовать традиционной русско-норвежской торговле? Именно на этой встрече, по утверждению Э. Омманея, и было решено ограничить т.н. «привилегии» для российских судов, участвующих в русско-норвежской торговле, не распространяя ее на суда более 100 тонн²³⁶.

В России, в Архангельской губернии ничего не знали об этом, прямо скажем, сомнительном по своей легитимности соглашении между норвежскими купцами, норвежским морским офицером с одной стороны и командиром эскадры Royal Navy – с другой, сделанном, по всей видимости, экспромтом, без предварительного уведомления правительств Великобритании, России, Швеции и Норвегии. Надо ли говорить, что поморы, судовладельцы и шкиперы, готовившие свои суда, эти самые 100 тонн превышающие, к плаванию в Норвегию, даже не догадывались о грозящей им опасности.

После захвата «Волги» другие поморские судовладельцы отреагировали вполне ожидаемо: их суда не спешили покидать Архангельск, некоторые укрылись в гаванях на побережье Белого моря. В Норвегии озаботились сокращением поставок русского хлеба. И решили успокоить россиян. В Белое море направилась норвежская военная шхуна.

17 (29) июля командир брандвахтенного брига «Новая Земля» послал рапорт военному губернатору Р.П. Болю, бывшего также главным командиром Архангельского порта:

«При приписке сего числа пришедших с моря коммерческих судов на ганноверском гальете «Веста» у шкипера (...) между документами найдено письмо, полученное им, по его показанию, от командира королевской норвежской шхуны у Сосновца, адресованное на имя шведско-норвежского консула в Архангельске; но как письмо изложено на английском языке, а содержание оно о приглашении на беспрепятственное плавание коммерческих судов наших

²³⁶ В оригинале: «(...) and it was then agreed between them that the privilege should not be extended 100 tones». Подробнее см.: TNA. TS 45/155 Admiralty Solicitor: Miscellaneous Papers on Admiralty Causes. Prize, Blockade and Salvage. Russian ship *Volga*: query on prize money.

показалось мне подозрительным, то я дал расписку в получении шкиперу, долгом счел самое письмо представить при сем Вашему Превосходительству»²³⁷.

Р.П. Боиль распорядился с доставленного открытого письма снять копии и доставить оригинал адресату – шведско-норвежскому консулу.

Вот перевод этого письма:

«Милостивый государь!

Торговля, которая производилась между Россиею и норвежским Финмаркеном и которую английское и французское правительства дозволили продолжать беспрепятственно, ныне как бы совершенно прекратилась, что должно приписать неосновательному страху быть захваченными, господствующему между русскими береговыми плавателями. Я счел за обязанность переговорить с капитаном Аммани, командиром английской эскадры в здешних морях, и он дал мне слово, что лодьям, раншинам и каботажным судам, не превышающим 100 тоннов, будет беспрепятственно дозволено продолжать торговлю хлебными припасами с норвежским Финмаркеном, если только эти суда будут снабжены нужными для того бумагами, засвидетельствованными шведско-норвежским в Архангельске консулом. Поэтому таким судам не должно стараться избегать встречи с английскими крейсерами, но скорее искать их, чтобы предъявить к осмотру свои бумаги.

Я обязанностью счел сообщить Вам вышепрописанное объявление капитана Аммани не сомневаясь, что Вы сделаете все, что от Вас зависит к извещению русских купцов и береговых плавателей, производящих сказанную торговлю, стольнеобходимую для обеих земель, для того, чтобы, если возможно, торговля эта продолжалась беспрепятственно.

Подписал: Х. Крог²³⁸ капитан королевско-норвежского флота и командир норвежской эскадры в Финмаркене.

Его Велич-ва норвежская шхуна “Слиппнер” у Сосновца. 26 июля 1854 г.»²³⁹.

Таким образом, власти в Архангельске были поставлены в известность про выдуманные Э. Омманнеем «100 тонн» только 17 (29) июля. Т.е. месяцем ранее несчастный шкипер «Волги» никак не мог знать о существовании данного ограничения, но верил, что английские военные моряки не станут нарушать обещаний, официально данных правительством Великобритании не препятствовать российско-норвежской торговле на Севере.

Через пару недель командиры эскадр Великобритании и Франции объявят об официальном начале блокады портов Белого моря. В доку-

²³⁷ ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 5. Д. 5631. Л. 21–21 об.

²³⁸ Н. Krogh.

²³⁹ ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 5. Д. 5631. Л. 21 об.

менте, среди прочего, Э. Омманей подтвердит, что «торговля между крестьянами финмаркенскими и беломорскими не будет прервана»²⁴⁰. Но, по странной забывчивости, Э. Омманей тут ни слова не напишет про то, что на участвующие в торговле русские суда свыше 100 тонн разрешение распространяться не будут. Зато он вспомнит об этих пресловутых «100 тоннах» потом, уже в Великобритании, когда будет доказывать законность захвата частной русской шхуны «Волга»!

Командующий эскадрой Королевского флота в Белом море в 1854 г. Эрасмус Омманей не показал никаких выдающихся военных успехов в этой должности. Зато преуспел как грабитель безоружных и изворотливый, лживый торгош.

35 *JS*

*In the name of the Government
of Great Britain and France; We the
undersigned in command of the Allied
Naval Forces in the White Sea, in obedience
with Instructions received from our
respective Governments, do hereby give notice.*

*"That the Ports in the White Sea,
especially those of Arkangel and Onega, as
well as all the other Ports, Harbours, Roads
and Creeks of the White Sea, from Cape
Shirotov Nos to Cape Manin are declared
to be in a state of Blockade from this
date."*

*"For the convenience of those Neutral
Vessels now in the places above mentioned,
the period of Fifteen Days from the receipt
of this will be granted them for the
purpose of taking in their Cargoes and
quitting the Port; all Vessels leaving after
that period will be liable to Capture."*

*"It is further notified, that the
Trade between the Peasants of Finmark
and the White Sea will not be interrupted."*

*The Governor of Arkangel is requested
to give notice of this Blockade to the
Consuls of Neutral Powers in all the Ports
of the White Sea.*

*Twenty-four Hours are granted
after*

²⁴⁰ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 5. Д. 5631. Л. 37–37 об.

after the delivery of this Notice, to receive
an answer from Arkhangel, specifying that
the advice of the Blockade of all the Ports
in the White Sea has been received.

Dated off the Bar of the Dwina,
this 12th day of August 1854.

Geo. Purnanney { Captain, in Command
of the English Naval
Forces in the White Sea.

L^{ieut} Guillebert { Capitaine de Vaisseau, commandant
les forces navales françaises dans
la mer blanche.

Илл. 3.4. Извещение о блокаде Белого моря. Фото подлинного документа на английском языке с подписями командующих английской и французской эскадрами в Белом море в 1854 г. ГАО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 5. Д. 5631. Л. 35–35 об.

3.6. «Отличный стрелок норвежец Гардер»

Оборона Соловецкого монастыря, как указывалось выше, возможно, самое запоминающееся событие времен Крымской войны на Русском Севере. Она примечательна по многим причинам.

Двум вооруженным орудиями новейшим английским пароходам «Brisk» и «Miranda» противостояли всего полсотни русских солдат, у половины из которых ружья были не пригодны для стрельбы и две пушки, хранившиеся в монастыре «с незапамятных времен»²⁴¹. Незадолго до появления английской и французской эскадр эти две пушки были очищены от коррозии и поставлены на самодельные лафеты с экипажными колесами. Самое интересное, что русские солдаты находились при монастыре вовсе не для обороны его от внешнего врага, а для охраны узников, отбывающих в монастыре наказания за различные преступления! Некоторые из заключенных добровольно выразили желание с оружием в руках защищать монастырь от англичан вместе с солдатами, и их просьба была удовлетворена²⁴².

В результате обстрела монастыря с двух пароходов, продолжавшегося по разным данным, около 8–9 часов никто из защитников

²⁴¹ Кроме них 12 (24) мая 1854 г. из Новодвинской крепости в Соловецкий монастырь были отправлены еще 8 6-фунтовых пушек и 240 ядер для них (ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 5. Д. 5578. Л. 6–7). Однако они оказались бесполезными и, более того, опасными. Размещенные в башнях монастыря, они после нескольких выстрелов прекратили стрельбу, так как их ядра не долетали до судов неприятеля, а падали на берег, на позициях русской подвижной батареи (Сырцов И. Англичане, бомбардирующие Соловецкий монастырь в 1854 году. М., 1904. С. 16).

²⁴² Наиболее известен из них Георгий Львович Андрузский – впервые арестованный в 1847 г., будучи еще 19-летним студентом Киевского университета. У него обнаружили его собственноручные записи идей государственного и национального переустройства (в том числе и создания некоего объединения славянских народов со столицей в Киеве), довольно «путанные» и противоречивые, но с выраженным антирусским содержанием. В ходе следствия он давал многословные показания, потом от них отказывался. Правоохранительная система империи отнеслась к Г.Л. Андрузскому более чем снисходительно. Ему была предоставлена возможность продолжить образование в Казанском университете, и в последующем поступить на службу, оставаясь под надзором полиции. Из Казани он был переведен в Петрозаводск на канцелярскую должность в Олонецком губернском правлении. Но после того, как в ходе обыска у Г.Л. Андрузского нашли еще 14 тетрадей с новыми записями того же свойства и направленности, что и раньше, его в 1850 г. сослали на Соловки. Сейчас сложно сказать, какое влияние оказало пребывание в монастыре в течение нескольких лет на взгляды и личность Г.Л. Андрузского и оказало ли вообще? Но молодой человек со слабым зрением добровольно вызвался защищать от англичан монастырь – фактически место своего заключения – с оружием в руках. Был ли это искренний порыв или холодный, циничный расчет на возможное смягчение своей участи? Неизвестно. Следует, однако, иметь в виду, что решение было принято Г.Л. Андрузским под английскими корабельными пушками – в буквальном смысле, когда исход боя с пароходами Royal Navy для защитников монастыря был неочевиден. Так или иначе, монастырские и губернские власти заметили поступок и одобрили его. В последующие годы украинофил Г.Л. Андрузский скромно служил в канцеляриях Архангельска. Сначала – Архангельском губернском правлении, потом – в Архангельской палате уголовного и гражданского суда помощником столоначальника! После 1858 г. уехал в Полтавскую губернию. Точной информации о том, где и когда умер, нет. (Фруменков Г.Г. Узники Соловецкого монастыря. Изд-е 4-е, перераб. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1979. С. 181–193).

Илл. 3.5. Вид на Соловецкий монастырь со стороны моря.
Рисунок лейтенанта Бакли с военного парохода «Миранда».
The National Archives, UK. ADM 1/5631.

В левом верхнем углу иллюстрации – автограф Э. Омманя и дата – 19 июля 1854 г. Вероятнее всего, иллюстрация сделана незадолго до начала обстрела «Мирандой» монастыря.

монастыря не был ни убит, не ранен; было незначительно повреждено лишь одно здание деревянной гостиницы на побережье вне монастырских стен. Десятки бомб и гранат, пролетев над головами монахов, падали у подножья православных храмов неразорвавшимися «как потешные мячики». Порох из них впоследствии был пущен на пополнение запасов защитников монастыря, испытывавших в нем острый недостаток. Многие в России увидели «чудесном спасении» обители символ торжества православной веры – яркий и до предела наглядный: сотни снарядов, выпущенных из орудий новейших паровых судов, оказались не в состоянии причинить вред ни древней православной святыне, ни людям, ее защищающим.

Среди тех, кто защищал Соловецкий монастырь с оружием в руках, был и выходец из Норвегии, чаще всего упоминаемый в русских источниках как Андрей Гардер. Сведения о нем в литературе отрывочны и противоречивы. Более-менее достоверны лишь несколько документов, сохранившихся в Государственном архиве Архангельской области²⁴³. Из них видно следующее.

А. Гардер, прибыл в Россию из города Хаммерфеста. От российского вице-консула в Гаммерфесте ему был выписан паспорт 18 (30) сентября 1852 г. за № 36. Некоторое время он жил в Архангельске; затем по полученному от архангельского военного губернатора срочному годовому билету от 30 ноября (12 декабря) 1853 г. за № 2492 - в городе Кеми. В последнем документе среди прочего указывались его возраст и приметы: «Лета 21. Рост средний. Волосы и брови темнорусые. Глаза голубые. Нос и рот умеренные. Подбородок круглый. Лицо овальное. Особых примет

²⁴³ ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 5. Д. 5729.

Сов. Архангельскаго
Восточнаго Губернатора
Управленческаго и Род.
Данскаго частно.

Архангельск.

Министр Г. Гардеру.

« 30 » Октября 1853г.

№ 2492

Принимать.

Возраст 21.

Ростъ средний.

Возрастъ { темноволос.

Телосложение.

Ростъ { умеренный.

Подбородокъ круглый.

Лицо овальное.

Своихъ приметей

не имеетъ.

Подписъ предъявленъ.

Petter Andreas

af Tromsøe Harder.

Восточнаго Губернатора.

Визе-Адмирала

Титулов.

5.

Давъ на свободное про-
живание въ г. Кемь, при-
бывшему туда изъ Финляндскаго
по паспорту Россійскаго тайнъ
Визе-Консула, имъ 30 Сентября
1852 года, за № 36, Норвеж-
скому подданному, портному
мастеру Андреасу Гардеру, на
проживание рѣшено събѣ-
спрочно на одинъ годъ, т. е.
по 1-е Декабря будущаго 1854г.
по наступленіи котораго имъ
свѣдѣно не извѣстно испроситъ
свои другой видъ на дальнейшее
таинъ проживание, равно и на
имѣніе куда-либо въ другое
мѣсто, доузнать взятъ такой
видъ, а этотъ представить
обратно.

Правитель Канцеляріи

Илл. 3.6. Документ, предоставляющий право свободного проживания
в г. Кемь норвежскому подданному А. Гардеру.

ГАО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 5. Д. 5729. Л. 5.

не имеет». В документе сохранилась и подпись предъявителя: «Petter Andreas af Tromsøe Harder»²⁴⁴.

В Соловецкий монастырь А. Гардер приехал из Кемь менее чем за не-
делю до нападения на него англичан «из любопытства». При обстреле
монастыря он находился среди нескольких десятков «охотников» (до-
бровольцев) затаившихся на побережье с ружьями и холодным оружием

²⁴⁴ ГАО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 5. Д. 5729. Л. 5. Кстати, указание также на то, что А. Гардер был «мещани-
ном города Тромсе» встречалось и здесь: Историческое описание Ставропигиального Со-
ловецкаго монастыря. Составлено тщанием настоятеля Соловецкаго монастыря архиман-
дрита Мелетия. М. 1881. С. 278.

в ожидании английского десанта. В наиболее жаркие минуты боя он, будучи на батарее, «удивительно смелое производил стрельяние в судно неприятеля». Не все обитатели монастыря знали его в лицо, из-за чего он едва не погиб. Его, прибежавшего с батареи к монастырским воротам с донесением и сбивчиво объяснявшего что-то на ломаном русском языке, часовой будто бы едва не зарубил бердышом, приняв за шпиона²⁴⁵.

Настоятель монастыря сообщил начальству об участии норвежца в защите монастыря и его «смелом стрельянии» по англичанам. Впоследствии, среди прочих защитников монастыря, А. Гардер по Высочайшему повелению был награжден довольно внушительной по тем временам суммой: 75 рублями серебром. Проведя целый день под орудийным обстрелом, поразившись отсутствию со стороны русских убитых и раненых, а также совершенной ничтожности повреждений, причиненных монастырю, А. Гардер решил принять православие и принять российское подданство.

30 сентября (12 октября) 1855 г. норвежский подданный Андрей Гардер, был приведен к присяге на подданство России и приписан в мещанское сословие города Архангельска. Дальнейшая его судьба пока неизвестна.

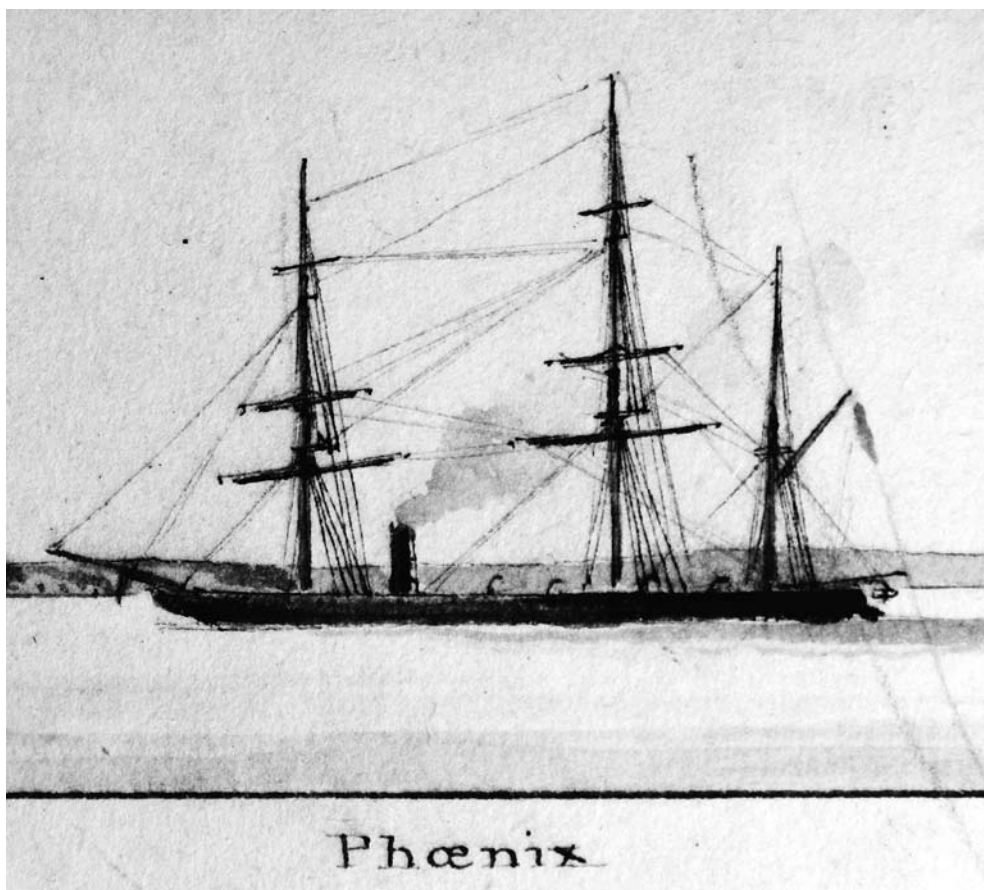
3.7. «Пушка... приобретена в Норвегии»?

Английский 8-пушечный пароход «Phoenix» («Феникс») вечером 27 июня (9 июля) 1855 г. подошел к прибрежному селению Онежского уезда Лямце, и, остановившись примерно в 400 саженях от берега, отправил к селению четыре шлюпки с десантом. Местные крестьяне, дома которых были ограблены англичанами в прошлом году, немногим более 30 человек, после коротких переговоров отказались снабдить команду «Феникса» продовольствием. Они заняли господствующие высоты, частично закрывающие селение с моря, и открыли перекрестный огонь по десанту не только из ружей, но и небольшой пушки. Под руководством поступившего из отставных на вторичную службу, рядового Изырбаева²⁴⁶, и напутствуемые местным священником, крестьяне вынудили десант возвратиться к пароходу. Пароход открыл огонь по деревне и крестьянам ядрами, картечью, гранатами. После трехчасовой

²⁴⁵ Сырцов И. Англичане, бомбардирующие Соловецкий монастырь в 1854 году. М., 1904. С. 19.

²⁴⁶ В формулярном списке имя героя выглядит несколько иначе: *Нур* (иногда «Нурь») *Мухамет из Ербаев*. Он мусульманин, был взят в рекруты в Оренбургской губернии в 1825 г. За время службы в походах и делах против неприятеля не участвовал, прослужив большую часть времени в Архангельском гарнизоне. Трижды подвергался телесным наказаниям: в 1825 г. – 25 плетей за кражу казачьих лошадей и дважды шпицрутенами за побеги – в 1825 и 1829 гг.; в обоих случаях наказание за побеги было одинаковым – «через 500 человек два раза». В 1856 г. его отправили на родину в Оренбургскую губернию «этапным порядком». Подробностей о том, кем и почему было принято такое решение в отношении героя, в архиве мы не обнаружили. См.: ГАОУ. Ф. 2. Оп. 1. Т. 5. Д. 5712. Л. 12–13.

стрельбы он снова отправил к берегу две шлюпки, которому, крестьяне вновь не дали десанту выйти на берег. Потом пароход обстреливал село на протяжении всей ночи, а в 6 часов утра 28 июня (10 июля) ушел в море.

Илл. 3.7. Пароход «Феникс» (HMS «Phoenix»)
TNA.ADM. 344/1934.

Несмотря на продолжительное бомбардирование, из числа защищавших Лямцу, легко ранен только один крестьянин; селение пострадало весьма мало: у одного дома «отломилась часть угла», у другого – «переломило бревно на крыше», у третьего – повреждена на крыше дымовая труба²⁴⁷. Об интенсивности обстрела говорит то, что одних только неразорвавшихся бомб и гранат жители Лямцы собрали после боя до 50-ти штук (порох из них крестьяне извлекли и разделили между собой)²⁴⁸.

²⁴⁷ У одного дома «отломилась часть угла», у другого – «переломило бревно на крыше», у последнего – «расшибся вывод трубы на крыше» (ГААО. Ф. 115. Оп. 1. Д. 216. Л. 239 об.).

²⁴⁸ Морской сборник, 1855. №8. Отдел первый. Официальные статьи и известия. С. 307–308. Английскую версию боя у Лямцы см., например: *Clowes Wm. L. The Royal Navy. A History From the Earliest Times to the Present. In Seven Volumes. Vol. VI. London, 1901. P. 474–475.*

В Военном министерстве, узнав об этом случае, среди прочего, пожелали узнать, что за пушку использовали крестьяне и как она у них появилась. Архангельский военный губернатор навел справки и послал 3 (15) августа 1855 г. лаконичный ответ:

«Пушка, из которой крестьяне Лямецкого села действовали против неприятеля, чугунная, 3-х фунтового калибра и приобретена в Норвегии крестьянами сего селения». И добавил, что «многие из поморцев Архангельской губернии имеют такие орудия на своих судах» для подачи сигналов во время туманов, при крушениях судов и тому подобных случаях²⁴⁹.

Признаюсь, в свое время цитата вызвала у меня некоторое удивление. Действительно ли поморам было так легко приобрести пушки «для своих нужд», причем за границей, в Норвегии? И где именно это можно было сделать? Позже, годы спустя, просматривая подшивку газеты «Кронштадтский вестник» за 1862 г. в поисках корреспонденций, связанных с упразднением Архангельского порта, я наткнулся на историю – маловероятную, смахивающую на анекдот, но зато объясняющую: где и как в середине XIX в. поморы теоретически могли приобрести в Норвегии пушки. Мичман парохода «Соломбала» Н. Бабицын, совершивший на нем переход из Архангельска в Кронштадт, услышал эту историю от норвежских офицеров в Тронхейме и поделился ею с читателями «Кронштадтского вестника»:

«Вардэ-Хус – городок с небольшой крепостцой, стоит на границе наших пределов с Норвегиею; крепость эта ничем не замечательна, до сих пор не занесла еще ни одного подвига на страницы норвежской истории. Расположенная в такой отдаленной глуши, она, впрочем, была свидетельницей одного серьезного случая. Несколько лет тому назад комендант этой крепости продал поморам три орудия, заменив места их деревянными; приехавший инспектировать в том году генерал, благодаря своей близорукости, не заметил проделки коменданта. Однако на следующий год преступление было открыто, и коменданта сменили, уволив со службы»²⁵⁰.

Возможно, иностранные офицеры подшутили над русским мичманом, рассказав ему байку, выдав ее за правду. Возможно даже, что эта история – плод необузданного воображения самого мичмана, автора многих занимательных, иногда на грани фривольности, корреспонденций, охотно публиковавшихся тем же «Кронштадтским вестником»... А вдруг нет?

²⁴⁹ ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 5. Д. 5712. Л. 19 об.–20. В другом источнике есть указания на то, что калибр пушки был еще меньшим – 1½ заряда «против казенного солдатского ружья», принадлежала она конторе Онежского лесного торгова, предназначаясь для подачи сигналов приходящих к Онежскому порту иностранным судам и установлена в Лямце лишь во время войны (ГААО. Ф. 115. Оп. 1. Д. 217. Л. 37).

²⁵⁰ Бабицын Н. Из Беломорья в Балтику // Кронштадтский вестник. 1862. № 102.

Илл. 3.8 и 3.9. Орудия крепости Вардё.

Фото автора книги. Июль 2009 г.

Город Вардё и расположенная в нем крепость часто упоминаются в настоящей книге. На фотографиях – орудия образца 1838 г., принятые на вооружение крепости во время Крымской войны, в 1854 г. Известно, что король Швеции и Норвегии Оскар I не исключал возможности вступления в войну против России на стороне Великобритании, Франции, Турции и Сардинии. На случай войны с русскими тогда и было проведено перевооружение крепости Вардё, усилен ее гарнизон.

3.8. «Торговля... ныне как бы совершенно прекратилась»

Во второй половине июля 1854 г. норвежская королевская шхуна «Слейпнер» побывала у острова Сосновца, в горле Белого моря, где почти постоянно находились суда английской и французской эскадры. Офицеры норвежской шхуны встретились с командующим английской эскадрой Э. Омманнеем. Суть переговоров, состоявшихся с Э. Омманнеем видна из письма за подписью Х. Крога (H. Krogh) – капитана королевского норвежского флота и командира норвежской эскадры в Финмаркене, датированного 26 июля 1854 г. (14 июля по юлианскому календарю или «старому стилю»), составленного на английском языке и адресованного шведско-норвежскому консулу в Архангельске. Оно было передано с идущим в Архангельск ганноверским судном «Веста».

17 (29) июля командир русского 16-пушечного брандвахтенного брига «Новая Земля» изъял это письмо под расписку у капитана «Весты» и отправил подозрительный документ архангельскому военному губернатору, от которого он 19 (31) июля после снятия копии и перевода на русский язык был направлен адресату. В письме выражалось сожаление о том, что торговля россиян с Финмаркеном совершенно прекратилась и давались заверения в том, что она може беспрепятственно продолжаться (текст перевода письма см. выше, на стр. 82 настоящей книги)²⁵¹.

По распоряжению архангельского губернатора Р.П. Боиля содержание письма довели до сведения судовладельцев Поморья. Сам же Р.П. Боиль не скрывал своего скептического отношения к английским обещаниям. В письме военному министру от 21 июля (2 августа) он заметил: «Несмотря на уверение командира английской эскадры, что суда с хлебом, идущие в Норвегию, не будут задерживаемы, архангельские поморцы не решаются отправлять в Норвегию хлеба без обеспечения судов их ручательством грузохозяев; хозяева же судов, в числе коих есть английские подданные, не соглашаются по сие время на это условие, вероятно не доверяя честному слову своих соотечественников»²⁵².

3.9. «Шхуна салютовала 12-ю пушечными выстрелами»

«Августа 22-го (1854 г. – Р.Д.) прибыла к бару из Варде норвежская военная шхуна “Слипнер”²⁵³, а 23-го числа на буксире парохода “Смирный” пришла она к Архангельскому порту с назначенным сюда шведско-

²⁵¹ ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 5. Д. 5631. Л. 23.

²⁵² Там же.

²⁵³ «Sleipner». В публикациях на русском языке встречаются различные варианты написания названия шхуны: «Слипнер», «Слейпнер» и др.

Sir.

The trade- which has been carried on between Russia & the Norwegian Finmark and which the English & French governments have permitted to remain undisturbed- now being looked upon as nearly stopped, which fact must be attributed to an unfounded fear of capture, prevailing amongst the Russian coasters.- I have thought it my duty to speak to Captain Ansmanney, Commander of the English squadron in these seas, & he has given his word, that Luggers, Ransins & coasters not exceeding 100 tons, will be allowed to carry on the trade of provisions with the Norwegian Finmark undisturbed, when they are supplied with the necessary papers to that effect, signed by the Norwegian & Swedish Consul at Archangel.- Such vessels ought therefore not try to avoid the English cruisers, but sooner seek them that their papers may be looked over.

I have thought it my duty to communicate to you the above-mentioned declaration of Captain Ansmanney, not doubting that you will do all in your power to bring it to the knowledge of the Russian merchants & coasters, engaged in the said trade so necessary for both countries, that if possible it may be continued undisturbed.

This is the Norwegian schooner Skipner
at Svanenöky the 26 July 1854.

H. Krogh.
Capt of the Royal Norwegian
Navy, Commander of the Norwegian
Squadron in Finmark.

To the Norv. & Swedish Consul
at Archangel.

Илл. 3.10. Письмо за подписью капитана королевского норвежского флота Крога на английском языке.

ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 5. Д. 5631. Л. 23.

норвежским консулом, норвежской службы капитан-лейтенантом Флейшером, служившим несколько лет на русском военном флоте, как в Балтийском, так и в Черном морях и имеющим орден Св. Станислава 3-й степени. Шхуной этой командует старший лейтенант барон де-Ведель-Ярлсберг²⁵⁴, который также служил у нас в Балтийском и Черноморском флоте и имеет орден Св. Станислава 3-й степени.

²⁵⁴ В публикациях на русском языке встречались варианты написания фамилии как «Ярлсберг» и «Ярлберг».

Команду шхуны составляют кроме командира два лейтенанта, медик и 75 человек нижних чинов. Вооружена шхуна двумя бомбическими пушками 60-ти фунт. калибра и четырьмя пушко-каронадами 18-ти фун. калибра. В воде сидит ахтер-штевнем более 14 фут, а фор-штевнем 9 фут.²⁵⁵

Шхуна останавливалась у англо-французской эскадры, находящейся у Сосновца, где консул имел свидание с командиром английского отряда г. Омманеем, который объявил ему, что норвежские (Опечатка? М.б. имелись в виду русские суда? Или нет?– Р.Д.) суда не более как в сто тонн будут беспрепятственно пропускаемы в Архангельск и обратно в Норвегию с мукою.

Прибыв в Архангельск, консул, командир и офицеры шхуны, 23-го числа, представлялись г. главному командиру; на другой день, т.е. 24-го августа, его превосходительство посещал шхуну, и, когда он отвалил от ее борта, то шхуна салютовала 12-ю пушечными выстрелами, на что адмиралтейская батарея отвечала тем же числом выстрелов. Августа 24-го шхуна отправилась обратно и, по случаю противного ветра, ей дан был для буксирования пароход “Смирный” и сверх того сделано распоряжение доставить ей за бар на водоналивном боте пресную воду.²⁵⁶

К этому лаконичному официальному известию, опубликованному в «Морском сборнике», можно добавить, что как доставленный на шхуне в Архангельск новый шведско-норвежский консул, так и командир ее, действительно довольно продолжительное время служили в военноморском флоте России и, вероятно, неплохо знали русский язык, условия службы и быта русских военных моряков.

Барон де-Ведель-Ярлсберг, имя и отчество которого по документам проходило в русифицированном виде – Герман Фердинандович, был принят из норвежской службы на Балтийский флот чином мичмана 11 (23) июня 1835 г. На люгере “Ораниенбаум” ходил из Петергофа в Данциг, оттуда на фрегате “Паллада” возвратился в Кронштадт. В 1836 г. на том же фрегате крейсировал в Балтийском море. 25 ноября (7 декабря) 1837 г. был уволен от службы.²⁵⁷

Флейшер Балтазар Павлович был принят из шведской службы в лейтенанты Балтийского флота 5 (17) мая 1836 г. Сначала служил на Балтике на корабле «Кацбах»; после перевода на Черноморский флот на корабле «Силистрия» и фрегате «Агатополь» крейсировал у берегов Абхазии. В 1838-40 гг. на том же корабле и бриге «Меркурий» снова находился у берегов Абхазии. Орден он получил за участие в высадке десанта и военной операции против горцев. 12 (24) марта 1841 г. Б.П. Флейшер был уволен от службы.²⁵⁸

²⁵⁵ Ранее, в февральском номере «Морского сборника» за 1854 сообщалось, что шхуна «Слейпнер», «вооружена 2 бомбическими пушками и 8 каронадами; отличается весьма хорошим ходом» (Морские силы Норвегии в начале 1854 года / Морской сборник. 1854. № 2. Часть официальная. С. 220).

²⁵⁶ Морской сборник. 1854. №10. Официальные статьи и известия. С. 106–107.

²⁵⁷ Общий морской список. Часть X. Царствование Николая I. Д–М. СПб., 1898. С. 27.

²⁵⁸ Общий морской список. Часть XII. Царствование Николая I. Т–Ю. СПб., 1900. С. 165.

По всей видимости, Б. Флейшер бывший лейтенант Балтийского и Черноморского флотов, кавалер ордена Св. Станислава, ставший шведско-норвежским консулом в Архангельске, сразу по прибытии приложил известные усилия к тому, чтобы стимулировать русских судовладельцев продолжать совершать рейсы с продовольствием в Северную Норвегию. Однако поморы, хотя и продолжали совершать эти плавания, довольно скептически относились к обещаниям англичан и французов «не тревожить» их. И имели для того все основания.

3.10. Захват шхуны «Двина» французами

Прочитав в Архангельских губернских ведомостях официальное объявление о том, что английское и французское правительства обязались «не тревожить» российские суда, участвующие в меновой торговле жителей Архангельской губернии с норвежским Финнмарком, кемский купец Иван Дуракин нагрузил принадлежавшую ему шхуну «Двина» мукой и крупой.

26 мая (7 июня) 1854 г. «Двина» покинула Архангельский порт.

«Достигнув благополучно до норвежского города Тромсё, – писал впоследствии И. Дуракин, – пробыл я в нем до двух недель. Кончив торговлю мою и получив от тамошнего начальства свидетельство о том, что я был в Норвегии для меновой торговли, отправился из оной в Архангельск морем на шхуне моей. На пути моем близ Мурманского российского берега встретил я русских рыбопромышленников, которые сказали мне, что они слышали, что будто бы отправившийся из Архангельска в Норвегию на шхуне с грузом товара кемский мещанин Антонов неприятельскими крейсерами остановлен, но по какой причине не знают. Таковые слухи навлекли мне опасение...»²⁵⁹

И. Дуракин не решился вести свое судно сразу в Архангельск, а направился к Мезени. Пробыв там довольно продолжительное время в ожидании каких либо известий о неприятеле, но так ничего и не узнав, И. Дуракин решил покинуть убежище. После нескольких дней лавировки у Горла Белого моря, «Двина» попала в штиль; сильным приливным течением ее понесло в сторону острова Сосновца, где почти постоянно находились военные суда англичан и французов. Но в темноте ночи дрейфующую шхуну с них не заметили. Вскоре подул слабый попутный ветер, и с рассветом «Двина», к радости команды, была уже в удалении от Сосновца не менее 70 верст. И. Дуракин взял курс на Унскую губу, где можно было бы встретить какое-либо из поморских судов, узнать все-таки о действиях неприятеля, а при необходимости и укрыться от него. Но в тот день, 31 августа (12 сентября)²⁶⁰, удача изменила осторожным морякам.

²⁵⁹ ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 5. Д. 6035. Л. 2.

²⁶⁰ Морской сборник. 1854, №10. Официальные статьи и известия. С. 108.

«Против ожидания нашего вдруг подул нам сильный противный ветер и галсом заставил нас отойти от левого берега. Сделалось уже совершенно светло, и мы увидели вдаль шедшее к нам навстречу судно бриг. Не желая встретить оное, мы поворотили судно свое к левому берегу, но бриг этот скоро достиг нас и в расстоянии не более полутора сот сажень поднял французский флаг. Подойдя же на траверз с наветренной стороны, открыл порты свои и сделал выстрел из одной пушки, почему мы встали в дрейф, а он спустил баркас с офицером и людьми около 30 человек совершенно вооруженными, отправил к нам, которые скоро схватились за судно. Офицер с большей частью людей, бывших на баркасе, взошедши на наше судно, командовал людям его поворотить наше судно по направлению к острову Сосновцу, что и было исполнено. Вслед за нами пошел и бриг»²⁶¹.

Французы отобрали у Дуракина все документы, какие нашли на шхуне, в том числе и «свидетельство норвежского начальства», удостоверяющее, что предьявитель его был в Норвегии «по случаю меновой торговли». Все попытки Дуракина объяснить французам, что их правительство гарантировало свободное и беспрепятственное плавание русских судов, занятых в меновой торговле с Норвегией, призывы внимательно посмотреть документы, ни к чему не привели. Бумаги, на которые ссылался Иван Андреевич, не произвели никакого впечатления на французских офицеров. Зато шхуна им явно понравилась. С одного из французских судов на «Двину» перевезли три пушки²⁶², наскоро установили их, превратив тем самым частную русскую шхуну в боевую единицу французской эскадры.

11 (23) сентября немногочисленную команду «Двины» вывезли на безлюдный берег, неподалеку от острова Сосновца, где и оставили без еды и запасной одежды. Во многом благодаря счастливой случайности, команде «Двины» удалось попасть в Архангельск и сообщить властям о постигшем их несчастье. Хозяин и шкипер шхуны Иван Дуракин вместе со своим штурманом – крестьянином Кемского уезда Иваном Гвоздаревым были оставлены на шхуне, для управления которой было выделено несколько французских моряков. 12 (24) сентября русская шхуна в составе французской эскадры покинула Белое море²⁶³. Путь до порта Дюнкерк занял три недели. «Во время стоянки у Сосновца, в пути до Дюнкерка и несколько дней в оном, нам производили самую худую пищу и в таком малом количестве, что мы томились страшным голодом и едва не лишились сил», – вспоминал И. Дуракин²⁶⁴.

В Дюнкерке И. Дуракина и И. Гвоздарева продержали 7 месяцев, потом еще 2 месяца на одном из островов, где было устроено некое по-

²⁶¹ ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 5. Д. 6035. Л. 3–3 об.

²⁶² Там же. Л. 3 об.

²⁶³ Английская эскадра ушла с Белого моря 8 (20) сентября (Морской сборник. 1854, № 10. Официальные статьи и известия. С. 108).

²⁶⁴ ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 5. Д. 6035. Л. 3 об.–4.

добие лагеря для русских военнопленных, захваченных на Аландских островах. Несмотря на то, что война еще продолжалась, обмен пленными между воюющими державами время от времени производился. И. Дуракину и И. Гвоздареву предоставили свободу и деньги, достаточные на проезд до Парижа. Достигнув Парижа, И. Дуракин и И. Гвоздарев встретились с проживающим там русским протоиереем Васильевым, который снабдил их деньгами для возвращения на родину. Прибыв в С.-Петербург, они явились в канцелярию С.-Петербургского военного губернатора и получили «виды на свободный проезд в места жительства своего». В конце концов, они благополучно вернулись домой, где их уже считали погибшими...

Вскоре после окончания войны в канцелярии архангельского военного губернатора вице-адмирала С.П. Хрущова разбиралось множество дел по прошениям северян о возмещении убытков, нанесенных им неприятелем. Среди прочих, в июле 1856 г. было заведено дело и по просьбе Ивана Дуракина «о вознаграждении убытков, понесенных им чрез взятие неприятелем принадлежащей просителю шхуны». Разоренный купец, ставший по возвращении из плена мещанином г. Кеми, и пытавшийся хотя бы частично компенсировать нанесенный ему ущерб, приводил следующие доводы:

«На шхуне моей при захвате оной крейсерами не было никаких военных орудий и никакой контрабанды, и в том, что я на оном был в Норвегии и возвращался в Архангельск, по случаю меновой торговли, англо-французское правительство (так в документе – *Р.Д.*) имело в виду свидетельство норвежского начальства, следовательно, англо-французское правительство задержанием меня и штурмана моего в плену и отнятием шхуны моей поступило в совершенное нарушение условий с шведским правительством о предоставлении приморским жителям Архангельской губернии свободной меновой торговли и беспрепятственного плавания судов их в Норвегию и обратно.

Отобранное у меня англо-французским правительством судно, по бывшему на оном большому запасу судовых принадлежностей, стоило мне до 6 т. рублей серебром, от задержания меня в плену дела мои пришли в расстройство, от чего вся потеря капитала моего простирается до 10 т. руб. серебром. Потеря столь значительного капитала, приобретенного многолетними трудами невозвратима и лишает средств к восстановлению промышленности моей по-прежнему, если правительством не будет оказано мне пособия»²⁶⁵.

Надо отдать должное Степану Петровичу Хрущову: он не проигнорировал эту просьбу, не ограничился формальной отпиской, а распорядился собрать дополнительные сведения по делу в архангельской таможне, в шведско-норвежском консульстве. Архангельская таможня на запрос С.П. Хрущова о том, когда, куда и с каким грузом направилась в начале навигации 1854 г. шхуна И. Дуракина, сообщила:

²⁶⁵ Там же. Л. 4–4 об.

«Бывший кемский купец, ныне мещанин Иван Дуракин отошел от Архангельского порта 26 мая 1854 года на российском судне “Двина” в Тромсё (что в Норвегии) с хлебными товарами, ему, Дуракину, принадлежащими, а именно: 550 кулями ржаной муки, 12 мешками крупчатой муки и 70 мешками овсяной крупы»²⁶⁶.

В шведско-норвежском консульстве Архангельска подтвердили, что 25 мая 1854 г., шкипер российской шхуны «Двина» Иван Дуракин из Кеми предъявлял в консульстве свой судовой паспорт для следования в Тромсё с вышеперечисленным грузом²⁶⁷.

Наконец, в ноябре 1856 г., через шведско-норвежского консула в Архангельске Б. Флейшера пришел официальный ответ от властей норвежского Финнмарка о пребывании И. Дуракина в Норвегии. Проживающий в Тромсё купец Андреас Огорд, переводчик Отар Гольмбо, русский шкипер Федор Антонов так или иначе подтверждали факт получения Дуракиным документа о пребывании его в Тромсё по делам хлебной торговли. Все они утверждали, что соответствующее свидетельство подписал капитан-лейтенант Крог (H. Krogh)²⁶⁸.

Сомнений не осталось. 17 ноября 1856 г. архангельский военный губернатор, посчитав просьбу Дуракина об оказании ему пособия заслуживающей внимания, представил ее министру внутренних дел. В марте 1857 г. пришел ответ:

«Отзыв Ваш по сей просьбе сообщен был, по принадлежности, для зависящего распоряжения Министерству иностранных дел, которое ныне уведомляет, что претензия Дуракина, вместе с другими подобными, была уже в 1854 в виду сего министерства и министерство тогда же ходатайствовало об удовлетворении оной, но все старания по сему предмету остались без успеха; французское и английское правительства, обещавшие в начале минувшей войны не препятствовать торговле жителей Архангельской губернии с Финмаркеном, вскоре потом от такового обещания совершенно отказались, а впоследствии получено сведение, что помянутая шхуна “Двина”, *по приговору французских судебных мест признана законным призом*; при таких обстоятельствах нельзя ожидать успеха от нового домогательства по настоящему делу и *Министерство иностранных дел признает неудобным возобновлять по оному сношение с французским правительством*»²⁶⁹.

Таким образом, командование французской эскадры, не сумевшее за всю навигацию 1854 г. в Белом море одержать ни одной убедительной победы, в нарушение ранее данных официальных обещаний правительством Франции, захватило безоружное торговое судно, представило его «законным призом», а бывших на нем шкипера и штурмана – военнопленными. Французские «судебные места», подтвердили потом «закон-

²⁶⁶ Там же. Л. 17.

²⁶⁷ Там же. Л. 18.

²⁶⁸ Там же. Л. 27–27 об.

²⁶⁹ Там же. Л. 35–36.

ность» происшедшего. В противном случае пришлось бы судить французских офицеров. А судить их, похоже, было за что.

В том же самом месте, у острова Сосновца, где 31 августа (12 сентября) была захвачена шхуна И.А. Дуракина, 2 (14) сентября того же 1854 г., некий французский военный бриг остановил норвежскую шхуну «Гобет». Вероятнее всего, это был тот самый бриг, который захватил «Двину». Шкипер норвежской шхуны Оле Гансен, с возмущением рассказывал потом русским портовым властям в Архангельске, что французский офицер требовал от него 30 франков «за будто бы сделанные по его шхуне два выстрела» (имелись в виду, вероятно, предупредительные выстрелы, произведенные с брига, чтобы заставить норвежское торговое судно лечь в дрейф). Поскольку О. Гансен упорствовал и денег французам за потраченный ими порох давать не хотел, офицер брига приказал своим людям забрать у норвежцев единственную шлюпку, лишив их тем самым основного спасательного средства²⁷⁰.

Нетрудно заметить, что захват русской шхуны и грабеж норвежской шхуны, произведенные французскими моряками у острова Сосновца с разрывом в 1 день (!), характеризуются единством стиля.

Можно с большой долей уверенности предположить, что к началу осени 1854 г. офицеры французской эскадры были всерьез озабочены тем, как встретят их на родине. В отличие от англичан, которым довелось поучаствовать в многочасовой перестрелке с защитниками Соловецкого монастыря, почти полностью сжечь «столицу русской Лапландии – город Колу», поучаствовать в нескольких перестрелках с жителями прибрежных русских селений, активность французских моряков была почти незаметной. Между тем, навигация на Белом море подходила к концу. За оставшиеся до отправления на родину дни нужно было либо попытаться добиться хоть сколько-нибудь заметного успеха, либо его придумать. Французы, видимо, решили остановиться на последнем, взяв в качестве примера для подражания захват англичанами шхуны «Волга».

Таким образом, если захватом «Волги» началась, то захватом «Двины» закончилась активность англо-французских военно-морских сил на Русском Севере в 1854 г. Оба судна участвовали в российско-норвежской меновой торговле, не препятствовать которой официально обещали и английское, и французское правительства: «Волга» шла в Норвегию, «Двина» из Норвегии возвращалась. Это подтверждали и документы, заверенные представителями норвежских властей, бывшие на каждом судне. Оба судна были захвачены по явно надуманным предложениям, вооружены пушками и уведены в качестве «призов». Помимо «Волги» и «Двины» еще десятки поморских судов в 1854 г. были захвачены либо ограблены.

²⁷⁰ ГАО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 5. Д. 5631. Л. 89–89 об.

3.11. «Странная» и «строгая» блокады беломорских портов в 1854 и 1855 гг.²⁷¹

Блокаду объединенными англо-французскими военно-морскими силами беломорских портов в 1854 г. вполне можно назвать «странной», по аналогии с устоявшимся определением «странная война»²⁷². С экономической точки зрения она была совершенно ненужной воюющим сторонам, а потому Великобритания и Франция затягивали с ее официальным объявлением. Россия же в свою очередь не спешила применять на практике меры, которые могли бы весьма болезненно ударить по европейским странам и особенно по Великобритании.

В секретном письме, отправленном из канцелярии Военного министерства 27 мая (8 июня) 1854 г. архангельскому военному губернатору Р.П. Боилу, сообщалось, со ссылкой на частные сведения из Лондона, о том, что Архангельск вряд ли будет подвержен блокаде. В Великобритании будто бы были слишком заинтересованы в поставках овса через порты Севера России и будто бы для транспортировки его уже было «нанято в Голландии большое число кораблей»²⁷³. До сведения губернатора тогда же довели, что в Министерстве финансов обсуждалась идея ограничить экспорт хлеба за границу через Архангельск, что «было бы весьма чувствительно для неприятеля». Однако император Николай I, узнав о ней и «принимая во внимание, что запрещение отпуски из Архангельска овса и вообще хлеба причинило бы в сем городе значительное расстройство торговли, высочайше повелеть соизволил вывоз овса из Архангельского порта оставить незапрещенным»²⁷⁴.

Блокада беломорских портов была официально объявлена англичанами и французами лишь 1 (13) августа²⁷⁵, хотя английская эскадра впервые появилась на бере Северной Двины еще 14 (26) июня.

²⁷¹ См. также: *Давыдов Р.А.* Архангельский порт в условиях блокады его военно-морскими силами Великобритании и Франции в годы Крымской войны и Архангельская портовая таможня // *Российская таможня: история, современность, перспективы развития: материалы научно-практической конференции.* Архангельск: Поморский университет, 2006. С. 62–67; *Давыдов Р.А.* Краткий обзор судоходства и внешней торговли России в Евро-Арктическом регионе в годы Крымской войны // *Проблемы истории России и стран Северной Европы: от Средних веков до наших дней (к 90-летию со дня рождения И.П. Шаскольского)* / Сост. В.Е. Возгрин. СПб: АИК, 2009. С. 148–153.

²⁷² Период II мировой войны с 3 сентября 1939 г. по 10 мая 1940 г. историки называют «странной войной» (известны также определения ее как «сидячей», «шуточной» и «фальшивой»). «Странность» войны заключалась в том, что Великобритания и Франция, объявившие войну нацистской Германии после ее нападения на Польшу, избегали широкомасштабных военных действий в Европе, хотя и располагали силами и возможностями для их проведения. Действия вермахта тогда также отличались пассивностью. Противостоящие стороны формально находились в состоянии войны, но по разным причинам и до определенного времени, не были заинтересованы в её эскалации и скорейшем завершении.

²⁷³ ГАО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 5. Д. 5631. Л. 20.

²⁷⁴ Там же. Л. 20–20 об.

²⁷⁵ Там же. Л. 37–37 об. Текст письма об объявлении блокады был подготовлен 31 июля (12 августа), передан представителям архангельских властей 1 (13) августа 1854 г.

Даже после объявления блокады судам нейтральных стран разрешался беспрепятственный выход из Архангельска еще в течение 15 дней, т.е. до 15 (27) августа. К этой дате в Управлении Архангельского порта решили подвести итоги навигации. Оказалось, что пришедших к Архангельску только иностранных торговых судов было 599, отошедших – 600. Последним иностранным судном, покинувшим Архангельск 12 (24) августа, был назван американский барк «Lamp lighter». О закрытии навигации Архангельского порта сообщили в С.-Петербург; соответствующая информация появилась в «Морском сборнике»²⁷⁶. Но с подведением итогов чиновники поторопились. После того, как английская и французская эскадры покинули Белое море, судоходство возобновилось, и фактически навигация закрылась лишь 8 (20) ноября²⁷⁷. Показательно, что из 619 иностранных торговых судов, покинувших Архангельский порт в навигацию 1854 г., в Англию ушли – 211, Шотландию – 65²⁷⁸. И это в условиях войны с Великобританией!!! Можно с известной осторожностью предположить, что еще какая-то часть иностранных кораблей, объявивших в Архангельской таможне о том, что они идут в Голландию (а таких было 231) также разгрузилась в портах в Великобритании.

Наконец, десятки русских судов все ж таки совершили благополучные плавания в Норвегию, хотя некоторые из них, как мы видели выше, были ограблены, уничтожены и захвачены неприятелем. Всего за навигацию 1854 г. поморскими жителями Архангельской губернии привезено только к Архангельскому порту из Норвегии и с Российского Мурманского берега рыбы сушеной 7 590 пудов, соленой – 43 947 пудов. Объявлено ими для вывоза в Норвегию разных товаров на 161 835 руб. 60 коп.²⁷⁹

Говоря о взаимной невыгодности блокады для воюющих сторон, мы ничуть не преувеличиваем. Вот какое по-своему забавное письмо на английском языке было направлено шведско-норвежскому консулу за подписями командующих английской и французской эскадр от 1 (13) сентября 1854 г. (содержание его стало известно архангельскому военному губернатору раньше, чем консулу):

«Милостивый государь (в оригинале – гораздо короче: *Sir – P.D.*),

Мы просим Вас обратить внимание на следующие обстоятельства, относящиеся до русской шхуны «Иоанн», которая, следуя в Архангельск, прибыла сюда ныне утром. Оказывается, что шхуна эта была употребляема в течение лета для торговли между русскими гаванями морского берега и норвежскими портами, без перевозки, однако ж чего-либо, могущего служить продовольствием для бедных финмаркенских крестьян; ныне же положен в нее груз, и шкипер объясняет, что груз этот

²⁷⁶ ГААО. Ф. 2. Оп. 1 Т. 5. Д. 5631. Л. 58.; Морской сборник, 1854. № 10. Официальные статьи и известия. С. 105.

²⁷⁷ ГААО. Ф. 786. Оп. 1. Д. 415. Л. 12 об.

²⁷⁸ Там же. Л. 19 об.

²⁷⁹ Там же. Л. 20–20 об.

принадлежит финмаркенской торговле, и под этим предлогом он надеется на свободный его пропуск в Архангельск. Мы не намерены употребить наших прав в этом случае, чтобы забрать судно это как приз, но желаем открыть злоупотребление в этом деле, и просим содействия Вашего в преграждении подобных обстоятельств. Английский консульский агент в Вадсе, кажется, участвует в спекуляциях по этому делу (! – Р.Д.), и он приложил свою подпись к документу этого судна; но по званию своему, он не имел никакого права нанимать неприятельское судно (! – Р.Д.) из Белого моря, которое производило торговлю между русскими портами»²⁸⁰.

В 1855 г. «строгая» блокада беломорских портов была объявлена существенно раньше – 30 мая (11 июня). Исключения для свободного прохода в Норвегию и обратно частным судам жителей Архангельской губернии сделано не было. В условиях затягивающейся войны в Крыму такого рода самоограничения для правительств Великобритании и Франции, озабоченных отсутствием очевидных военных успехов, вероятно, стали казаться неприемлемыми. Угроза вступления в войну Швеции (а, соответственно, и Норвегии), становилась все реальнее.

За навигацию 1855 г. поморскими жителями Архангельской губернии было привезено к Архангельскому порту из Норвегии и с Российского Мурманского берега рыбы сушеной 4 620 пудов и соленой 8 565 пудов. Объявлено ими для вывоза в Норвегию разных товаров на 28 982 руб. 50 коп. В Архангельскую таможенную за привезенные и вывезенные товары поступило пошлин вместе с карантинными, ластовыми и др. сборами – 45 497 руб. 96 1/4 коп. – существенно меньше, чем в предыдущем году²⁸¹.

«Ни нейтральные корабли, ни российские суда не могли ни привозить, ни вывозить товаров без явной опасности попасться в руки неприятелю», – говорилось в отчете Архангельской таможни²⁸².

В приведенных ниже таблицах содержатся краткие сведения о количестве судов, занятых в международной торговле, пришедших и отошедших от Архангельского порта в 1854 и 1855 гг. (без учета русских судов, занятых в каботажном плавании между русскими портами). Таблицы составлены по документам Архангельской портовой таможни²⁸³. Количество иностранных и российских судов, вышедших в Норвегию, выделено курсивом.

Большая часть контактов между жителями Архангельской губернии и севера Норвегии в годы Крымской войны была непосредственно или опосредованно связана с русско-норвежской торговлей. Важность торговли с русскими для севера Норвегии была настолько велика, что для

²⁸⁰ ГААО. Ф. 2. Оп. 1 Т. 5. Д. 5631. Л. 81.

²⁸¹ ГААО. Ф. 786. Оп. 1. Д. 423. Л. 17 об. – 18.

²⁸² Там же. Л. 18.

²⁸³ ГААО. Ф. 786. Оп. 1. Д. 415. Л. 19 об.; Д. 423. Л. 17.

Таблица 3.1.

Количество иностранных судов, вышедших из Архангельска	В 1854 году	В 1855 году
В Северную Америку	5	1
Англию	211	1
Шотландию	65	-
Ирландию	2	-
Голландию	231	2
Бельгию	12	-
Данию	4	-
Норвегию	58	17
Францию	1	-
Бремен	16	10
Гамбург	13	-
Франфуркт	1	-
Итого:	619	31

Таблица 3.2.

Количество российских судов, вышедших из Архангельска	В 1854 году	В 1855 году
В Норвегию	103	22
Бремен	-	1
Итого:	103	23

частных судов из Архангельской губернии, доставляющих в Норвегию продовольствие, правительствами воюющих с Россией стран – Великобританией и Францией – в 1854 г. была предоставлена возможность беспрепятственного плавания. От объединенных королевств Швеции и Норвегии была направлена в Белое море военная шхуна, чтобы ее командир и вновь назначенный в Архангельск консул (оба ранее служившие на флоте в России!), урегулировали с воюющими сторонами на местном уровне вопрос о продолжении торговли.

Но в результате оказалось, что официальные обещания Великобритании и Франции разрешить частную торговлю жителей Архангельской губернии с жителями Норвегии во время войны мало чего стоят. Всё решалось не «в верхах», а, как стало модно говорить, «на земле» или, применительно к нашей истории – «на воде». Любой английский или французский командир в случаях встреч русских судов, идущих в Норвегию или обратно, волен был трактовать свои права, обязанности и ограничения так, как считал нужным. Нередко в сомнительных ситуациях по отношению к командам русских судов срабатывала «волчья» логика из известной басни И.А. Крылова «Волк и ягненок»: «Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать»!

Кушать военные моряки с английских и французских эскадр хотели в самом прямом, а не иносказательном смысле...

Глава 4

Полярная миссия» римско-католической церкви и ее деятельность в отношении жителей Архангельской губернии в середине 1850-х – начале 1860-х гг.

4.1. Первая наднациональная организация Евро-Арктического региона или антироссийский пропагандистский проект, созданный в условиях войны?

В данной главе рассказывается о попытке Римско-католической церкви распространить католицизм в Арктике: из провинции Финн-марк на севере Норвегии, далее – в Исландии, на Европейском Севере России, а в перспективе – в приполярных областях всех стран Европы, Азии, Америки.

Сотни жителей Архангельской губернии, занимавшиеся в летний период рыболовством и торговлей на севере Норвегии, оказались во второй половине 1850-х – начале 1860-х гг. под воздействием религиозной пропаганды, направленной не только против православия, но и против российского правительства.

Официальное решение о создании католической миссии в норвежском Финнмарке²⁸⁴ было принято в 1854 году, когда Великобритания и Франция – крупнейшие колониальные империи того времени – объявили России войну, которую впоследствии историки назвали Крымской и которую Россия не смогла выиграть. (На Севере в том же 1854 г. военные пароходы Royal Navy подвергли обстрелу из корабельных орудий Соловецкий монастырь, произвели серию десантов и обстрелов русских поселений по берегам Белого моря и сожгли большую часть древнего заполярного города Колы, гарнизон которой отказался сдаться и принял неравный бой).

В 1855 году, когда французы тысячами гибли в Крыму от ран и болезней, пытаясь овладеть Севастополем, в столице Франции Париже на русском языке печаталась литература, предназначенная для рас-

²⁸⁴ Полное оригинальное название – Praefectura Apostolica Poli Arctici. В англоязычной литературе она называется North Pole Mission.

пространения католической миссией среди жителей Архангельской губернии, приезжающих в Норвегию. Как выяснилось впоследствии, основная работа миссии была ориентирована на русских старообрядцев («раскольников»), подвергавшихся в те годы известной дискриминации со стороны российских властей и Святейшего Правительствующего Синода. (Старообрядцы, недовольные притеснениями со стороны российских властей, пользовались в Поморье значительным авторитетом и влиянием, а уровень их благосостояния, по оценке современников и исследователей, был достаточно высоким).

В канцелярии архангельского гражданского губернатора в 1850-х – 1860-х гг. было заведено несколько дел, относящихся к католической миссии в Норвегии и ее руководителю, а в 1860 г. по поручению гражданского губернатора было проведено соответствующее секретное расследование о ее влиянии на поморов.

Поскольку практические результаты этой, похожей на авантюру, акции оказались крайне незначительными, история ее до недавнего времени оставалась малоизвестной и малоизученной. Лишь в 1990-х – 2000-х годах к этой темой независимо друг от друга обратились исследователи в Норвегии и России.

Вот что пишет современный норвежский историк Йенс Петер Нильсен:

«Миссия Северного полюса» явилась первой попыткой создать организацию в приполярных районах, поверх национальных границ. В этом смысле она, можно сказать, была предшественницей Баренцева Евро-Арктического региона наших дней. Однако миссию можно также рассматривать как давнюю попытку склонить норвежцев, в первую очередь жителей северонорвежских провинций, присоединиться к своего рода Европейскому союзу, или, лучше сказать, к европейскому “духовному союзу”. Примечательно, и то, что во главе миссии стоял русский человек, который за несколько лет до этого оставил православие и принял католическую веру. Этим человеком был Степан Степанович Джунковский»²⁸⁵.

Согласимся с Й.П. Нильсеном. «Миссия Северного полюса» действительно стала первой известной попыткой создать организацию в приполярных районах, поверх национальных границ. Но добавим, что она была создана в условиях, когда Россия вела войну. Действительно, своим созданием миссия была обязана Степану Степановичу Джунковскому, отказавшемуся от православия и принявшего католическую веру. Но хотелось бы тут же уточнить, что в России он был лишен всех прав состояния и объявлен «навсегда изгнанным из пределов государства».

²⁸⁵ Нильсен Й.П. С.С. Джунковский и «миссия Северного полюса». Проект освоения Арктики Римско-католической церковью в XIX в. // Скандинавские чтения – 2006 / Отв. ред. И.Б. Губанов, Т.А. Шрадер. СПб.: МАЭ РАН, 2008.С. 504.

Так или иначе, личность С.С. Джунковского (1821–1870), бывшего в середине XIX в. одним из наиболее видных русских адептов католицизма, и его деятельность, ориентированная среди прочих, на жителей Архангельской губернии, заслуживает внимания и изучения историками.

4.2. «Отличаясь с юности особенной религиозностью...»

Степан Степанович Джунковский родился 10 (22) февраля 1821 г. в семье известного ученого и администратора, приближенного к императорскому двору Степана Семеновича Джунковского (1762–1839)²⁸⁶. Отец видел будущее сына в военной службе и содействовал определению его в 1-й кадетский корпус. Однако кадету Джунковскому, из-за его слабого физического развития, вскоре пришлось оставить корпус и поступить в Санкт-Петербургский университет. В 1842 г. он окончил его и написал две диссертации: одну – о крепостном труде в России и другую – о финансовых системах европейских государств. Первая из них особого успеха не имела, зато вторая была отмечена медалью²⁸⁷.

Перспектива государственной службы как таковой мало занимала С.С. Джунковского, еще в университете проявлявшего больший интерес к философским вопросам о назначении, бытии, духе и благе человека. Вскоре после окончания университета С.С. Джунковский отправляется за границу: формально – по поручению министра народного образования графа С.С. Уварова²⁸⁸ для изучения состояния среднего и низшего образования в Европе, фактически – для изучения новейших работ

²⁸⁶ В 1784 г. Екатерина II отправила Степана Семеновича за границу «для усовершенствования в науках и в земледелии». Проведя 7 лет в Англии, Франции и других европейских государствах, он вернулся в Россию и был назначен учителем английского языка к великим княжнам. Впоследствии Степан Семенович занимался поселениями колонистов, делами Лифляндии, приведением всех мер и весов в империи «в однообразие», организацией осушки окрестностей Санкт-Петербурга. Некоторое время он был директором Департамента государственного хозяйства и публичных зданий и, кроме того, на протяжении 25 лет, начиная с 1803 г., состоял членом Императорского вольного экономического общества, был его непременным секретарем и постоянным редактором публикуемых обществом «Трудов». Подробнее о нем см.: *Преклонский Д.* Биография тайного советника Степана Семеновича Джунковского. СПб., 1840.

²⁸⁷ *Черкас А.* Джунковский Степан Степанович // *Русский биографический словарь*. В 25 т. Т. VI. Дабелов–Дядьковский. СПб., 1905. С. 345–347; *Юдин А.* Джунковский Степан Степанович // *Католическая энциклопедия*. В 4-х томах. Т. IV. Р–Ф. М.: Изд-во Францисканцев, 2011. Стлб. 1617.

²⁸⁸ Сергей Семенович Уваров (1786–1855) с 1818 г. по 1855 гг. – президент Императорской Академии Наук (после переименования в 1836 г. – Императорской Санкт-Петербургской Академии Наук); министр народного просвещения с 1833 по 1849 гг. Его фраза из циркуляра, разосланного попечителям учебных округов в 1833 г., об образовании в «духе православия, самодержавия и народности» впоследствии получила широкую известность и стала сжатым выражением русской монархической доктрины. Подробнее о нем см.: *Парсенов В.С., Удалов С.В.* Сергей Семёнович Уваров // *Уваров С.С. Избранные труды*. М.: РОССПЭН, 2010. С. 5–54.

европейских, в первую очередь немецких, философов²⁸⁹. В Берлине на мировоззрение С.С. Джунковского оказали заметное влияние немецкая философия, личное знакомство с Ф. Шеллингом²⁹⁰, посещение его лекций. Христианский универсализм Ф. Шеллинга в немалой степени способствовал обращению Джунковского к идее единства церкви и в дальнейшем способствовал его обращению к католицизму. Сохранились отдельные, но неподтвержденные указания на то, что Ф. Шеллинг будто бы открыл Джунковскому свое философское завещание, где заявлял о своем признании истинности Евангелия.

Помимо философии, С.С. Джунковский страстно увлекся изучением народных верований, деятельностью сект, для чего предпринял серию поездок по западнославянским и немецким землям, побывал в Голландии, Франции, Англии и Италии. Под воздействием полученных от этих поездок впечатлений он все более и более стал склоняться к мистицизму, к убеждению, что неверие есть единственный источник всех зол человечества. Поставив себе задачу борьбу против неверия, он со всем увлечением своей мечтательной и порывистой натуры, решил начать работу по обращению в православие западных христиан.

Философские и религиозные искания С.С. Джунковского, его попытки популяризации православия не остались незамеченными римско-католической церковью. По прибытии в Рим, он был окружен иезуитами и, в результате общения с ними, в июле 1845 г. перешел в католичество, решив не возвращаться в Россию. Более того, он заявил генералу иезуитов Я. Ротану²⁹¹ о своем намерении вступить в орден. В сентябре 1845 г. вместе с товарищем по Санкт-Петербургскому университету И.М. Мартыновым С.С. Джунковский поступил в иезуитский новициат Сент-Ашель. Он изучал богословие в Лавале (1847–1849), Доле (1850–1851) и овладел в совершенстве шестью европейскими языками, помимо латинского.

Со всем пылом неофита С.С. Джунковский принес на служение вновь принятого им исповедания свою обширную эрудицию и незаурядные, как оказалось, организаторские способности. В 1847 г. он направил Яну Ротану записку «*Observations sur quelques moyens a prendre pour la conversion des heretiques et des schismatiques*» («О некоторых средствах, которые следует употреблять для обращения еретиков и схизматиков»), в которой характеризовал отношение к католицизму в России, и предлагал Обществу Иисуса конкретные пути развития католической миссии.

²⁸⁹ То есть изначально С.С. Джунковский – релокант, а не эмигрант, если использовать современную терминологию и пытаться пробовать видеть зыбкую грань между этими двумя терминами.

²⁹⁰ Фридрих Вильгельм Йозеф фон Шеллинг (Friedrich Wilhelm Joseph von Schelling) (1775–1854) – немецкий философ. В начале 1840-х гг. читал лекции в Берлинском университете.

²⁹¹ Ян Филипп Ротан (Jan Philipp Roothaan) (1785–1853) – генерал Общества Иисуса, возглавлял орден в 1829–1853 гг. За время его руководства орденом число иезуитов увеличилось, открылись новые учебные заведения; иезуиты активизировали миссионерскую деятельность. См.: *Шишова Т. Ротан Ян Филипп* // Католическая энциклопедия. В 4-х томах. Т. IV. Р–Ф. М.: Изд-во Францисканцев, 2011. Стлб. 395–396.

Однако эти предложения не получили тогда явной поддержки иезуитов.

В январе 1852 г. С.С. Джунковский принял священнический сан и переселился из Рима в Париж. Обосновавшись в качестве священника при церкви Св. Женевиевы, Джунковский стал проповедовать среди беднейших слоев населения французской столицы; для живущих там немцев – на немецком языке. В течение непродолжительного времени С.С. Джунковский, он же pere Etienne, становится деятельным участником множества благотворительных обществ – «братства слепых», «братства сирот» и др. Зажигательные проповеди pere Etienne перед обездоленными парижанами сделали его чрезвычайно известным.

Духовенству и господствующим классам С.С. Джунковский в то же время становится известен как неутомимый публицист. В 1852–1854 гг. духовные и светские журналы²⁹² печатали серию его статей, посвященных проблемам славянского мира и единства церквей, а также положению православия. Всего же в 1850-х гг. С.С. Джунковский опубликовал за рубежом более 300 статей, отдельных сочинений на французском, немецком, английском, итальянском, норвежском языках по самым различным областям знаний.

В декабре 1853 г. С.С. Джунковский будто бы вышел из ордена иезуитов. Почему, зачем? Мотивы этого поступка невыяснены. В первом томе четырехтомной «Католической энциклопедии», подготовленном в Издательстве Францисканцев на русском языке и опубликованном в 2002 г., осторожно говорится, что С.С. Джунковский осознал «несоответствие своего призвания харизме ордена». В дореволюционных российских публикациях содержатся недвусмысленные намеки на то, что уже тогда С.С. Джунковский испытал первые разочарования в католической церкви. Во всяком случае, прибыв в Рим в январе 1854 г., он на аудиенции у папы Пия IX предложил ряд церковных реформ, в частности отмену целибата как препятствия для воссоединения католиков и православных верующих.

Предложения реформ были отвергнуты, а автора их папа Пий IX в том же году постарался отправить реформатора подальше от Рима, впрочем, с ответственными поручениями и громкими титулами. С.С. Джунковский выехал в Австрию, где, в частности, встречался с православным архимандритом Порфирием (Успенским) (1804–1885), с которым обсуждал проблемы воссоединения церквей. Затем С.С. Джунковский отправился в Вестфалию для восстановления упраздненной после Реформации Оснабрюкской епархии, а далее – в Лондон для устройства католического прихода для иностранцев. Большая часть поручений была им успешно выполнена²⁹³.

²⁹² «L'Ami de la Religion», «L'Univers», «La Voix de la Verite» и др.

²⁹³ Голос. 1870. 5 марта; Джунковский Степан Степанович // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза, И.А. Ефрона. Т. X^А. Десмургия–Домициан. СПб., 1893. С. 559–560; Черкас А. Джунковский Степан Степанович // Русский биографический словарь. В 25 т. Т. VI. Дабелов–Дядьковский. СПб., 1905. С. 345–347; Юдин А. Джунковский Степан Степанович // Католическая энциклопедия. В 4-х томах. Т. IV. Р–Ф. М.: Изд-во Францисканцев, 2011. Стлб. 1617–1618.

4.3. «Считать навсегда изгнанным из пределов государства...»

Осенью 1854 г. С.С. Джунковский выступил с идеей создания католической миссии на Севере Европы: ему, будто бы было видение девы Марии, призывавшей нести истинную веру к Северному полюсу²⁹⁴. Предложение, внешне похожее на авантюру, нашло в Риме своих сторонников и не встретило неприятия со стороны папы. 26 ноября (8 декабря) 1854 г. Конгрегация по распространению веры²⁹⁵ создала полярную префектуру – *Praefectura Apostolica Poli Arctici* – во главе которой стал С.С. Джунковский, наделенный папой правами епископа²⁹⁶.

В этом же году России, уже находящейся в состоянии войны с Турцией, объявили войну Великобритания и Франция – крупнейшие колониальные империи своего времени. На деятельность ренегата С.С. Джунковского в этих странах обратили внимание в Санкт-Петербурге. Высочайше утвержденным в 1854 г., по мнению Государственного Совета, «решением Правительствующего Сената по делу о бывшем русском подданном, дворянине Степане Джунковском, виновном в отступлении от православия и принятии римско-католического исповедания с поступлением в монашество Иезуитского ордена, равно оставлении отечества с нарушением верноподданнического долга и присяги», было положено: С.С. Джунковского, лишив, на основании ст. 354 Уложения о наказаниях, всех прав состояния, «считать навсегда изгнанным из пределов государства; в случае же самовольного возвращения в Россию, сослать на поселение в отдаленнейшие места Сибири»²⁹⁷.

Летом 1855 г. Джунковский отправился в «отдаленнейшие места», но не Сибири, а Скандинавии²⁹⁸. Он искал место, где будущие миссионеры могли бы устроиться на первое время, чтобы привыкнуть к суровым условиям Севера (аналогично тому, как выбирались места с умеренно жарким климатом для акклиматизации миссионеров, готовящиеся к работе в центральной Африке). Таким местом стало селение Альта на севере Норвегии, связанное с южной Норвегией пароходным сообщением, где С.С. Джунковский нашел подходящий пустующий дом.

²⁹⁴ *Nielsen J.P.* *Praefectura Apostolica Poli Arctici: A Nineteen century Roman Catholic Missionary Offensive in the Far North // Europa und der Norden.* Tromsø, 1994. P. 143.

²⁹⁵ В документах XIX в. упоминается как «*Sacra Congregatio de Propaganda Fide*» и «Конгрегация римско-католических миссионеров».

²⁹⁶ *Den katolske kirke i Norge. Fra Kristningen til idag.* Oslo, 1993. S. 170; *Nielsen J.P.* *Praefectura Apostolica Poli Arctici: A Nineteen century Roman Catholic Missionary Offensive in the Far North // Europa und der Norden.* Tromsø, 1994. P. 143; Юдин А. Джунковский Степан Степанович // *Католическая энциклопедия. В 4-х томах. Т. IV. Р–Ф. М.: Изд-во Францисканцев, 2011. Стлб. 1618.*

²⁹⁷ ГАО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 1. Д. 1455. Л. 7.

²⁹⁸ *Nielsen J.P.* *I Kopperverkets tid. Kåffjord kirke 150 år. Alta, 1987. S. 71; Den katolske kirke i Norge. Fra Kristningen til idag.* Oslo, 1993. S. 172.

Норвежские власти с настороженностью отнеслись к появлению миссионера. Первоначально они пытались выяснить – не является ли он иезуитом? Потом им долго не давал покоя тот факт, что Джунковский русский. (И в Швеции и в Норвегии были уверены в существовании у российского правительства плана захвата незамерзающих гаваней Финнмарка для устройства там военно-морских баз²⁹⁹; эта странная фобия десятилетиями культивировалась шведскими, норвежскими властями и прессой). С.С. Джунковскому так до конца и не удалось избавиться от подозрений со стороны норвежцев в том, что его деятельность не связана со шпионажем в пользу русского правительства³⁰⁰.

Заинтересованные ведомства в России, в свою очередь, с нарастающим интересом следили за передвижениями С.С. Джунковского по странам Европы.

10 (22) мая 1856 г. архангельский военный губернатор Степан Петрович Хрущов получил письмо под грифом «секретно» от министра внутренних дел С.С. Ланского, содержащее информацию о намерении С.С. Джунковского отправиться «отправиться из Рима через Швецию в северную часть империи и проникнуть по возможности до Колы для обращения тамошних жителей в католическую веру». Министр просил принять надлежащие меры, чтобы воспрепятствовать этой акции³⁰¹. К письму прилагалась записка «о бывшем русском подданном, а ныне деятельном члене конгрегации римско-католических миссионеров Степане Джунковском» следующего содержания.

«Некто Джунковский, русский подданный и бывший чиновник в одном из министерств в С.-Петербурге, несколько лет тому назад принял католическую веру и сделался священником, под именем аббата Этьен, принадлежит в настоящее время к обществу миссионеров.

Джунковский жил в Париже, где был сотрудником журналов “Univers” и “Ami de la Religion”. Два года тому назад он приехал в Рим и с тех пор постоянно имел различные секретные поручения; недавно он опять оставил Рим с намерением чрез Швецию проехать в Лапландию и даже в Колу, чтобы там войти в сношение с целью религиозной пропаганды с торговцами рыбы и меха, которые ежегодно из Архангельска приезжают в Колу. По дошедшим сведениям, Джунковский уже не в первый раз предпринимает такое путешествие, и предварительно он объезжал уже эти страны с целью обратить лапландцев и проникал даже в Архангельск под ложным именем»³⁰².

В том же мае 1856 г. в Архангельск, как и в другие административные центры пограничных губерний, пришел отпечатанный типографским способом секретный циркуляр Департамента полиции исполнительной МВД от 17 мая 1856 г. № 99 «Об изгнаннике Степане Джунковском»³⁰³,

²⁹⁹ *Nielsen J.P.* Praefectura Apostolica Poli Arctici... P. 144.

³⁰⁰ Den katolske kirke i Norge. Fra Kristningen til idag. Oslo, 1993. S. 174–175.

³⁰¹ ГАО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 5. Д. 6017. Л. 1–1 об.

³⁰² Там же. Л. 2–2 об.

³⁰³ ГАО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 1. Д. 1455. Л. 7–7 об.

которым предписывалось принять меры к его задержанию в случае появления его в России. Странно, но Министерство внутренних дел, имея непроверенную информацию о том, что С.С. Джунковский уже побывал в Архангельске и, требуя от архангельских военного и гражданского губернаторов принять меры к задержанию его, так и не выслало им описания внешности С.С. Джунковского!

Нам, кстати, пока также не удалось пока обнаружить портрета С.С. Джунковского. Сохранились лишь отдельные описания его внешности в воспоминаниях путешественников, встречавшихся с ним в 1850-х гг.

Одно из них приводится в книге английского путешественника Б. Тэйлора, побывавшего летом 1857 г. на севере Норвегии и встретившего С.С. Джунковского в Альте. Б. Тэйлор вспоминал о нем как о мужчине крепкого телосложения и массивной комплекции, показавшегося ему похожим то ли на калмыка, то ли на татарина («Calmuck Tartar»), первого взгляда производящего неприятное впечатление. У него было болезненного, желтоватого цвета, лицо; глубоко посаженные глаза, большие ноздри, крупный рот, острый подбородок и высокие скулы. Однако «варварская» внешность удивительным образом сочеталась с изысканными манерами поведения. С.С. Джунковский представился англичанину русским дворянином («he proved to be a Russian baron»), которому отказ от православной веры стоил состояния. Б. Тэйлор кратко отметил в своей книге необычное желание папы распространить католичество в Арктике, выразив сомнение относительно возможности его осуществления. Он полагал, что активность представителей католической церкви в Норвегии, где глубоко укоренилось лютеранство, неизбежно будет вызывать подозрение и недоверие³⁰⁴ (как оно и было на самом деле).

У молодого русского путешественника А.Н. Андреева, впервые выехавшего за границу и случайно оказавшегося попутчиком С.С. Джунковского в поездке на дилижансе из Флоренции в Болонью, внешность католического священника не вызвала неприятия: «очень плотный собою, с гладко выбритой бородой и усами», «лицо... довольно симпатичное и добродушное». Привыкший к частым и протяженным поездкам С.С. Джунковский сумел завоевать расположение соотечественника тем, что на протяжении всей поездки угощал его всевозможными ликерами, паштетами, сырами, которые он время от времени извлекал из «бесконечных своих коробов и укладок» и, в особенности, абсентом. Он оказался интереснейшим собеседником, находящим, даже удовольствие в своеобразном эпатаже, не без гордости заявляя, что является соперником русского императора Николая «в отношении обладания северными странами».

«Всю дорогу я не видел, как провел время, – вспоминал впоследствии А.Н. Андреев. – Мы весело болтали без умолку, и не без основания

³⁰⁴ Taylor B. Northern Travel. Summer and Winter Pictures of Sweden, Lapland and Norway. London, 1858. P. 259.

я дивился уму и находчивости этого, тогда еще в первый раз ренегата, впоследствии же двойного и кончившего жизнь, увы, при обстановке, достойной много лучшей участи». В память об этой встрече у А.Н. Андреева осталась визитка, на которой значилось: «Djounkofsky, prefet apostolique des regions arctiques»³⁰⁵.

К началу 1860-х гг. стараниями бывшего русского дворянина С.С. Джунковского были восстановлены семь католических епархий, упраздненных в результате Реформации в Швеции, Норвегии, Исландии и Шотландии. Ему также удалось добиться от норвежского парламента официального признания своей миссии «полезной для страны». Он стал членом Исландского литературного общества, председатель которого И. Сигурдсон был лидером движения за независимость Исландии. Вместе с другими представителями исландской интеллигенции С.С. Джунковским подготовлено к изданию классическое произведение исландской средневековой литературы – поэма «Лилия» Э. Аустримссона³⁰⁶.

4.4. В поисках «сокровищ»

В 1857 г. (а, возможно, и в последующие годы) С.С. Джунковский дарил приезжающим в Норвегию русским небольшую, объемом в 68 страниц, книгу на русском языке – «Сокровище Христианина, или краткое изложение главных истин веры и обязанностей Христианина. С присовокуплением некоторых избранных молитв». Кроме книги он раздавал также стеклянные четки с крестиками.

При осмотре одного из поморских судов, возвращавшихся из Норвегии в Россию, фельдфебель пограничной стражи Алексеев обратил внимание на эту книгу у одного из крестьян и изъял ее. Вероятно, бдительный фельдфебель обратил внимание на странность: книга на русском языке была отпечатана в Париже, в императорской типографии в 1855 году, т.е. во время войны Франции с Россией! Выяснилось, что такого рода подарки в Норвегии получили и другие поморы. Начальник Архангельского таможенного округа сообщил о находке столичному начальству – в Министерство финансов. Министерство финансов в свою очередь поставило в известность об этом случае Министерство внутренних дел. Еще одна такая же книжка, примерно тогда же отданная другим мудьюжским крестьянином приходскому священнику, была доставлена в Архангельскую духовную консисторию. О ней также сообщили в МВД.

³⁰⁵ Андреев А.Н. Давние встречи // Русский архив. 1890. Кн. 1. С. 538–539. А.Н. Андреев в своих воспоминаниях о действительно «давних» встречах с известными людьми ошибочно датирует знакомство с С.С. Джунковским 1852 годом, тогда как, судя по упомянутой им визитке, оно могла произойти никак не ранее 1855 г.

³⁰⁶ Nielsen J.P. Praefectura Apostolica Poli Arctici... P. 147–148; Юдин А. Джунковский Степан Степанович... Стлб. 1618.

В письме от 18 (30) июня 1858 г. министр внутренних дел граф С.С. Ланской³⁰⁷ дал официальную оценку подозрительного издания: «Означенная книжка, содержащая в себе, кроме краткого изложения предметов верования и событий церкви, русские молитвы с примесью римско-католического вероучения и догматов, явно направлена к укоренению в нашем народе понятий, несогласных с догматами господствующей церкви». Министр поручил губернатору «в видах прекращения распространения оной между православными жителями» отбирать у приезжающих из Норвегии эти книжки и, по возможности, «исследовать негласно» от кого именно она была получена³⁰⁸.

9 (21) июля 1858 г. Архангельский гражданский губернатор отдал соответствующее распоряжение полицмейстеру и уездным исправникам, обязав их представлять ему донесения о результатах каждые четыре месяца³⁰⁹.

Но обращение за помощью к полиции результатов не дало. На протяжении последующих 9 лет (!), раз в четыре месяца полицмейстер и исправники писали, что «Сокровища христианина» на вверенной им территории «не находилось», «не обнаружено», «не оказалось», «не отыскано», «не открыто», «не замечено»³¹⁰.

Поток этих отписок в 1867 г. прекратил архангельский губернатор князь С.П. Гагарин³¹¹ письмом от 12 (24) апреля:

«Не имея в настоящее время надобности в получении этих срочных донесений, даю о сем знать гг. полицмейстеру и исправникам для надлежащего исполнения, но вместе с тем поручаю иметь строгое негласное наблюдение за нераспространением означенного издания между местными жителями; особенно же строгий в этом отношении надзор следует учредить за прибывающими из Норвегии лицами, так как из предложения г. министра внутренних дел от 18 июня 1858 г. видно, что книжка эта ввезена была сюда в 1857 г. беломорскими промышленниками из Норвегии; затем если она и ныне появится, то, отобрав ее, тотчас представить мне, негласно исследовав – от кого, где и когда получена»³¹².

4.5. Уголовных дел стряпчий Знаменский собирает сведения

В 1860 г. слухи о С.С. Джунковском привлекли внимание епископа архангельского Александра, который инициировал проведение специального расследования его деятельности. Часть материалов

³⁰⁷ Сергей Степанович Ланской (1787–1862) был министром внутренних дел Российской империи в 1855–1861 гг.

³⁰⁸ ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 5а. Д. 597. Л. 1–2 об.

³⁰⁹ Там же. Л. 354.

³¹⁰ ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 5а. Д. 597.

³¹¹ Гагарин Сергей Павлович (1818–1870) в 1866–1869 был архангельским губернатором.

³¹² ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 5а. Д. 597. Л. 354 – 354 об.

этого расследования лишь недавно впервые была введена в научный оборот.

Летом 1860 г. епископ архангельский Александр получил письмо от священника села Кереть Кемского уезда Федора Ануфриева. В письме содержались жалобы на засилье раскольников в уезде. Они повторялись из года в год, и в них не было ничего нового. Но одна из жалоб привлекла внимание Его Преосвященства:

«Проживающий в городе норвежском Тромзене, куда весьма многие поморские жители ходят на судах для торговли, папский миссионер, будто бы какой-то польский выходец Джонсковский³¹³ привлекает торгующих русских подданных... к латинству, нередко зимой проезжает по погостам лопарским для распространения своего учения и заблуждений. Он имеет огромные средства от папского правительства и обещает совратившимся из раскола в униатство разные привилегии в торговле с Норвегией и значительную денежную помощь»³¹⁴.

Епископ посчитал, что полученное сообщение заслуживает того, чтобы доложить о нем исправляющему должность архангельского гражданского губернатора, который 31 августа (12 сентября) распорядился направить в Кемский уезд, на русско-норвежскую границу уголовных дел стряпчего Ивана Павловича Знаменского. Вряд ли Иван Павлович с энтузиазмом отнесся к командировке «по секретному делу особой важности» отдаленный уезд. Перспектива поездки «примерно на 1000 верст»³¹⁵ на лошадях по залитым дождями дорогам и по морю на почтовом карбасе во время осенних штормов выглядела откровенно непривлекательной. Когда же он все-таки добрался до с. Кереть и встретился с благочинным Ф. Ануфриевым, то не смог сдержать разочарования. Ф. Ануфриев решительно ничего не мог сообщить нового и сказал, что его рапорт был основан лишь на слухах. Впоследствии, в рапорте губернатору от 4 (16) ноября 1860 г. о результатах своей поездки, И.П. Знаменский записал: «Благочинный священник Ануфриев потропился возбудить заботливость начальства о предотвращении зла, существование которого и самому ему положительно не было известно». И.П. Знаменский не стал заниматься раскольниками, указав в рапорте, что для преследования их в условиях осеннего «распутного времени» ему не представилось никакой возможности³¹⁶. Но к сбору информации о католическом миссионере он проявил гораздо больший интерес.

Поморы очень неохотно, «с уклончивостью от искренности»³¹⁷ давали показания о человеке, который общался с ними в Норвегии на ре-

³¹³ В документах фамилия католического миссионера и «польского выходца» нередко писалась ошибочно, по-разному, часто «Джонсковский» и «Дженсковский». Далее, при цитировании источников, я оставляю так, как в оригинале. И, кстати, Джунковские – русский дворянский род.

³¹⁴ ГАО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 5а. Д. 626. Л. 2–2 об.

³¹⁵ Там же. Л. 10.

³¹⁶ Там же. Л. 14–14 об.

³¹⁷ Там же. Л. 16 об.

лигиозные темы. Тем не менее, Иван Павлович понял: католическая пропаганда, ориентированная на поморов – не выдумка, и миссия, финансируемая из Рима, реально существует. Наибольшую помощь следствию оказал благочинный 1-й части Кемского уезда Сумского посада Гавриил Лысков³¹⁸, из душевных бесед со своими прихожанами узнавший множество подробностей о жизни и деятельности папского миссионера в Норвегии. По просьбе следователя И.П. Знаменского, он представил в письменном виде все, что ему известно о папском миссионере.

«Что же касается папского миссионера польского выходца Дженсковского, то о нем я знаю следующее: он прекрасно знает русский язык и отлично образован, рассказывают, что образование свое он получил в одном из русских университетов. При всем том, из разговоров его с норвежцами открывается, что он, Дженсковский, бежал из России вследствие каких-то своих преступлений; так что по собственному его сказанию, тому, кто бы его представил в России, было бы дорого заплачено, и что тотчас же, по представлении его, он был бы непременно сослан в Сибирь. Был ли Дженсковский когда православным, о том неизвестно; но ныне он пастор и проповедник римско-католического вероисповедания. Проживает же в Норвегии, как он сам рассказывает, русским торговцем, под покровительством французского правительства (...). Мои прихожане в 1857 и 1859 годах видели его в Гаммерфесте. По их рассказам, здесь он даже имеет свою домовую церковь, в каковой и отправляет в обольщение русских свое богослужение на русском языке. И к русским во все их время пребывания их в Гаммерфесте по своим торговым делам бывает он весьма внимателен. Входит в разговоры при каждой с ними встрече и при этом рассказывает «отцом Степаном» (...). Приглашает каждого как к совершаемому им богослужению в свою церковь, так и, преимущественно, в свою квартиру. Принимает их у себя ко всем ласковостью, угощает столом и даже хмельными напитками³¹⁹, что в особенности и привлекает к нему всегда немалое количество посетителей русских, особенно таких, кои не чужды того, чтобы угоститься за чужой счет. Причем Дженсковский совсем иезуитскою хитростью вовлекает таковых своих посетителей в разговоры о вере; выпрашивает их как о состоянии русской православной церкви, так и о состоянии всего вообще русского правительства. В особенности же выпрашивает со всею тщательностью о состоянии нашего несчастного и жалкого раскола. Причем по своему обыкновению всегда и на всевозможные лады поносит как нашу православную церковь, так, в особенности, и все наше русское правительство, начиная от государя

³¹⁸ Гавриил Лысков служил приходским настоятелем в Сумском посаде в 1849–1862 гг. См.: Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Вып. III. Уезды Онежский, Кемский и Кольский. Архангельск, 1896. С. 144.

³¹⁹ Видимо, это был один из наиболее действенных приемов миссионера С.С. Джунковского для расположения к себе соотечественников. Ср. с вышеприведенными воспоминаниями А.Н. Андреева.

императора и до самых низших чинов (...) И, между тем, от таковых поношений русских церкви и правительства всегда и в то же самое время непременно переходит к самым напыщенным и к самым высокопарным похвалам папе и всей римской церкви, стараясь, таким образом, незаметно для своих слушателей, поселить в них невольное к ним уважение и расположенность»³²⁰.

Сейчас, располагая исследованиями современных норвежских историков и другими материалами о С.С. Джунковском, нельзя не заметить, насколько точными оказались собранные сумским священником Г. Лысковым сведения. С.С. Джунковский действительно учился «в одном из русских университетов» – в Санкт-Петербургском. В случае возвращения в Россию ему действительно грозила ссылка в Сибирь. Г. Лысков указывал на порочность и безнравственность папского миссионера, едва ли способного «привлекать к себе людей порядочных»³²¹, имея в виду пристрастие С.С. Джунковского к алкоголю. Современные зарубежные историки также не обходят молчанием этой болезненной для репутации С.С. Джунковского темы, удостоившегося при жизни прозвища «епископ Коньяк»³²² и соглашаются с тем, что наибольший успех пропаганда его имела среди норвежских бедняков, надеявшихся на благотворительность католиков³²³.

Между тем, никакими данными о миссионерской деятельности Джунковского, ориентированной на поморов, норвежские авторы не располагают. Г. Лысков же, по понятным причинам, уделял ей перво-степенное внимание.

«Дженсковский, в подкрепление своего проповедничества посредством живого слова, каждому из своих посетителей – каждому русаку дарит или, прямее сказать, навязывает книжки под заглавием «Сокровище христианина с присовокуплением некоторых нужных молитв», отпечатанные на чистом, современном русском языке в 1855-м году в Парижской типографии. Книжки эти, на мой взгляд, не что иное, как краткий катехизис римской церкви, составленный весьма просто и весьма понятно для всякого, и даже для русака-простолюдина»³²⁴.

Чтобы не быть голословным, Г. Лысков отобрал у своих прихожан три экземпляра парижского «сокровища» и представил их производящему следствие чиновнику. (Между прочим, к тому времени архангельский полицмейстер и все уездные исправники уже два года подряд каждые четыре месяца отписывались губернатору о том, что не могут найти ни одного экземпляра данного издания!)

В сопроводительном письме к изъятым книгам, Лысков указал, что сочинителем и издателем их, со слов С.С. Джунковского, был князь Га-

³²⁰ ГАО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 5а. Д. 626. Л. 53–54.

³²¹ Там же. Л. 65 об. – 66.

³²² См., например: Den katolske kirke i Norge... S. 184, 496.

³²³ *Nielsen J.P. Praefectura Apostolica Poli Arctici...* P. 146.

³²⁴ ГАО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 5а. Д. 626. Л. 54–54 об.

гарин³²⁵. Лысков был уверен: на руках у поморов осталось еще до 500 экземпляров книги. Явно не симпатизируя своему зарубежному коллеге, благочинный Лысков, тем не менее написал о том, как С.С. Джунковский в 1857 г. проявлял деятельную заботливость о большом количестве заболевших в Норвегии россиян, бесплатно лечил, кормил их и «вспомоществовал им всеми возможными мерами», очевидно понимая, что проповеди, соединенные с актами милосердия, оказывают гораздо более сильный эффект.

Г. Лысков особо отметил еще один аспект, касающийся общения С.С. Джунковского со староверами: миссионер не только занимался пропагандой, но собирал всевозможные материалы, касающиеся русского раскола:

«Он старается выманивать у раскольников уважаемые ими книги и вместе заботится и о том, чтобы как-нибудь запастись и теми книгами, кои православною церковью изданы в обличение русского раскола (...). Один из моих прихожан уже видел в руках Дженковского одну раскольническую книгу, именно: «Об отцах и страдальцах Св. Соловецкой обители». Чтобы запастись этими книгами, Дженковский, как слышно, входит для того в сношения со здешними богатыми поморцами и просит их о приобретении для него этих книг, давая им на этот предмет довольно значительное количество денег»³²⁶.

Существование такого рода сделок или обменов подарками косвенно подтверждал в последствии и сам С.С. Джунковский уже по возвращении в Россию³²⁷.

Одно из писем священника Г. Лыскова следователю И.П. Знаменскому заканчивалось словами:

«Дай Бог Вам, Иван Павлович столь важное дело, порученное Вам благопопечительным начальством нашим дело, по предмету коего и я пишу Вам сии слабые строки, окончить сколько можно успешнее, и при том так, чтобы это дело принесло сколько возможно более пользы для православия; да и для нас, грешных, недостойных и униженных пастырей здешнего Христова стада облегчило бы по крайней мере хотя

³²⁵ Вероятно, имеется в виду князь Иван Сергеевич Гагарин (1814–1882). Он родился в семье члена Государственного Совета князя С.И. Игнатьева; получил блестящее образование, после короткой дипломатической службы в 1843 г. оставил Россию, поселился в Париже, перешел в католичество и поступил в орден иезуитов. Поддерживал отношения с А.И. Герценом, устроил в Париже славянскую библиотеку, с 1857 г. издавал в Париже «*Etudes de theologie, de philosophie et d'histoire*», в значительной части посвященные России. Одна из его работ, вышедшая в Париже в 1857 г. была посвящена староверам: «*Les starovers l'eglise russe et le rare*». И.С. Гагарина подозревали в том, что именно он будто бы был автором анонимных писем, приведших к дуэли и смерти А.С. Пушкина. (Гагарин Иван Сергеевич // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза, И.А. Ефрона. Т. VIIA. СПб., 1892. С. 767–768).

³²⁶ ГАО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 5а. Д. 626. Л. 55 об.

³²⁷ Повествуя о своей деятельности в Великобритании, С.С. Джунковский упомянул о том, как он высмеял британца, вывезшего из Крыма дешевую склянку из-под варенья, посчитав ее произведением античного искусства. Дабы утешить незадачливого собирателя, С.С. Джунковский подарил ему по-настоящему ценный предмет – старинный русский крест, приобретенный им у старообрядцев на Севере (Русский инвалид. 1866. № 199).

несколько тяжкую ответственность за состояние одного, уже со всех сторон колеблемое. Впрочем, что я говорю? Авторитет нашей братии в таком важном деле – малость, и притом, может быть, такая, на которую не будет обращено и даже малейшего внимания»³²⁸.

Священник из Сумского посада оказался прав. Дело не получило дальнейшего хода (во всяком случае, в сохранившихся архивных материалах на это нет указания; переписка странным образом обрывается).

4.6. «Мы сами ищем союза с революционерами...»

В то самое время, когда архангельский уголовных дел стряпчий Иван Знаменский и приходской настоятель из Сумского Посада Гавриил Лысков собирали сведения о папском миссионере С.С. Джунковском, пытаясь выявить распространенные им среди поморов книги, сам миссионер был озабочен вопросом – где издать новую партию пропагандистской литературы? К 1860 г. запасы парижского «Сокровища» у него, видимо, подошли к концу.

С.С. Джунковский решил обратиться за содействием... к революционерам – в Вольную русскую типографию. Деятельность и продукция Вольной русской типографии тогда уже были широко известны в России и Европе. Типография начала работать в Лондоне летом 1853 г. – вскоре после того как ее создателю А.И. Герцену при содействии банкира Д.М. Ротшильда удалось решить свои финансовые проблемы³²⁹ и незадолго до начала Крымской войны.

С.С. Джунковский как минимум дважды встречался с сотрудником типографии В.И. Кельсиевым³³⁰. Согласно показаниям последнего это было «кажется, летом 1860 г., второй раз осенью 1861 г.»³³¹. С.С. Джун-

³²⁸ ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 5а. Д. 626. Л. 66 об.

³²⁹ А.И. Герцен вспоминал: «Мы были с Ротшильдом в наилучших отношениях; он любил во мне поле сражения, на котором он побил Николая». Подробнее о взаимоотношениях А.И. Герцена и Д.М. Ротшильда см.: *Герцен А.И. Былое и думы*. В 3-х т. Т. II. М.–Л., 1931. С. 126–140. О деятельности российских эмигрантов и их зарубежных контактах в целом см.: *Горсул В.Я. Международные связи российской политической эмиграции во 2-й половине XIX в. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001.*

³³⁰ Василий Иванович Кельсиев (1835–1872) – журналист, писатель. Окончил Императорское коммерческое училище, был вольнослушателем на Восточном факультете Санкт-Петербургского университета. В 1858 г. он вместе с женой оправился на Аляску в качестве служащего Российско-Американской компании. В 1859 г. он задержался в Плимуте, в Великобритании, вошел в контакт с А.И. Герценом, другими революционерами и решил не возвращаться в Россию. См.: Кельсиев, Василий Иванович // *Русский биографический словарь*. Т. VIII. Ибак – Ключарев. СПб., 1897. С. 609–611.

³³¹ *Кельсиев В.И. Исповедь* // *Литературное наследство*. Т. 41–42. Кн. 2. М., 1941. С. 292. Опубликованная целиком лишь в советское время «Исповедь» В.И. Кельсиева фактически представляла собой его письменные показания, сделанные им по возвращении в Россию из эмиграции и адресованные шефу жандармов П.А. Шувалову. Объемный текст «Исповеди» В.И. Кельсиева, подготовленный к печати Е. Кингисепп, вступительную статью к тексту и комментарии М. Клевенского см.: *Литературное наследство*. 41–42. Кн. 2. М., 1941. С. 253–470.

ковский хотел приобрести церковный шрифт для типографии, которую он хотел устроить на севере Норвегии. В.И. Кельсиев, не скрывая своих атеистических взглядов и «отвращения к католицизму», тем не менее пообещал помощь.

У В.И. Кельсиева и С.С. Джунковского, несмотря на разницу, в возрасте (при их первой встрече, первому было 25 лет, второму – почти 40) оказалось много общего. Оба были из дворян; оба были командированы за границу, но фактически бросили службу и стали эмигрантами; обоих их интересовали русские старообрядцы; оба опубликовали за рубежом несколько объемных исследований посвященных старообрядчеству.

Вот какой диалог произошел между ними. Здесь мы его приводим по т.н. «Исповеди» В.И. Кельсиева с некоторыми сокращениями:

– Я должен прямо объяснить Вам, Степан (...) ³³², – сказал я ему, – что уговор лучше денег. Я ни слова не скажу, (...) не напишу в пользу исповедания, глава которого не в России, которое повлекло бы к расслаблению русской народности. Помогать расколу (...) я готов потому, что раскол, прежде всего наше доморощенное произведение, и что каждый раскольник, прежде всего, русский; он даже верует только в те догматы, которые сочинены в России. А про последователей иностранных исповеданий этого нельзя сказать, – какие ни будь они русские патриоты, а богословие их все-таки чужого ума дело, и догматика их вырабатываться всегда будет не у нас, а за границей, где она волей-неволей будет принимать оттенок, враждебный нашей национальности (...).

– Я очень уважаю и ценю Вашу откровенность, – отвечал Джунковский, – и Вам не покажется парадоксом, что я имею большое сочувствие к атеистам...

Я глаза вытаращил от такого оборота дела.

– Да, я признаю только два последовательных учения – атеизм и католицизм, есть Бог, и нет Бога. Если нет – ну и нет, и это может войти в умную голову. А если умная голова признает, каким бы то ни было путем, что Бог есть, то я не вижу, как ему не допустить проявления этого бога на Земле пророчествами, чудесами, чудотворными иконами, мощами и всем, над чем смеются протестанты (...), признавая возможность их во времена Ветхого Завета и отрицая их в Новом (...). Атеиста я понимаю, а их я не понимаю. (...)

– Делайте, что хотите, печатайте, что хотите, – продолжал Джунковский, – и не работайте в пользу католицизма. Наш интерес, интерес католиков, весьма прост. Нам нужно добиться полной свободы вероисповедания на всем земном шаре и уничтожения монархий. Нам республики выгодней монархии. Вы скажете, что в Риме иначе на это смотрят – да, правда, там в большой силе старая партия, там, как и повсюду пропасть отсталых, которые сиятся сохранить отжившие учреждения и тем бросают тень на самую веру. А мы, новые, мы сами ищем союза

³³² Пропуск в подлиннике.

с революционерами, – я искал знакомства с Герценом, а не он со мной. Мы в революционерах всех цветов, даже в крайних коммунистах и фурьеристах, видим естественных союзников. Они – наши пионеры. Пусть они очистят землю от этих монахий, пусть они с лица земли сотрут все, что препятствует развитию свободнейших учреждений, и тогда на земном шаре будет едино стадо и один пастырь!

– Един пастырь, т.е. папа, я, пожалуй, допускаю, – говорил я, – но чтобы стало единым стадо – это уж, воля ваша, сомнительно!..

– Нет, не сомнительно, Василий Иванович, – горячился Джунковский. – Теперь прогресс, наука вперед идет, невежество исчезает, а с ним исчезнет и сектантство. Протестантизм не выдержит критики, православие поймет, что оно гибнет от своего раскола с престолом князя апостолов, а про язычество да про магометанство, иудейство и прочие вздор и толковать нечего.

– Ну, теперь я понимаю, куда Вы бьете, – решил я, – и я поеду в (...) ³³³ работать в помощь бедным сектантам ³³⁴ с чистой совестью. Я убежден, что ни политическая, ни религиозная свобода не спасут католицизма, который тоже несостоятелен...

– Он нуждается в реформах – и в радикальных, я не скрываю ³³⁵.

После чего встретившиеся в Лондоне два русских эмигранта, один из которых – сотрудник типографии революционеров, созданной при поддержке представителя еврейской династии банкиров, а другой – папский миссионер и в недавнем прошлом иезуит, договорились о том, что будут сотрудничать в вопросах пропаганды, ориентированной на поморов-раскольников Архангельской губернии! И, дословно цитируя В.И. Кельсиева, «ударили по рукам» ³³⁶. События истории порой бывают занимательнее самых затейливых конспирологических фантазий, равно как и сюжетов, взятых «из головы» авторами исторических романов и сценаристами художественных фильмов.

Однако сотрудничество не сложилось из-за пустяка. Изготовление нужного С.С. Джунковскому шрифта затянулось. Словолитня взялась изготовить шрифт не за две недели, как предполагалось, а за два месяца. В процессе ожидания С.С. Джунковский в письме упрекнул В.И. Кельсиева в том, что тот не держит своего слова. В.И. Кельсиев обиделся и ответил С.С. Джунковскому также «не совсем дружеским» письмом. Больше они не общались ³³⁷.

В 1862 г. В.И. Кельсиев нелегально съездил в С.-Петербург (где он жил в квартире Артура Бенни – выходца из Польши, официально принявшего английское подданство) и Москву. Путешествовал по России

³³³ Пропуск в подлиннике.

³³⁴ Как полагал В.И. Кельсиев, «наши беломорцы – все беспоповцы поморского согласия». См.: Литературное наследство. Т. 41–42. Кн. 2. М., 1941. С. 293.

³³⁵ Литературное наследство. Т. 41–42. Кн. 2. М., 1941. С. 292–293. Странный, конечно, диалог. Насколько точно передал его В.И. Кельсиев? Был ли он вообще?

³³⁶ Кельсиев В.И. Исповедь // Литературное наследство. Т. 41–42. Кн. 2. М., 1941. С. 293.

³³⁷ Там же.

В.И. Кельсиев, будучи по паспорту турецким подданным³³⁸. Дальнейшая судьба Василия Ивановича Кельсиева опять-таки была схожей с судьбой С.С. Джунковского. Он также много публиковался; есть указания, в частности, на то, что в библиотеке Карла Маркса сохранялся подготовленный В.И. Кельсиевым сборник материалов о скопцах и «скопической ереси» Н.И. Надеждина с пометками и выписками самого К. Маркса³³⁹.

С.С. Джунковский и В.И. Кельсиев в первой половине 1860-х гг. испытывали много личных несчастий³⁴⁰, разочарований в людях и идеях; у них возникли серьезные затруднения в деньгах. (Последнее, как известно, оказывает заметное влияние на многих эмигрантов и релокантов). В середине 1860-х гг. оба они вернулись в Россию и сдались властям, вызвав недоумение и отвращение к себе в эмигрантской среде. Известно, например, что А.И. Герцен презрительно назвал С.С. Джунковского «утомившимся грешником», «ничтожным», «дрянным», «двойным ренегатом», «проползшим» в Россию со своим покаянием³⁴¹.

Власти самодержавной России простили обоих.

4.7. Конец «полярной миссии» С.С. Джунковского

До того, как вернуться в Россию, С.С. Джунковский напечатал большое количество проповедей на французском, норвежском, английском и итальянском языках; несколько астрономических, геологических и философских трактатов. Он настаивал на реформах римско-католической церкви, и, в особенности, на отмене celibата. Он пытался своими проектами он заинтересовать папу римского, будучи в Риме в 1857 и 1858 гг. Однако, реформаторские предложения бывшего русского дворянина и чиновника, бывшего (?) иезуита С.С. Джунковского не нашли поддержки.

Постоянные разъезды по Европе, проживание на Севере подорвали здоровье С.С. Джунковского. Он оставил полярную префектуру, центр которой он перед этим тщетно попытался переместить в Копенгаген³⁴².

³³⁸ Эджертон В. Лесков, Артур Бенни и подпольное движение начала 1860-х годов. О реальной основе «Некуда» и «Загадочного человека» // Литературное наследство. Т. 101. Кн. 1. М.: Наследие, 1997. С. 614–637. Я цитирую источник, хотя словосочетание «турецкий подданный» у меня, как и у многих, рожденных в СССР, вызывает в первую очередь ассоциацию с известным литературным персонажем И. Ильфа и Е. Петрова.

³³⁹ Подробнее см.: Русские книги в библиотеках К.Маркса и Ф.Энгельса. Сборник материалов. М.: Политиздат, 1979.

³⁴⁰ У В.И. Кельсиева умерли жена и дети, после чего он подорвал свое здоровье «неумеренным употреблением вина». Он стал часто болеть, «впадая временно в полную апатию». См.: Кельсиев, Василий Иванович // Русский биографический словарь. Т. VIII. Ибак – Ключарев. СПб., 1897. С. 609–611.

³⁴¹ Цит. по: Литературное наследство. Т. 41–42. Кн. 2. М., 1941. С. 449–450.

³⁴² Den katolske kirke i Norge. Fra kristningen til idag. Oslo: Aschehoug, 1993. S. 184–185; Bull T. Count Djunkowsky and the Roman Catholic North Pole Mission // Religion, church and education in the Barents Region. Arkhangelsk, 1997. P. 124.

Замену «отцу Степану» в Ватикане удалось подобрать – им стал некий Бернард Бернард (1821–1895), впервые прибывший в Норвегию в 1856 г. и, очевидно, лично знавший С.С. Джунковского. Он и возглавлял *Praefectura Apostolica Poli Arctici* в 1862–1869 гг., вплоть до ее реорганизации, а, фактически – до расформирования³⁴³.

Испытываемый С.С. Джунковским тяжелый душевный кризис, вызванный неприятием его предложений, привел к тому, что он решился на своеобразный протест против римско-католической церкви, будто бы выразившийся в женитьбе на некой англичанке. Брак будто бы вскоре распался, а С.С. Джунковский, по-прежнему испытывавший физические и нравственные страдания, занялся кабинетной работой. Он удалился во Флоренцию; некоторое время жил в Баден-Бадене, Вюртемберге и в 1864 г. завершил работу над одним из наиболее известных своих трудов – двухтомным «*Dictionnaire des missions catholiques*» («Словарь католических миссий») для *Encyclopedie theologique* («Богословская энциклопедия») Ж.-П. Миня. В этом обширном труде, исходя из концепции «богословия статистики», С.С. Джунковский представил перечень католических миссий, начиная со времен Реформации, дал описание религиозной ситуации в странах, где католичество не было господствующим исповеданием, и краткие исторические очерки различных монашеских и миссионерских орденов и конгрегаций. Несмотря на отсутствие единых научных критериев, «*Dictionnaire des missions catholiques*» стал заметным вкладом в развитие социологии и истории религии того времени³⁴⁴.

Живя на грани нищеты, больной и не находящий понимания окружающих, С.С. Джунковский пришел к убеждению, что римская церковь скорее преграда, чем средство к счастью человечества. «Чем больше я для нее жертвовал, – утверждал он впоследствии, – чем более подвизался для ее распространения до Северного полюса, тем более рассеивался мираж, ослеплявший мои глаза». Растущее ожесточение против папизма и привели С.С. Джунковского к тому, что в сентябре 1865 г. он направил настоятелю русской православной церкви в Штутгарте протоиерею И. Базарову покаянное письмо. В январе 1866 г. протоиереем И. Базаровым С.С. Джунковский был присоединен к русской православной церкви в качестве простого мирянина.

История религиозных исканий С.С. Джунковского, в конце концов обратившегося к родной церкви, вызывала недвусмысленные ассоциации с притчей о блудном сыне и получила известность благодаря публикациям самого С.С. Джунковского в российских периодических изданиях вскоре по возвращении в Россию³⁴⁵.

³⁴³ Если задать в поисковиках Интернета словосочетание «*Praefectura Apostolica Poli Arctici*», то найдется не так уж много материала об этом проекте Ватикана. Интересующиеся читатели могут сделать это самостоятельно.

³⁴⁴ Юдин А. Джунковский Степан Степанович // Католическая энциклопедия. В 4-х томах. Т. IV. Р–Ф. М.: Изд-во Францисканцев, 2011. Стлб. 1618.

³⁴⁵ Домашняя беседа. 1866. № 41–49; Русский инвалид. 1866. № 44, 165, 199, 213, 259, 289, 294, 295, 315, 326 и др.

В западноевропейских газетах и журналах, особенно клерикальных, где С.С. Джунковский был одним из ведущих сотрудников, возвращение его в Россию было воспринято с тревогой и породило противоречивые слухи. Это побудило Степана Степановича, теперь уже дважды ренегата (!), обнародовать написанное им на французском языке «Пастырское прощальное послание апостолического наместника арктических стран, обращенное к духовенству и пастве этой епархии» с включенной в него «Энцикликой»³⁴⁶, где он подверг резкой критике учение и, в особенности, практику римско-католической церкви.

В последние годы жизни С.С. Джунковский был членом Учебного комитета при святейшем Синоде и членом Миссионерского общества; сотрудничал с несколькими духовными и светскими периодическими изданиями³⁴⁷. Но проблемы со здоровьем занимали у него все больше времени. 25 февраля (9 марта) 1870 г. в 6 часов вечера на 50-м году Степан Степанович Джунковский ушел из жизни.

Еще до смерти С.С. Джунковского в 1868–1869 гг. фактически прекратила свое существование полярная префектура – в том формате, в котором хотел ее видеть С.С. Джунковский.

«Неистребимая любовь к поискам истины» и любопытство не покидали С.С. Джунковского до последних минут: он даже попросил доктора анатомировать его, чтобы тот смог точно установить причину его смерти. Пожелание умирающего было исполнено³⁴⁸. В опубликованных некрологах, между прочим, упоминались жена и двое детей покойного, оставшиеся «без всяких средств»³⁴⁹.

Интересно, что брат Степана Степановича Джунковского – Федор Степанович Джунковский (1816–1879) – был одним из организаторов военных реформ в эпоху Великих реформ императора Александра II. А сын последнего – Владимир Федорович Джунковский (1865–1938) – который приходился, соответственно, племянником С.С. Джунковскому, в 1913 г. возглавил Отдельный корпус жандармов Российской империи! И оставался в этой должности до 1915 г. Родство с одиозным дядей-иезуитом никак не помешало В.Ф. Джунковскому сделать головокружительную карьеру в этой организации и достичь ее вершины³⁵⁰.

³⁴⁶ В 1867 г. переведена на русский язык и опубликована в России.

³⁴⁷ Джунковский Степан Степанович // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза, И.А. Ефрона. Т. X^а. Десмургия–Домициан. СПб., 1893. С. 560; Черкас А. Джунковский Степан Степанович // Русский биографический словарь. В 25 т. Т. VI. Дабелов–Дядьковский. СПб., 1905. С. 345–347; Юдин А. Джунковский Степан Степанович // Католическая энциклопедия. В 4-х томах. Т. IV. Р–Ф. М.: Изд-во Францисканцев, 2011. Стлб. 1618–1619.

³⁴⁸ Голос. 1870. 5 марта.

³⁴⁹ Голос. 1870. 5 марта; Иллюстрированная газета. 1870. № 11.

³⁵⁰ Подробнее о нем см.: Джунковский В.Ф. Воспоминания. В 2-х тт. / Общая редакция: А.Л. Панина; научная редакция: И.М. Пушкарева; предисловие и примечания И.М. Пушкаревой, З.И. Перегудовой. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1997; «Зачислить за ВЧК впрямь до особого распоряжения». Дело В.Ф. Джунковского в московской Таганской тюрьме / Подгот. текста, предисл. и коммент. А. Н. Семкина // Отечественные архивы. 2002. № 5; То же [Электрон-

4.8. Итоги работы миссии

Организация префектуры (*Praefectura Apostolica Poli Arctici*), ориентированной на распространение католицизма на Севере в 1854–1855 гг., пришлось на годы, когда Российская империя, не имея союзников, вела изнурительную войну против Великобритании, Франции и Турции, территории и ресурсы которых, вместе взятые, в те годы существенно превосходили российские. Одним из главных поводов к Крымской (Восточной) войне, как известно, был конфликт между римско-католической и православной церквями о правах на святые места в Палестине, в котором верх одержали поддерживаемые турецкими властями католики. Логично предположить, что, ободренный успехом папа Пий IX в 1854 г. поддержал предложение русского ренегата о распространении католицизма в Скандинавии, где позиции римско-католической церкви, казалось, были безвозвратно утрачены в эпоху Реформации и откуда, при удачном стечении обстоятельств, можно было бы начать новую волну религиозной экспансии, направленной в том числе и на Россию.

На то, что *Praefectura Apostolica Poli Arctici* появилась в условиях войны, до сих пор не обращалось должного внимания, как не обращалось внимания и на то, что сам по себе отказ С.С. Джунковского от православной веры не повлек в отношении него никаких репрессий со стороны царского правительства. С.С. Джунковский принял католичество и вступил в орден иезуитов в 1845 г., но лишь в 1854 г. (!) был заочно лишен всех прав состояния – фактически за то, что в условиях военного времени «с нарушением верноподданнического долга и присяги» вел пропаганду, направленную против православия и России.

С.С. Джунковскому, благодаря его русскому происхождению, обаянию, эрудиции и щедрости, удавалось проводить во второй половине 1850-х гг. широкомасштабную миссионерскую работу среди сотен русских поморов, ежегодно приходивших в Финнмарк для ведения рыбных промыслов и меновой торговли. После отъезда С.С. Джунковского из Финнмарка продолжить это дело стало невозможно как минимум из-за наличия языкового барьера между его преемником и русскими поморами.

Норвежцев, стараниями С.С. Джунковского принявших католичество в 1850-х – 1860-х гг., оказалось, по разным данным, всего лишь два–три десятка человек! (Католиков в Норвегии и в наши дни тоже немного – около 1% населения страны). Однако влияние *Praefectura Apostolica Poli Arctici* на религиозную и культурную жизнь Северной Норвегии оказалось довольно значительным, хотя и не таким, как того можно было ожидать. Норвежские власти, всегда склонные воспринимать серьезно не только реальные, но и маловероятные внешние угрозы для своего государства, для противодействия католической экспансии тогда же,

ный ресурс] URL: <https://portal.rusarchives.ru/publication/djunk.shtml> (дата обращения: 12.05.2025) и др.

в 1860-х гг., приняли срочные меры по поддержке господствующей церкви и увеличению численности священнослужителей в регионе³⁵¹.

Попытка склонить живущих в Архангельской губернии староверов к униатству оказалась незавершенным, неудачным экспериментом римско-католической церкви. Посещавшие Норвегию поморы по возвращении на родину предпочитали не распространяться о контактах с ними католического миссионера; все документы российских властей о ренегате С.С. Джунковском тех лет были засекречены и совершенно не известны общественности. Поэтому до недавнего времени сам факт существования католической пропаганды, направленной на жителей Архангельской губернии в середине XIX в., оставался неизвестным историкам.

³⁵¹ Нильсен Й.П. С.С. Джунковский и «миссия Северного полюса»... С. 513.

Глава 5

«Список крестьянам Архангельского уезда, бывшим в навигацию 1863 года в Норвегии»

5.1. «Возмутительное воззвание»

31 октября (12 ноября) 1863 г. начальник Архангельской губернии Н.М. Гартинг³⁵² направил письмо Архангельскому уездному исправнику под грифами «секретно» и «циркулярно».

Начиналось оно так.

«В навигацию нынешнего года, в г. Гамерфесте (а, может быть, и в других городах Норвегии) роздано нашим промышленникам, прибывшим туда по торговле, значительное число экземпляров возмутительного воззвания к русскому народу, литографированного славянскими буквами на большом полулисте почтовой бумаги. Воззвание это называется между поморами молитвою, потому что во главе листа: крест и под оным крупным шрифтом надпись: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас грешных» и появилось уже в некоторых местах Архангельского уезда. По всей вероятности, оно распространено и в других уездах, преимущественно же между поморами и раскольниками. Вследствие сего поручаю Вашему Высокоблагородию строжайшим образом следить за появлением сего воззвания, стараясь всеми мерами предупредить распространение между народом как этого воззвания, так и других всякого рода прокламаций, а в случае появления их у кого-либо, тотчас же задерживать их»³⁵³.

При обнаружении «возмутительных воззваний» от исправника требовалось выяснить у задержанных: от кого, когда, где, каким спосо-

³⁵² Николай Мартынович (Мартинovich) Гартинг занимал эту должность с весны 1863 г. до конца 1865 г. В делопроизводстве губернской канцелярии допускалось одновременное использование (даже в одном документе) двух вариантов указания его должности: «начальник Архангельской губернии» и «архангельский гражданский губернатор». Обязательное уточнение «гражданский» еще сохранялось в переписке как дань традиции предыдущих десятилетий, когда в городе одновременно находились два губернатора – гражданский и военный, каждый со своей канцелярией и делопроизводством. В 1863 г. военного губернатора в Архангельске уже не было.

³⁵³ ГАО. Ф. 549. Оп. 3. Д. 2. Л. 14–14 об.

бом и в каком количестве экземпляров они их получили. Однако арест их не предполагался: губернатор рекомендовал просто отобрать у задержанных «возмутительные воззвания», «объяснить им злонамеренность подобных возмутительных воззваний и строгую за распространение их ответственность» и отпустить.

Помимо этого губернатор поручил «секретно дознать»:

- кто именно раздавал в Норвегии возмутительное воззвание?
- каково могло быть примерное количество экземпляров распространённого воззвания?
- давались ли русским промышленникам разъяснения о цели распространения воззвания?
- кто именно из промышленников и сколько примерно вывез экземпляров воззвания и где они находятся?

Наконец, исправнику было поручено собрать лично или через становых приставов и сообщить сведения: «Кто вообще из местных промышленников был в навигацию 1863 года в Норвегии?»³⁵⁴.

Ответ в канцелярии губернатора получили не быстро из-за кадровых перестановок в Архангельском уезде. После дополнительного напоминания от губернатора, новый архангельский уездный исправник подполковник Константин Егорович Андреевский в донесении от 17 (29) марта 1864 г. также под грифом «секретно» представил то, что от него требовалось.

Из донесения К.Е. Андреевского видно, что сам он не занимался дознанием «о вывезенных из Норвегии возмутительных воззваний к русскому народу», а поручил его приставу 1 стана Андрею Ивановичу Квитницкому. В ходе дознания удалось выявить шесть экземпляров воззвания. Норвежский «купец Руст» в Хаммерфесте раздавал их русским судохозяевам их «как молитву», будто бы не давая при этом никаких пояснений. Взяли т.н. «молитву» крестьяне-судохозяева Патракеевского общества Мудьюжского селения Архангельского уезда Алексей Андреев Бурков, Андрей Петров Бурков – по одному экземпляру. Четыре экземпляра взял Василий Степанов Корельский; один оставил себе, остальные три раздал Андрею Замятину, Илье Антуфьеву и Ивану Буркову.

Пристав изъял пять экземпляров из шести. Последний, бывший у Ивана Буркова, изъять не удалось: обладатель его утонул.

«Подобных сочинений из других городов Норвегии никто из судохозяев не вывез, и о том, не раздавалось ли подобное сочинение где-либо русским, [они] не знают», – написал в конце своего донесения архангельский исправник³⁵⁵.

К сожалению, ни одного оригинального экземпляра «возмутительного воззвания к русскому народу» в деле не сохранилось. Возможно, когда-нибудь нам удастся его найти. Тем не менее, мы можем предположить,

³⁵⁴ Там же. Л. 14 об.–15.

³⁵⁵ Там же. Л. 16–17.

что к распространению его в 1863 г. была причастна католическая миссия, основанная на севере Норвегии в годы Крымской войны русским эмигрантом С.С. Джунковским, деятельности которого была посвящена предыдущая глава настоящей книги.

5.2. «Внушают... всё дурное против России»

Распространявшееся в 1863 г. среди приезжающих в Норвегию поморов «возмутительное воззвание», как было отмечено выше, по своему оформлению было стилизовано под текст молитвы (и между поморами так и называлось – «молитвой»). Текст был литографирован «славянскими буквами»; во главе листа был изображен крест и под оным крупным шрифтом надпись: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас грешных»³⁵⁶.

В предыдущей главе рассказывалось, как шестью годами ранее, в 1857 г., также в Норвегии, в Хаммерфесте, тоже среди русских поморов, и тоже преимущественно старообрядцев, распространялась небольшая, объемом в 68 страниц книга на русском языке: «Сокровище Христианина, или краткое изложение главных истин веры и обязанностей Христианина. С присовокуплением некоторых избранных молитв». Книга печаталась в Париже, в 1855 г., т.е. в то время, когда Франция находилась с Россией в состоянии войны.

Нетрудно заметить, что попытка распространения «возмутительного возвания» в 1863 г. среди русских поморов в Норвегии под видом «молитвы» в год начала польского восстания³⁵⁷ (!) была очень похожа на то, чем занимался С.С. Джунковский несколькими годами ранее, распространяя издание, напечатанное в разгар Крымской войны в столице враждебного России государства.

Результаты ориентированной на поморов пропаганды в Норвегии в 1863 г., как ранее и в 1850-х гг., оказались ничтожными. Антиправительственную и антиправославную пропаганду, замаскированную под разного рода «сокровища христианина», «молитвы» заметили власти в России и засекретили; но на тех, кто был ее целевой аудиторией, она не оказала видимого воздействия. «Влияния же на умы поморцев в местах их жительства означенные сочинения никакого не имели», – написал архангельский уездный исправник губернатору в марте 1864 г.³⁵⁸

Тем не менее, ничтожность получившихся результатов иностранной пропагандистской деятельности в 1850-х–1860-х гг. в Норвегии среди поморов не должна затмевать неявно выраженных намерений пропа-

³⁵⁶ Там же. Л. 14.

³⁵⁷ Подробнее о нем см.: Русско-польские революционные связи 60-х годов и восстание 1863 года. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962; Русский сборник: исследования по истории России / редактор-составитель: О.Р. Айрапетов, М. Йованович, М.А. Колеров, Б. Меннинг, П. Чейсти. Т. XV. Польское восстание 1863 года. М.: Модест Колеров, 2013 и др.

³⁵⁸ ГААО. Ф. 549. Оп. 3. Д. 2. Л. 17.

гандистов. Вряд ли случайно основное внимание их оказалось направлено на старообрядцев или «раскольников», имевших немало причин для выражения недовольства многолетним притеснением их со стороны властей и официальной церкви. И вряд ли случайно вспышки этой иностранной пропагандистской активности совпадали с тем временем, когда Россия вела военные действия.

С середины 1860-х гг. сотрудникам основанной С.С. Джунковским католической «полярной миссии» пришлось сосредоточиться на работе собственно в Норвегии, хотя и в этом они тоже не преуспели. Михаил Константинович Сидоров, в своей объемной, хорошо известной историкам книге «Север России», изданной в 1870 г., мимоходом упомянул: «Живущие ныне в г. Тромсэ, отделённом от Финмаркена, три ксендза только при 14 человеках паствы, разъезжают по Финмаркену и внушают молодым людям все дурное против России»³⁵⁹.

В связи с поиском экземпляров «возмутительного воззвания» архангельский уездный исправник, понуждаемый губернатором, в 1864 г. сделал то, чего, насколько нам известно, никто не делал ни до, ни после этого. По его поручению был составлен и представлен в виде таблицы «Список крестьянам Архангельского уезда, бывшим в навигацию 1863 года в Норвегии» (далее – «Список...»)³⁶⁰.

Этот документ публикуется впервые.

5.3. Список

Публикуемый документ – «Список крестьянам Архангельского уезда, бывшим в навигацию 1863 года в Норвегии» – находится на хранении в Государственном архиве Архангельской области, в фонде 549 – Архангельский уездный исправник. Название дела, содержащего документ, по современной описи (опись 3, дело 2): «Копии циркуляров Министерства внутренних дел. Ведомости о лицах, состоящих под надзором полиции в Архангельском уезде. Списки крестьян Архангельского уезда, бывших в навигацию в 1863 г. в Норвегии и др.». Первоначальное название дела: «Наряд бумагам, подлежащим к исполнению, наблюдению и сведению по секрету». Даты начала и окончания дела: 24 января 1864 г. и 3 декабря 1864 г. соответственно. Фактически же дело содержит также копию более раннего документа, датированного 10 октября 1863 г. Дело содержит 52 листа. Перед внутренним оглавлением дела имеется лист с подзаголовком (рукописный текст в современной орфографии): «Донесение пристава Архангельского уезда о том, что поморцы, бывшие за границей в норвежском городе Гаммерфесте, вывезли оттуда “возмутительное” воззвание к русскому народу, что получено оно от купца Руста, как молитва».

³⁵⁹ Сидоров М. Север России. СПб. 1870. С. 161–162.

³⁶⁰ ГААО. Ф. 549. Оп. 3. Д. 2. Л. 9–13 об.

«Список...» представляет рукописный текст, представленный в виде в таблицы из четырёх столбцов на пяти листах с двух сторон каждого листа.

Крайний столбец слева – «№ по отходу» судна (не обычный порядковый номер), фиксировавшийся, по всей видимости, таможенной при отправлении от Архангельского порта в Норвегию, чем и объясняются пропуски в последовательной нумерации от «1» до «477». Всего в «Список...» включены сведения о командах 69 судов, полностью состоящих из жителей Архангельского уезда. В конце «Списка...» под №№ 9, 83, 94 упоминаются ещё три судна, принадлежащие судовладельцам других уездов, в составе команд которых также находились жители Архангельского уезда – по одному человеку на каждом судне.

Второй столбец слева – «Имя судна», то есть название судна. В оригинальном документе названия судов приведены без кавычек, здесь же – с кавычками, в соответствии с нормами современной орфографии. В отдельных случаях в документе вместо названий указаны, предположительно, типы судов (карбас, кочмара). Нельзя, однако, исключать и того, что это могут быть и названия судов других типов. А.Н. Давыдов и А.В. Ружников, изучавшие в начале 1990-х гг. ономастикон поморских судов конца XIX – начала XX вв., отмечали единичные случаи, когда слово, обозначающее тип судна, было названием судна другого типа, например: шхуна «Кочмара», яхта «Раньшина»³⁶¹.

Название третьего столбца слева: «Имя судовладельца». Фактически здесь приведены фамилии, имена и отчества судовладельцев (последние, правда, не везде). В единственном случае (под номером «1») помимо судовладельца указан также и кормщик. Во всех остальных случаях кормщик не указывался.

Четвёртый слева и последний столбец таблицы озаглавлен «При них судорабочие». «При них», очевидно, имеется в виду при судах и при судовладельцах. Здесь также приведены фамилии, имена и отчества (последние не везде).

Все отчества в списке, указанные в третьем и четвёртом столбцах слева, мы публикуем в том виде, как и в оригинальном документе. То есть оставляем «Иванов», «Федоров», «Александров» и не меняем их на «Иванович», «Федорович», «Александрович» и т.д.

Все фамилии в списке приведены так, как в источнике, даже в случаях, не исключающих опisku составителя списка. Например, оставляем фамилию «Капытов» не пытаясь менять ее на «Копытов». Несколько лет назад, работая с документами времён Крымской войны 1850-х гг., хронологически близких к настоящему списку, нам неоднократно приходилось отмечать варианты написания фамилий одних и тех же людей поразному даже в одном документе. Под пунктом «36» списка в команде

³⁶¹ Давыдов А.Н., Ружников А.В. Ономастикон поморских судов XIX – начала XX вв. // Народная культура Севера: «первичное» и «вторичное», традиции и новации. Тезисы докладов и сообщений региональной научной конференции 28–30 мая 1991 г. / редактор-составитель А.А. Куратов. Архангельск, 1991. С. 50.

«Святого Иакова» значатся судохозяин Дмитрий Андреев Шульгин и судорабочий Иван Андреев Шуньгин. Нельзя исключить, что Иван и Дмитрий – родственники и в одном случае фамилия указана с ошибкой. Если да, то в каком? Шульгины и Шуньгины – достаточно распространённые фамилии в Архангельской губернии. Поэтому при публикации оставлено так, как было в источнике.

Почерк, которым составлен «Список...», в целом разборчивый. Возникавшие сомнения в правильности прочтения не слишком распространённых фамилий (Батырхин, Манзеров, Мехреньгин и др.) разрешались нами довольно примитивным способом. Нужная фамилия набиралась в поисковиках Интернета (Яндекс, Google), в результате чего обнаруживался ряд однофамильцев (а, возможно, и родственников), чья трудовая деятельность или место жительства были связаны преимущественно с Архангельской и Мурманской областями (территория последней в XIX – начале XX вв. входила в состав Архангельской губернии).

Таблица 5.1.

**Список крестьянам Архангельского уезда,
бывшим в навигацию 1863 г. в Норвегии**

№ по отходу	Имя судна	Имя судохозяина	При них судорабочие
1	2	3	4
1	«Св. Иоанн»	Иван Замятин. Кормщик Алексей Васильев Корконосов	Иван Федоров Безбородов Иван Степанов Замятин
2	«Св. Илия Пророк»	Илья Иванов Антуфьев	Тимофей Дмитриев Корконосов Матвей Федоров Леонтьев Павел Яковлев Чухчин
3	«Св. Иоанн»	Иван Васильев Лапин	Петр Михайлов Чухчин Павел Андреев Капытов
4	«Св. Андрей»	Андрей Петров Бурков	Алексей Федоров Леонтьев Василий Васильев Замятин Илья Григорьев Лобанов
5	«Св. Изосима»	Николай Михайлов Бурков	Василий Васильев Копытов Иван Яковлев Бурков
6	«Св. Николай»	Петр Федоров Корельский	Алексей и Михайло Осиповы Безбородовы
8	«Св. Георгий»	Егор Иванов Шунгин	Иван Бурков Осип Шилов Дмитрий Копытов
10	«Св. Николай»	Василий Лапин	Андрей Лапин Федор Лапин Иван Чухчин
11	«Св. Иоанн»	Иван Иванов Лапин	Федор Андреев Морозов Михайло Александров Неклюдов Прокопий Тимофеев Чухчин

Таблица 5.1, продолжение

1	2	3	4
12	«Св. Николай»	Василий Петров Бурков	Прокопий Дмитриев Корконосов Дмитрий Иванов Неклюдов Авенир Корнилов Бурков
13	Карбас	Иван Алексеев Неклюдов	Федор Иванов Орлов
14	«Св. Николай»	Николай Антуфьев	Иван Яковлев Железников Иван Николаев Антуфьев Никита Петров Тарабарин
15	«Св. Александр»	Афанасий Васильев Корконосов	Николай Чухчин Василий Новоселов
17	«Св. Николай»	Афанасий Иванов Шунгин	Дмитрий Антуфьев Дмитрий Копытов
18	«Св. Михаил»	Александр Иванов Антуфьев	Василий Новоселов Федор Бурков Илья Бурков
21	«Св. Николай»	Дмитрий Матвеев Бурков	Григорий Шилов Михайло Копытов Гордей Титов Алексей Шилов
22	«Св. Михаил»	Семен Алексеев Корконосов	Михайло Копытов Андрей Бурков Тимофей Бурков
23	«Св. Николай»	Николай Васильев Ларин	Алексей Иванов Котов Алексей Михайлов Антонов Василий Копытов
24	«Св. Тихон»	Павел Иванов Антуфьев	Матвей Бурков Иван Морозов
25	«Св. Петр»	Петр Михайлов Неклюдов	Петр Петров Неклюдов Илья Антуфьев
26	«Св. Иоанн»	Иван Васильев Батырхин	Дмитрий Шунгин Петр Корконосов Евдоким Голубин
27	«Св. Николай»	Дмитрий Алексеев Бурков	Петр Петров Неклюдов Григорий Андреев Бурков
28	«Св. Василий»	Василий Осипов Бурков	Василий Трофимов Копытов Дмитрий Степанов Неклюдов Павел Иванов Замятин
29	«Св. Параскева»	Иван Дмитриев Бурков	Афанасий Трофимов Меркулов Степан Иванов Неклюдов Андрей Алексеев Бурков
30	«Св. Николай»	Алексей Алексеев Бурков	Дмитрий Васильев Бурков Василий Петров Селиванов
31	«Св. Николай»	Дмитрий Михайлов Гроздников	Андрей Иванов Чухчин Андрей Васильев Мехреньгин Андрей Васильев Чухчин

Таблица 5.1, продолжение

1	2	3	4
32	«Св. Елена»	Алексей Семенов Корконосов	Степан Антуфьев Андрей Копытов Семен Неклюдов Яков Копырин Василий Голубин
33	«Св. Зосима»	Василий Дмитриев Бурков	Василий Васильев Бурков Петр Васильев Нечаев Алексей Яковлев Бурков
34	«Св. Михаил»	Василий Васильев Котов	Василий Иванов Бурков Михаил Васильев Котов
35	«Св. Зосима и Савватий»	Иван Петров Замятин	Петр Васильев Чухчин Павел Иванов Железников Лука Иванов Копытов
36	«Св. Иаков»	Дмитрий Андреев Шульгин	Павел Петров Неклюдов Иван Андреев Шульгин Созон Петров Тарабарин
37	«Св. Зосима»	Дмитрий Петров Копырин	Илья Иванов Бурков Иван Дмитриев Копырин
38	«Карбас»	Андрей Васильев Котов	Петр Иванов Копытов Федор Иванов Замятин
40	«Св. Кирик»	Павел Киприанов Стрелков	Андрей Иванов Шульгин Павел и Василий Безбородовы
41	Карбас	Александр Петров Олонкин	Михайло Копытов Степан Бурков
42	«Св. Сергей»	Иван Киприанов Стрелков	Михайло Андреев Шульгин Василий Иванов Антуфьев
44	«Св. Михаил»	Михайло Киприанов Стрелков	Егор Морозов Стефан Неклюдов
45	«Св. Михаил»	Андрей Михайлов Чухчин	Иван Мудьюгин Василий Копытов Ефим Орлов
46	«Св. Авраам»	Иван Федоров Копытов	Василий Морозов Евдоким Шибанов Прокопий Седунов
47	«Св. Михаил»	Алексей Петров Олонкин	Григорий Стефанов Батырхин Иван Михайлов Морозов
48	«Св. Трофим»	Василий Степанов Корельский	Иван Корельский Силуан Неклюдов Евграф Кожемякин Кир Точилов
49	«Св. Николай»	Иван Дмитриев Безбородов	Михайло Никитин Безбородов Степан Михайлов Копытов
50	«Св. Иоанн»	Петр Дмитриев Безбородов	Михайло Трофимов Копытов Василий Матвеев Стрелков Козьма Васильев Безбородов

Таблица 5.1, продолжение

1	2	3	4
62	«Св. Николай»	Дмитрий Иванов Мехреньгин	Иван Гроздников Трофим Шилов Петр Котов Николай Копытов
66	«Св. Иоанн Богослов»	Василий Николаев Копытов	Василий Михайлов и Иван Федоров Гроздниковы Андрей Егоров Чухчин
73	«Св. Иоанн»	Иван Григорьев Шульгин	Василий Безбородов Прокопий Антуфьев Александр Новоселов
78	«Св. Николай»	Андрей Замятин	Петр Иванов Лыткин Петр Васильев Ануфриев
81	«Св. Николай»	Василий Михайлов Бурков	Михайло Иванов Корконосов
82	«Св. Иоанн»	Иван Корконосов	Петр Копырин Мардофей Бурков
87	«Св. Николай»	Влас Яковлев Пономарев	Григорий Пономарев Василий Лыткин Федор Антипин Седунов Федор Иванов Шилов
88	«Св. Николай»	Иван Иванов Замятин	Иван Замятин Иван Стрелков Николай Манзеров
91	«Св. Николай»	Алексей Иванов Мехреньгин	Николай Алексеев Бурков Александр Михайлов Котов
92	«Св. Михаил»	Михайло Степанов Замятин	Петр Замятин Григорий Замятин Михайло Замятин Андрей Манзеров
97	Кочмара	Михайло Петров Замятин	Иван Михайлов Корконосов Аввакум Михайлов Морозов Михайло Михайлов Антонов
102	«Св. Архангел»	Григорий Васильев Замятин	Илья Новоселов Николай Попов Василий Стрелков
104	«Св. Михаил»	Григорий Иванов Малыгин	Михайло Малыгин Герасим Малыгин Иван Варакин
106	«Св. Николай»	Григорий Семенов Юрьев	Василий Ушаков Николай Юрьев Парфений Юрьев
107	Карбас	Иван Федоров Юрьев	Алексей Ермолаев Иван Замятин
112	Лодья	Фрол Иванов Маракушин	Алексей Ануфриев Никита и Афиноген Чекалевы

Таблица 5.1, окончание

113	Кочмара	Иван Прокопьев Голубин	Фрол Субботин Иван Попов Иван Леонтьев
114	Кочмара	Михайло Прокопьев Голубин	Иван Герасимов Голубин Николай Севенов Шибанов
121	«Св. Николай»	Дмитрий Степанов Малыгин	Иван Попов Михайло Титов Петр Ружников
122	Кочмара	Василий Васильев Малыгин	Никифор Васильев Малыгин
124	«Св. Николай»	Василий Степанов Замятин	Дмитрий Антуфьев Алексей Брещев Федор Замятин
146	«Св. Николай»	Иван Иванов Стрелков	Василий Шульгин Андрей Стрелков
159	«Не рыдай моя мати. Пресвятая Богородица» ³⁶²	Стефан Васильев Пахомов	Алексей Пахомов Ефим Пахомов Захар Пахомов
162	«Св. Николай»	Егор Степанов Корельский	Петр Антонов Семен Безбородов Михайло Анисимов
254	«Св. Василий»	Петр Иванов Замятин	Василий Замятин Иван Бурков Осип Неклюдов Иван Бурнашев Аким Ануфриев
477	Кочмара	Павел Васильев Замятин	Иван Тимофеев Стрелков
9	На судне Раншина ³⁶³	Кемского мещанина Андрея Васильева Николаева	Крестьянин Архангельского уезда Лявленской волости Павел Прокопьев
83	«Св. Николай»	Крестьянина Онежского уезда Вачевской волости Федора Хохлина	Патракеевского общества крестьянин Василий Антуфьев
94	На судне Раншина ³⁶⁴	Крестьянина Кемского уезда Сороцкой волости Андрея Зотова	Того же общества крестьянин Иван Лукин Копытов

³⁶² Правильно: «Не рыдай мене мати, Пресвятая Богородица». Что это: описка составителя документа или так действительно назвал его судовладелец?

³⁶³ Так в документе.

³⁶⁴ Так в документе.

5.4. Ономастикон судов Архангельского уезда, бывших в Норвегии в навигацию 1863 г.

«Список...» является ценным источником, характеризующим ономастикон поморских судов.

Нам известна лишь одна очень небольшая по объёму (тезисы доклада на конференции 1991 г.) специальная публикация на эту тему³⁶⁵. Авторы этих тезисов – А.Н. Давыдов и А.В. Ружников – писали следующее: «Имя судна является одним из важнейших элементов в семантике морской культуры. В международной морской традиции оно не только выступало в качестве показателя одухотворения корабля, оно рассматривалось как особое начало, влиявшее на “характер” судна и его судьбу»³⁶⁶.

Авторы-исследователи проанализировали более 600 названий, относящихся, главным образом, к концу XIX – начала XX вв. из документов: например, по страхованию частных судов³⁶⁷, документов о зимовке в Архангельске судов «из приморских мест»³⁶⁸.

По итогам этой работы ими была предложена первая, и пока единственная попытка «предварительной классификации» названий поморских судов. В качестве рабочего термина они предложили использовать категорию «лексико-семантическая группа» (ЛСГ). Всего ими было предложено девять таких групп.

К «сакральной» ЛСГ А.Н. Давыдовым и А.В. Ружниковым были отнесены суда, названные в честь христианских святых, более всего – в честь Святого Николая Чудотворца: «Встречались наименования судов в честь Св. апостолов, пророков, а также в честь Святых икон (например: “Всех скорбящих радость”, “Введение Пресвятой Богородицы”)».

К «сакральной» ЛСГ близка «антропонимическая» ЛСГ: «Многие имена судов в обеих группах были даны по сходству с именем владельца или отражали какие-то важные реалии семейной ситуации. Так, например, Илья Субботин из Золотицы назвал свое судно “Пр. Илья”, у Антуфьева Григория Михайловича яхта называлась “Михаил”, клипер братьев Кожиных (Никиты, Михаила, Анисима) носил название “Три брата”»³⁶⁹.

«Функционально-промыслово-морская» ЛСГ «включала в себя названия, образованные от типов и классов судов, например: шхуна “Кочмара”, яхта “Раньшина” и т.п. Кроме того, туда были включены названия, образованные от профессий: “Рыбак”, “Рыболов”, “Боцман”, “Промышленник”. Сюда же можно отнести “морские” названия: “Волна”, “Бриз”, “Струя”»³⁷⁰.

³⁶⁵ Давыдов А.Н., Ружников А.В. Ономастикон поморских судов... С. 48–51.

³⁶⁶ Там же. С. 48.

³⁶⁷ ГАО. Ф. 71. Оп. 1. ТТ. 26–33.

³⁶⁸ ГАО. Ф. 58. Оп. 9. Д. 1133.

³⁶⁹ Давыдов А.Н., Ружников А.В. Ономастикон поморских судов... С. 49.

³⁷⁰ Там же. С. 50.

Все названия списка судов Архангельского уезда, побывавших в Норвегии в навигацию 1863 г., вполне соответствуют вышеперечисленным трём из девяти лексико-семантическим группам по классификации А.Н. Давыдова – А.В. Ружникова. См. приведённые ниже таблицы.

Таблица 5.2.

**Названия судов Архангельского уезда, побывавших в Норвегии
в навигацию 1863 года (приводится в алфавитном порядке)**

Название судна (в источнике – «имя судна»)	Номера судов «по отходу» из порта (нумерация источника)
Карбас	13, 38, 41, 107
Кочмара	97, 113, 114, 122, 477
Лодья	112
«Не рыдай моя мати. Пресвятая Богородица»	159
«Св. Авраам»	46
«Св. Александр»	15
«Св. Андрей»	4
«Св. Архангел»	102
«Св. Василий»	28, 254
«Св. Георгий»	8
«Св. Елена»	32
«Св. Зосима»	33, 37
«Св. Зосима и Савватий»	35
«Св. Иаков»	36
«Св. Изосима»	5
«Св. Илия Пророк»	2
«Св. Иоанн»	1, 3, 11, 26, 50, 73, 82
«Св. Иоанн Богослов»	66
«Св. Кирик «	40
«Св. Михаил»	18, 22, 34, 44, 45, 47, 92, 104
«Св. Николай»	6, 10, 12, 14, 17, 21, 23, 27, 30, 31, 49, 62, 78, 81, 87, 88, 91, 106, 121, 124, 146, 162
«Св. Параскева»	29
«Св. Петр»	25
«Св. Сергей»	42
«Св. Тихон»	24
«Св. Трофим»	48

Таблица 5.3.

Случаи совпадения «имен судов» и «имен судовладельцев» Архангельского уезда, побывавших в Норвегии в навигацию 1863 года (в алфавитном порядке)

Название судна (в источнике – «имя судна»)	Имя, отчество, фамилия судовладельца (в источнике – «имя судовладельца»)	Номера судов «по отходу» из порта (нумерация источника)
«Св. Андрей»	Андрей Петров Бурков	4
«Св. Василий»	Василий Осипов Бурков	28
«Св. Георгий»	Егор Иванов Шунгин	8
«Св. Илия Пророк»	Илья Иванов Антуфьев	2
«Св. Иоанн»	Иван Васильев Батырхин	26
«Св. Иоанн»	Иван Замятин	1
«Св. Иоанн»	Иван Корконосов	82
«Св. Иоанн»	Иван Васильев Лапин	3
«Св. Иоанн»	Иван Иванов Лапин	11
«Св. Иоанн»	Иван Григорьев Шульгин	73
«Св. Михаил»	Михайло Киприанов Стрелков	44
«Св. Михаил»	Михайло Степанов Замятин	92
«Св. Николай»	Николай Антуфьев	14
«Св. Николай»	Николай Васильев Лапин	23
«Св. Петр»	Петр Михайлов Неклюдов	25

Суда, задействованные в «поморской торговле» с Норвегией в 1863 г., и их команды. Согласно данным предоставленным полицией в Архангельский губернский статистический комитет, в Архангельском уезде (без города Архангельск) в 1863 г. проживало 33 329 человек (16 083 человек мужского пола и 17 246 женского пола всех сословий). Большую часть населения уезда составляли государственные крестьяне: 31 506 человек (15 201 мужского пола и 16 305 женского пола). Удельных, временно-обязанных, дворовых крестьян, кстати, в уезде не было ни одного³⁷¹. Таким образом, в 1863 г. из всех 15 201 крестьян Архангельского уезда мужского пола, включая младенцев и стариков, в Норвегии побывали 256 человек или 1,7 % (с округлением до десятых).

По состоянию на 1863 г. или «к 1864 году», у государственных крестьян Архангельского уезда Архангельской губернии в собственности находилось 4 шлюпа, 12 шхун, 59 лодей, 17 кочмар, 1 раньшина, 6 шняк, 99 карбасов, а также записанных «речными» 119 ботов, 75 павозков, 1798 карбасов и лодок. Такие данные были предоставлены в Архангельский губернский статистический комитет управляющим Палатой государственных имуществ³⁷².

³⁷¹ Памятная книжка Архангельской губернии на 1864 год. Архангельск, 1864. Отдел второй. С. 4.

³⁷² Там же. С. 41.

Всего, согласно официальным данным, были указаны «в отходе» в Норвегию в 1863 г. по Архангельской и Онежской таможням, Кольскому, Кемскому и Сумскому таможенным постам Архангельской губернии 282 судна. Об этом см. нижеприводимую таблицу:

Таблица 5.4.

Сведения, собранные таможнями, о количестве «судов, принадлежащих поморским жителям Архангельской губернии», «в приходе» из Норвегии и «в отходе» в Норвегию в навигацию 1863 г.³⁷³

Таможни и таможенные посты	Количество судов «в приходе» из Норвегии	Количество судов «в отходе» в Норвегию
Архангельская таможня	184	178
Онежская таможня	26	38
Кольский таможенный пост	5	42
Кемский таможенный пост	5	4
Сумской таможенный пост	25	20
Всего	245	282

Как видно из опубликованного выше «Списка...», в 1863 г. из Архангельского уезда Архангельской губернии ушло в Норвегию 69 судов³⁷⁴, то есть примерно $\frac{1}{4}$ всех судов, принадлежащих жителям Архангельской губернии и отправившихся в Норвегию в том году.

На 69 судах Архангельского уезда, отправившихся в Норвегию в 1863 г., находилось 69 судовладельцев и 184 судорабочих, включая одного кормщика: всего 253 человек. Ещё трое жителей Архангельского уезда были в составе команд других уездов). Итого – 256 человек.

Численность команд на судах состояла минимум из двух и максимум из шести человек, включая судовладельцев. Чаще всего команды судов, включая судовладельцев, состояли из трёх или четырёх человек (34,8 % и 49,3 % от общего количества судов соответственно).

См. приведённую ниже таблицу. В ней не учитываются упомянутые в конце «Списка...» три судна других уездов Архангельской губернии, с «номерами по отходу» 9, 83 и 94, в команде каждого из которых было по одному крестьянину Архангельского уезда.

Таблица 5.5.

Численность команд на судах Архангельского уезда, побывавших в Норвегии в навигацию 1863 г.

Численность команды на судне, включая судовладельца (количество человек)	2	3	4	5	6
Количество судов, с указанной численностью команды	4	24	34	5	2
Количество судов, с указанной численностью команды (% с округлением до десятых)	5,8	34,8	49,3	7,2	2,9

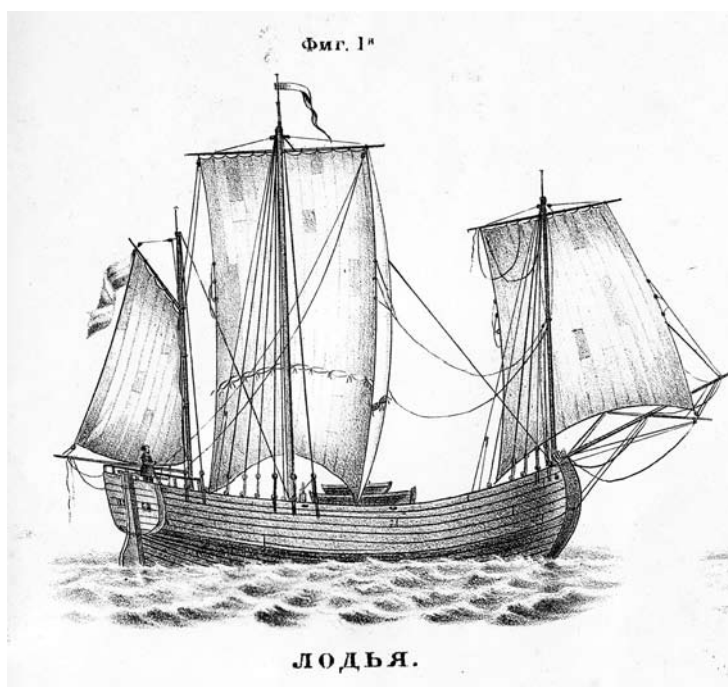
³⁷³ Там же. С. 33.

³⁷⁴ Данные только по Архангельской таможне.

В списке нет ни одной женщины: морское судоходство в Норвегию на частных парусных деревянных судах было исключительно мужским занятием. Однако это не говорит о доминировании патриархальных нравов среди жителей Архангельского уезда, вовлечённых в «поморскую торговлю». Скорее наоборот – это косвенно подтверждает самостоятельность женщин уезда – не только в ведении ими домашних хозяйств в период длительного отсутствия домохозяев, но и в решении широкого круга вопросов сельской жизни, которые требовали и организационных навыков, и физической силы. Кроме того, женщины поморских селений вполне были знакомы и с управлением небольшими гребными и парусно-гребными судами, используемыми для промыслов и разъездов вдоль берегов Белого моря³⁷⁵.

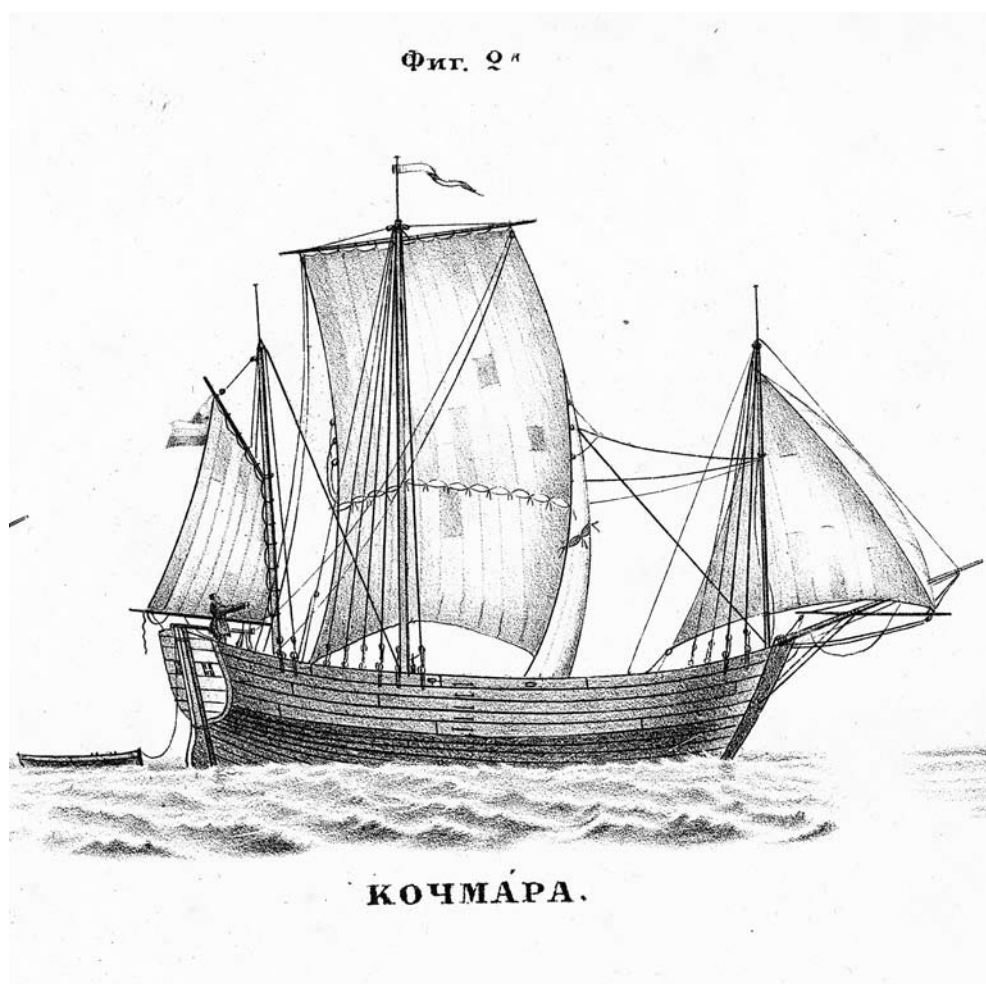
**Чертежи и рисунки судов, упоминаемых в публикации,
использовавшихся судовладельцами Архангельского уезда
в торговле с Норвегией в середине XIX в.**

(из альбома «Чертежи и рисунки судов, составленные П. Богославским к книге о купеческом судостроении в России», изданного в Санкт-Петербурге в типографии Морского министерства в 1859 г.)

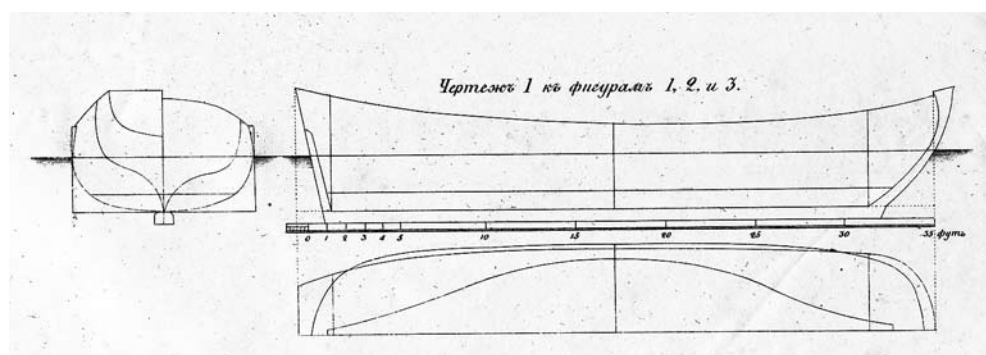

Илл. 5.1. Рисунок лодьи

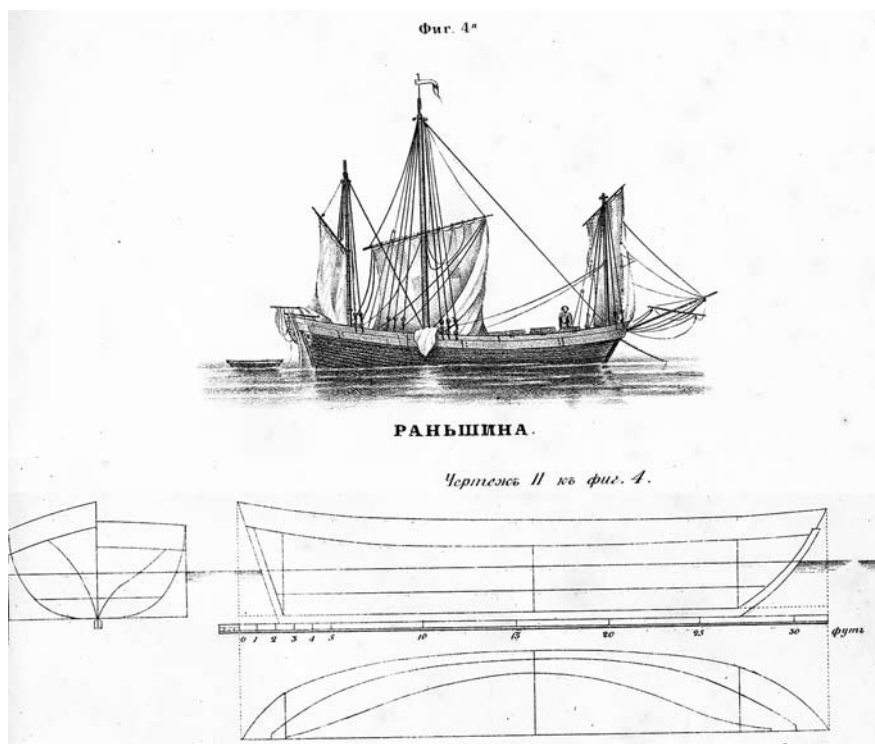
³⁷⁵ Давыдов Р.А. «Девушки с веслами»: из воспоминаний и путевых заметок путешественников по Белому морю второй половины XIX в. // Сила слабых: гендерные аспекты взаимопомощи и лидерства в прошлом и настоящем: Материалы X международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН. 7–10 сентября 2017 г., Архангельск: В 3-х томах / Отв. ред. Н.Л. Пушкарева, Т.И. Трошина. М.: ИЭА РАН, 2017. Т. 1. С. 45–48.

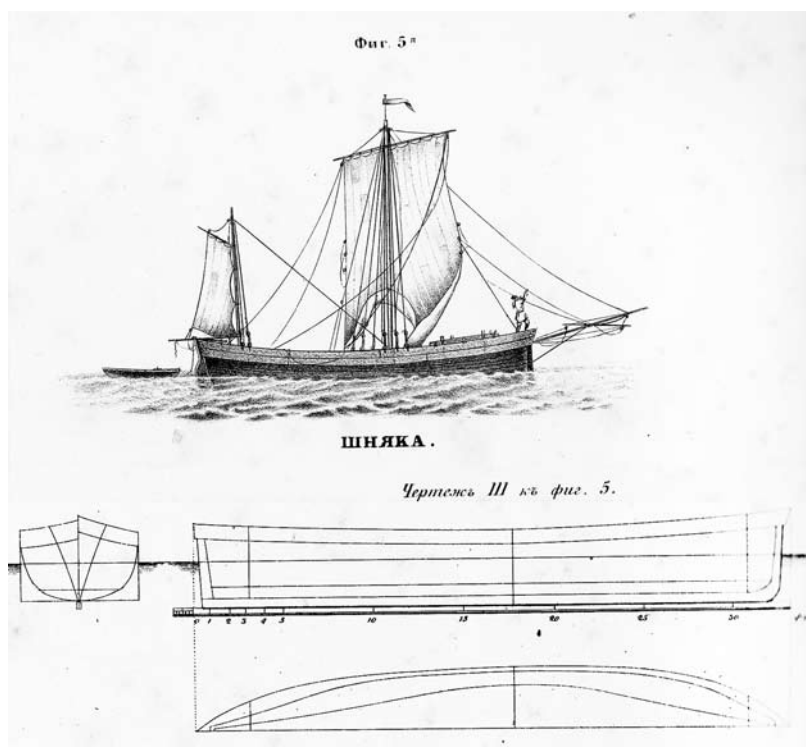
Илл. 5.2. Рисунок кочмары

Илл. 5.3. Чертеж корпуса лодыи кочмары

Илл. 5.4. Рисунок раньшины (раншины) и чертеж ее корпуса

Илл. 5.5. Рисунок шняки и чертеж ее корпуса

Вводимый в научный оборот документ – «Список крестьянам Архангельского уезда, бывшим в навигацию 1863 года в Норвегии» – даёт некоторое представление о масштабах «поморской торговли» и значении её для жителей губернии. Он может быть использован в дальнейших исследованиях – как истории и культуры Русского Севера, Поморья в целом, так и при генеалогических и культурологических изысканиях в частности.

Кроме того, настоящая глава показывает также примерный масштаб того объёма работ, который нужно провести историкам, чтобы получить более-менее адекватное представление об историческом опыте хозяйственной деятельности и торговли россиян в Норвегии. Фактически в данной главе содержатся сведения о составе команд и о названиях всего лишь $\frac{1}{4}$ поморских судов, только из одного уезда Архангельской губернии, побывавших в Норвегии только в одном 1863 г.! Притом без описания и анализа грузов, перевезённых на этих судах в Норвегию и вывезенных из Норвегии в Архангельск.

Систематические же сведения о поморской торговле (особенно в сравнении российских и норвежских данных) за весь период её существования до сих пор никогда и никем не собирались – ни в нашей стране, ни за рубежом.

И эту работу ещё только предстоит выполнить.

ГЛАВА 6

Православная церковь для города Вардё (конец 1880-х – 1890-е гг.)

В конце XIX – начале XX вв. эта деревянная церковь была одной из самых красивых в Архангельске. Располагалась она на набережной Северной Двины в Соломбале (ныне – набережная имени Г.Я. Седова в Соломбальском округе Архангельска). Она, как и многие другие архангельские церкви, была уничтожена в годы Советской власти. В настоящем очерке мы не рассматриваем обстоятельств ее закрытия и разрушения – это отдельная тема. Мы обращаемся к истории создания утраченного храма.

Илл. 6.1. Архангельск. Церковь Иоанна Рыльского. Около 1910 г. (?)

Фото А.М. Сизова.

Из фондов Архангельского областного краеведческого музея.

Храм предполагалось возвести в Норвегии, в городе Вардё провинции Финнмарк, в конце 1880-х – начале 1890-х гг., куда его предполагалось доставить из России в разобранном виде. Помимо удовлетворения религиозных потребностей тысяч россиян, ежегодно посещавших Финнмарк для ведения торговли и рыбных промыслов, храм должен был содействовать усилению русского влияния на севере Норвегии. Дело это вовлекло в переписку «многие серьезные стороны» – Министерство иностранных дел и Министерство внутренних дел Российской империи, Святейший Синод; ряд российских дипломатов, предпринимателей, священнослужителей, чиновников, чьи имена хорошо известны тем, кто занимается историей не только Русского Севера, но и историей России в целом.

Церковь построили на лесозаводе А.Ю. Суркова и Е.И. Шергольда в 1894 г., затем разобрали но, в силу обстоятельств, перевезли не в норвежский город Вардё, а гораздо ближе – в Соломбалу, то есть с южной окраины Архангельска – в северную окраину. Там пожар уничтожил большую часть заготовленных материалов. Но ни пожар, ни смерть купца С.Д. Лемяхова, на средства которого, главным образом, и строилась церковь, не помешали завершению строительства.

6.1. «Иеромонах Никандр... просит оказать содействие»

Летом 1889 г. настоятель Трифонова Печенгского монастыря иеромонах Никандр выступил с инициативой создания православной церкви или часовни в г. Вардё. За содействием он обратился с письмом от 28 июня (10 июля) к Дмитрию Николаевичу Островскому, бывшему в то время российским консулом на севере Норвегии.

«Осмеливаюсь предложить Вам, – писал настоятель, – желание тысячей народа православного, рыбопромышленников, которые с марта по сентябрь месяц (...) проживают по несколько месяцев в норвежском городе Вардэ и в котором желают иметь православную или часовню или церковь. В Киберки недалеко от этого города имеется больница Красного Креста, где получают помощь больные телесно, но душевной помощи лишены, потому что нет священников. Поэтому, не возьмете ли на себя труд исходатайствовать где следует разрешение о вспоможении Печенгскомку монастырю, отстоящему от г. Вардэ не более 100 верст, устроить в самом городе часовню, а при больнице Красного Креста – небольшую церковь, при которой в летнее время мог бы проживать из Печенгского монастыря иеромонах с псаломщиком для исправления богослужений и треб православным рыбопромышленникам. В Киберки русские рыбопромышленники живут только весною, а в г. Вардэ бывают они во все лето»³⁷⁶.

³⁷⁶ АВПРИ. Ф. 155. Оп. 445. Д. 27. Л. 12–12 об.

Предложение иеромонаха Никандра консул поддержал, обратив внимание, между прочим, на то, что на севере Норвегии, есть и римско-католические церкви, появившиеся сравнительно недавно³⁷⁷. 11 (23) июля 1889 г. он перенаправил письмо о. Никандра вместе со своим донесением российскому императорскому чрезвычайному посланнику при Шведско-Норвежском дворе Николаю Павловичу Шишкину. В донесении говорилось:

«Имею честь представить на благосклонное воззрение Вашего Превосходительства обращенное ко мне настоятелем Печенгского монастыря ходатайство о содействии к устройству в городе Вардэ православного храма или часовни. Из всех пунктов вверенного мне консульского округа г. Вардэ действительно наиболее посещаемый русскими и поддерживающий наиболее оживленные сношения с Россиею. Всего в Вардэ и под Кибергом собирается русских (судохозяев, матросов, рыбопромышленников и рабочих) ежегодно до 3000 человек.

Все это вместе взятое дает основание ожидать, что устройство этой православной церкви или часовни, удовлетворяя религиозным целям, в то же время могло бы служить и к усилению русского влияния в восточном Финмаркене»³⁷⁸.

Илл. 6.2. Гавань Вардё. 1897 г.

Фото Вессель Эллисиф Раннвейг (Wessel Ellisif Rannveig).

Varanger museum IKS. Grenselandmuseet Kirkenes. SMU.F000436

URL: <https://digitaltmuseum.no/021016325157/vestervagen-vardo-havn-varen-1897-tollbukaia-til-venstre> (дата обращения 16.04.2025)

³⁷⁷ См. главы 4 и 5 настоящей книги.

³⁷⁸ АВПРИ. Ф. 155. Оп. 445. Д. 27. Л. 3–4.

Из Стокгольма донесение Д.Н. Островского вместе с оригиналом письма настоятеля Трифонова Печенгского монастыря Н.П. Шишкин переслал в С.-Петербург, в Министерство иностранных дел, «на благоусмотрение» товарища министра – Александра Георгиевича Влангали³⁷⁹.

Об Александре Георгиевиче современники отзывались по-разному. Сын морского офицера, грека по происхождению, он имел опыт дипломатической работы и репутацию доброго, честного человека. Любезный и предупредительный, он пользовался вниманием петербургского общества, в особенности дамского. Министр иностранных дел Николай Карлович Гирс, содействовавший в 1882 г. назначению А.Г. Влангали своим товарищем, со временем будто бы пожалел о своем решении: Александр Георгиевич весьма безразлично относился к обязанностям и старательно «избегал всякой ответственности, сваливая все дела на Гирса»³⁸⁰. Вот и письмом иеромонаха Никандра также пришлось заниматься непосредственно министру. 26 августа (7 сентября) 1889 г. Н.К. Гирс направил отношение под грифом «доверительно» обер-прокурору Святейшего Синода³⁸¹ Константину Петровичу Победоносцеву:

«Вполне сочувствуя вышеизъясненным предположениям об устройстве в Вардэ православного храма или часовни для наших поморов, имею честь препроводить упомянутое письмо настоятеля Печенгского монастыря в подлиннике на усмотрение Вашего Высокопревосходительства с покорнейшей просьбой возвратить мне оное, по миновании надобности, с Вашим, Милостивый Государь, отзывом»³⁸².

В течение следующего, 1890 г., консул Д.Н. Островский успел ознакомиться с законами соединенных королевств Швеции и Норвегии, так или иначе относящиеся к вопросам приобретения недвижимой собственности в Финнмарке, и выяснил цены на землю в г. Вардэ. 7 (19) сентября 1890 г. он сообщил товарищу министра А.Г. Влангали результаты своих изысканий.

Согласно закону от 21 апреля 1888 г. недвижимую собственность в Норвегии имели право приобретать без особого разрешения короля только лица, принадлежащие к норвежскому или шведскому подданству. В то же время, по действующему закону от 16 июля 1845 г. такое разрешение не требовалось для приобретения земельной собственности для церквей, школ, причтовых домов и кладбищ, принадлежащих другим, не евангелическо-лютеранским христианским вероисповеданиям.

³⁷⁹ В источниках и литературе встречаются два варианта написания отчества Александра Влангали – «Георгиевич» и «Егорович».

³⁸⁰ Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802–2002: В 3 т. Т. 1. 860–1917 гг. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 457, 462.

³⁸¹ Обер-прокурор пользовался правами министра; он объявлял Синоду Высочайшие повеления и представлял императору отчеты о состоянии церкви и деятельности Синода; он же являлся представителем Синода в переписке с другими государственными учреждениями.

³⁸² АВПРИ. Ф. 155. Оп. 445. Д. 27. Л. 5–5 об.

Земля в г. Вардё продавалась по таксе 25 эре (около 12 копеек) за квадратный метр, при условии, если после публикации о продаже кем-либо не предлагалось большей суммы. «Считая метр за полсажени, – резюмировал Д.Н. Островский, – количество земли, соответствующей нашей десятине, может, согласно этой таксе, быть приобретено приблизительно за 1300 крон или 700 рублей. Расходы по отмежеванию (от 15 до 20 крон) и совершению купчей крепости (4 кр. 80 эре) составляют сумму крайне незначительную. В г. Вардэ на поземельную собственность не существует никакого налога»³⁸³.

...Казалось, что ничто не воспрепятствует практическому воплощению желаний «тысячей народа православного», выразителем интересов которых стали иеромонах Никандр и консул в Финнмарке Д.Н. Островский. Предстоящие расходы на приобретение земли для храма были сравнительно невелики. Их вполне мог взять на себя кто-либо из состоятельных купцов или крестьян, составивших себе состояние на торговле с Норвегией, и тем самым еще более укрепить себе деловую репутацию по обе стороны границы. Сам же храм отец Никандр был готов построить в Вардё за счет Трифонова Печенгского монастыря³⁸⁴. Единственный повод для беспокойства давали законы, действующие на территории королевств Швеции и Норвегии. Но даже если предположить, что королевское разрешение на строительство было обязательным, то почему было бы не попытаться получить его через Министерство иностранных дел Российской империи, официально? Ведь было же дано в 1850-х гг. разрешение на устройство католических приходов в Финнмарке – в провинции, населенной по преимуществу протестантами. Чем не прецедент? Шведско-норвежской стороне потребовалось бы проявить максимум изобретательности для составления мотивированного отказа российской стороне, желающей установить православный храм там, где уже существовали католические.

Но чиновникам Швеции и Норвегии не пришлось подыскивать подходящих аргументов для отказа: официальной просьбы со стороны России тогда так и не последовало. В Санкт-Петербурге – как в МИДе, так и в Святейшем Синоде – не предприняли ничего, чтобы помочь удовлетворению религиозных потребностей соотечественников, ведущих торговлю и промыслы на крайней северной окраине Европы. В МИДе с терпением, достойным лучшего применения, ждали «отзыв» Святейшего Синода. А в Синоде не потрудились подготовить ответ министру иностранных дел ни в 1889, ни в 1890, ни в 1891, ни в 1892, ни в 1893 гг.

³⁸³ Там же. Л. 6–7 об.

³⁸⁴ Там же. Л. 7 об.

6.2. «С.Д. Лемяхов пожертвовал капитал»

Возобновление переписки по делу, хотя официально не закрытому, но забытому на долгие годы как в Св. Синоде, так и в МИДе, вызвало известие о том, что для постройки церкви в Вардэ нашлись деньги частного благотворителя. 22 января (3 февраля) 1894 г. в Архангельскую духовную консисторию поступили деньги – 1 000 руб. от архангельского купца Савина Даниловича Лемяхова³⁸⁵. Еще 3 000 руб. С.Д. Лемяхов обещал предоставить в марте. Обещание свое он сдержал.

27 января (8 февраля) 1894 г. архангельский губернатор Александр Платонович Энгельгардт отправил российскому консулу в Северной Норвегии телеграмму следующего содержания:

«Предположив, по соглашению с епископом Никанором³⁸⁶, устроить деревянную православную церковь в Вардэ, мы собрали необходимую сумму, около 4000 рублей. Прошу Вас уведомить, могут ли встретиться препятствия к приобретению необходимого клочка земли или иные препятствия со стороны норвежских властей. Если нет, то мы приступим немедленно к постройке церкви в Архангельске, а летом доставим [в] Вардэ»³⁸⁷.

Илл. 6.3. Архангельский губернатор А.П. Энгельгардт.

Фото из фондов Архангельского областного краеведческого музея.

³⁸⁵ ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 3. Д. 1312. Л. 1.

³⁸⁶ Никанор (в миру Никифор Тимофеевич Каменский) был епископом Архангельским и Холмогорским в 1893–1896 гг.

³⁸⁷ АВПРИ. Ф. 155. Оп. 445. Д. 27. Л. 9.

В российской столице и в Норвегии в детали забытого дела пришлось вникать новым людям. В Финнмарке консула Д.Н. Островского сменил В.А. Березников. Настоятелем Трифонова Печенгского монастыря вместо иеромонаха Никандра³⁸⁸ в 1890 г. был назначен иеромонах Ионафан. А.Г. Влангали, на имя которого приходила посвященная возведению в Вардё церкви дипломатическая корреспонденция, в 1891 г. был смещен с поста товарища министра и отправлен послом в Рим; на его место назначили посланника при Шведско-Норвежском дворе Н.П. Шишкина³⁸⁹.

1 (13) февраля 1894 г. Н.П. Шишкин напомнил обер-прокурору Святейшего Синода К.П. Победоносцеву о необходимости все-таки дать ответ на письмо министра иностранных дел, отправленное в 1889 г., т.е. более четырех лет (!) назад, и выразить, наконец, свое отношение к возможной постройке православного храма на севере Норвегии. Напоминание было составлено с изысканно-громоздкой вежливостью дипломата: «Милостивый государь Константин Петрович, (...) позволяю себе обратиться к Вам, с покорнейшею просьбою, не изволите ли Вы признать возможным ускорить благосклонным отзывом Вашим по настоящему делу?»³⁹⁰.

На этот раз в Синоде не стали затягивать с ответом. Уже через три дня он, за подписью К.П. Победоносцева, появился на столе у Н.П. Шишкина.

Свое длительное молчание в Синоде попытались объяснить (на наш взгляд – весьма малоубедительно) недостатком информации. Консул Д.Н. Островский, в 1890 г. сообщивший Синоду подробные сведения о стоимости и условиях приобретения земли в Вардё, тогда неосторожно заметил, что строительство церкви возможно было бы произвести одновременно с постройкой консульского дома. Мимоходом сделанное Д.Н. Островским упоминание о консульском доме и было положено в основу оправданий Синода: «Не имея (...) никаких сведений о распоряжениях Министерства иностранных дел по предположениям консула о постройке консульского дома и о приобретении земельной собственности в Вардэ, а также о стоимости постройки там церкви и причтового дома, духовное ведомство не могло ничего предпринять по этому делу». Так и не дав отзыва по существу, обер-прокурор пожелал узнать – «какие виды и настроения имеются у Министерства иностранных дел в настоящее время относительно устройства в Вардэ православного храма»³⁹¹.

Чиновники Министерства иностранных дел прекрасно поняли, что именно их в Св. Синоде пытаются представить виновниками волокиты.

³⁸⁸ Он был возведен в игумены и назначен настоятелем старинного Георгиевского монастыря под Балаклавой в Крыму.

³⁸⁹ Очерки истории Министерства иностранных дел России... С. 462.

³⁹⁰ АВПРИ. Ф. 155. Оп. 445. Д. 27. Л. 8.

³⁹¹ Там же. Л. 10–11 об.

К.П. Победоносцеву посчитали нужным заметить, что никаких «сношений» со шведско-норвежским правительством российский МИД не делал лишь из-за отсутствия отзыва Св. Синода о предполагаемом строительстве. Про «виды и настроения» российского МИДа обер-прокурору лаконично ответили:

«МИД с полным сочувствием относится к высказанным в 1889 г. предположениям настоятеля Печенгского монастыря о постройке церкви на норвежской территории, куда ежегодно собираются сотни русских рыбопромышленников. (...) Поэтому, если Ваше Высочайшее Превосходительство, равным образом, одобрите предположения иеромонаха Никандра о русской церкви в Вардэ, то МИД не замедлит предписать нашему посланнику в Стокгольме тайному советнику Зинovieву войти в сношения с тамошним Правительством по этому делу»³⁹².

Между тем, в Св. Синод пришло письмо от архангельского губернатора. А.П. Энгельгардт сообщал о собранных четырех тысячах рублей, о возбужденном им ходатайстве на беспошлинный отпуск строевого леса из казенных дач для церкви, о том, что предварительно решен вопрос о строительстве церкви в Архангельске и доставке в Вардэ в разобранном виде на судне Товарищества Архангельско-Мурманского срочного пароходства. Епископ Архангельский и Холмогорский Никанор, как писал Александр Платонович, со своей стороны предполагал командировать в Вардэ на лето причт из Печенгского прихода. Единственное, о чем просил архангельский губернатор обер-прокурора Св. Синода – это «содействия относительно приобретения земельного участка под церковь, на каковой предмет необходимо разрешение норвежского правительства»³⁹³.

К.П. Победоносцев «посодействовал», отправив короткое письмо на имя российского министра иностранных дел:

«Вполне разделяя необходимость постройки православной церкви в Вардэ для удовлетворения религиозных потребностей русских рыбопромышленников и торговцев на Мурманском берегу (...) имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство не отказать в зависящих с Вашей стороны распоряжениях к исходатайствованию разрешения шведско-норвежского правительства на приобретение в Вардэ земельного участка под постройку предполагаемой там православной церкви с причтовым домом и кладбищем»³⁹⁴.

³⁹² Там же. Л. 13–13 об.

³⁹³ Там же. Л. 14–14 об.

³⁹⁴ Там же. Л. 14 об.–15.

6.3. «Соображения относительно наиболее удобного места»

В то самое время как чиновники Святейшего Синода и Министерства иностранных дел, словно очнувшиеся от четырехлетней «спячки», пытались наверстать упущенное и вели оживленное выяснение «настроений» друг друга, на Русском Севере готовы были приступить к практической реализации задуманного.

Самым важным и наиболее сложным вопросом (и все заинтересованные стороны это осознавали) было получение разрешения на строительство храма от норвежских властей. Вторым по степени важности и сложности был вопрос о выборе удобного и «приличного» места для храма в Вардё.

10 (22) февраля Его Преосвященство епископ Архангельский и Холмогорский Никанор обратился «с покорнейшей просьбою» непосредственно к российскому генеральному консулу в Норвегии Владимиру Александровичу Березникову. Он попросил его «принять на себя труд как по приобретению места для постройки православного храма, так и по оказанию необходимого (...) содействия по постройке того храма»³⁹⁵.

В ответном письме, отправленном из С.-Петербурга, от 1 (13) марта В.А. Березников заверил Его Преосвященство, что «всею душою готов служить» выполнению благих начинаний в области святого дела церковного строительства, приложит все силы и «с полною готовностью» исполнит все поручения по настоящему делу. Деликатно намекнув на то, что выполнить просьбу будет не просто и не быстро, так как придется сначала испрашивать, а затем ждать «особое королевское разрешение», Владимир Александрович, тем не менее, выразил готовность заняться выбором земельного участка и вступить в переговоры с местными властями сразу же по возвращении в Норвегию, в апреле³⁹⁶.

Однако, вернувшись в Норвегию и едва приступив к поиску приличного места для церкви, генеральный консул неожиданно обнаружил «конкурента» – купца А. Мерзлютина – занимающегося в Вардё тем же самым, да еще с одобрения епископа Никанора. Можно предположить, что самолюбию В.А. Березникова был нанесен болезненный укол: какой-то купец ведет, и притом довольно успешно, те самые переговоры, которые и по статусу, и по договоренности с епископом должен был вести он сам! Похоже, что В.А. Березников обиделся на Никанора, который самим фактом перепоручения «земельного вопроса» купцу, выразил недоверие способностям генерального консула.

В подтверждение нашего предположения воспроизведем фрагмент письма В.А. Березникова от 18 (30) июля 1894 г. под грифом «Довери-

³⁹⁵ ГАО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 3. Д. 1312. Л. 6–6 а.

³⁹⁶ Там же. Л. 13–14.

тельно» директору Департамента внутренних сношений МИДа России барону Федору Романовичу Остен-Сакену:

«Имею честь сообщить Вашему Превосходительству нижеследующие сведения по вопросу о построении православного храма в Вардэ.

Еще в бытность мою в С.-Петербурге я получил от архангельского архиерея письмо, в котором Его Преосвященство, уведомляя о пожертвовании некоторыми благотворителями денег на возведение православного храма в Вардэ, просил содействия моего в этом деле.

Я немедленно ответил епископу Никанору выражением готовности моей служить его благим начинаниям и обещанием тотчас по прибытии в Вардэ сообщить ему мои соображения относительно наиболее удобного места для церкви.

Вскоре по приезде в Вардэ я узнал, что ненокоцкий купец Александр Мерзлютин открыто заявляет, что в Архангельске окончательно решили выстроить церковь в Вардэ, обращается к некоторым лицам с предложением продать под оную свои земельные участки и, вообще, ведет себя как бы распорядитель дела или уполномоченное лицо.

Помянутый Мерзлютин – человек с большой энергиею и хорошими способностями, но с несимпатичными торговыми приемами и прошлым. В настоящее время он, вероятно, надеется путем усердия в деле церковностроительства улучшить свое общественное положение и, быть может, станет церковным старостою будущего храма.

На мой вопрос, в качестве кого он выступает при переговорах об отчуждении земли под проектируемую церковь и т.д., г. Мерзлютин отвечал, что имеет частное поручение от архиерея подыскать соответственное место для церкви, и что он уже послал ему отчет о своих действиях и план Вардэ. При этом г. Мерзлютин добавил, что его выбор остановился на находящемся в самом центре города земельном участке, принадлежащем вдове Гундерсен, которая просит за него 1000 крон.

В виду сего я с первым отошедшим в Архангельск пароходом написал преосвященному Никанору, что, прибыв в Вардэ, я не замедлил заняться выбором места под проектируемый храм, но что до решения высшим правительством в принципе вопроса о его постройке, я воздерживаюсь входить в сношения с кем-либо по сему предмету.

Вместе с тем я выразил, что по моему разумению наилучшим местом для расположения церкви был бы один из земельных участков на окраине города, предназначенных еще предшественником моим, с.с. Островским совместно с бывшим настоятелем Печенгского монастыря о. Никандром. На окраине города можно приобрести большой участок земли, так что церковь будет лучше выделяться и будет более отдалена от городских построек, которые, помимо грязи своих дворов, представляют еще то неудобство, что весною, при наплыве промышленников, большинство из них обращаются в негласные питейные дома (подчас с женскою прислугою).

В заключение я добавлял, что окончательный в свое время выбор места я желал бы непременно произвести совместно с уполномоченным

Его Преосвященства, что таковым себя заявляет купец Мерзлютин и, что если лицо это действительно облечено его доверием, то я готов порешить вопрос вместе с ним, но почитал бы, однако, более желательным командирование для сей цели духовного лица, как более компетентного в специальных вопросах церковностроительства.

Епископ Никанор ответил мне письмом от 25 мин. мая, в котором, между прочим, сообщал, что сруб храма и иконы уже почти готовы и, заявляя свое сожаление о том, что дело устройства храма «не имеет скорого движения в Высших сферах», просил меня «посодействовать» скорейшему его решению.

Относительно места для церкви епископ заявил, что это зависит от моего выбора и «совета г. Мерзлютина, который, конечно, понимает удобство места с точки зрения русских промышленников».

Впоследствии г. Мерзлютин показывал мне собственноручное благодарственное письмо архиерея по поводу его трудов на пользу храма»³⁹⁷.

Из вышеприведенной объемной цитаты хорошо видно, как росло взаимное недовольство сторон. Епископ Архангельский и Холмогорский вполне обоснованно сожалел о том, что дело не движется «в высших сферах», недвусмысленно намекая на недостаточную активность генерального консула. Последнего же всерьез разозлила кипучая деятельность купца А. Мерзлютина, чье мнение о выборе удобного места под будущую церковь «с точки зрения русских промышленников» (в окружении тайных питейных домов с женской прислугой!), как видно, казалось для преосвященного Никанора авторитетным. Поставив начальство в известность о своих переговорах А. Мерзлютиным и переписке с преосвященным Никанором, В.А. Березников дистанцировался от дела, формально мотивируя это неполучением «официального королевского разрешения» на строительство храма.

Илл. 6.4 и 6.5. Предполагаемое место, где купец Александр Мерзлютин по согласованию с норвежцами, предполагал в 1894 г. возвести русскую православную церковь. Фото автора книги.

В июле 2009 г. автору настоящей статьи довелось побывать в г. Варде по приглашению мэрии города и редактора местного ежегодного издания «Årbok for Vardø» Тура Робертсена (Thor Robertsen), который показал это место. Это действительно центр Вардё, вблизи залива, в непосредственной близости от административных зданий города. Это пространство в то время было ничем не занято, если не считать места для стоянки автомобилей (см. фото).

³⁹⁷ АВПРИ. Ф. 155. Оп. 445. Д. 27. Л. 24–25.

6.4. «Русская угроза» и «дело щекотливое»

Упомянутый спор относительно наиболее удобного места для установки православного храма в Вардё, конечно, никак не способствовал успеху в решении этого дела.

Однако, главным, на наш взгляд, препятствием к строительству православной церкви в Вардё стала позиция Министерства иностранных дел Российской империи. Представители министерства в переписке недвусмысленно выразили свое негативное отношение к строительству, поскольку считали, что это... испугает норвежцев, даст скандинавским политикам и прессе конкретный повод для русофобских спекуляций на тему «русской угрозы» Финнмарку.

О мифической русской угрозе Финнмарку мы коротко говорили во введении к настоящей книге. Здесь же имеет смысл вновь обратиться к этой теме чуть подробнее.

Во второй половине XIX – начале XX в. в Великобритании, соединенных королевствах Швеции и Норвегии было распространено убеждение, что Россия собирается захватить незамерзающие гавани Северной Норвегии, в первую очередь – провинцию Финнмарк, для устройства там военно-морских баз. В действительности таких планов в России не было. Документов, указывающих на их существование, до сих пор не обнаружили ни российские, ни зарубежные исследователи³⁹⁸. По образному выражению современного норвежского историка Й.П. Нильсена, написавшего серию работ на эту тему, «русская угроза» Финнмарку – миф, а желание доказать обратное «очевидно, тупик для историка»³⁹⁹.

Про миф о «русской угрозе» Северной Норвегии достоверно известно: кто, когда и в каких обстоятельствах его создал. В 1819 г. в норвежском городе Будё местные власти предъявили обвинение в незаконной торговле нескольким английским предпринимателям и конфисковали у них товар, признанный контрабандным. Однако дело, поначалу казавшееся незначительным, получило неожиданное развитие. Подданный Великобритании Дж. Эверт, один из главных фигурантов дела, освобожденный из-под ареста, организовал налет на таможню и забрал свои товары. А юрист Дж. Эверта – Ф. Денован, используя, как потом выяснилось, подложные документы, ещё и представил контрабандиста потерпевшей стороной. Под сильнейшим дипломатическим дав-

³⁹⁸ *Palmstierna S.F. Sverige, Russland och England 1833–1855. Kring Novembertraktatens förutsättningar. Stockholm, 1932; Kraft S. Nord-Norge i de förenade konungarikernas handelstraktater med Russland. Stockholm, 1954; История Норвегии. М.: Наука, 1980.*

³⁹⁹ *Nielsen J.P. Russisk fare mot Nord-Norge? // Ottar. 1992. Nr. 4 (192). S. 33–40; Нильсен Й.П. Миф о «русской угрозе» Северной Норвегии // Слово о людях и земле Поморской. Тезисы докладов III научно-краеведческих чтений «Слово о людях и земле Поморской» / Под ред. А.В. Репневского. Архангельск: Изд-во Поморского педуниверситета, 1995. С.77–86; Нильсен Й.П. Старая Россия и новая Норвегия (1905–1917): соседство без страха? // Страх и ожидания. Россия и Норвегия в XX веке / Под ред. В.И. Голдина, Й.П. Нильсена. Архангельск: Изд-во Поморского госуниверситета им. М.В. Ломоносова, 1997. С. 6–28.*

лением со стороны Великобритании, противостоять которому Швеция не стала, Норвегия выплатила «потерпевшей стороне» крупную компенсацию – около 18 тыс. ф. ст. Потом обман раскрылся, вызвав понятное недовольство в Норвегии. Норвежские историки, оценивая этот давний скандал, не скупилась на эпитеты. «В ходе всего инцидента английское правительство вело себя прямо как распоясавшийся громила, угрожая Швеции и Норвегии экономическими санкциями», – пишет известный специалист по истории внешней политики Норвегии У. Ристе⁴⁰⁰. «Наглым обманщиком» называет Ф. Денована профессор из университета Тромсё Й.П. Нильсен, а все т.н. дело Будё – «британской аферой»⁴⁰¹.

Дело Будё более чем наглядно продемонстрировало доминирующее положение Швеции над Норвегией в рамках шведско-норвежской унии и бесправность последней в вопросах внешней политики. Фактически именно оно положило начало обсуждению в норвежском стортинге в 1820-х – 1830-х гг. различных проектов по созданию для Норвегии отдельного дипломатического представительства, каковые дискуссии, как известно, составили впоследствии норвежскую программу пересмотра унии и, в конце концов, привели к образованию в 1905 г. независимого норвежского государства.

В процессе разбирательства обстоятельств дела Буде, возобновленного в Великобритании в начале 1830-х гг., обнаружилось, что в нем был замешан вице-консул Великобритании в Хаммерфесте Джон Райс Кроу (John Rice Crowe), с 1818 г. совмещавший свою дипломатическую службу с предпринимательской деятельностью и основавший в Альте предприятие по добыче железной руды. Поняв, что результаты дальнейшего расследования могут оказаться совсем не теми, какими их ожидали увидеть, официальные лица Великобритании свернули следствие, а перед Д.Р. Кроу в 1836 г. забрезжила перспектива остаться без должности вице-консула. Беспокоясь оставить свой бизнес без дипломатического прикрытия, Дж. Кроу в 1836 г., предпринял неожиданный ход. Он представил министру иностранных дел Великобритании лорду Г.Д. Пальмерстону (Henry John Temple Palmerston), доклад, смысл которого сводился к тому, что норвежский Финнмарк будет в скором времени захвачен Россией. Реакция Г.Д. Пальмерстона оказалась предсказуемой. Он поверил (или сделал вид, что поверил?) в «русскую угрозу» Финнмарку. Обнаруживший ее бдительный Дж. Кроу вернулся в Норвегию с повышением, уже на должность консула, которую сам же и предложил учредить в Хаммерфесте. О «русской угрозе» Дж. Кроу не забывал напоминать и в последующие годы⁴⁰². По странному совпадению, тогда же голословные заявления о будто бы существующем желании российского императора аннексировать Финнмарк, представил в своей книге

⁴⁰⁰ Ристе У. История внешней политики Норвегии / Пер. с англ. М.: Весь Мир, 2003. С. 75.

⁴⁰¹ Нильсен Й.П. Миф о «русской угрозе» Северной Норвегии... С. 81.

⁴⁰² Derry T.K. A History of Modern Norway. 1814–1972. Oxford: Clarendon press, 1973. P. 82.

другой подданный Великобритании – путешественник Сэмюэль Лэйнг (Samuel Laing)⁴⁰³, сам, кстати, в Финнмарке не бывавший⁴⁰⁴.

В то, что у русских есть желание захватить незамерзающие заливы в Северной Норвегии, поверили в Европе. Веру в этот миф поддерживали в Великобритании и также культивировали в Швеции в контексте

Илл. 6.6. Русофобская карикатура из скандинавской прессы – одна из многих.

Русский царь и его советники обсуждают будущий захват Финнмарка с использованием глобуса.

Иллюстрация воспроизведена в статье: Аселиус Г. Зеркало «русской угрозы» // Родина. 1997. № 10. С. 108.

⁴⁰³ Laing S. Journal of a Residence in Norway during the Years 1834, 1835 & 1836. Second edition. London, 1837.

⁴⁰⁴ Нильсен Й.П. Миф о «русской угрозе» Северной Норвегии... С. 80.

противодействия развивающемуся норвежскому национализму и сепаратизму: мол, только уния Норвегии со Швецией удерживает Россию от захвата Финнмарка. Мало кому приходила в голову мысль задаться очень простым вопросом: а зачем России, располагающей собственными незамерзающими заливами, пригодными для стоянки военных судов и строительства баз на Мурмане, создавать себе проблему в международных отношениях и, возможно, воевать из-за незамерзающих заливов, расположенных поблизости, но на территории Норвегии? Последующий опыт времен I мировой войны и последующей советской эпохи наглядно подтвердил, что Мурманский берег вполне подходит для военного строительства и базирования Северного флота.

Во второй половине XIX в. миф о «русской угрозе» настолько внедрился в массовое сознание норвежцев и особенно шведов, что мало кто уже сомневался в существовании у России конкретного плана захвата норвежских «незамерзающих фиордов». С интересом обсуждались лишь вопросы: когда русские решатся осуществить этот план на практике и ограничатся ли они только Финнмарком?

Между прочим, именно в Финнмарке в русское вторжение верили меньше, чем где бы то ни было. Местные жители, видевшие каждый год тысячи русских и осуществлявшие с ними взаимовыгодные сделки, оказались недостаточно восприимчивыми к антирусской пропаганде. Более того, приход множества русских судов с хлебом и другими товарами, ежегодно вносил заметное и ожидаемое оживление в быт норвежской провинции. «В глазах норвежского правительства финмаркенские жители страдают недостатком национального чувства и индифферентизмом в политических вопросах», – отмечал российский консул В.А. Березников в середине 1890-х гг.⁴⁰⁵ На существование «огромного политического индифферентизма» («great political indifference») населения Финнмарка есть указания и в работах зарубежных авторов⁴⁰⁶.

Фактор мифической «русской угрозы» портил имидж российских дипломатов в соединенных королевствах Швеции и Норвегии, влиял на принимаемые ими решения и действия; в отдельных случаях даже провоцировал бездействие. Нам приходилось встречать документы, из которых видно, как болезненно реагировали на необоснованные подозрения в шпионаже российские дипломаты. С каким явным неудовольствием они принимали участие в мероприятиях, которые, по их мнению, могли быть восприняты шведско-норвежской стороной как подтверждение существования «русской угрозы»!

В начале 1880-х гг. к Мурманскому побережью направлялись российские военные шхуны – «Полярная Звезда» и «Бакан», в 1881 г. и 1882 г. соответственно. Крейсерство их вдоль Мурмана было обусловлено стремительным ростом ничем не ограниченного норвежского рыболовства. И хотя шхуны не задержали ни одного норвежского судна из сотен,

⁴⁰⁵ Березников В.А. Поездка по Норвежской Лапландии в 1894 году. СПб., 1897. С. 6–7.

⁴⁰⁶ Derry T.K. A History of Modern Norway... P. 83.

промышлявших менее чем в трех морских милях от русского берега, в Норвегии сразу заговорили об агрессивности России и ее желании захватить Финнмарк. В качестве инициаторов крейсерства норвежской стороной были заподозрены архангельский губернатор Н.М. Баранов и находящийся в Финнмарке консул Д.Н. Бухаров. (На самом деле ни тот, ни другой не были причастны к отправке шхун).

Д.Н. Бухарову пришлось неоднократно заверять норвежцев, что «Россия не имеет и не может иметь решительно никаких завоевательных замыслов по отношению к этой или всякой другой норвежской провинции». Но ему не верили, т.к. по должности он занимался вопросами приобретения угля для русской шхуны именно в Финнмарке и совершал на ней поездки. «Присутствие нашего военного судна на Мурмане и неизбежный заход его в норвежские гавани для пополнения запасов и проч., ставит представителя России в Финмаркене в самое тяжелое, неловкое и щекотливое положение, – замечал Д.Н. Бухаров, – ибо кто же поверит его мирным заявлениям и беспристрастным донесениям своему правительству, когда последние подкрепляются военной силой»⁴⁰⁷.

11 мая 1882 г. в издающейся в Христиании (ныне – Осло) газете «Dagbladet» была помещена корреспонденция анонимного автора с говорящим названием «Норвежский Шлезвиг». В ней консул Д.Н. Бухаров был представлен в качестве лица, под дипломатическим прикрытием занимающимся антинорвежской деятельностью и стремящимся сделать карьеру в «панславистско-финмаркенском вопросе». Анонимный автор призывал «истинных норвежцев» к осторожности в общении с российскими консулами. «Как ни ничтожна эта мелкая, часто локальная пресса, – отмечал потом Д.Н. Бухаров, – она читается, однако, всеми, в особенности малообразованною частью населения, на которое имеет значительное влияние». Оскорбленный необоснованными подозрениями, российский дипломат в серии в высшей степени эмоциональных донесений, назвал израсходованные на крейсерство деньги «брошенными в океан» и потребовал прекратить отправку на Мурман военных судов, порождающих «только одни недоразумения в наших пограничных отношениях к Норвегии»⁴⁰⁸.

Российский МИД поддержал Д.Н. Бухарова; Морское министерство приостановило отправку военных судов для охраны промыслов более чем на десятилетие. Лишь в 1893 г. крейсерство было возобновлено и не прекращалось до начала I мировой войны. Примечательно, что в 1893 г. после задержания крейсером «Наездник» на Мурмане сразу шести норвежских яхт и конфискации с них продукции незаконного зверобойного промысла в Норвегии сразу же распространился слух о готовящемся на следующий, 1894 год, захвате Финнмарка, о чем будто бы проговорился кто-то из офицеров «Наездника»⁴⁰⁹.

⁴⁰⁷ АВПРИ. Ф. 155. Оп. 445. Д. 6. Ч. I. Л. 301 об., 315.

⁴⁰⁸ Там же. Л. 330 об., 213 об.

⁴⁰⁹ Там же. Ч. II. Л. 80.

И так случилось, что задержание норвежских браконьеров «Наездником» практически совпало во времени с российским проектом установки православной церкви в г. Вардё.

Первая и, насколько известно автору данной статьи, единственная попытка получить «официальное королевское разрешение» на строительство православной церкви в Вардё была предпринята российским МИДом в конце марта – апреле 1894 г.

18 (30) марта директор Департамента внутренних сношений МИД России Н.П. Шишкин обратился в Российскую императорскую миссию в Стокгольме. Посланнику Ивану Алексеевичу Зиновьеву предлагалось «войти в сношение с шведско-норвежским правительством по сему предмету» и о последующем уведомить⁴¹⁰.

«Сношение» состоялось, причем впечатление о нем осталось нехорошее у обеих участвовавших в нем сторон. В письме 9 (21) апреля И.А. Зиновьев уведомил Н.П. Шишкина о результатах переговоров:

«Я не преминул переговорить с королевским министром иностранных дел по предмету сообщенного мне Вашим Превосходительством в письме от 18-го минувшего марта за № 2116 предположения об устройстве в г. Вардё православной церкви в видах удовлетворения духовных потребностей посещающих Северную Норвегию наших рыбопромышленников и торговцев. При этом я передал графу Левенгаупту записку, в которой постарался разъяснить причины, побуждающие нас заботиться об этом деле.

Не могу скрыть от Вас, что сообщение мое произвело на графа Левенгаупта не особенно благоприятное впечатление, как я заключил из того, что королевский министр уклонился от выражения какого-либо мнения и ограничился обещанием переговорить о предмете моего ходатайства с пребывающим в Стокгольме норвежским статс-министром.

Такое отношение графа Левенгаупта к настоящему делу вполне понятно. Из неоднократных донесений моих Ваше Превосходительство изволили усмотреть, что как в Норвегии, так и в Швеции глубоко укоренилось убеждение, что Россия замышляет захватить, при удобном случае, северные норвежские области с целью приобретения незамерзающего порта на берегу Атлантического океана. Убеждение это весьма часто высказывается в местной печати, и я думаю, что никакие усилия с нашей стороны не в состоянии поколебать это ложное представление. В виду этого каждое национальное предприятие наше в Северной Норвегии будет неизбежно истолковано в смысле шага к осуществлению приписываемого нам замысла.

Не могу умолчать при этом и еще об одном соображении, побуждающем меня считать настоящее дело щекотливым. Вопрос о постройке православной церкви в г. Вардё не возбуждался нами ранее сего, хотя, вследствие снисходительности норвежских властей к нарушению нашими рыбопромышленниками правил о рыболовстве в водах Финмаркена,

⁴¹⁰ Там же. Л. 17–18 об.

Северная Норвегия наводнялась нашими подданными. В виду этого факта норвежцам покажется загадочным, почему именно вопрос этот поднят нами уже тогда, когда вследствие строгого применения правил о рыболовстве, норвежские ловли утратили значение для наших рыбопромышленников и число последних постоянно и быстро сокращается. Едва ли поверят здесь тому, что не могло найтись небольшой сравнительно суммы в 4000 рублей на его осуществление.

Как бы то ни было, но, со своей стороны, я не премину употребить все зависящие от меня старания в видах противодействия вышеизложенным предубеждениям»⁴¹¹.

Подлинное письмо И.А. Зиновьева 16 (28) мая 1894 г. из Министерства иностранных дел России препроводили «на прочтение» в Святейший Синод на имя обер-прокурора К.П. Победоносцева. В Святейшем Синоде, как видно из цитированных выше документов, и раньше не торопились с оказанием помощи поморам в удовлетворении их религиозных потребностей за границей. Теперь же, сообщенные посланником И.А. Зиновьевым новые обстоятельства, были поняты таким образом, «что допущение русских рыбопромышленников в Варде не согласуется с норвежским законом и ограничивается правительством», а «число их, проживающих в Варде, постоянно и быстро сокращается»⁴¹².

«Итак, – резюмировал К.П. Победоносцев, – при дальнейшем исследовании сих неблагоприятных условий может оказаться, что прежнее предположение об устройстве православной церкви в Вардэ не требует осуществления»⁴¹³.

Директор Департамента внутренних сношений МИД России Н.П. Шишкин, вероятно, удивился тому, насколько заразной оказалась гипертрофированная осторожность посланника И.А. Зиновьева, на что и не преминул указать последнему в письме с тактичностью дипломата:

«Замечание г. обер-прокурора Святейшего Синода относительно нынешнего стесненного положения русских промышленников в Северной Норвегии, по мнению моему, заключает в себе не вполне правильный и отчасти преувеличенный вывод из сообщений Вашего Превосходительства и требует поправки. О последующем я буду иметь честь ожидать Вашего отзыва с возвращением прилагаемой бумаги»⁴¹⁴.

Однако ожидание затянулось на месяцы. 24 февраля (8 марта) 1895 г. Департамент внутренних сношений МИДа затребовал у И.А. Зиновьева сведений о судьбе поданной им записки, переданной им графу Левенгаупту. Потом прошло еще около полутора лет (!), и осенью 1896 г. отзыв о состоянии дела с разрешением на постройку православного храма в Вардэ, предельно краткий, наконец, достиг С.-Петербурга. «Разрешение вопроса этого замедлилось вследствие возникшего в 1894 г. в Норве-

⁴¹¹ Там же. Л. 19–21 об.

⁴¹² АВПРИ. Ф. 155. Оп. 445. Д. 27. Л. 35 об–36.

⁴¹³ Там же. Л. 36.

⁴¹⁴ Там же. Л. 23–23 об.

гии серьезного политического кризиса», – написал посланник⁴¹⁵. И все. Официального отказа дать согласие на строительство церкви в городе Вардё со стороны Швеции и Норвегии, насколько нам известно, так и не последовало. А то, что российский посланник не настаивал на получении ответа, вполне устроило шведско-норвежскую сторону.

Неприглядная, тянувшаяся с 1889 г. по 1896 г. бумажная возня представителей Министерства иностранных дел и Святейшего Синода закончилась ничем. В память о ней в Архиве внешней политики Российской империи осталась лишь небольшая стопка пожелтевших бумаг с перепиской чиновников.

6.5. «Желая сделать доброе дело»

В Архангельске, конечно же, ничего не знали о том, как столичные чиновники и российские дипломаты соревновались друг с другом в предупредительности по отношению к властям и общественности Швеции и Норвегии, дабы не испугать их в очередной раз придуманной в Великобритании «русской угрозой». Даже обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев – одиозная фигура царской бюрократии – в настоящем деле предстает совсем не в том виде, как привыкли воспринимать его историки. Он, например, готов был пойти на всевозможные самоограничения российской инициативы для «успокоения» норвежцев: сделать церковь «домашней», не в виде церковного здания, «но с помещением внутри дома, в коем устроено было бы временное жилище для священника временно же командированного» и лишь на период промыслового сезона⁴¹⁶.

Архангельский губернатор А.П. Энгельгардт вряд ли мог представить себе, всю «щекотливость» дела. Весной 1894 г. храм для Вардё начали строить «на шестой версте южнее Архангельска»⁴¹⁷ с таким расчетом, чтобы уже летом того же года возвести его в Норвегии. Все необходимые организационные и технические вопросы в Архангельске решались с удивительной быстротой.

2 (14) марта 1894 г. в Архангельской духовной консистории получили от купца С.Д. Лемяхова еще 3 000 руб. на строительство церкви в дополнение к 1 000 руб., переданной им ранее⁴¹⁸.

К 14 (26) марта стараниями губернатора А.П. Энгельгардта удалось решить вопрос со строевым лесом и пиломатериалами, найти подрядчика для строительства. В тот день губернатор написал Его Преосвященству, епископу Архангельскому и Холмогорскому Никанору:

⁴¹⁵ Там же. Л. 34–34 об.

⁴¹⁶ ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 3. Д. 1312. Л. 35–35 об.

⁴¹⁷ Там располагался завод А.Ю. Суркова и Е.И. Шергольда (сейчас – это лесозавод № 3 на территории г. Архангельска).

⁴¹⁸ ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 3. Д. 1312. Л. 11.

«Вследствие личных переговоров с Вашим Преосвященством относительно постройки православной церкви в Вардэ, я прежде всего, в видах возможного ускорения этого дела, вошел в соглашение с одним из местных владельцев лесопильных заводов, г. Шергольд, который, желая сделать доброе дело, согласился представить мне лесной материал, необходимый для постройки храма в Вардэ уже в готовом виде из имеющихся у него при лесопильном заводе запасов собственного леса с тем, чтобы в возврат последнего отдан был ему потом лесорубный билет на те 660 бревен, которые мною вместе с сим испрашиваются к беспошлинному отпуску на эту постройку. Затем относительно самой постройки я условился с плотником крестьянином Соломбальской волости Митрофаном Михайловым Антоновым, работавшим ранее у губернского архитектора Крауспа в Екатерининской гавани на Мурмане»⁴¹⁹.

Его Преосвященство согласился с предложениями губернатора и препроводил ему 550 руб. на первоначальные расходы по постройке церкви из пожертвованных С.Д. Лемяховым денег⁴²⁰. К 21 марта (2 апреля) деньги губернатором были получены⁴²¹. Тогда же, в конце марта – начале апреля определился внешний вид будущей церкви, утвержден необходимый план⁴²².

В использованном нами деле Государственного архива Архангельской области сохранилась копия договора, заключенного в марте⁴²³ архангельским губернатором А.П. Энгельгардтом с упомянутым выше крестьянином М.М. Антоновым.

Согласно договору, М.М. Антонов брал на себя обязательство построить церковь к 1-му июня 1994 г. из представленного ему лесного материала по утвержденному плану при заводе Шергольд на берегу реки Двины. Затем, силами своих рабочих, разобрать ее и погрузить на пароход, который должен подойти к самому месту постройки, а после выгрузить и вновь собрать ее «в г. Вардэ или в иной какой-либо местности, согласно указанию начальства». В число обязательных для М.М. Антонова работ входили все плотничные, столярные и кровельные работы, за которые он должен был получить 900 руб. (в том числе 550 руб. – «за постройку церкви в совершенно готовом виде с дверями

⁴¹⁹ Там же. Л. 15–15 об.

⁴²⁰ Там же. Л. 18–18 об.

⁴²¹ Там же. Л. 19.

⁴²² История с чертежами, планами церкви несколько запутана (См.: ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 3. Д. 1312. Л. 20, 21). Известно, что епископу Никанору еще в январе 1894 г. Архангельской Духовной Консисторией были представлены шесть проектов церквей «в руководство при составлении плана на постройку церкви в Норвегии». 31 марта (12 апреля) 1894 г. епископ Никанор вернул их обратно за ненадобностью, указав, что «для церкви в Варде приготовлен план самостоятельный». Этот план составил губернский архитектор Краусп, согласно переданному ему специально чертежу от губернатора А.П. Энгельгардта. А вот что это был за чертеж и где его взял сам А.П. Энгельгардт, нам остается неизвестным. Возможно, об этом знают специалисты по истории архитектуры Архангельска?

⁴²³ Точная дата в копии не указана.

и рамами» и 350 руб. – за сбор и установку церкви в назначенном месте). Содержание рабочих возлагалось на М.М. Антонова, проезд его и рабочих к месту установки церкви на пароходе должен был быть для них бесплатным. За губернатором оставалось право, в случае обнаружении неисправностей в работе, нанять для их устранения своих рабочих за счет М.М. Антонова⁴²⁴.

Иконостас за 500 руб., без установки на место, взялся изготовить мастер Дмитрий Дмитриевич⁴²⁵ Терентьев. 16 (28) мая епископ Никанор распорядился о выдаче ему задатка в размере 100 руб.⁴²⁶ В августе выполненную работу освидетельствовала комиссия, в состав которой входил протоиерей Архангельского кафедрального собора Захария Колчин. Иконостас был устроен согласно проекту, из сухого соснового дерева, окрашен и покрыт белым лаком; колонны, резьба, царские врата и прочие украшения вызолочены червонным золотом. Вообще работа «произведена прочно, чисто и отчетливо без всяких недостатков». Над царскими вратами вместо предположенной надписи в арке «Господи спаси и помилуй» по предложению епископа Никанора была сделана надпись: «Сия врата Господня», вместо крестов под местами, назначенными для икон, сделаны «звезды в четырех местах». Обратная сторона иконостаса выкрашена свинцового цвета белилами⁴²⁷.

Почти одновременно с началом изготовления иконостаса живописец Дмитрий Капитонович⁴²⁸ Катинов взялся за написание икон. В сентябре он закончил работу, за которую получил 200 руб. Член Консistorии священник Илия Легатов, по освидетельствовании «икон, писанных мастером Катиновым для церкви, предположенной к постройке в г. Вардэ», пришел к следующему заключению:

«(...) Всех икон для этой церкви написано шесть, именно: 1, Спасителя, 2, Божьей Матери с Предвечным Младенцем, 3, Александра Невского, 4, Архангела Михаила, 5, Николая Чудотворца и 6, Апостола Никанора. Доски для сих икон по-видимому приготовлены из хорошо просушенного дерева. Самые изображения писаны хорошими красками, в духе православной церкви, отделаны чисто. Из икон в художественном отношении особенно хороши: 1, Святителя Николая, 2, Александра Невского и 3, Апостола Никанора. Прочие иконы хороши, но изображенные на них лица не отвечают требованиям художества в том отношении, что на них положены тени слишком густые и при том не вполне соблюдена пропорциональность в частях. Для выдачи денег за иконы мастеру с своей стороны не нахожу препятствий»⁴²⁹.

⁴²⁴ ГАО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 3. Д. 1312. Л. 48–49.

⁴²⁵ В соответствии с правилами орфографии того времени отчество его везде в документах указывается как «Дмитриев».

⁴²⁶ ГАО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 3. Д. 1312. Л. 22–22 об.

⁴²⁷ Там же. Л. 37–38, 41–42.

⁴²⁸ В оригинале отчество указано как «Капитонов».

⁴²⁹ ГАО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 3. Д. 1312. Л. 44–44 об.

К 11 (23) июня кузнечный мастер Давыд Николаевич⁴³⁰ Яковлев изготовил различные железные изделия для церкви (угольники, скобы, крючки, костыли, гвозди и пр.) на сумму 67 руб. 80 коп. и общим весом в 15 пудов 30 фунтов. Губернский архитектор Краусп, осмотрев их, засвидетельствовал, что «изделия изготовлены прочно и стоимость их умеренная»⁴³¹. В июле Д.Н. Яковлев кроме того изготовил еще шесть решеток для окон общим весом в 9 пудов 11 фунтов⁴³².

Церковь в разобранном виде можно было бы перевезти в Вардё уже в конце навигации 1994 г. Технически это не составляло никаких сложностей. Всё было готово.

6.6. «Я отвечал полным отрицанием»

В 1894 г. на Русском Севере побывал министр финансов Сергей Юльевич Витте – сторонник строительства на Мурмане крупнейшей военно-морской базы России. Значение этой поездки для экономического и культурного развития Русского Севера трудно переоценить.

Во многом благодаря поддержке С.Ю. Витте за сравнительно короткий промежуток времени (1894–1899 гг.) царскому правительству удалось осуществить целый ряд разнообразных мероприятий, которые до этого обсуждались годами. В большинстве своем мероприятия были направлены на развитие транспорта и связи на Русском Севере, отечественных научно-промысловых исследований Арктики. Приоритетное внимание уделялось Мурманскому побережью, где С.Ю. Витте предполагал основать крупный военный и коммерческий порт, соединенный железной дорогой с центральной частью России.

В поездке по Северу министра финансов сопровождал архангельский губернатор А.П. Энгельгардт. Чиновники посетили также и норвежский город Вардё. Русский консул В.А. Березников, встречавший их, обсудил с А.П. Энгельгардтом, среди прочего, и проблемы, связанные со строительством церкви.

«На вопросы мои, – написал потом В.А. Березников, – как предполагено обеспечить дальнейшее существование предполагаемого храма и из каких источников будут покрываемы расходы по содержанию оно-го, по ремонту, содержанию сторожа и т.д., г. губернатор объяснил, что относительно всего этого в Архангельске никаких решений не принято и что это есть уже дело будущих забот Духовного ведомства.

Из разговора с д.с.с. Энгельгардтом и с лицами, его сопровождавшими, я получил то впечатление, что в Архангельске сознаются ныне неудобства слишком поспешного приведения в исполнение мысли о построении храма в Вардэ. Г. Энгельгардт спрашивал меня, между прочим,

⁴³⁰ В оригинале отчество указано как «Николаев».

⁴³¹ ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 3. Д. 1312. Л. 29–29 об.

⁴³² Там же. Л. 33–33 об.

как я полагаю, возможно ли послать разобрannую церковь в Вардэ ныне же, не дожидаясь получения королевского разрешения на покупку земли. На этот вопрос я отвечал полным отрицанием»⁴³³.

В общем, стало ясно, что в 1894 г., а, возможно, и в 1895 г. и в последующие годы церковь в Вардэ перевезти не получится.

6.7. «Так как доселе не дано разрешения на постройку церкви в Вардэ, то я прошу устроить таковую в Соломбале»

Вынесенное в заголовок предложение – полный текст письма!

Адресовано оно было Его Преосвященству, Преосвященнейшему Никанору, епископу Архангельскому и Холмогорскому. Подписано архангельским купцом С. Лемяховым. Датировано 9 (21) декабря 1894 г.

Как видно, С.Д. Лемяхов устал ждать разрешения норвежской стороны на возведение храма. Резолюция епископа Никанора оказалась гораздо длиннее:

«Бог да благословит благое желание жертвователя! Зная оное, я просил Думу об отводе места; Консистерия же благоволит назначить строительную комиссию из следующих лиц: полковника П.И. Васильева, священ. Е. Таратина, г.и.д.г.⁴³⁴ А.А. Колесова, Я.Е. Макарова и Д.М. Телятьева, кои изберут из себя председателя и делопроизводителя. Церковь имеет быть приписною к Соломб. собору, причт коего, по освящении новой церкви рассудит: кому, когда и на каких условиях служить в новой церкви. 1894 г. Декабря 10»⁴³⁵.

Согласно этой резолюции был подготовлен соответствующий Указ Архангельской Духовной Консистерии от 16 (28) декабря 1894 г. за № 10712.

А.А. Колесов отказался участвовать в работе строительной комиссии за неимением времени, Е. Таратин, Я.Е. Макаров и Д.М. Телятьев согласились и предложили избрать председателем ее полковника Петра Ивановича Васильева⁴³⁶. В течение зимы 1894–1895 гг. строительная комиссия занималась определением точного места для будущего храма и оформлением необходимых документов. Постановление Архангельской городской думы «об уступке» городом места под постройку церкви на пожертвованные С.Д. Лемяховым деньги на набережной в Соломбале, подготовленное в конце 1894 г., губернатор А.П. Энгельгардт отказался утвердить «за неточным указанием в оном отведенного Думою для сказанной надобности места». Губернатор обратил внимание членов строительной комиссии, что церковь может оказаться вне

⁴³³ АВПРИ. Ф. 155. Оп. 445. Д. 27. Л. 25–25 об.

⁴³⁴ Имеется виду «господин исполняющий должность городского» головы.

⁴³⁵ ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 3. Д. 1312. Л. 51.

⁴³⁶ П.И. Васильев был директором маяков и лоции Белого моря.

городских кварталов, и тогда потребуется внесение изменения в план города. А для внесения изменения в план, в свою очередь, нужно будет испрашивать разрешение министра внутренних дел⁴³⁷. Но разрешение министра не потребовалось. Как видно из специально изготовленного плана, здание будущего храма полностью помещалось в одном из городских кварталов⁴³⁸, «не выступая ни на улицу, ни на набережную»⁴³⁹.

Илл. 6.7. Архангельск. Соломбала. Набережная. 1880-е гг.

Фото Я. Лейцингера. Из фондов Архангельского областного краеведческого музея.

Светлое здание на фотографии – англиканская церковь. Церковь И. Рильского еще не построена.

Примечательно, что на плане, представленном строительной комиссией в Архангельскую Духовную Консисторию вместе с сопроводительным письмом от 13 (25) апреля 1895 г., пожалуй, впервые церковь названа «во имя Св. Иоанна Рильского» (ранее писали: «церковь для города Вардэ», «церковь для Норвегии» или «церковь на пожертвованные С.Д. Лемяховым деньги»). Хотя, судя по косвенным данным, вопрос о названии церкви, мог быть решен еще в конце 1894 г. На это указывает дополнительный заказ на иконы для строящейся церкви, данный мастеру Д. Катинову от епископа Никанора. Заказ предусматривал написание двух икон: первой – во имя Св. мученика Савина и преподобного Алексия человека Божия, и второй – во имя преподобного Иоанна Рильского (за 50 и 30 руб. соответственно). К 16 (28) декабря Д. Катинов

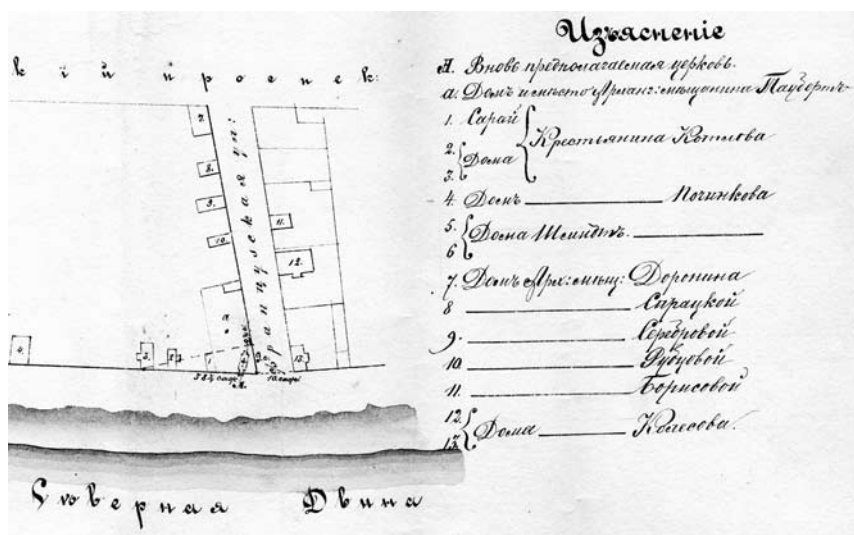
⁴³⁷ ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 3. Д. 1312. Л. 65–65 об.

⁴³⁸ Там же. Л. 68–68 об., 68а.

⁴³⁹ Там же. Л. 70 об.

Илл. 6.8. Архангельск. Соломбала. Набережная. Конец XIX в.
 Фото Я. Лейцингера. Из фондов Архангельского областного краеведческого музея.
 На фотографии видна англиканская церковь (второе здание справа) и, в удалении, церковь Иоанна Рыльского.

Илл. 6.9. «План части г. Архангельска с показанием места в 3-й части г. Архангельска на котором и предполагается построить церковь во имя Св. Иоанна Рыльского». Фрагмент плана. 1895 г.

ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 3. Д. 1312. Л. 68 а.

Французская улица в настоящее время называется улицей Челюскинцев.

завершил работу⁴⁴⁰; священник Архангельской Духовной Консигории Илия Легатов 17 (29) декабря освидетельствовал и одобрил ее⁴⁴¹.

7 (19) июня 1895 г. епископ Никанор совершил освящение места, отведенного под устройство церкви. При большом стечении народа, преимущественно из жителей Соломбалы, состоялась закладка храма. В последующие дни рабочие выкапывали канавы, вбивали сваи и возводили фундамент. Церковь в разобранном виде была перевезена к месту постройки; материал сложили в штабеля⁴⁴².

6.8. «При внезапно вспыхнувшем пожаре» и после него

17 (29) июня рабочие старательно возводили фундамент под будущую церковь. За несколько часов, с утра и до обеда, успели забить очередные семь свай. А потом, в одной из частных построек с северной стороны, поблизости от места строительства начался пожар. Весь запас лесного материала – фактически готовая церковь в разобранном виде – и забор, ограждающий стройку, сгорели «несмотря на все принятые меры». Уцелели лишь восемь деревянных брусьев разной длины, тридцать досок для изготовления полов, лежавшие несколько в стороне от горящих строений, а также запас извести и камня для кладки фундамента⁴⁴³.

Удивительно, но члены строительной комиссии, составив акт об осмотре оставшихся материалов, не нашли «причин к прекращению работ», и решили их продолжить «согласно утвержденному проекту»!⁴⁴⁴

Но еще более удивительную реакцию на случившееся мы видим в рапорте благочинного церковей города Архангельска протоиерея Захарии Колчина, направленном в Архангельскую Духовную Консигорию 18 (30) июня. «Волей Божьей, через сгорение домов, которые были стары и неблагообразны, для строящегося Храма Божия открылась площадь пространная: первое, для устройства ограды церковной, а второе, для строений, необходимых для церкви»⁴⁴⁵.

На основе рапорта З. Колчина Консигория подготовила доклад епископу Никанору. Его Преосвященство поставил резолюцию: «Остается просить в новой помощи Савина Д. Лемяхова, предав на волю Божию дело его»⁴⁴⁶.

⁴⁴⁰ Там же. Л. 55.

⁴⁴¹ Там же. Л. 56.

⁴⁴² Колчин З. Новая церковь в Соломбале // Архангельские епархиальные ведомости. 1897. № 1. Часть неофициальная. С. 22.

⁴⁴³ ГАО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 3. Д. 1312. Л. 81–81 об.

⁴⁴⁴ Там же. Л. 81 об.

⁴⁴⁵ Там же. Л. 79.

⁴⁴⁶ Там же. Л. 82.

Савин Лемяхов был в это время тяжело болен. Он согласился вновь закупить недостающий материал для строительства. И даже предварительно договорился с новым подрядчиком – крестьянином Шенкурского уезда Петром Матвеевым Скрозниковым, готовым завершить работы. Однако в то же самое время председатель строительной комиссии полковник П.И. Васильев уже поручил ведение работ другому подрядчику – норвежскому подданному Адольфу Захаровичу Виклюнду⁴⁴⁷. Из сохранившихся архивных документов неясно – чем был обусловлен выбор нового подрядчика и почему он был сделан строительной комиссией не только без согласования с главным благотворителем, но даже без учета его пожелания. И почему А.З. Виклюнд поспешно приступил к работе, еще до того, как были урегулированы все формальности. И почему суммы на подряд, предлагавшиеся его конкурентом – П.М. Скрозниковым – в документах указаны разные, то 1200 руб., то 2000 руб.⁴⁴⁸

Больной С.Д. Лемяхов не стал спорить со строительной комиссией о том, кому быть подрядчиком и о том, насколько обоснованы новые суммы, которые он должен пожертвовать. Он выделил требуемые средства и умер 27 сентября (9 сентября) 1895 г.

Между прочим, Савин Данилович был главным, но не единственным человеком, пожертвовавшим свои деньги на церковь И. Рыльского. Председатель строительной комиссии Петр Иванович Васильев пожертвовал 500 руб.; кронштадтский протоиерей отец Иоанн – 100 руб. (то самый, впоследствии известный всей России, Иоанн Кронштадтский!), архангельский купец Яков Макаров – 141 руб. 86 коп.⁴⁴⁹

Сумма последнего пожертвования выглядит несколько необычно. Дело в том, что Я.Е. Макаров представил в строительную комиссию счет на 741 р. 86 к. – за то, что нанятые им рабочие в период с 5 июня по 19 июля по ст. стилю устроили забор вокруг стройки, амбар, будку для караульщика; выкопали ров, забили сваи, очистили место после пожара и т.п.⁴⁵⁰ При расчете Я.Е. Макаров, видимо, решил ограничиться «круглой» суммой в 600 руб., отказавшись от причитающихся ему оставшихся сверх того денег и став, таким образом, благотворителем.

⁴⁴⁷ Адольф Виклюнд принадлежал, по выражению историка Е.И. Овсянкина, к «последней волне» иностранцев, поселившихся в Архангельске во второй половине XIX в. О нем сохранилось сравнительно немного сведений. Гораздо более известен историкам его сын – Арнольд, родившийся в Архангельске, женившийся на русской женщине, но не принявший российского подданства. Он долгое время был секретарем норвежского консульства в Архангельске, с 1937 г. исполнял обязанности норвежского консула, в мае 1938 г. выехал из города. Именем его воспользовались в 1937 г. архангельские органы НКВД в т.н. «Деле норвежского консула Виклюнда», по которому было репрессировано более 60 архангелогородцев, имевших с ним какие-либо контакты; часть из них была расстреляна в 1938 г. Подробнее см., например: *Овсянкин Е.И. Архангельск купеческий*. Архангельск, 2000. С. 201–202, 239–240, 456.

⁴⁴⁸ ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 3. Д. 1312. Л. 84 и 88.

⁴⁴⁹ Там же. Л. 116.

⁴⁵⁰ Там же. Л. 115–116.

К концу 1895 г. А.З. Виклюнд выполнил все работы по подряду. 20 декабря 1896 г. (1 января 1896 г.) строительная комиссия при участии инженера капитана Никитина произвела их освидетельствование и нашла их «исполненными в полном количестве, прочно, из доброкачественных материалов и во всем согласно утвержденному чертежу»⁴⁵¹.

Следующий этап в истории церкви И. (между завершением ее строительства «вчерне» и до освящения ее) был весьма непростым. Между вдовой главного благодателя строительства храма С.Д. Лемяхова – Елизаветой Петровной Лемяховой и Архангельской Духовной Консistorией возникли крайне напряженные отношения, связанные с разницей во взглядах на дополнительное финансирование церкви. Здесь мы не рассказываем об этом⁴⁵².

6.9 «Величественное зрелище»

Освящение церкви Иоанна Рыльского было совершено 17 (29) ноября 1896 г.

Накануне, при многочисленном стечении молящихся, было совершено всенощное бдение благочинным градских церквей в сослужении

Илл. 6.10. Архангельск. Соломбала. Набережная. Начало XX в.

Почтовая открытка из фондов Архангельского областного краеведческого музея.

⁴⁵¹ Там же. Л. 128.

⁴⁵² Эта конфликтная ситуация подробно описана здесь: Матонин В.Н., Колебакина Е.Ю., Селянина С.Б., Давыдов Р.А. Благотворительность на Архангельском Севере в прошлом и настоящем. Архангельск: Поморский университет, 2008. С. 102 – 108.

Илл. 6.11. Архангельск. Соломбальская гавань. Начало XX в.
Почтовая открытка из фондов Архангельского областного краеведческого музея.

священника Соломбальского Собора Иоанна Иванова и того ж Собора диакона. Пели соборные певчие, отцом Ивановым было сказано «назидательное слово». Во время богослужения вокруг церкви горели плошки и развевались распущенные флаги.

С раннего утра 17 (29) ноября, народ стал собираться в церковь. Люди прибывали не только из Соломбалы, но и из ближайших «заречных» деревень. Преосвященный Иоанникий, прибыв в церковь в половине 10-го часа утра, приступил к совершению священнодействия. Сослужащими его были ключарь Кафедрального собора протоиерей Никандр Грандилевский, благочинный градских церквей протоиерей Захария Колчин, священник Соломбальской кладбищенской церкви Павел Леонтиевский и священник Соломбальского собора Иоанн Иванов.

Погода благоприятствовала торжеству. «Крестный ход вокруг новоосвящаемой церкви, совершенный Преосвященным, несшим святые мощи, в сопровождении духовенства и множества народа с горящими в руках свечами, представлял величественное зрелище», – написал потом благочинный протоиерей З. Колчин в «Архангельских епархиальных ведомостях»⁴⁵³. Многие из молящихся первый раз в жизни присутствовали при освящении церкви. Желавших помолиться было так много, что и половина их не поместилась в церкви и окружала ее снаружи.

Вслед за освящением церкви «совершена была в ней Преосвященным Архипастырем в сослужении упомянутых священнослужителей божественная литургия». Литургия закончилось около 2-х часов дня.

⁴⁵³ Колчин З. Новая церковь в Соломбале... С. 24.

«Те, которые стояли на улице, приходили в церковь взамен выходивших, ставили свечи, молились и целовали святые иконы. В течение дня на колокольне производился трезвон до начала вечера»⁴⁵⁴.

6.10. «Для молебствия была выбрана большая зала в гостинице»

В конце XIX – начале XX в. появление русской православной церкви в Вардё было бы вполне уместным. Вот выдержка из донесения, подготовленного российском консулом в Вардё 11 (24) мая 1902 г.:

«День Св. Николая, святого, наиболее чтимого нашими поморами, был отпразднован здесь ныне торжественнее, чем в прошлые года. Именно, по желанию находившихся в Вардэ русских много было написано настоятелю Печенгского монастыря письмо с просьбою о присылке, буде возможно, монаха для совершения молебствия. Архимандрит Ионафан с обычною отзывчивостью, прислал монастырского казначея, иеромонаха Порфирия с послушником, невзирая на крайне плохое сообщение между монастырем и местом остановки парохода Мурманского общества в Печенгской губе. Монахам пришлось несколько верст ехать по береговому [слово неразборчиво – *Р.Д.*] льда на оленях, постоянно проваливаясь во льду и подтаявшем снегу.

Накануне праздника были оповещены все находившиеся в Вардэ русские и купцы норвежские, имеющие русских рабочих о часе начала службы утром 9-го, для молебствия была выбрана большая зала в гостинице (Vardö Hotel). Так как рядом с этою залю временно помещается недавно прибывший сюда вновь назначенный полицмейстер города, то я счел необходимым предупредить его об имеющем быть молебствии, прибавив к сему, что ввиду малой приспособленности комнаты в отеле мною не приглашены власти города, но, что если бы он пожелал почтить своим присутствием службу, то мы все были бы этому очень рады.

За полнейшим отсутствием рыбы, распуганной тюленем, как судовые команды, так и почти все жившие в городе русские рабочие могли, ввиду безработицы, явиться в импровизированную церковь, где, таким образом, набралось более 120 человек православных. Явился также и полицмейстер, с большим интересом выстоявший во все время службы, которая произвела на него самое лучшее впечатление благодаря стройному пению хора, составившегося из поморов. После службы многие русские выражали снова желание иметь постоянную церковь в Вардэ. По словам русских, давно из года в год посещающих Вардэ, это первое на их памяти православное служение в этом крае»⁴⁵⁵.

⁴⁵⁴ Там же.

⁴⁵⁵ АВПРИ. Ф. 155. Оп. 445. Д. 27. Л. 37–38.

В 1860-х гг. норвежские власти начали реализацию серии мероприятий, направленных на усиление присутствия этнических норвежцев на пограничных территориях. В историографии они известны как «норвегизация» или «политика норвегизации».

Данная политика, среди прочего, предусматривала и строительство церквей в Финнмарке, вблизи границы с Россией. Принято считать, что эту идею впервые высказал и обосновал в 1861 г. капитан-лейтенант Северин Андреас Хейердал, побывавший на российско-норвежской границе с инспекционной поездкой. Он обратил внимание на религиозность русских лопарей и поморов, уважающих объекты культа. С.А. Хейердал предложил правительству возвести в устье р. Ворьема норвежскую церковь, которая в дополнение к пограничным знакам должна была обозначить своего рода религиозный и культурный барьер между Норвегией и Россией. Идея получила поддержку и финансирование. В 1869 г. каменная церковь была построена в устье реки в окрестностях Киркенеса; в 1874 г. она получила имя короля Оскара II. В 1902 г. еще одна норвежская церковь была построена в Нейдене⁴⁵⁶.

Возведение же православной церкви на Севере Норвегии не удалось, главным образом, из-за отсутствия заинтересованности в этом у Министерства иностранных дел и Святейшего Синода России, но отнюдь не из-за прямого противодействия этому норвежской стороны.

Решение собрать и установить уже готовое здание церкви не в Норвегии, а в Архангельске было в значительной степени вынужденным, принятым поспешно и без соблюдения всех необходимых формальностей.

Небольшой и изящный православный храм, появившийся на берегу Северной Двины при довольно необычных и неблагоприятных обстоятельствах, просуществовал сравнительно недолго. Его разобрали в годы Советской власти.

⁴⁵⁶ Зайков К.С., Тамицкий А.М. Лопарские промыслы в истории российско-норвежского пограничья 1855–1900 гг. // Былые годы. 2017. Т. 45. Вып. 3. С. 919.

Глава 7

Русские в Киберге

Об условиях труда и быта поморов в норвежском селении Киберг во второй половине XIX в. писали Генрих Адольф Мехелин (Henrik Adolf Mechelin) и Дмитрий Николаевич Бухаров. Первый с 1850 по 1869 гг. был генеральным консулом России в Норвегии, второй служил консулом в Финнмарке в 1881–1885 гг. Работа Д.Н. Бухарова⁴⁵⁷ хорошо известна специалистам по истории российско-норвежских отношений, но газетная статья Мехелина⁴⁵⁸ до недавнего времени находилась вне научного оборота и не цитировалась⁴⁵⁹.

О русских в Киберге в общих чертах рассказано в монографии, недавно изданной в Норвегии и России⁴⁶⁰. Однако в монографии не получила достаточного освещения деятельность медиков Российского общества Красного Креста, ежегодно командированных в Киберг с 1882 по 1913 год включительно. Также нет внятных объяснений причин отправки этого отряда именно в Киберг, а не в какой-либо другой населенный пункт Норвегии. Данная глава дает общее представление о бытовых условиях и состоянии здоровья русских рыбаков на севере Норвегии в XIX – начале XX вв. вообще и в селении Киберг в особенности, а также о деятельности российских медиков в Киберге.

Селение Киберг русские посещали еще в XVI в. На это указывали сделанные кириллицей записи, замеченные в местной церкви в 1599 г.

⁴⁵⁷ Бухаров Д.Н. Русские в Финмаркене: I. Меновая торговля. II. Поморские промыслы в Киберге. СПб., 1883.

⁴⁵⁸ Мехелин. О рыбном промысле и торговле русских в норвежском Финмаркене // Северная почта. 1866. 8 (20) декабря.

⁴⁵⁹ Давыдов Р.А. Российский генеральный консул в Норвегии Г.А. Мехелин, его наблюдения и предложения, касающиеся Мурман и Северной Норвегии (1850–1860-х гг.) // Живущие на Севере. Вып. 2. Мурманск, 2012. С. 20–30.

⁴⁶⁰ Russland kommer nærmere. Norge og Russland 1814–1917 / J.P. Nielsen (red.), P. Mankova (bilered). Oslo, 2014. S. 77, 448–450, 453–456; Давыдов Р.А., Зайков К.С., Карелин В.А. и др. Сближение: Россия и Норвегия в 1814 – 1917 годах / Под ред. Й.П. Нильсена. Пер. с норв. М., 2017. С. 76, 501–504, 507–511.

во время путешествия датско-норвежского короля Кристиана IV. Возможно, с тех времен среди русских поморов получили распространение свои варианты написания и произношения норвежских топонимов, в том числе и относящихся к названиям населенных пунктов: Киберг (Kiberg) – Бирка; Вадсё (Vadsø) – Васино; Вардё (Vardø) – Варгав или Варгаев. К середине XVIII в., а, возможно, и раньше Киберг фактически стал сезонным поморским становищем, очень похожим на такие же становища Мурманского берега. В нем были устроены амбары, бани, хлебопекарни. Каких-либо сведений, указывающих на агрессивность русских по отношению к местному населению, нами не обнаружено. Конфликтные ситуации если и были, то почти никогда не выходили за границы бытовых ссор или спорных ситуаций на промыслах. Местные норвежские власти, наблюдавшие за рыболовством и меновой торговлей русских, в целом не препятствовали этой деятельности.

В эпоху наполеоновских войн русское влияние в Финнмарке заметно увеличилось благодаря увеличившимся поставкам туда хлебных грузов из России. Произошло это следующим образом. В ходе англо-датской войны 1807–1814 гг., известной также как «война канонерок» (Gunboat War, Kanonbådskrigen), королевский флот Великобритании препятствовал движению торговых судов между Данией и Норвегией, объединенных унией. Это привело к нехватке продовольствия в Норвегии; количество умерших от голода в 1808 и 1809 гг. там исчислялось тысячами⁴⁶¹.

Россия также находилась в состоянии войны с Великобританией с 26 октября (7 ноября) 1807 г. по 6 (18) июля 1812 г. Поэтому в 1807 г. датско-норвежский посланник при дворе русского императора Александра II Отто фон Блом⁴⁶² добился от российских властей разрешения на закупку продовольствия для помощи Норвегии. Это было своего рода исключение, поскольку годом ранее экспорт зерновых из России через балтийские и беломорские порты был официально прекращен. В ходе переговоров и переписки было определено, что продовольствие будут доставляться в норвежские порты из Архангельска через Белое море вдоль Мурманского берега⁴⁶³. Архангельский купец первой гильдии Василий Попов, представлявший торговый дом «Алексей Попов и сыновья», обязался поставить в Норвегию 18 тыс. четвертей ржи. В 1808 г. 28 судов благополучно доставили этот груз в норвежские порты. К поставкам хлеба в Норвегию русские власти привлекли и Беломорскую компанию, основными занятиями которой было рыболовство и зверобойные промыслы. В 1809 и 1810 гг. поставки муки в Норвегию

⁴⁶¹ История Норвегии. М., 1980. С. 241–243.

⁴⁶² В российской и советской литературе фамилия иногда указывается как Бломе. Граф Отто фон Блом ауф Хейлигенштедтен (Otto Lehnsgraf von Blome auf Heiligenstedten был посланником Дании в России в 1804–1812 гг., затем 1815–1824 гг. См.: Корсакова Н.Л., Носков В.В. Списки дипломатического корпуса в Санкт-Петербурге, 1835 г. (по материалам РГИА) // Петербургский исторический журнал. 2015. № 4. С. 199–200.

⁴⁶³ Worm-Müller J.S. Norge gjennom nødsårene. 1807-1810. Christiania, 1918. S. 189, 191.

торговым домом Поповых⁴⁶⁴ и Беломорской компанией продолжились, причем объем поставок постоянно увеличивался⁴⁶⁵. Известность получил подвиг команды одного из судов, занятых в поставке продовольствия в Норвегию. Мещанин из уездного города Колы Архангельской губернии М.А. Герасимов в 1810 г. вместе с членами своей команды сумел отбить свое судно от англичан и более того – сдать незадачливых английских каперов коменданту норвежской крепости Вард⁴⁶⁶.

В 1810 г. жители уездного города Колы, а в 1811 г. – уездного города Кеми (фактически и соответствующих уездов Архангельской губернии) получили право на ежегодный вывоз в Северную Норвегию до 2000 четвертей ржаной муки от каждого города для обмена его на рыбу. Указы императора Александра I давали право на поставку «жизненных припасов» в Норвегию не только купцам, но и «всем вообще без различия состояний». Именно с этих лет поморы (пока лишь некоторые из них и в ограниченном объеме) получили право самостоятельно, без посредничества купцов и торговых домов, официально совершать рейсы в Норвегию для обмена товаров. И именно в годы окончания эпохи наполеоновских войн, в 1808–1812 гг. сформировалась и получила юридическое оформление система, впоследствии названная историками «поморской торговлей». Русские поморы в эти годы упрочили свое присутствие на севере Норвегии, чему способствовало не только отсутствие охраны государственной границы между Россией и Норвегией, но и вообще границы как таковой до 1826 г.

7.1. Военно-морские силы Норвегии против поморов

После окончания эпохи наполеоновских войн терпимое отношение к русским поморам на севере Норвегии резко изменилось. Дания вынуждена была отказаться от континентальной части Норвегии и по Кильскому договору 1814 г. передать ее Швеции. Внешняя политика объединенных унией королевств Швеции и Норвегии стала исключительной прерогативой Министерства иностранных дел Швеции,

⁴⁶⁴ В 1812 г. купец Василий Попов передал 5 тыс. рублей на нужды ополчения – сумму значительную по тем временам даже для состоятельного купца. За свою жизнь он профинансировал и организовал строительство более 200 морских судов. Умер в 1847 г. в С.-Петербурге. См.: *Огородников С.Ф.* Очерк истории города Архангельска в торгово-промышленном отношении. СПб., 1890. С. 267-270.

⁴⁶⁵ Подробнее о снабжении Норвегии хлебом через порты Архангельской губернии см.: *Алимова Т.А.* Русская крестьянская торговля с северной Норвегией (Первое десятилетие XIX века) // Скандинавский сборник. Т. XXII. 1977. С. 45–54; *Шрадер (Алимова) Т.* С торгом в Норвегу // Следопыт Севера. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1986. С. С.193–204; *Шрадер Т.А.* Торговые связи русского Поморья с Северной Норвегией, конец XVIII – начало XIX веков : диссертация... кандидата исторических наук: 07.00.02. Л., 1985; *Schrader T.A.* Pomor Trade with Norway // *Acta Borealia*. 1988. № 1/2. P. 111–118.

⁴⁶⁶ Подробнее см. главу 2 настоящей книги.

где были распространены русофобские и реваншистские настроения в отношении России.

В 1816, 1817 и 1818 гг. военно-морские силы Норвегии провели серию операций против русских поморов. Чтобы избежать возможного обвинения в тенденциозной подаче материала или выдергивании его из контекста приведу здесь с небольшими сокращениями довольно пространные цитаты из публикаций современных норвежских историков, чьи утверждения основаны на документах зарубежных архивов.

«После окончания наполеоновских войн в 1815 г. наступило время расцвета поморских промыслов и торговли в Северной Норвегии. Они стали настолько интенсивными, что норвежские власти летом 1816 г. посчитали необходимым ввести военные меры против поморов, которые развили слишком бурную деятельность в Финнмарке. (...) Теперь норвежский флот начал весьма сурово наводить порядок среди поморов в Финнмарке: военные походы предпринимались три лета подряд. Экспедиция 1816 г. была вообще первым военно-морским походом молодого норвежского флота; ее возглавляли старший лейтенант Х.К. Кристи, начальник береговой флотилии тронхеймского подразделения. У Кристи было в распоряжении два судна, канонерка «Аксель Турсен» и транспортный куттер. Девятнадцатилетний подпоручик Томас Конов⁴⁶⁷ командовал канонеркой.

Инструкция Военно-морской коллегии лейтенанту Кристи, подпоручику Конову и их подчиненным заключалась в том, что они должны были защищать право норвежского верховенства и юрисдикции в регионе, «не учитывая возможного превосходства противника». Прежде всего, поморы не должны были утвердиться на побережье Финнмарка с помощью избушек и рыбацких становищ. Когда экспедиция прибыла на Север, в Финнмарк, то обнаружила там множество таких рыбацких домиков. Кристи и Конов особенно поразились так называемому русскому городку в Киберге: как стало возможным создание русскими такого городка на норвежской земле, тем более поблизости от крепости в Вардхус? Поморам было предписано разрушить постройки до осени. То же касалось русских, которые находились в Хамнингберге, Вардё и Ботсфьорде. Драматическое противостояние наблюдалось в Ботсфьорде, когда его посетил «Аксель Турсен» и обнаружил, что с русскими постройками ничего не случилось. Русские пытались подкупить моряков хлебом и медовыми пряниками, но это ни к чему не привело. Сначала лейтенант Кристи высадил на сушу 28 человек, и «Аксель Турсен» направил свои пушки на поморские деревянные избушки, угрожая их разрушить»⁴⁶⁸.

Летом 1817 и 1818 гг. схожие по целям военно-морские операции норвежского флота в Финнмарке были продолжены. Вот, что писал

⁴⁶⁷ В публикациях на русском языке фамилия пишется как Конов или Коноу. В оригинале – Konoу.

⁴⁶⁸ *Russland kommer nærmere... S 68; Давыдов Р.А., Зайков К.С., Карелин В.А. и др. Сближение: Россия и Норвегия в 1814–1917 годах... С. 77.*

о «драматическом противостоянии в Ботсфьорде» Т. Кристиансен: «Вооруженная шхуна, и куттер изготовились к бою. Из носовой пушки был сделан предупредительный выстрел, орудия на обоих кораблях были заряжены снарядами, рассчитанными на поражение живой силы. Русские на следующий день так и не начали разбирать дома, прислав вместо этого на вооруженную шхуну делегацию из трех человек. Они попросили проявить снисходительность и принесли подарки — хлеб и пряники. Но старший лейтенант Кристи остался непреклонен. Не дождавшись сноса домов, в полдень он приказал высаживать десантный отряд из 28 человек, из которых половина имела оружие. Одновременно вооруженная шхуна навела свои орудия на русскую деревню. Лишь после этого русские послушались приказа и к шести вечера все дома были разобраны»⁴⁶⁹.

Приведенные выше две цитаты из работ современных норвежских историков не оставляют никакой двусмысленности в понимании происходящего. Норвежские военные моряки, угрожая применением силы, в том числе и пушками, вынудили русских рыбаков и торговцев снести постройки, возведению и эксплуатации которых норвежские же власти, в том числе и военные, не препятствовали на протяжении многих десятилетий. Вряд ли запугивание безоружных, не оказывавших никакого сопротивления людей, стрельбой из корабельных орудий можно назвать образцом воинской доблести, а отказ от русских пряников — примером редкой неподкупности. Но других поводов для гордости в истории норвежских военно-морских сил в те годы не случилось. Действия норвежского флота у берегов Финнмарка в 1816, 1817, 1818 гг. против русских стали весьма своеобразной и оперативной «благодарностью» поморам, лишь недавно на протяжении нескольких лет рисковавшим своим имуществом, здоровьем и жизнью при спасении населения Финнмарка от голода. С этого времени норвежские власти взяли курс на реализацию долговременной и последовательной политики, направленной на официальное ограничение деятельности рыбаков — подданных России⁴⁷⁰ (в том числе саамов) и вытеснение их с территории Норвегии.

⁴⁶⁹ Кристиансен Т. «Русские губят нас; они лишают нас средств к пропитанию...». Русско-норвежские отношения на Крайнем Севере до 1820 года // Русский сборник: Исследования по истории России / Ред.-сост. О.Р. Айрапетов, М. Йованович, М.А. Колеров, Б. Меннинг, П. Чейсти. Т. VIII. М.: Модест Колеров, 2010. С. 43–44; Kristiansen T. «Russerne ødelægge os; de berøve os vor Næring...». Norge og Rusland i nord til ca. 1820 // Historisk Tidsskrift. 1997. No. 1. S. 40–42.

⁴⁷⁰ Подробнее об изменениях в норвежском законодательстве в отношении русских рыбаков см.: Свод постановлений, извлеченных из законов Норвежского королевства и касающихся до рыбной ловли и торговли, производимых русскими промышленниками в портах и приморских губах Норвегии. Архангельск, 1871; Сборник норвежских узаконений, касающихся русских подданных по производству торговли и промыслов в Северной Норвегии / сост. А. Теттерман. СПб., 1883; Сборник норвежских узаконений касающихся торговли и промыслов русских подданных в Северной Норвегии / сост. О. Визель. СПб., 1909.

7.2. «Жилища промышленников в Киберге представляют тяжелую, надрывающую душу картину»

Несмотря на то, что норвежские власти вынудили россиян снести уже возведенные ими по берегам постройки и запретили в законодательном порядке им строить новые, поморы по-прежнему продолжали приходить в Норвегию для торговли и промыслов. В Киберге, одном из немногих разрешенных для русского рыболовства мест, поморов ежегодно собиралось больше, чем в других селениях Финнмарка. Для проживания во время промыслов поморы могли арендовать помещения у норвежских собственников. Продолжительность русских промыслов в Киберге обычно не превышала двух-трех месяцев весны – начала лета и зависела от наличия или отсутствия наживки, уловов, погодных условий. Потом поморы перемещались из Киберга на территорию России, на Мурманский берег, где продолжали промысел. Часть своего имущества, шняки они оставляли в Киберге до следующего года.

В 1866 г. русский генеральный консул в Христиании статский советник Генрих Адольф Мехелин совершил поездку в Финнмарк, чтобы на месте исследовать состояние рыбных промыслов и торговли. Его рапорт об этой поездке был частично опубликован в газете Министерства внутренних дел «Северная почта». Среди прочего, Г.А. Мехелин упомянул о бытовых условиях поморов в Киберге. На 4–5 (16–17) июля он застал в Киберге 26 русских судов, общая численность команд которых составляла около 150 человек, в том числе и около 30 подростков возрастом от 12 до 15 лет, которые использовались на вспомогательных работах. Увиденное ему не крайне понравилось: примерно треть рыбаков, в том числе и подростков, были больны цингой, оспой и другими болезнями; один из них умер в день приезда Г.А. Мехелина. Многие, особенно подростки, не меняли белья почти три месяца, у части из них вообще не было обуви. Г.А. Мехелин написал, что отдал распоряжение оказать нуждающимся медицинскую помощь и отправить их в близлежащий норвежский город Вардё, но к каким результатам это привело, он внятно не сообщил⁴⁷¹.

В начале 1880-х гг. условия труда и быта русских в Киберге описал консул Дмитрий Николаевич Бухаров. По данным Д.Н. Бухарова, на рубеже конца 1870-х – начала 1880-х гг. численность русских судов в Киберге (точнее – в местах стоянок их промысловых шняк – в т.н. Большой и Малой Бирках) варьировалась от 30 до 50. С учетом того, что команда каждой шняки состояла обычно из 3–4 человек, включая подростков, оказывалось, что Киберг ежегодно посещало от 150 до 200 человек из России. Это было сопоставимо с численностью норвежских рыбаков, занимавшихся промыслом у Киберга на 110–140 ёлах (по три человека на ёле)⁴⁷².

⁴⁷¹ Мехелин. О рыбном промысле и торговле русских в норвежском Финмаркене...

⁴⁷² Бухаров Д.Н. Русские в Финмаркене... С. 31.

Д.Н. Бухарова неприятно поразило состояние арендованных у норвежцев барачков, в которых разрешалось жить русским рыбакам, лишившимся своих изб после походов норвежского флота 1816–1818 гг.: «Жилища промышленников в Киберге представляют тяжелую, надрывающую душу картину. Сколоченные из трехдюймовых досок и покрытые дерном бараки длиною в десять, шириною в восемь шагов и вышиною до 1 ½ сажени (потолка), с дощатым полом, покрытым толстым слоем никогда не просыхающей слизистой грязи, переполненные несложными, но зловонными пожитками промышленников: мокрую одеждой, онучами, квашнями с кислым тестом, кадками с посоленной рыбой – все это делает атмосферу такого жилья совершенно невыносимую для непривычного человека. И в таком-то пространстве, и при таких условиях ютится на покрытых оленьими шкурами нарах, от 14 до 20 человек»⁴⁷³.

Надо заметить, что Д.Н. Бухаров был отнюдь не склонен к тому, чтобы безоговорочно принимать сторону соотечественников в проблемных ситуациях с норвежцами и использовать антинорвежскую риторику. Наоборот, он открыто симпатизировал Норвегии и норвежцам. В своих рапортах, письмах, сохранившихся в Архиве внешней политики Российской империи, а также в публикациях он почти с восторгом описывал импонирующий ему рационализм и успехи норвежских властей в освоении северных территорий. Но в Норвегии власти подозревали Д.Н. Бухарова в противоправной деятельности, а анонимный автор издававшейся в столице Норвегии газеты «Dagbladet» в 1882 г. обвинил его не больше ни меньше, как в подготовке захвата Россией Финнмарка и предостерег «истинных норвежцев» от общения с ним⁴⁷⁴.

Условия труда поморов на промыслах у норвежского Киберга мало отличались от условий труда на промыслах у становищ российского Мурманского берега. Но условия проживания, гигиена и состояние здоровья русских в Киберге были существенно хуже, чем на Мурмане из-за того, что норвежские власти лишили русских права строить и эксплуатировать там собственные избы, амбары и бани. На Мурмане русские рыбаки могли после тяжелого труда могли отдохнуть в т.н. станах – обогреться у печей, просушить одежду, приготовить горячую пищу. В норвежском Киберге многие из русских рыбаков были лишены даже этого минимального комфорта.

В апреле 1881 г. директор Департамента внутренних сношений МИД России барон Ф.Р. Остен-Сакен, ознакомившись с консульскими донесениями из Финнмарка, признал положение русских в Киберге «плачевным». Как было видно из донесений, даже в грязных, тесных и холодных бараках всем русским не хватало места. Поэтому многие из них вынуждены были жить на своих небольших промысловых судах, где не было кают, а, значит, не было никаких возможностей обсушиться и согреться, кроме как под импровизированным навесом из паруси-

⁴⁷³ Там же. С. 32.

⁴⁷⁴ АВПРИ. Ф. 155. Оп. 445. Д. 6. Ч. I. Л. 302–302 об.

Parti av Kiberg. Finnmarken

Илл. 7.1. Киберг. Финнмарк.

Почтовая открытка начала XX в.

Finnmark fylkesbibliotek. FBib.84046

URL: <https://digitaltmuseum.no/0210114468700/et-postkort-med-motiv-fra-kiberg-havna-med-bater-fastlandet-med-kai-i-bakgrunnen> (дата обращения 16.04.2025)

ны. Ф.Р. Остен-Сакен писал (видимо, цитируя одно из донесений) следующее: «Лов под Кибергом совершается при гораздо худших условиях, нежели на Мурмане. Не имея на чужом берегу своих станов, наши промышленники, промокшие на промыслах, возвратившись в гавань, вынуждены укрываться от холода, ветра и непогоды в своих шняках, растягивая в виде шатра парус и разводя, насколько позволяет пространство лодки, небольшой огонь»⁴⁷⁵.

Эта цитата – часть переписки, которую в 1881–1882 гг. вели между собой директор Департамента внутренних сношений МИД России барон Федор Романович Остен-Сакен и архангельский вице-губернатор князь Николай Дмитриевич Голицын, бывший одновременно и председателем Архангельского управления Общества Красного Креста. Частично эта переписка была опубликована⁴⁷⁶. В результате ее был принят ряд документов, позволивших России официально, с согласия норвежских властей, оказывать медицинскую помощь в норвежском селении Киберг силами и средствами ежегодно командированного из Архангельска на Мурман, на время рыбных промыслов, отряда Общества Красного Креста.

⁴⁷⁵ Отчет о средствах и деятельности архангельских учреждений Российского Общества Красного Креста за 1882 год. Архангельск: Губернская типография, 1883. С. 12–13.

⁴⁷⁶ Там же. С. 12–15

7.3. Деятельность Российского общества Красного Креста в Киберге. Первые опыты

«Не что иное, как опыт», – именно так в первые два года говорили о работе Российского общества Красного Креста на Мурмане (с 1881 г.) и в Киберге (с 1882 г.); и отношение к этой деятельности у заинтересованных лиц в России было соответствующим⁴⁷⁷. Однако, несмотря на изначальный скепсис организаторов этого дела и многочисленные трудности, с которыми пришлось столкнуться медикам в 1880-х гг., опыт оказался в целом успешным. Отряды Красного Креста отправлялись из Архангельска на Мурман вплоть до I мировой войны.

Изначально собственных средств у Архангельского местного Управления Общества Красного Креста, состоящих из кружечного сбора, сбора по подписным листам и других частных пожертвований, а также сумм, выручаемых от любительских спектаклей и концертов, было недостаточно. Но с 1882 г. по 1914 г. включительно «на врачебную помощь Красного Креста русским рыбопромышленникам под Кибергом, в Норвегии» по распоряжению МИД России стали выделяться по 500 рублей в год из сумм Государственного казначейства.

4 (16) марта 1883 г. по всеподданнейшему докладу министра финансов император Александр III высочайше повелеть соизволил отпустить из сумм Государственного Казначейства 2000 рублей в распоряжение Архангельского местного Управления Общества Красного Креста для организации врачебной помощи на Мурманском берегу. С 1885 г. пособие в размере тех же 2000 рублей на формирование санитарного отряда на Мурманский берег стало отпускаться ежегодно (по 1914 г. включительно) на основании высочайше утвержденного 9 (21) апреля 1885 г. мнения Государственного Совета «О временном устройстве сельской врачебной части в Архангельской губернии». Финансирование осуществлялось из сумм земского сбора, предназначенных на сельско-врачебную часть губернии⁴⁷⁸.

На практике вышеуказанные 500 и 2000 рублей не имели строгого назначения по отношению к месту их использования – в Киберге или в мурманских становищах соответственно; деньги воспринимались и использовались медиками как единая сумма для финансирования деятельности отряда и в Норвегии и в России.

К сожалению, российские власти не всегда понимали и понимают, что во многих случаях просто денег бывает недостаточно, чтобы реализовать тот или иной проект. Нужны люди, в идеале – высококвалифицированные и одновременно опытные. Но в Архангельской губернии, как и везде на окраинах «России, которую мы потеряли», медицинских

⁴⁷⁷ Там же. С. 29–35.

⁴⁷⁸ Там же. С. 11–12; Отчет Архангельского местного управления Общества Красного Креста о врачебной помощи на Мурмане и под Кибергом за 1883 год. Архангельск, 1883. С. 28, 33; ГААО. Ф. 5. Оп. 2. Т. 1. Д. 1281; ПСЗРИ-III. Т. V. № 2853. СПб., 1887. С. 137–138.

специалистов было ничтожно мало; их профессионализм и личные качества во многих случаях оставляли желать лучшего. В 1871 г. постоянный медицинский персонал Кемского уезда Архангельской губернии, сопоставимого по территории со всей территорией современной Белоруссии⁴⁷⁹, составляли лишь три фельдшера, три «числящихся по бумагам» оспопрививателя и 70-летняя повивальная бабка⁴⁸⁰.

Но люди нашлись. Первоначальный успех деятельности ежегодно командированных из Архангельска на Мурман и в Киберг отрядов Красного Креста в первой половине 1880-х гг. стал возможным благодаря главным образом двум людям: вице-губернатору князю Николаю Дмитриевичу Голицыну, бывшему одновременно председателем Архангельского местного управления Общества Красного Креста и вице-губернатором, и врачу Владиславу Ромуальдовичу Гулевичу.

Н.Д. Голицын сумел реализовать идею медицинской помощи рыбопромышленникам на Мурмане силами отряда Красного Креста вопреки бывшему тогда архангельским губернатором Модесту Маврикиевичу Кониару, считавшему инициативу вице-губернатора «большой ошибкой», затеянной «неосновательно и без надобности» и цинично заметившему, что «лекарства голодного не накормят, плохо одетого не согреют, тесной избы не расширят»⁴⁸¹.

В.Р. Гулевич вообще оказался в Архангельске против своего желания, под конвоем двух полицейских служителей. В 1877 г. земский врач В.Р. Гулевич, ранее окончивший Казанский университет и получивший свидетельство на степень лекаря, приговором Московской судебной палаты был присужден «к лишению всех особенных, лично и по состоянию присвоенных ему прав и преимуществ и ссылке на житье в Архангельскую губернию». Присяжные заседатели признали его виновным, хотя и заслуживающим снисхождения, в том, что «в бытность свою в 1874 г. гласным Макарьевского уездного по воинской повинности присутствия Костромской губернии, он, по соглашению с другими членами сего присутствия, принял в дар деньги за освобождение некоторых крестьян от призыва к исполнению воинской повинности». Не имея возможности легально заниматься медицинской практикой, ссыльный В.Р. Гулевич бедствовал; он «добровольно и безвозмездно» попросился в состав отряда Красного Креста, вероятно, чтобы сменить опостылевшую, граничащую с нищетой обстановку; в администрации Архангельской губернии не стали ему препятствовать. Министерства юстиции и внутренних дел, с которым завязалась переписка по поводу возможности командировки на Мурман ссыльного преступника

⁴⁷⁹ С 1859 по 1883 гг. в состав Кемского уезда входил и Кольский уезд с бывшим уездным городом Колой, ставшим «заштатным» после уничтожения его англичанами из корабельных орудий во время Крымской войны.

⁴⁸⁰ *Ульрих Ф.* Кемский уезд и рыбные промыслы на Мурманском берегу во врачебном и экономическом отношениях. СПб., 1877. С. 87.

⁴⁸¹ *Попов Г.П., Давыдов Р.А.* Мурман. Очерки истории края XIX - начала XX в. Екатеринбург: УрО РАН, 1999. С. 163–165.

В.Р. Гулевича, в т.ч. и на сопредельные с Норвегией территории (граница не охранялась) также не стали возражать, предоставив решение вопроса губернской администрации. В течение 12-летнего срока, с 1881 по 1993 гг. включительно, кроме 1891 г., В.Р. Гулевич работал на Мурмане и в Киберге – сначала под руководством врачей Дементьева и Искерского, а с 1883 года уже самостоятельно в качестве начальника отряда Красного Креста. Будучи помилованным, он остался жить и работать в Архангельске – по месту своей уже бывшей ссылки, издав, кстати, пару объемных книг посвященных Мурману. Лишь в 1893 г. после начавшихся проблем со здоровьем, В.Р. Гулевич, став на Русском Севере известным и уважаемым врачом, переехал в Калужскую губернию⁴⁸².

Непосредственный уход за больными в приемных покоях на Мурмане и в Киберге изначально возложили на сестер милосердия из послушниц Холмогорского Успенского женского монастыря: во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. они были обучены уходу за ранеными воинами и служили в полевых лазаретах. К началу 1890-х для некоторых из сестер, по преклонности лет и слабости здоровья, служба на Мурмане стала непосильной. Их пришлось постепенно заменять частными сестрами из обучавшихся уходу за больными в бесплатной лечебнице Общества Архангельских врачей⁴⁸³. В 1890 г. в Архангельске была учреждена и начала действовать Община сестер Красного Креста, которая, среди прочего, стала заниматься и оказанием медицинской помощи на Мурмане и в Киберге. Примечательно, что первой на должность «старшей» в Общине была назначена Анфиса Мефодиева – наиболее опытная сестра милосердия – бывшая послушница, затем монахиня Холмогорского Успенского женского монастыря, начинавшая свою службу в Обществе Красного Креста во время русско-турецкой войны. За усердную службу она была отмеченна знаком отличия Красного Креста 2-й степени, удостоена денежных и иных наград. Именно она стала первой сестрой милосердия из России в Киберге⁴⁸⁴.

В 1882 г., как и в последующие годы, персонал приемного покоя Российского общества Красного Креста в Киберге состоял из двух человек – фельдшера и сестры милосердия; время от времени их посещал кто-либо из врачей, работавших в составе отряда Красного Креста на Мурмане.

Ежегодно в середине марта (по старому стилю) санитарный отряд, одной или двумя группами, после напутственного молебна выезжал из Архангельска через Онегу в Колу. Из-за ледовой обстановки в Белом

⁴⁸² ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 1. Д. 2784; Ф. 5. Оп. 2. Т. 1. Д. 1011; Ф. 39. Оп. 1. Д. 345; Ф. 51. Оп. 18. Т. 1. Д. 51; *Гулевич В.* Мурманский берег в промысловом и санитарном отношениях. Архангельск, 1883; *Гулевич В.* Русская Лапландия и ее промыслы. Архангельск, 1891; *Гулевич В.Р.* К этиологии цинги на Мурмане // Архангельские губернские ведомости. 1885. № 91, 100; Отчет о деятельности и средствах архангельских учреждений Российского Общества Красного Креста за 1893 год. Архангельск, 1894. С. 20–21.

⁴⁸³ Отчет о средствах и деятельности архангельских учреждений Российского Общества Красного Креста за 1890 год. Архангельск: Губернская типография, 1891. С. 8.

⁴⁸⁴ Там же. С. 9, 13.

море навигация в это время была еще невозможной, поэтому отряд добирался до Колы «на почтовых». Путь длиной более тысячи верст (!) занимал обычно от десяти дней до двух недель. Почти каждая поездка была изнурительной и опасной; дорога между станциями пролегла по совершенно безлюдным местностям; во время оттепелей лошади и олени увязали в глубоком рыхлом, до сажени глубиной, снегу, не имея сил передвигаться быстрее пяти верст в час, или падали в изнеможении. Кое-где лошади тащили продуваемые ветром открытые сани по замерзшему, заливаемому водой льду на прибрежной кромке Белого моря (две утепленных повозки для сестер милосердия появились лишь в 1896 г.). При следовании по гористой или болотистой местности Колыского полуострова сани нередко проваливались в скрытые сугробами овраги и расщелины. В Коле небольшой отряд, численностью редко более десяти человек, разделялся и направлялся далее – к местам работы в рыбацкие становища, где были устроены избы для приема больных. В становища Мурманского берега, а также в Киберг можно было попасть уже морским путем: лед здесь был лишь по берегам заливов⁴⁸⁵.

В первый раз, в 1882 г., работа российских медиков в Киберге не обошлась без проблем организационного характера. В Норвегии их не ждали; местный врач в Вардё, к участку которого относился и Киберг, подал протест властям. Как выяснилось позже, все необходимые согласования между Россией и Швецией-Норвегией были сделаны, но ни российский вице-консул в г. Вардё, ни норвежские официальные лица в Финнмарке не были своевременно проинформированы. В течение недели вынужденного ожидания было нанято помещение и сделаны в нем «необходимые приспособления» для приема больных и проживания медперсонала. 18 (30) апреля, в день получения в Киберге официального уведомления законности оказания медицинской помощи силами отряда русским рыбопромышленникам, приемный покой под флагом Российского Общества Красного Креста впервые открыл свою деятельность⁴⁸⁶.

В эти дни у Киберга находилось от 50 до 70 русских промысловых судов и от 250 до 350 человек российских подданных. Но из-за оказавшейся в 1882 г. «скудости» промыслов, русские стали оставлять их и перемещаться на восток, в Россию, на Мурманский берег. В середине мая по старому стилю в Киберге остались лишь полтора десятка саамов – российских подданных, служивших на судах у норвежцев. Поэтому

⁴⁸⁵ Отчет о средствах и деятельности архангельских учреждений Российского Общества Красного Креста за 1882 год... С. 18; Отчет о средствах и деятельности архангельских учреждений Российского Общества Красного Креста за 1886 год. Архангельск, 1887. С. 10–11; Отчет о средствах и деятельности Архангельских учреждений Российского Общества Красного Креста за 1888 год. Архангельск, 1889. С. 5–6; Отчет о деятельности и средствах архангельских учреждений Российского Общества Красного Креста за 1895 год. Архангельск, 1896. С. 4; Отчет о деятельности и средствах архангельских учреждений Российского Общества Красного Креста за 1896 год. Архангельск, 1897. С. 3–4.

⁴⁸⁶ Отчет о средствах и деятельности архангельских учреждений Российского Общества Красного Креста за 1882 год... С. 19–20.

фельдшер из приемного покоя в Киберге был переведен в становище Семь островов на Мурмане, а 10 (22) июня с отъездом сестры милосердия, приемный покой Российского Общества Красного Креста закрылся в Киберге официально.

Предвзятого или враждебного отношения к себе со стороны норвежцев русские медики не заметили (или же не стали обращать на него внимания). Деятельность персонала приемного покоя в Киберге – фельдшера Андрея Матвеева и сестры милосердия Анфисы Мефодиевой – по отзывам норвежцев и российского консула Д.Н. Бухарова была безупречной. В свою очередь, в официальном отчете доктор Искерский написал слова благодарности в адрес норвежского рыбопромышленника, в доме которого расположился приемный покой и который «при первой необходимости помогал персоналу во всех хозяйственных делах». Слова признательности были написаны и сотрудникам норвежской таможни, исполнявшим обязанности по осмотру груза Красного Креста в выходной день, и освободившим от таможенной платы часть медикаментов. Кстати, в следующем, 1883 г., норвежские таможенные чиновники вообще не стали осматривать находящиеся при русских медиках вещи. Они заявили, что «не смеют даже и подозревать» служащих в Российском Обществе Красного Креста в нарушениях закона и лишь попросили в будущем предоставлять список вещей не только на русском, но и на норвежском языке⁴⁸⁷.

7.4. Тридцать лет работы русских медиков в Киберге

Уже первые два сезона работы приемного покоя в Киберге показали, что доставка туда русского медперсонала и грузов обходится существенно дороже, чем ожидалось. Ежегодно выделявшихся Государственным Казначейством 500 рублей едва хватало на покрытие расходов. За аренду помещения для приемного покоя в Киберге в 1883 г., например, приходилось платить по 40 крон (20 рублей) в месяц. Воспользоваться пароходным сообщением между городами Вардё, Вадсё и Кибергом не всегда представлялось возможным. За непродолжительные поездки на частных судах – ёлах – норвежцы просили по 30–40 крон (15–20 рублей «на наши деньги», по словам врача В.Р. Гулевича). Даже за переезд по морю на расстояние не более двух верст – с берега к русскому пароходу – норвежские собственники ёл требовали по восемь рублей серебром и более. «Норвежцы вообще очень любезны и услужливы, но берут деньги беспощадно, где им это позволяет закон», – замечал В.Р. Гулевич⁴⁸⁸. Медики вынуждены были прибегать к различным ухищрениям, чтобы

⁴⁸⁷ Там же. С. 30–31; Отчет Архангельского местного Управления Общества Красного Креста, о врачебной помощи на Мурмане и под Кибергом за 1883 год... С. 8.

⁴⁸⁸ Отчет о средствах и деятельности архангельских учреждений Российского Общества Красного Креста за 1882 год... С. 24–26; Отчет Архангельского местного Управления Общества Красного Креста, о врачебной помощи на Мурмане и под Кибергом, за 1883 год... С. 9.

экономить. Так, значительную часть рациона питания медперсонала и больных составляла свежая рыба, которую добровольно и бесплатно доставляли русские рыбаки. В 1893 г., например, ко времени отъезда русских медиков из Киберга у них оставалось еще 12 пудов трески. Рыба была посолена, уложена в бочки и отправлена в Архангельск для Общины сестер милосердия⁴⁸⁹.

В 1882–1913 гг. приемный покой в Киберге официально открывался во второй половине марта – первых числах апреля и работал до конца мая – начала июня по юлианскому календарю или старому стилю, обычно чуть более или менее двух месяцев в году.

Относительно того, какую преимущественно помощь придется оказывать рыбакам в Киберге, в начале 1880-х гг. в межведомственной переписке велась даже небольшая дискуссия. В российском МИДе, опираясь на донесения консулов прежних лет, считали, что в медицинской помощи будут нуждаться главным образом т.н. наживочники и мальчишки-зуйки, которые почти неизбежно получали колотые раны рук, распутывая ярусы – снасти с сотнями и тысячами крючков, или же насаживая на крючки наживку. В МИДе полагали, что получившие эти травмы и будут основными посетителями приемного покоя, и потому «для обработки ран и перевязок сестры милосердия будет вполне достаточно, а присутствие врача или фельдшера в Киберге излишне». Председатель Архангельского местного управления Общества Красного Креста был не согласен, полагая, что для одной сестры милосердия даже эта работа может оказаться трудной, а рыбаки в Киберге могут обратиться за помощью не только с колотыми ранами. Поэтому он настаивал на постоянном нахождении при приемном покое фельдшера и хотя бы временных приездов туда врача. Последующий опыт показал, что Н.Д. Голицын был прав⁴⁹⁰.

Более чем 30 лет работы приемного покоя показали, что, действительно, значительная часть посещений его рыбаками обусловлена тем, что сейчас называют «производственным травматизмом» и последующими профессиональными заболеваниями. «Маленькая ранка или ссадина кожи, при условиях постоянного пребывания в соленой морской воде, весьма часто загрязненная разлагающимися органическими остатками, легко обращается в трудно залечимую язву. Промышленники хорошо поняли важность своевременного обращения за медицинской помощью даже в простых случаях нарушения целостности кожных покровов и немедленно являются, где только возможно, за таковой помощью», – отмечалось в одном из отчетов⁴⁹¹.

⁴⁸⁹ Отчет о деятельности и средствах архангельских учреждений Российского Общества Красного Креста за 1893 год... С. 29–30.

⁴⁹⁰ Отчет о средствах и деятельности архангельских учреждений Российского Общества Красного Креста за 1882 год... С. 16–17.

⁴⁹¹ Отчет о средствах и деятельности архангельских учреждений Российского Общества Красного Креста за 1891 год. Архангельск, 1892. С. 14.

Затем по числу больных следовали «болезни простудного характера» и цинга. В отчетах отмечалось, что цинготных больных, как правило, доставляли уже с запущенной болезнью и в тяжелом состоянии. В Киберге, как и на Мурмане, на вопрос «отчего раньше не обращались?» медики получали стереотипные ответы: «думал, что так пройдет», «не было времени» или «хозяева не отпускали»⁴⁹².

Довольно часто приходилось лечить болезни желудочно-кишечного тракта. Одна из наиболее распространенных болезней, называвшаяся поморами «рыбнухой», начиналась с жажды, вздутия живота и болей в нем, повышения температуры, учащения пульса и кончалась всегда длительными поносами с кровавой слизью, не приводившими, однако к смерти больного. Врач В.Р. Гулевич полагал, что болезнь появлялась в результате употребления рыбы, которую нередко недоеваривали мальчишки-зуйки, в чьи обязанности входило и приготовление пищи. В.Р. Гулевич замечал, что если таким больным давать «одну или две ложки касторового масла и, после того, как их прослабит, несколько раз в день от 5 до 15 капель опийной настойки, и делать согревающие компрессы в области живота, припадки болезни проходят весьма скоро»⁴⁹³.

Формы представления количественных данных, характеризующих работу российского приемного покоя в Киберге в ежегодно публикуемых «Отчетах о средствах и деятельности архангельских учреждений Российского Общества Красного Креста», неоднократно менялись. Большая часть исходных данных, вероятнее всего, не сохранилась.

Число больных, находящихся на стационарном лечении при приемном покое в Киберге за все время его работы, не превышало одного–двух человек за сезон. Количество посещений амбулаторных или «приходящих» больных измерялось сотнями. Тем не менее, эта нагрузка на медперсонал (по состоянию на 1906 г. примерно 250–260 приемов в месяц, или в среднем 8–9 приемов в день) считалась незначительной⁴⁹⁴.

Русский приемный покой в Киберге оказывал помощь не только русским рыбакам – поморам, и даже не только имевшим российское подданство карелам, финнам и саамам. В оказании помощи, при наличии необходимых медикаментов и квалификации персонала, не отказывали и подданным Норвегии. Сохранились отдельные указания на то, что норвежские власти через несколько лет после начала работы русского приемного покоя решили устроить в Киберге и свой собственный, причем по состоянию на 1890 г. оба они располагались в одном здании: норвежский – на втором этаже, а русский – на первом⁴⁹⁵.

⁴⁹² Отчет о деятельности и средствах архангельских учреждений Российского общества Красного Креста за 1894 год. Архангельск, 1895. С. 8.

⁴⁹³ Отчет о средствах и деятельности Архангельских учреждений Российского Общества Красного Креста за 1888 год... С. 7–8; Отчет о средствах и деятельности архангельских учреждений Российского Общества Красного Креста за 1892 год. Архангельск, 1893. С. 14.

⁴⁹⁴ Отчет о деятельности и средствах архангельских учреждений Российского общества Красного Креста за 1906 год. Архангельск, 1907. С. 8.

⁴⁹⁵ Отчет о деятельности и средствах архангельских учреждений Российского общества Красного Креста за 1900 год. Архангельск, 1901. С. 4.

О том, каким образом было налажено в Киберге взаимодействие между медиками двух стран, данных пока не выявлено.

Обращает на себя внимание то, что на протяжении 1880-х–1900-х гг. количество подданных Норвегии, получавших медицинскую помощь именно в русском приемном покое Киберга, постепенно увеличивалось, равно как увеличивалось и количество посещений приемного покоя финнами – жителями входившего в состав Российской империи Великого княжества Финляндского. Количество же собственно русских пациентов из поморов (ради которых в первую очередь и создавался приемный покой) неуклонно сокращалось из-за «стеснительных норвежских законов в отношении русских промышленников»⁴⁹⁶.

Илл. 7.2. Рыбаки на пристани в Киберге.

Фото Вессель Эллисиф Раннвейг (Wessel Ellisif Rannveig).

Varanger museum IKS. Grenselandmuseet Kirkenes. SMU F000210.

URL: <https://digitaltmuseum.no/021015889923/fiskere-pa-kaia-i-kiberg>
(дата обращения 16.04.2025)

В качестве примеров, приведем цитаты из отчетов.

1886 г.: «Приходящих больных в Киберге было 26 человек, из которых только четверо было русских, остальные же были шведы (8) и норвежцы (14). Больными сделано было в общей сложности 113 посещений»⁴⁹⁷.

⁴⁹⁶ Отчет о деятельности и средствах Архангельских учреждений Российского Общества Красного Креста за 1897 год. Архангельск, 1898. С. 5

⁴⁹⁷ Отчет о средствах и деятельности архангельских учреждений Российского Общества Красного Креста за 1886 год... С. 16.

1890 г.: «В Кибергском приемном покое, который функционировал с 30 марта по 30 мая, больных было 131 человек, сделавших 496 посещений. Из этого числа больных было русских подданных 69 человек, норвежских подданных – 62 человека»⁴⁹⁸.

1892 г.: «В Киберге всего больных было 160, из которых 95 русских, а остальные 65 – норвежцы, шведы и финляндцы»⁴⁹⁹.

1901 г.: «В Киберге (в Норвегии) стационарных больных не было, амбулаторных больных с 28 марта по 29 мая принято по первому разу 191 человек; из них русских 51, финляндцев 126 и норвежцев 14; повторных посещений сделано ими 220»⁵⁰⁰.

1902 г.: «В Кибергском пр. покое (в Норвегии) с 28 марта по 7 июня амбулаторных больных по 1-му разу принято 167; из них русских 84, финл. 74 и норвежц. 9; повторных посещений сделано 144»⁵⁰¹.

1903 г.: «В Кибергском приемном покое с 1 апреля по 1 июня амбулаторных больных по первому разу принято 148; из них русских 32, финляндцев 82 и норвежцев 34; повторных посещений сделано 106»⁵⁰².

1905 г.: «Кибергский приемный покой открыт был с 1 апреля по 7 июня. За это время движение больных в приемном покое было следующее: амбулаторных по первому разу 318; повторных – 278; всего – 596. Стационарных не было. Из общего числа больных норвежских подданных (норвежцы, лопари, финляндцы) было зарегистрировано 185 чел., сделавших 160 повторных посещений»⁵⁰³.

По имеющимся в распоряжении автора данным, после 1913 г. российские медики в Киберге уже не работали.

Подводя итоги этого небольшого исследования, мы четко видим следующие причинно-следственные связи. В эпоху наполеоновских войн Российская империя по просьбе властей объединенных уний королевств Дании и Норвегии обеспечила бесперебойные поставки продовольствия голодающим жителям северной норвежской провинции Финнмарк. Это вызвало рост российского влияния в Финнмарке, увеличение количества русских поморов, ежегодно прибывавших туда для

⁴⁹⁸ Отчет о деятельности и средствах архангельских учреждений Российского общества Красного Креста за 1900 год... С. 4.

⁴⁹⁹ Отчет о средствах и деятельности архангельских учреждений Российского Общества Красного Креста за 1892 год... С. 11.

⁵⁰⁰ Отчет о деятельности и средствах архангельских учреждений Российского общества Красного Креста за 1901 год. Архангельск, 1902. С. 4.

⁵⁰¹ Отчет о деятельности и средствах архангельских учреждений Российского общества Красного Креста за 1902 год. Архангельск, 1903. С. 4.

⁵⁰² Отчет о деятельности и средствах архангельских учреждений Российского общества Красного Креста за 1903 год. Архангельск, 1904. С. 6.

⁵⁰³ Отчет о деятельности и средствах архангельских учреждений Российского общества Красного Креста за 1905 год. Архангельск, 1906. С. 6.

ведения промыслов и торговли. Власти Норвегии, с 1814 г. оказавшейся в унии уже со Швецией, взяли курс на ограничение этого влияния, т.е. на практике стали проводить политику, близкую к той, что в наши дни официально называют «сдерживанием России». Путем применения различных мер – от дискриминационных законодательных актов в отношении русских, до угроз применения в отношении них военной силы (операции военного флота Норвегии 1816, 1817 и 1818 гг.) – норвежские власти Швеции и Норвегии остановили мирную экономическую экспансию России в Финнмарке. Но если т.н. поморскую торговлю по разным причинам норвежские власти терпели и, отчасти, даже стимулировали, то даже легальное российское рыболовство у норвежских берегов (как русских поморов, так и саамов) они на протяжении десятилетий искореняли жестко и неуклонно. Следствием этого стало «плачевное» состояние русских рыбаков местах их традиционного сезонного рыболовства в Норвегии, особенно в Киберге. На невыносимые бытовые условия русских поморов и болезни их в 1860-х – начале 1880-х гг. неоднократно обращали внимание в российском МИДе. Это, в свою очередь, привело к созданию приемного покоя Российского общества Красного Креста в Киберге. За время его работы в 1882–1913 гг. бесплатная медицинская помощь там оказывалась всем нуждающимся – не только подданным Российской империи, но и королевства Норвегии. Бескорыстная сезонная работа фельдшеров и сестер милосердия Российского общества Красного Креста на протяжении более трех десятилетий наверняка запомнилась жителям Киберга. В начале 1880-х гг. те люди, благодаря которым был создан русский приемный покой, вряд ли задумывались о том, что на протяжении последующих трех десятилетий он невольно станет еще и инструментом «мягкой силой» России в Норвегии. Причем именно там, где постоянные личные контакты с русскими и так формировали у местного населения в целом позитивное отношение к большому восточному соседу.

...После оккупации Норвегии нацистской Германией в 1940 г. из Киберга в СССР, рискуя жизнью, разными путями переправились десятки семей. Только за одну ночь, под прикрытием тумана, на своих рыболовных судах ушли в СССР 69 человек. В 1941 году, после нападения нацистской Германии на СССР, многие из них – взрослые мужчины и часть женщин – добровольно поступили на службу в НКВД и Северный Флот. После обучения их скрытно засылали обратно на север Норвегии – для ведения разведки. Передаваемые ими по радио сведения учитывались преимущественно при планировании боевых действий советского Северного Флота. В 1943 г. в результате действий немецкой контрразведки и местных коллаборационистов более половины работавших на СССР норвежцев, а также некоторые из помогавших им местных жителей были схвачены, замучены и казнены. Судьба выживших героев – симпатизировавших СССР, коммунистическим идеям и одновременно бывших настоящими патриотами своей страны – впоследствии оказалась незавидной. В Норвегии, вошедшей в военный блок НАТО, в годы «холодной

войны» они находились под наблюдением норвежских спецслужб; им приходилось прятать советские боевые награды, фотографии в советской военной форме и не афишировать свою прошлую службу. Лишь в 1992 г., через год после распада СССР, после того как король Норвегии Харальд V официально признал заслуги этих своих соотечественников, отношение к ним на родине изменилось. Мне говорили, что некоторые из них – старики, дожившие до начала 1990-х, плакали, доставая советские награды и рассказывая изумленным родственникам и журналистам о своей боевой молодости; о том, что до этого они вынуждены были скрывать. В Кибере, получившем неофициальное название «Маленькая Москва» (!), был создан и до настоящего времени действует музей (Partisanmuseet), посвященный норвежцам, посвятившим жизни освобождению их страны от нацистской оккупации⁵⁰⁴.

Илл. 7.3. Музей норвежских партизан в Кибере (Partisanmuseet). 2010 г. Фото автора книги.

⁵⁰⁴ Kjell F. Lille-Moskva: Den glemte krigen. Oslo, 1983; Balsvik R.R. Vardø. Grensepost og fiskevær. 1850–1950. Blind 2. Vardø: Vardo koommune, 1989. S. 222; URL: <https://partisanmuseum.no> (дата обращения: 31.08.2021); Балсвик Р.Р. Партизаны Финнмарка во время Второй мировой войны – сопротивление без признания // Россия и Норвегия. Многогранные взаимоотношения в приграничье / Под ред. В.В. Тевлиной, И.В. Рыжковой, У. Врокберга. Мурманск: Изд-во МАГУ, 2020. С. 141–149.

Глава 8

Во всем виноваты русские. Даже если они – тюлени. И даже если их вообще нет

В конце XIX – начале XX века население севера Норвегии проявляло заметный интерес к вопросам экологии моря. Интерес этот был узконаправленный и сугубо прагматический. Известно, что в конце XIX века китобойный промысел в Норвегии стремительно развивался, как и ориентированная на него перерабатывающая промышленность. Массовое истребление китов совпало с сокращением уловов рыбы в местах традиционных промыслов. Норвежские рыбаки склонны были видеть здесь причинно-следственную связь, объясняя это локальным нарушением пищевой (трофической) сети.

Доминировавшие в то время среди норвежских и российских рыбопромышленников Мурмана взгляды на биологию рыб и морских млекопитающих коротко сводились к следующему. Киты, равно как треска и другая промысловая рыба, питаются мойвой и мелкой сельдью. Киты подгоняют «стада» идущей на нерест мойвы к берегам, на мелководье и тем побуждают треску также держаться близ берегов, что объективно приносит пользу для рыболовов, избавляя их от необходимости удаляться в море. Китов преследуют косатки, присутствие которых, в свою очередь, заметно уменьшает в местах рыбных промыслов численность тюленей, поедающих рыбу, что опять-таки приносит пользу для рыболовства. Истребление китов, по мнению рыбаков, запускало обратные процессы: у мойвы, мелкой сельди отпадала необходимость «спасаться» от них у берегов; соответственно, количество трески здесь уменьшалось, в том числе и из-за увеличения численности тюленей.

Те же норвежцы, чьим основным источником дохода был бой китов и переработка продукции китобойного промысла, видели в этих убеждениях рыбаков потенциальную угрозу ограничения своей деятельности и потому отказывались принимать их всерьез. А ученые тогда не могли категорично и убедительно ни подтвердить, ни опровергнуть их⁵⁰⁵.

⁵⁰⁵ Современные взгляды ученых на эти вопросы мы здесь не рассматриваем.

8.1. Суть «борьбы в Норвегии между китоловами и рыболовами» в изложении С.И. Барановского и Н.П. Андреева

Впервые, насколько нам известно, взгляды норвежских рыбаков на экологию моря довел до заинтересованной российской общественности Степан Иванович Барановский.

7 (19) апреля 1880 г. С.И. Барановский сделал сообщение с говорящим названием «Борьба в Норвегии между китоловами и рыболовами» на общем собрании Санкт-Петербургского отделения Императорского общества для содействия русскому торговому мореходству, которое потом было опубликовано⁵⁰⁶. Публикация начиналась так.

«Норвежские поморы⁵⁰⁷ настойчиво ходатайствуют перед своим правительством о защите их от китоловов; эти же последние стараются с своей стороны доказать, что промысел, обогащающий их, безвреден для Норвегии. Для разрешения спора между теми и другими ездил на берега Финмаркена, т. е. норвежской Лапландии, профессор Сарс⁵⁰⁸, который норвежскому департаменту внутренних дел представил свое “Донесение о произведенных им весною 1879 года практически-ученых⁵⁰⁹ изысканиях лова мойвы у Финмаркена”. Это донесение, напечатанное безотлагательно, было сообщено представителям народа и правительства в северной Норвегии, которые, собравшись в Вадс-э, 4-го ноября 1879 года дали свои отзывы об этом донесении Сарса. Таким образом, подготовлен материал для законодательной деятельности Норвежского Государственного Сейма. (...) Норвежские китоловы, частью вследствие того, что они уже перебили большую часть китов у норвежских берегов, частью опасаясь, что ходатайство норвежских поморов будет уважено норвежским правительством, что приведет к ограничению их хищнического промысла, обратили свое внимание на русские берега Северного океана и нахально обещают в пятнадцать лет перебить всех китов у русских берегов!»⁵¹⁰.

С.И. Барановский сделал достаточно подробный, в десяти пунктах, обзор доклада Сарса. Будучи знакомым с основными аргументами сторон из скандинавской прессы, суть дискуссии норвежских «китоловов и рыболовов» он изложил в форме своеобразного диалога спорящих.

«Китоловы лукаво говорят рыбакам: “Вам нужна мойва, а кит поедает мойву, значит, когда мы перебьем всех китов, тем больше мойвы останется для вас”.

⁵⁰⁶ Барановский С.И. Борьба в Норвегии между китоловами и рыболовами // Труды С.-Петербургского отделения Императорского общества для содействия русскому торговому мореходству за 1880 год (с 10 марта 1880 по 9 января 1881 г.). СПб., 1881. С. 38–46.

⁵⁰⁷ Так в источнике. Как видно из контекста, речь идет о норвежских рыбаках.

⁵⁰⁸ По всей видимости, имеется в виду Georg Ossian Sars (1837–1827).

⁵⁰⁹ Сейчас бы сказали «научно-практических».

⁵¹⁰ Барановский С.И. Борьба в Норвегии между китоловами и рыболовами... С. 38.

Рыбаки же говорят: “Хоть кит и ест мойву, но он и нам помогает ловить ее, а потому кит – не враг, а друг человека-рыбака. (...) От кита получается много пользы; значит, этого животного не надо истреблять, а следует пользоваться им бережно, чтобы эти китовые породы сохранились и для наших потомков”.

А китоловы говорят: “Охота нам думать о потомках! Уж они пускай себе устраиваются, как знают, хоть и без китов!”

Рыбаки на это: “Ведь вы сами, китоловы, богатеете от своего промысла; значит, киты составляют часть народного богатства, не хуже, как, например, лошади или коровы, которые едят же траву точно, как киты мойву! А вы хотите истребить народное богатство!”

На это китоловы: “Уж у норвежских берегов это богатство почти перевелось; так вот мы пойдем стрелять китов в русских водах! Там голоса рыбаков, авось, не станут и слушать, а перед администраторами мы будем выставлять себя благодетелями их края, как истребители кита, известного рыбоеда”⁵¹¹.

На последние слова из приведенной выше цитаты следует обратить внимание. С.И. Барановский произнес ее в докладе в 1880 году и опубликовал в 1881-м. Примерно два десятилетия спустя, в конце 1890-х – начале 1900-х годов, экспансию норвежских китоловов в российские территориальные воды норвежские дипломаты будут деликатно, но настойчиво представлять именно в таком виде – как благодеяние! Но об этом – чуть ниже.

В том же 1881 году, когда в «Трудах С.-Петербургского отделения Императорского общества для содействия русскому торговому мореходству» был опубликован доклад С.И. Барановского, в газете «Кронштадтский вестник» прошла серия публикаций Н.П. Андреева – судового врача со шхуны «Полярная звезда». Судя по его наблюдениям, взгляды россиян, промысляющих на Мурмане, на экологию моря, принципиально не отличались от взглядов их норвежских коллег: «Тут впервые мы натолкнулись на тот факт, что при рыбных промыслах на Мурмане огромную роль играют киты. Общезасвидетельствованный факт был тот, что мойва, небольшая рыбка... на которую ловят треску, появляется в больших количествах около берегов только тогда, когда в море показываются киты. Это настолько общеизвестный здесь факт, что промышленники, завидевши китов в море, приготавливаются тотчас же к ловле мойвы, которая буквально как бы припирается китами к берегу, отчего нередко даже отходит на отмели. Но где мойва, там и треска. (...) По общему заявлению всех промышленников, мойва составляет любимую пищу китов, он за ней идет и, таким образом, помимо ее воли заставляет мойву уходить в более безопасное место – мелкие места, где, впрочем, охотно ее ожидает не меньший для нее враг – наш промышленник»⁵¹².

⁵¹¹ Там же. С. 39–40.

⁵¹² Андреев Н.П. Крейсерство у Мурманского берега // Кронштадтский вестник. 1881. 13 сентября.

Н.П. Андреев, впрочем, не исключал ошибочности распространенных мнений, заметив, что в научном сообществе существуют серьезные сомнения в том, что киты преследуют мойву и та от них «спасается». «Время покажет, правы ли ученые», – заключал он⁵¹³.

8.2. Попытки легализации норвежских незаконных зверобойных промыслов у русских берегов

Одновременно с ростом взаимного недовольства рыбаков и китобоев в Норвегии становилось все более неприязненным отношение норвежских китобоев и особенно зверобоев к российским властям.

26 мая (7 июня) 1893 года крейсер «Наездник» задержал на рейде у Йокангских островов сразу шесть норвежских яхт; впоследствии четверо шкиперов были признаны виновными в промысле тюленей в русских территориальных водах, каждый из них был оштрафован и лишился улова. Тем самым Россия впервые после неудачных и безрезультатных попыток 1881 и 1882 годов продемонстрировала соединенным королевствам Швеции и Норвегии свою решимость охранять территориальные воды в морях Северного Ледовитого океана и возможность осуществлять эту охрану. И хотя впоследствии просьбы норвежских шкиперов о помиловании были удовлетворены и они даже получили денежную компенсацию (!) за конфискованную у них незаконную добычу, норвежские публицисты все чаще стали высказывать возмущение теми препятствиями, которые стали чинить русские власти их соотечественникам на промыслах в т. н. «восточных льдах» после десятилетий фактического бездействия. Несмотря на то, что эффективность охраны территориальных вод единственным на Белом и Баренцевом морях русским военным судном была сомнительной, норвежцы стали разрабатывать новые сценарии для обеспечения безопасного, легального присутствия и промысла в «восточных льдах». Вспомнили об экологии и о том, что тюлени едят рыбу.

Во второй половине 1890-х годов норвежская сторона предпринимала неоднократные попытки узаконить промысел тюленя в «восточных льдах», воздействуя, в частности, через консула королевств Швеции и Норвегии в Архангельске на губернатора А.П. Энгельгардта. Приводилась следующая аргументация: тюлени – это зло для рыбаков, независимо от подданства последних. Промысел тюленя, помимо того что выгоден сам по себе, еще и ограничивает численность животных, способствуя увеличению численности трески, что идет во благо рыболовства. Поэтому российские власти, препятствуя норвежцам промышленно промысливать тюленей у своих берегов, поступают недальновидно. Следует как можно скорее разрешить этот промысел и содействовать ему. Российская казна сможет сэкономить (!) на том, что откажется от ежегодной

⁵¹³ Там же.

отправки с Балтики на Север и обратно своего крейсера. Норвежские зверобои будут готовы совершенно бесплатно (!) истреблять вредного зверя вблизи русских берегов. Более того, они даже могут включить в состав команд некоторое количество русских, чтобы научить их рациональной организации промысла. Российские власти тем не менее увидели в этих заманчивых с норвежской точки зрения предложениях и трогательной заботе о российской казне лишь корыстный интерес иностранцев, истребивших «рациональными» приемами тюленей в местах своих промыслов и собирающихся сделать то же самое у берегов России под видом «благотворительности». Переговоры на эту тему тогда так и остались безрезультатными.

Ниже мы позволим себе привести довольно длинную цитату из рукописи сотрудника Департамента внутренних сношений МИД России Александра Николаевича Бурнашева, озаглавленной «Очерк торгово-промышленного положения Севера Европейской России». Материалы для него были собраны А.Н. Бурнашевым во время пребывания на севере Норвегии, куда он был впервые прикомандирован в 1895 году «на летнее время» в помощь работавшему там консулу Владимиру Александровичу Березникову. Впоследствии В.А. Березников официальным и частным порядком сообщил в МИД о благоприятном впечатлении, которое произвела на него деятельность его помощника⁵¹⁴. Очерк А.Н. Бурнашева, насколько нам известно, не был опубликован; машинописный текст его сохранился в Архиве внешней политики Российской империи.

«В первый же год крейсерства “Наездник” задержал пять норвежских зверобойных судов, заподозренных им в производстве промыслов в наших водах. Добыча была конфискована на основании заключения эксперта, зоолога Книповича, признавшего, что оказавшиеся в добыче шкуры принадлежат молодым, не покидающим лежек тюленям, которые могли быть убиты лишь на плавающих льдах Белого моря. По этому поводу в местных газетах появились резкие нападки на командира крейсера. Вполне закономерные действия его назывались морским разбоем (...) причем старательно доказывалось норвежскими специалистами, что жизнь полярных животных еще недостаточно изучена, а потому никто не может по внешнему виду отличить беломорского тюленя от всякого другого. (...)»

Между тем хищническое истребление норвежцами зверя привело в последнее время к опустошению лежек у берегов Нью-Фаунленда, Ян-Майена, Шпицбергена (...) Поэтому норвежцам стало необходимо добиться свободного допуска в наши воды (...). Норвежцы, ободренные тем, что наше правительство в том же 1895-м году возместило им стоимость конфискованной в 1893 году “Наездником” добычи, решило воспользоваться фактом появления тюленей у берегов Мурмана и соседнего Финмаркена, чтобы склонить Россию открыть им свои воды

⁵¹⁴ АВПРИ. Ф. 155. Оп. 445. Д. 33. Л. 7–7об.

для звериных промыслов. Конечно, причины и последствия этого факта норвежцы умышленно исказили. Не стесняясь тем, что не далее как в 1893 году они доказывали, что жизнь полярных животных еще слишком мало исследована, что в Белом море нет особой породы тюленей, что одни и те же звери водятся и плавают на ледяных пространствах всего Северного океана, норвежцы теперь стали утверждать, что тюлени приходят сюда именно из Белого моря. (...) Норвежцы старались убедить нас, что причиной тому служит наш же крейсер, не допускающий их бить вредного для рыбных промыслов зверя, который, таким образом, свободно размножается в Белом море.

Некоторые газетные статьи предлагали международное соглашение с Россией, по которому мы пустили бы их к себе бить зверя, а взамен получили бы право промысливать в норвежских водах рыбу. Едва ли кто станет сомневаться, что фактически мы не получили бы никакой выгоды от такого соглашения. Другие газеты увлекались до того, что стали требовать отмены нашего крейсерства и свободного допуска норвежцев в наши воды, говоря, если Россия сама не хочет или не может истреблять вредных зверей, наносящих убытки не только русским, но и норвежским рыбным ловлям, то норвежцы имеют нравственное право требовать открытия для них наших вод.

Вопрос об убытках, приносимых тюленями рыбным ловлям, при внимательном к нему отношении приводит к убеждению, что норвежские рыбные промыслы если и страдают от хищного зверя, то в самой незначительной степени. (...)

Между другими статьями небезынтересным является помещенное в одной издающейся в Тромсэ газете и без комментариев перепечатанное во многих других изданиях письмо зверопромышленника шкипера Гансена, который, между прочим, восклицает: “Что сделали мы русскому, что он старается помешать нам, норвежцам, продолжать промысел, которым мы в течение многих годов невозбранно занимались?” Это наивное письмо заслуживает внимания, как первое откровенное признание норвежским зверопромышленником факта нарушения наших территориальных прав, в чем никто из них не сознавался открыто до последнего времени.

Впрочем, это положение было признано на собравшейся летом в 1896 году в Вадсэ сходке рыбаков, на которой доказывалось, что появление тюленей у берегов Финмаркена происходит от увеличения их запаса в Белом море вследствие “прекращения производившихся там прежде норвежцами промыслов”⁵¹⁵. Тут же было решено просить норвежское правительство обратить внимание России на этот вопрос с указанием, что замечаемое за последние годы значительное увеличение числа тюленей, приходящих к берегам Мурман и Финмаркена, объясняется, по-видимому, неумением наших зверобоев вести “рациональный” промысел.

⁵¹⁵ Донесение консула Березникова от 20 июня / 2-го июля 1896 года № 58. – Прим. А.Н. Бурнашева.

Относясь отзывчиво ко всем нуждам своих граждан, королевское правительство не замедлило обратиться за разъяснением к профессору зоологии Сарсу, который, по совещании с профессором Коллетом, высказал, что настоящий вопрос еще недостаточно изучен, чтобы можно было ныне же вступить по поводу одного в дипломатические переговоры с Россией. Ввиду этого Департамент внутренних дел (? – Р.Д.) поручил шведско-норвежскому генеральному консулу в Архангельске собрать сведения о богатстве тюленьих лежек в Белом море.

Узнав еще в Гаммерфесте, что генеральный консул (...) вступил в переговоры с архангельским губернатором относительно допущения норвежцев промышлять зверей в Белом море, я решил, возвращаясь в 1896 году в министерство из командировки, проехать через Архангельск, чтобы ближе ознакомиться с положением этого важного для нашей северной окраины вопроса. Приехав в Архангельск 25 сентября, я не застал губернатора в городе. От норвежского генерального консула Фальсена я узнал, что он имел неоднократное совещание о морских звериных промыслах с А.П. Энгельгардтом, который вызвал в Архангельск г. Сернсена, норвежского рыболовного инспектора, специально для переговоров по означенному вопросу.

По словам г. Фальсена, изложенные им и г. Сернсеном соображения о пользе, которую допущение норвежских зверобоев в наши воды может принести России, были признаны г. Энгельгардтом несомненными. Норвежский генеральный консул говорил, будто бы губернатор собирается исходатайствовать себе в С.-Петербурге полномочие на допущение норвежских промышленников в Белое море по личному усмотрению для пробы на время от одного до трех лет.

Все эти соображения, который генеральный консул не преминул перечислить мне, сводятся к следующему: норвежцы хлопочут получить доступ в наши северные воды, собственно [в] Белое море, для свободного производства звериных промыслов. При этом норвежцы согласны не только безвозмездно истреблять вредного зверя, но и допустить наших поморов к участию в этих промыслах, т. е. чтобы в состав команд их промысловых судов входили и русские зверобои, которые будут получать часть добычи и учиться “рациональному” звериному промыслу. Таким образом, наши мурманские рыбные промыслы будут охранены от хищного зверя, русские зверобои будут обучены «рациональным» приемам промысла, а одно русское военное судно будет освобождено от суровой крейсерской службы у малоописанных берегов.

Трудно поверить, что бы кто-либо мог серьезно отнестись ко всем этим шитым белыми нитками предложениям – кто-либо, а тем более А.П. Энгельгардт, во всеподданнейшем отчете которого мы читаем: “Благодаря правительственным мерам в скором времени будет несомненно положен конец хищнической деятельности в наших северных водах иностранных промышленников, безнаказанно, в течение многих

лет нарушавших существенные интересы приморского населения Архангельской губернии»⁵¹⁶.

За последние два года взгляд А.П. Энгельгардта в этом отношении не изменился...»⁵¹⁷.

Одновременно с попытками убедить российских дипломатов и чиновников в пользу уничтожения тюленей у русских берегов, в Белом море, норвежская пресса развернула кампанию по устрашению населения голодом из-за злобных «русских» тюленей, поедающих треску и лишаящих норвежских рыбаков и их семьи средств к существованию. В миграции тюленей именно из Белого моря даже не принято было сомневаться (еще одна малоизвестная вариация на популярную в Скандинавии тему «русской угрозы»!). Скандинавские публицисты, склонные к эпатажу, не стеснялись в выражениях: «Несметная неприятельская армия пересекла нашу северо-восточную границу и вторглась в Финмаркен, разоряя и опустошая нашу северную область!»; «Северной Норвегии грозит гибель!»; «Вся страна в опасности!»; «Правительство немедленно должно снарядить на север не только свои собственные военные суда с митральезами, но заручиться также и помощью других держав для совместного отражения хищнического нападения врага» и т. п.⁵¹⁸.

Официальной реакции России на поток этих публикаций, достигших своего пика к 1903 году, не последовало.

8.3. Бунт норвежских рыбаков Мехамне в 1903 году: «русский след»?

В известной российской кинокомедии «ДМБ» (режиссер Р.Р. Качанов, авторы сценария Р.Р. Качанов, И.И. Охлобыстин, 2000 г.) есть примечательный диалог между двумя военнослужащими, задумчиво смотрящими вдаль на поле с пожухлой травкой.

– Меня жена с тещей хотели в сумасшедший дом отдать. За убеждения. Видишь суслика?

– Нет.

– И я не вижу. А он есть!

Этот эпизод мне вспомнился, когда в Архиве внешней политики Российской империи я читал донесения консула Оскара Оскаровича Визеля о массовых беспорядках в Финнмарке в июне 1903 г., в организации которых норвежская пресса обвинила Россию и русских. Обвинения были голословными: ни самих русских, ни каких-либо даже самых ничтожных, даже косвенных доказательств участия России в поддержа-

⁵¹⁶ Приложение к всеподданнейшему отчету архангельского губернатора о состоянии Архангельской губернии за 1893 г., с. 26. – *Прим. А.Н. Бурнашева.*

⁵¹⁷ АВПРИ. Ф. 155. Оп. 445. Д. 34. Л. 24–30 об.

⁵¹⁸ Нашествие тюленей // Русское судоходство. 1903. № 3. С. 174–177.

ке беспорядков на севере Норвегии не было обнаружено – ни тогда, ни позже. Очередное «вмешательство» в сугубо внутренний норвежский кризис 1903 г. существовало исключительно в воображении скандинавских русофобов – словно суслик, которого никто не видит. Или словно несуществующая одежда на теле голого короля из старой сказки, наиболее известной по изложению датского писателя Г.Х. Андерсена.

... К концу XIX – началу XX в. миф о «русской угрозе» настолько внедрился в массовое сознание норвежцев и особенно шведов, что мало кто уже сомневался в существовании у России конкретного плана захвата норвежских «незамерзающих фиордов». С интересом обсуждалось: когда русские решатся осуществить этот план на практике, ограничатся ли они только Финнмарком? В каких формах будет выражена предшествующая захвату экспансия?

В главе, посвященной несостоявшемуся строительству православного храма в Вардё⁵¹⁹, я уже приводил пространную цитату из одного из донесений И.А. Зиновьева, возглавлявшего Российскую императорскую миссию в Стокгольме 1894 года. Не воспроизводя здесь цитату целиком, напомним лишь часть ее.

«Как в Норвегии, так и в Швеции глубоко укоренилось убеждение, что Россия замышляет захватить, при удобном случае, северные норвежские области с целью приобретения незамерзающего порта на берегу Атлантического океана. Убеждение это весьма часто высказывается в местной печати, и я думаю, что никакие усилия с нашей стороны не в состоянии поколебать это ложное представление. В виду этого каждое национальное предприятие наше в Северной Норвегии будет неизбежно истолковано в смысле шага к осуществлению приписываемого нам замысла»⁵²⁰.

Однако И.А. Зиновьев заблуждался, полагая, что каждой очередной волне русофобских спекуляций в скандинавской прессе все-таки должен предшествовать некий реальный «шаг», некое действие, принятое российской стороной (государством или частными лицами), которое потом будет превратно понято и истолковано. События 1903 г. показали, что ни России, ни отдельным ее подданным, вообще не нужно ничего делать, чтобы напугать норвежцев! Оказалось, что скандинавская пресса способна представить зловещий призрак «русской угрозы» даже в исключительно внутренних делах Норвегии и ее проблемах. Когда давняя неприязнь норвежских рыбаков к норвежским же предприятиям, занятым китобойным промыслом и переработкой продукции этого промысла⁵²¹ достигла наивысшего накала и привела в 1903 г. к массовым беспорядкам в Норвегии, корреспонденты ряда газет обвинили в них... Россию.

⁵¹⁹ См. с. 144–175 настоящей книги.

⁵²⁰ АВПРИ. Ф. 155. Оп. 445. Д. 27. Л. 20–20 об.

⁵²¹ В России заинтересованные лица изучали эту «борьбу» еще в начале 1880-х гг. См.: Барановский С.И. Борьба в Норвегии между китоловами и рыболовами... С. 38-46.

Обстоятельства этой истории подробно представлены в серии донесений Императорского российского консульства в Финмаркене. Оригиналы их сохранились в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ)⁵²². Автор их – консул О. Визель, о жизни и деятельности которого известно и опубликовано пока немного. Историкам, занимающимся русско-норвежскими отношениями, он известен главным образом как составитель «Сборника норвежских узаконений касающихся торговли и промыслов русских подданных в Северной Норвегии», опубликованного в 1909 г.⁵²³

Первое донесение консула О. Визеля за исходящим № 117 на интересующую нас тему было отправлено из Хаммерфеста 17 (30) июня 1903 г. В С.-Петербург, адресовано во II Департамент МИД и доставлено получателю 24 (7) июня 1903 г. Вот текст его с незначительными сокращениями:

«Как я уже имел честь сообщать в своих прошлогодних донесениях, весной этого года должен был рассматриваться в норвежском Стортинге проект закона о запрете в Норвегии на 30 лет боя китов.

Означенное предложение было вызвано замеченным в последние годы в С[еверной] Норвегии падением рыбных промыслов, что, по глубоко вкоренившемуся промышленников мнению, произошло от чрезмерного истребления китов в водах, омываемых Норвегиею.

Мнение это, чрезвычайно распространенное и у нас, и на Мурмане, основано, как я уже упоминал, на том факте, что киты, питаясь тою же мойвою и мелкою сельдью, как и треска и другая рыба, подгоняют мойвенные стада к берегу и тем заставляют рыбу также держаться близ берега. Далее, по выражению рыбаков, киты преследуются касатками (*orca gladiator*), которые, сопутствуя (китам – *Р.Д.*) и нападая на китов, вместе с тем не брезгают и тюленями – этою грозою рыбы – ввиду чего тюлени будто бы избегают близости китов и их неизменных спутников – касаток. Наконец, выстрелы и кровь раненного кита распугивают, по наблюдениям промышленников, рыбу, тогда как фонтаны, пускаемые китами, служат всегда заметным издали верным признаком нахождения рыбы.

Ввиду предстоящего в Стортинге обсуждения упомянутого проекта запрета боя китов, вся Норвегия разделилась на два лагеря. Тогда как южная Норвегия явилась более консервативною и не изъявила охоты для каких-то проблематичных выгод рыбных промыслов, ни лишать

⁵²² АВПРИ. Ф. 155 «II департамент (Департамент внутренних сношений)». Оп. 445 «Север». Д. 33. Л. 68–72 об., 75–76 об., 78–83 об., 93–94.

⁵²³ Сборник норвежских узаконений касающихся торговли и промыслов русских подданных в Северной Норвегии / сост. О. Визель. СПб., 1909. Фактически, это было переиздание другой книги: Сборник норвежских узаконений, касающихся русских подданных по производству торговли и промыслов в Северной Норвегии / сост. А. Теттерман. СПб., 1883. В сборнике, подготовленном О. Визелем, устаревшие за четверть века законы были заменены новыми; добавлены сведения о коммунальных городских сборах Тромсё, Хаммерфеста и Вардё, приведены сведения о применяемой на севере Норвегии системе мер и весов.

государство довольно крупного дохода, а население – заработка от китобойного промысла, ни обременять казну лишним расходом по обязательному выкупу китобойных предприятий, необходимому, в случае принятия закона, С[еверная] Норвегия, где промышленное население составляет большинство, в целом ряде резолюций, адресов и депутатий старалась убедить Стортинг в необходимости означенной меры.

Избранные рыбацким населением С[еверной] Норвегии депутаты Стортинга старались показать своим избирателям, насколько близко они принимают к сердцу их интересы и желая в то же время заручиться их расположением ввиду предстоящих осенью этого года новых выборов в Стортинге, усердно и постоянно, в речах и печати проводили мысль о необходимости этого закона.

Неудивительно, после всего вышеизложенного, что разгоряченное такую энергичною агитациею промышленное население С[еверной] Норвегии, уже и прежде относившееся крайне враждебно к китобойным станциям и заводам в крае, почувствовало свою силу и стало даже высказывать угрозы саморасправы по адресу китобоев.

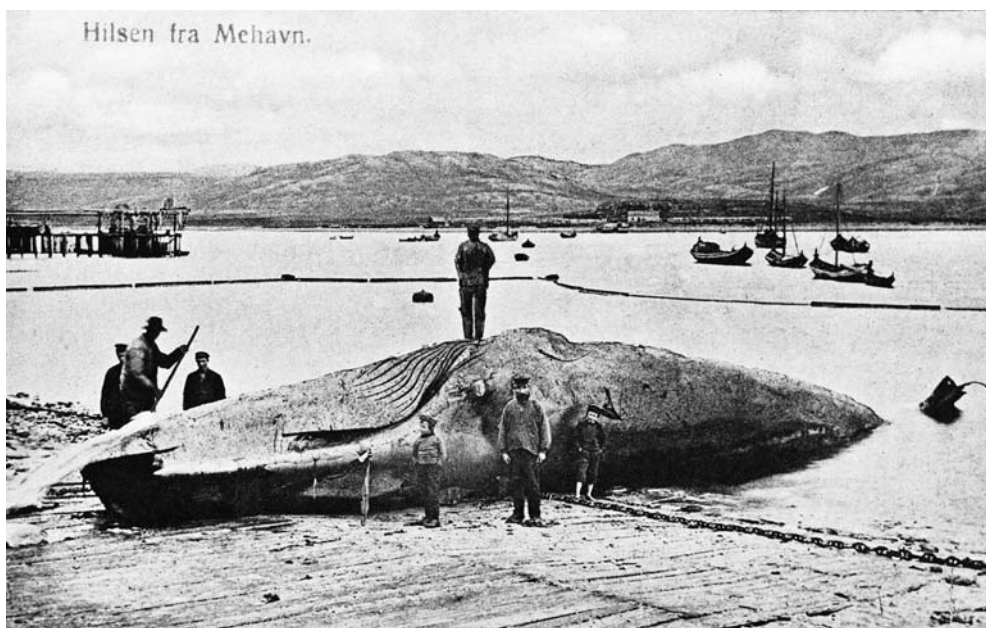
Столь неприязненное настроение населения побудило некоторых, более осторожных представителей китоловства заблаговременно, не дожидаясь принятия или непринятия закона, перенести свою деятельность за пределы страны. Так, одно общество стало с начала этого года промыслять у Фарерских островов, другое же додумалось зафрахтовать большой пароход и устроить на нем завод-станцию для обработки доставляемого боем китов материала. Управляющий этою станцией сообщил мне, что общество намерено промыслять у Медвежьего острова и у Шпицбергена, и постарается, на последней земле, установить завод в одном из западных фиордов этой группы островов, а в случае неудобства или невозможности привести этот план в исполнение, будет обрабатывать китов на пароходе среди моря.

Часть китобоев, однако, осталась в Норвегии, вызывая своим присутствием и деятельностью все большее неудовольствие рыбаков, поведшее недавно в Мегавне, становище С[еверной] Норвегии на пути между Гаммерфестом и Вардэ к взрыву, имевшему следствием разгром станции и завода рыбопромышленниками.

Около 1500 рыбопромышленников, бывших по случаю праздников Св. Троицы и Духова дня на берегу, в совершенно трезвом виде и сознательно, разнесли китобойный завод и собирались идти разбивать другие заводы, но были остановлены в своем шествии на лодках противным ветром, благодаря чему власти успели доставить для охраны заводов войска, чем и остановили дальнейшее самоуправство промышленников.

Такая саморасправа послужила, однако, скорее ко вреду рыбаков, чем им на пользу. Независимо от суда и наказаний, которым они подвергнуты, рыбаки потеряли, благодаря своему образу действия, много во мнении Стортинга, непосредственным результатом чего было то, что закон о запрете лова китов рассмотрением отложен.

Переноса все последние события на почву партийной борьбы, консервативная пресса старается взвалить всю вину на депутатов, обвиняя их, впрочем, не без некоторого основания, что они своею агитациею натолкнули рыбаков на такое самоуправство, и в ряде статей распространяется о факте слабости правительственной власти и, особенно, об отсутствии понятия о праве у промышленников. Между прочим, один из наиболее консервативных органов Христиании, газета «*Morgenbladet*», обсуждая прискорбные события в Мегавне, приходит к интересному заключению, что если такие своеволие и распущенность рыбопромышленников нынче нанесли вред норвежским гражданам, то, в другой раз, они могут обратиться против иностранцев, особенно русских, и что тогда «маленькой стране» придется, пожалуй, за самоуправство рыбаков дорого расплачиваться перед сильною соседкою. Следует, однако, заметить, что здесь на Севере русские являются для промышленников напротив, желанными гостями, так как их появление дает промышленникам возможность продавать рыбу по дорогой цене, которой им не дают ни местные купцы, ни приезжающие с юга норвежские скупщики, и по сему чего-либо неприязненного по отношению к русским со стороны промышленников ожидать нельзя»⁵²⁴.

Илл. 8.1. Убитый кит в Мехавне.

Фото Аас Йоханнес (Aas Johannes). В левом верхнем углу надпись в переводе на русский – «Привет из Мехавна».

Finnmark fylkesbibliotek FBib.91011-001

URL: <https://digitaltmuseum.no/021016011969/et-av-de-forste-fotografier-fra-mehamn-en-hval-er-dratt-pa-land-pa-flenseplassen> (дата обращения: 17.04.2025)

⁵²⁴ АВПРИ. Ф. 155. Оп. 445. Д. 33. Л. 68–72 об.

8.4. «Тысячи виноваты в тяжком преступлении изготовления телеграммы к русскому правительству с просьбою о помощи...»

Итак, толпа норвежцев разгромила целый завод (тоже норвежский), собиралась сделать это же и с другими, расположенными поблизости норвежскими же заводами и лишь благодаря случаю не смогла этого сделать. Казалось бы, причем тут Россия? А притом, что она *могла бы* каким-то образом покарать «маленькую страну», *если бы* когда-нибудь каким-то образом при подобных беспорядках пострадали ее подданные.

Автор столичной норвежской газеты, видимо, далекий (во всех смыслах) от проблем рыбаков Северной Норвегии привычно помянул всю «русскую угрозу» как возможную реакцию России на недружественные действия норвежцев по отношению к россиянам. Однако через несколько дней «русская угроза» обнаружилась совершенно с неожиданной стороны. Прошел слух, что норвежские рыбопромышленники не только не собираются обращать свои «своеволие и распушенность» против русских, а наоборот, хотят обратиться за помощью к России, для противостояния своим, норвежским, властям и армии! Такая картинка получилась гораздо страшнее.

Из донесения консула О. Визеля за исходящим № 169 из Хаммерфеста от 24 июля (6 августа) 1903 г., адресованного на имя Н.А. Малевского-Малевича⁵²⁵, полученного в С.-Петербурге 4 (17) августа 1903 г.:

«В свое время я имел честь доносить о бывших в июне месяце сего года беспорядках в Мегавне. В своем донесении за № 117 я сообщал, что беспорядки эти, выразившиеся в разгроме китобойных станции и завода в Мегавне, были главным образом вызваны недовольством рыбаков на китоловов, отчасти же были подготовлены также агитациею лиц, преследовавших свои личные интересы. События эти окончились призывом войск, откомандированием в Мегавн военного суда и, наконец, отдачею под суд 9 человек, считаемых главными зачинщиками.

Одновременно с беспорядками в Мегавне происходили сходки и волнения в Гамвике, Берлевоге, (название следующего населенного пункта в документе неразборчиво – Р.Д.) и других становищах Сев. Финмаркена, вызвавшие также необходимость присутствия войск.

Несколько времени тому назад пронесся слух, будто бы рыбаки Северной Норвегии, не видя помощи со стороны своего правительства в одном из наиболее жизненных для них вопросов – а таковым они считают вопрос о запрете боя китов – на сходке, созванной в Гамвике по поводу Мегавнских беспорядков и ввиду слухов о приближении войск обращались или собирались обращаться к Русскому Правительству за помощью.

⁵²⁵ Николай Андреевич Малевский-Малевич был тогда директором II Департамента МИД России.

Первая сообщила о факте газета (название газеты неразборчиво: Hålogaland? – Р.Д.), выходящая в Harstad, поместив у себя следующую цитату: «К чему арестовывать промышленников, когда *тысячи виноваты в тяжком преступлении* изготовления телеграммы к русскому правительству с просьбой о помощи и под влиянием как своего собственного фанатизма, так и занимающих выдающееся общественное положение русских, бывших там в печальные дни мегавнских событий – когда промышленники вооружаются с головы до ног, твердо *намереваясь объявить войну своему собственному отечеству?*» (от 18 июля).

Сообщение это, появившееся впервые в мелкой провинциальной газете Тромсенской губернии, прошло с различными комментариями через всю норвежскую прессу и проникло затем в шведские и немецкие газеты с нелестными для норвежского правительства заключениями»⁵²⁶.

О. Визель отмечал, что слухи о «тяжком преступлении» собравшихся в Гамвике рыбаков, тиражируемые газетами, по мере удаления от Гамвика, становились все фантастичнее. Муссировались показания неких свидетелей, бывших на сходке рыбаков в Гамвике и сообщавших, что ключевой фигурой собрания там и едва ли ни инициатором обращения норвежских рыбаков за помощью к России для защиты от норвежских же войск, был будто бы какой-то влиятельный русский – чиновник или офицер. Он, дескать, слишком подозрительно оказавшись в нужное время в нужном месте, взял на себя труд доставить телеграмму к русскому правительству.

Получалось, что по сравнению с инцидентом в Мегавне, где толпа разрушила завод, мирное собрание рыбаков в Гамвике гораздо опаснее для норвежского государства. В первом случае речь шла всего лишь о беспорядках и самоуправстве. Во втором – о массовой измене своему государству и призыве к иностранному вмешательству во внутренние дела Норвегии. Но в ходе следствия, проведенного норвежскими властями, результаты которого были частично обнародованы, от сенсации мало что осталось.

В донесениях О. Визеля от 24 июля (6 августа) и 29 июля (11 августа) 1903 г., сообщалось, что коварным русским офицером оказался И.А. Шершедт⁵²⁷ – норвежец, как и десятки других его соотечественников переселившийся на Мурман и принявший русское подданство. В Гамвик он приезжал покупать рыбу. После инцидента, И.А. Шершедт, утомившись оправдываться и беспокоясь за свою репутацию, выступил в норвежских газетах с опровержением приписываемой ему роли провокатора. Он написал, что он во время беспорядков в Мегавне действительно был в Гамвике, но в сходке рыбаков не участвовал, противостоянием рыбаков и китобоев не интересовался и тем более не брал на себя обязательств по пересылке каких-либо телеграмм русскому правитель-

⁵²⁶ АВПРИ. Ф. 155. Оп. 445. Д. 33. Л. 78–79 об.

⁵²⁷ У О. Визеля – «И.А. Шершедт». Другой, более часто встречающийся вариант написания фамилии колониста по-русски – «Шершедт». Оригинальная фамилия – «Skjærseth»?

⁵²⁸ АВПРИ. Ф. 155. Оп. 445. Д. 33. Л. 80, 93–94.

ству. «Офицером» И.А. Шершедт оказался вообще по недоразумению. В одной из газет Северной Норвегии его как-то назвали *капитаном* (т.е. капитаном судна в смысле «шкипером»). В Христиании – норвежской столице – слово «капитан» было понято как воинское звание⁵²⁸. Единственное, что более-менее было похоже на правду, это то, что И.А. Шершедт и в самом деле являлся в какой-то мере «влиятельной» персоной на Мурмане. И.А. Шершедт упомянут в «Адрес-календаре Архангельской губернии на 1903 год» в разделе «Упрощенные общественные управления»; указана и его должность – городской староста Кольского общественного управления⁵²⁹. Должность эту он занимал и в последующие 1904, 1905 гг.

О. Визелю ничего не было известно и собственно о будто бы составленной в Гамвике телеграмме норвежцев к русскому правительству. «По-видимому (...) телеграммы, ни прямо, ни косвенно послано не было, а были посланы таковые королю и Стортингу. Таким образом, весь инцидент сводится к не приведенной в исполнение мысли прибегнуть к защите России, мелькнувшей у некоторых промышленников со страху перед войсками», – резюмировал О. Визель⁵³⁰.

8.5. Скрамное обаяние русской «тирании»

Газетные спекуляции на тему «русской угрозы» в контексте событий 1903 г. в Мегавне и Гамвике побудили О. Визеля в своих донесениях о них заодно порассуждать об этом политическом и культурном мифе в общественном сознании норвежцев, его влиянии на отношение норвежцев к России и русским. Эти рассуждения представляются интересными, поэтому далее я вновь позволю себе привести еще одну пространную цитату из донесения консула от 24 июля (6 августа) 1903 г.

«Если вспомнить, что пресса норвежская постоянно вселяет в местных жителей убеждение, будто Россия стремится завладеть северною Норвегиею, будто вся наша деятельность в Финляндии объясняется подготовлением к исполнению этой задачи, если, наконец, принять во внимание, что та же пресса не щадит красок чтобы представить положение дел в России в самом непривлекательном виде, постоянно утверждая, что вместо строгой законности, будто бы царящей в Норвегии, у нас процветает полный произвол, кнут и тирания – то можно себе представить удивление и негодование газет, когда оказалось, что местные промышленники, по-видимому, вовсе не ужасаются России, а, напротив, думают даже прибегнуть к ее защите.

⁵²⁹ Адрес-календарь Архангельской губернии на 1903 год со справочными сведениями по торговому и промышленному предприятиям и списком волостей Архангельской губернии. Архангельск, 1903. С. 23.

⁵³⁰ АВПРИ. Ф. 155. Оп. 445. Д. 33. Л. 80.

На правительство и на неумение его вселять в население любовь и привязанность к родине посыпался град обвинений.

Оставляя в стороне, за отсутствием до сих пор прямых доказательств трудно проверяемый факт, серьезно ли желали или нет рыбаки Гамвика обратиться за помощью к нашему правительству, легко, однако зная положение дел и взгляды местных промышленников, представить себе мысль о таком обращении.

Дело в том, что промышленники знают Россию и русских лучше, и относятся к нам гораздо менее враждебно, чем пресса и более образованная часть страны. Промышленники норвежские имеют друзей, родственников и знакомых среди колонистов на Мурмане и, сравнивая свое положение с таковым их собратий, поселившихся в России, невольно выводят заключение не в пользу Норвегии. Правда, они здесь имеют широкие политические права, участие в выборах, возможность посылать своих представителей в Стортинг, но что им с того, если их желания и надежды не приводятся в исполнение, и если экономические условия их жизни значительно тяжелее, чем таковые их сородичей в России. Громадные подати⁵³¹ и неумолимость властей при их взыскании, бедность страны, дороговизна жизненных припасов, упадок промыслов и разочарование в правительственной власти, не исполняющей насущных их желаний (как, напр., вопрос о запрете боя китов) – все это заставляет их мало ценить несколько проблематичные для них блага цивилизации и свободы, которыми они, по словам газет, наслаждаются, и побуждает их скорее мечтать о переселении на Мурман, где все можно получать беспопытно, где нет налогов, нет китобоев, где существует большая свобода промысла и где все их бывшие сородичи преуспевают и богатеют⁵³².

⁵³¹ Наиболее бедные рыбаки уплачивают в год 50–60 крон, вообще же население платит от 14 до 25% подоходного налога. – *Прим. О. Визеля.*

⁵³² Подробнее о норвежских колонистах Мурмана в XIX – начале XX в., ссылки на источники и литературу о них см. (в хронологическом порядке): *Sæther O. Nordmenn på Murmankysten. En norsk koloni i Russland // Pomor. Nord-Norge og Nord-Russland gjennom tusen år / E. Niemi (red.). Oslo: Gyldendal Norsk Forlag, 1992. S. 69–83; Попов Г.П., Давыдов Р.А. Мурман. Очерки истории края XIX – начала XX в. Екатеринбург, 1999. С. 29–57, 64–70; С. 26–38; Юрченко А.Ю. Колонизация побережья Баренцева моря в XIX – начале XX века: два подхода к освоению региона // Скандинавские чтения 2000 года. Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 2002. С. 184–190; Коротаев В.И. Колонизация Мурмана иностранцами в контексте концепции модернизации // Вестник Поморского университета. 2004, № 1 (5). С. 18–31; Давыдов Р.А. Предыстория и начало норвежской и финской колонизации Мурмана. Формирование и трансформация собирательного образа Мурманского колониста в 1860–1876 гг. // Живущие на Севере: образы и реальность: Сборник научных статей / Науч. ред. П.В. Федоров. Мурманск: МГПУ, 2006. С. 59–82; In the North My Nest is Made. Studies in the History of the Murman Colonization 1860–1940. SPb., 2006; Орехова Е.А. Колонизация Мурманского берега Кольского полуострова во второй половине XIX – первой трети XX в. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009; Davydov R.A., Orekhova Ye.A. Norske kolonister på Murmankysten 1860–1940 // Ottar. 2017. Nr. 1 (314). S. 16–23; Орехова Е.А., Давыдов Р.А. «Разбойники» на Мурмане и их «жертвы» – норвежцы: еще один аспект старого мифа о русской угрозе Норвегии? // Скандинавские чтения 2016 года. Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб.: МАЭ РАН, 2018. С. 99–123 и др.*

В Вардэ этою весною меня рыбаки осаждали просьбами помочь им перебраться на Мурман, указывая на все более и более тяжелые условия жизни в Норвегии⁵³³.

Таким образом весьма естественно объясняется желание рыбаков обратиться за помощью к России – мысль, крайне поразившая и обеспокоившая прессу, но вполне понятная, если вспомнить, что с Россией у них соединено представление о возможности экономического преуспевания, правда, при утрате некоторых политических прав (не особенно, впрочем, ими ценимых), но зато при отсутствии податей и других условий, делающих столь трудную жизнь в Норвегии.

Газеты, обсуждая инцидент в Гамвике, позволили себе, конечно, некоторые инсинуации по адресу России. Если некоторые, менее осведомленные с положением дел (напр., немецкие), видят тут прямую интригу России, то другие – норвежские – путем исторических справок стараются доказать наличность у России желания овладеть Тромсенскою и Финмаркенскою провинциями, чтобы иметь незамерзающую гавань (в Варангерском заливе или Нарвике).

Между прочим, одна из газет («Morgenbladet») поместила предположительную картину норвежского города при русских порядках⁵³⁴, указывая на нашу систему дворников, на строгость наших паспортных постановлений, на запрещение носить оружие и др. Сатира, однако, не удалась автору. Напротив, статья наводит скорее на мысль о целесообразности и благодетельности этих русских порядков: дворники прибавили бы чистоты в городе, паспортная система с мая 1901 года уже введена и строго соблюдается в Норвегии, а запрещение носить ножи и оружие положило бы предел частым кровавым побоищам между пьяными норвежцами⁵³⁵.

Интересно, что некоторые наблюдения из цитируемых выше донесений русского консула 1903 г. почти буквально созвучны выводам, к которым более чем через сто лет в результате своих изысканий пришел профессор университета Тромсё Й.П. Нильсен – один из самых авторитетных современных норвежских специалистов по истории российско-норвежских отношений в Евро-Арктическом регионе. Он пишет: «Многое указывает на то, что северные норвежцы относились к русским

⁵³³ «В глазах норвежского правительства финмаркенские жители страдают недостатком национального чувства и индифферентизмом в политических вопросах», – отмечал российский консул В.А. Березников в середине 1890-х гг. (*Березников В.А. Поездка по Норвежской Лапландии в 1894 году*. СПб., 1897. С. 6–7). На существование «огромного политического индифферентизма» («great political indifference») населения Северной Норвегии есть указания и в известных нам работах зарубежных авторов (См., например: *Derry T.K. A History of Modern Norway. 1814–1972*. Oxford: Clarendon press, 1973. P. 83).

⁵³⁴ Настоящей же классикой темы «Скандинавия под русской оккупацией», находящейся на стыке политического памфлета и фантастики, стало произведение шведского автора Свена Хедина «Слово предупреждения» (1912), тираж которого превысил миллион (!) экземпляров, при численности населения Швеции в то время ок. 5,5 млн. чел. (*Аселиус Г. Зеркало «русской угрозы»* // *Родина*. 1997. № 10. С. 108).

⁵³⁵ АВПРИ. Ф. 155. Оп. 445. Д. 33. Л. 80 об-83 об.

гораздо более позитивно, чем люди, живущие в столице. В то время как столичные жители узнавали о русских из газет, жители Севера встречались с живыми людьми – своими торговыми партнерами, на которых могли положиться»⁵³⁶.

В одном из других донесений лета 1903 г., точную дату которого установить сложно, поскольку первый лист его не сохранился, О. Визель подробно рассказал о заседании представителей городского самоуправления в Хаммерфесте, где обсуждался вопрос о запрете боя китов. (При прочтении донесения складывается ощущение, что русский консул находился там лично). Один из присутствовавших на заседании, высказываясь в пользу запрета китобойных промыслов и работы соответствующих заводов в Северной Норвегии, ссылаясь на русский пример. Он полагал, что в России, на Мурмане, в похожей ситуации противостояния рыбаков и китобоев, рыбаки обратились к царю, и мудрый царь не оставил без внимания справедливые просьбы и жалобы своих подданных, разом запретив действие местных российских китобойных предприятий. (На самом деле российские китобойные предприятия, появившиеся на Мурмане в 1880-х годах, обанкротились в том же десятилетии – во многом из-за неумелого ведения дел и больших административных расходов, но в Норвегии об этом вряд ли знали)⁵³⁷.

«Русский царь имеет большую власть и может делать, что он пожелает», – заметил выступавший⁵³⁸. Судя по контексту, в котором это было сказано, говоривший вовсе не считал русское самодержавие абсолютным злом.

Народные волнения в Северной Норвегии 1903 г. не имели никакого отношения ни к Российской империи, ни к отдельным ее подданным. Тем не менее, сугубо внутренние социально-экономические проблемы Северной Норвегии, в ряде норвежских и европейских газет были расценены как угроза норвежскому суверенитету со стороны России. Власти Норвегии в ходе следствия, очевидно, выявили необоснованность этих подозрений. К аналогичным выводам пришло и российское консульство в Хаммерфесте.

Как в других, так и в этом конкретном случае, русофобский миф об угрозе северу Норвегии получил поддержку части норвежской интеллигенции и потому был растиражирован в печати. Но, видимо, он не воспринимался всерьез населением на севере Норвегии, активно вовлеченным с русскими в реальную взаимовыгодную торговую и иную деятельность.

⁵³⁶ Нильсен Й.П. Представление о России в Европе и Норвегии в XIX веке // Россия и мир: история, международные отношения, наука и образование: Сборник научных статей / Отв. ред. Л.Б. Красавцев, сост. Ф.Х. Соколова. Архангельск – Москва: Солти, 2009. С. 199.

⁵³⁷ См., например: Попов Г.П., Давыдов Р.А. Мурман. Очерки истории края XIX – начала XX в. Екатеринбург: УрО РАН, 1999. С. 146–148.

⁵³⁸ АВПРИ. Ф. 155. Оп. 445. Д. 33. Л. 76.

Российские власти, в начале 1860-х гг. не только разрешившие, но и стимулировавшие колонизацию норвежцами российской территории – Мурмане, не имели планов ни экономической, ни военной экспансии применительно к Финнмарку, к северу Норвегии. Более того, МИД России старался, по возможности, устранять все факторы, которые могли бы быть восприняты норвежской стороной как проявление экспансии и «угрозы» (даже не являвшиеся таковыми).

Вскоре после описанных в этой статье событий 1903 г. Российская империя в 1905 г. признала независимость Норвегии «во всей ее территориальной целостности» (как известно, Россия была первой страной в мире, которая это сделала). Последующие реальные взаимоотношения двух стран строились на принципах мирного сосуществования и готовности обеих сторон к ведению диалога по решению спорных вопросов без применения силы.

Глава 9

Дневник Павла Ильича Буркова как источник по истории русской торговли в Финнмарке в годы I мировой войны (1915 год)

9.1. Статья в журнале «Архангельская старина» и неожиданное продолжение работы

16 мая 1918 года пароход Товарищества Архангельско-Мурманского срочного пароходства «Федор Чижов», следовавший из норвежского города Вардё в Мурманск, был потоплен в Вайда-губе артиллерийским огнем, как принято считать, немецкой подводной лодки U 22, которой командовал Генрих Герман Хасхаген (Henrich Hermann Hasehagen). Этот совершенно забытое в наше время злодейство тогда вызвало большой общественный резонанс на Европейском Севере России. Ведь к тому времени уже прошло более двух месяцев со дня подписания в Брест-Литовске большевистской делегацией мирного договора с Германией и больше месяца после ратификации договора обеими сторонами!

Русский пароход не был вооружен; он стоял на якоре в российских территориальных водах. Среди его пассажиров находились возвращавшиеся в Россию военнопленные, многие из которых еще не оправились после ранений и потому ехали в сопровождении медицинского персонала. Подводная лодка открыла артиллерийский огонь по пароходу без причин и без предупреждения. Безоружную команду и пассажиров, пытавшихся спастись от обстрела с горящего судна, немецкие подводники пытались добивать даже в шлюпках.

В одной из шлюпок, уничтоженной снарядом с U 22, оказался молодой штурман «Федора Чижова» – Владимир Иванович Воронин. Он едва не погиб (находившегося рядом с ним в шлюпке матроса убило осколком снаряда), провел около часа в холодной воде рядом с трупами и был спасен в бессознательном состоянии. Потом он несколько недель тяжело болел; врачи посоветовали ему проститься с родственниками. Владимир Иванович послушал совета и даже сфотографировался с братьями – на память. Однако болезнь отступила, и впоследствии В.И. Воронин стал знаменитым полярным капитаном.

Капитаном же «Федора Чижова» в том злополучном рейсе мая 1918 г. был Илья Васильевич Бурков – опытный моряк, сам владевший парусными шхунами, совершавшими плавания в Норвегию.

Показания И.В. Буркова, данные им через несколько дней после трагедии, сохранились в Российском государственном историческом архиве (РГИА). Воспоминания В.И. Воронина об этом случае из его жизни были опубликованы в 1934 году. Свидетельства очевидцев – капитана и штурмана – были положены в основу небольшого исследования обстоятельств гибели «Федора Чижова», подготовленного автором настоящей статьи совместно с коллегой из Мурманска – Д.А. Ермолаевым. В 2014 г. результаты исследования были напечатаны в журнале «Архангельская старина»⁵³⁹ и в том же году представлены в виде доклада на научной конференции, посвященной I мировой войне⁵⁴⁰.

Вскоре после выхода журнала со статьей о гибели «Федора Чижова» к редактору его – Игорю Михайловичу Гостеву обратился читатель – Виктор Николаевич Латкин. Он сообщил, что приходится правнуком Илье Васильевичу Буркову и что у него и его родственников в семейном архиве хранятся документы, письма и фотографии старого капитана. Более того, в разговоре с В.Н. Латкиным выяснилось, что в его семейном архиве сохранились также личные вещи Павла Ильича Буркова – сына Ильи Васильевича Буркова, который в 1923–1927 гг. был капитаном первого советского научно-исследовательского судна «Персей».

Наибольший интерес у И.М. Гостева и у меня вызвал дневник Павла Ильича Буркова, который он, будучи 19-летним учащимся Архангельского торгово-мореходного училища, вел в 1915 г. во время прохождения практики на паруснике «Зосима», в ходе которой он совершил плавание на север Норвегии и обратно. В 2015 г. дневник П.И. Буркова был впервые опубликован – ровно через 100 лет после написания, с комментариями и специально подобранными к тексту иллюстрациями⁵⁴¹.

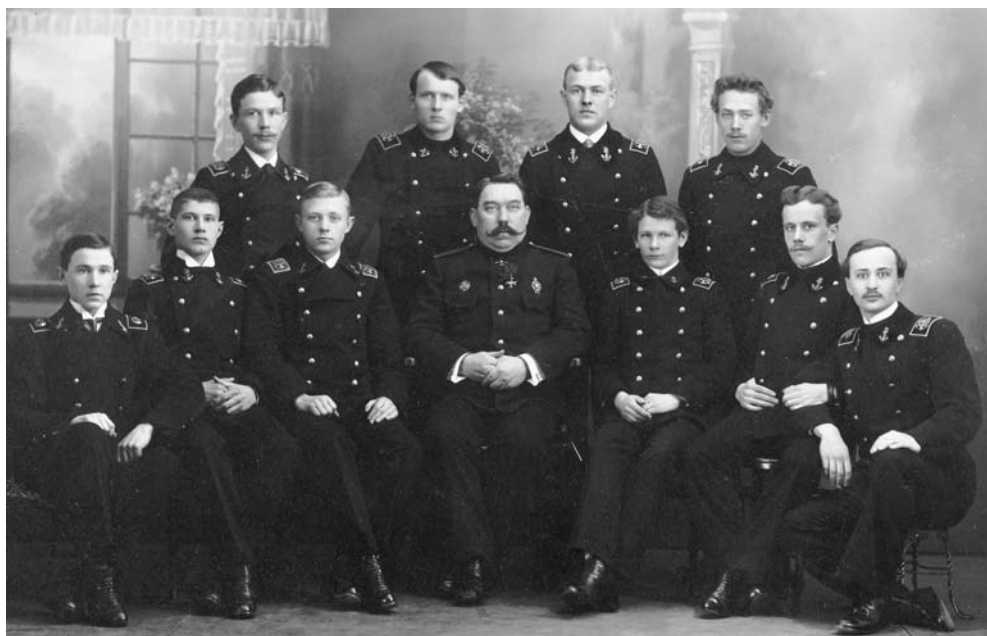
В настоящей главе дневник П.И. Буркова 1915 года рассматривается главным образом как источник по истории российско-норвежской торговли в Евро-Арктическом регионе. Другие аспекты дневника, касающиеся, например, быта Архангельска в годы I мировой войны, здесь не рассматриваются.

Но вначале несколько слов об авторе дневника.

⁵³⁹ Давыдов Р. Ермолаев Д. Расстрел «Федора Чижова» // Архангельская старина. 2014. № 2–3 (13–14). С. 74–81.

⁵⁴⁰ Давыдов Р.А., Ермолаев Д.А. Расстрел «Федора Чижова»: свидетельства очевидцев и исторический контекст // Первая мировая война и Европейский Север России: материалы международной научной конференции «Великая война и Европейский Север России (к 100-летию начала Первой мировой войны)» (Архангельск, 21–25 июня 2014 г.) / сост. Т.И. Трошина; под общ. ред. Т.И. Трошиной. Архангельск: ИД САФУ, 2014. С. 165–175.

⁵⁴¹ Два капитана из династии Бурковых: сборник статей и документов / сост. И.М. Гостев; ред.: И.М. Гостев (отв. ред.), Р.А. Давыдов. Архангельск: ИПП «Правда Севера», 2015.

Илл. 9.1. Учащиеся Архангельского торгово-мореходного училища и его начальник – Константин Иванович Престин. Фото 1916 (?) г.

Фотография из семейного архива В.Н. Латкина и В.Н. Пешковой.

Впервые опубликована: Два капитана из династии Бурковых: сборник статей и документов / сост. И.М. Гостев; ред.: И.М. Гостев (отв. ред), Р.А. Давыдов. Архангельск: ИПП «Правда Севера», 2015. С. 13.

В верхнем ряду крайний слева – Владимир Иванович Воронин (1890–1952). В 1918 г. он был штурманом парохода «Федор Чижов» и едва не погиб во время обстрела его немецкой подводной лодкой U 22. Впоследствии – знаменитый советский полярный капитан. Под его командованием в 1932 г. ледокольный пароход «Александр Сибиряков» впервые в истории совершил сквозной переход по Северному морскому пути за одну навигацию; в 1933–1934 гг. В.И. Воронин командовал пароходом «Челюскин» во время плавания, ставшего культовым в СССР. Он прожил долгую жизнь и умер в море в 1952 г., будучи капитаном ледокола «Иосиф Сталин».

В верхнем ряду крайний справа – Павел Ильич Бурков (1895–1936). Сын Ильи Васильевича Буркова, бывшего в 1918 г. капитаном пароход «Федор Чижов», потопленного немецкой подводной лодкой U 22. П.И. Бурков – автор дневника, отрывки из которого публикуются в данной главе. В 1922–1927 гг. он был капитаном самого первого советского научно-исследовательского судна «Персей».

9.2. Павел Бурков – учащийся Архангельского торгово-мореходного училища

В Государственном архиве Архангельской области сохранились документы, относящиеся к периоду обучения будущего капитана П.И. Буркова в Архангельском торгово-мореходном училище.

Самый ранний по дате документ – прошение крестьянина Архангельской губернии Архангельского уезда деревни Наволок капитана 2 разряда Ильи Васильевича Буркова на имя начальника Архангельского торгово-мореходного училища от 9 (22) августа 1912 г., в котором было написано: «Желая дать сыну моему Павлу Ильичу Буркову специальное образование, прошу Вас допустить его к экзаменам для поступления в 2-й общий класс мореходного отделения». И.В. Бурков брал на себя обязательства, в случае приема сына в училище, завести ему форменную одежду, вносить плату за обучение в установленные сроки⁵⁴². К заявлению прилагались метрическое свидетельство о рождении и крещении (П.И. Бурков родился 25 октября (6 ноября) 1895 г.), свидетельство об окончании Соломбальского городского 4-классного училища и свидетельство о плавании.

Вступительные экзамены И.В. Бурков сдал.

4 (17) апреля 1916 г. Павел Ильич Бурков окончил полный курс обучения на мореходном отделении и получил аттестат за № 322. На выпускных испытаниях он показал следующие результаты:

Английский язык – «удовлетворительно»

Немецкий язык – «хорошо»

Товароведение – «хорошо»

Коммерческая география – «хорошо»

Коммерция в связи с законоведением – «удовлетворительно»

Бухгалтерия – «хорошо»

Физическая география – «отлично»

Навигация – «хорошо»

Девияция – «удовлетворительно»

Мореходная астрономия – «хорошо»

Теория корабля и корабельной архитектуры – «хорошо»

Морская практика – «хорошо»

Пароходная механика – «хорошо»

Гигиена – «отлично»

За время обучения в училище П.И. Бурков в течение 18 месяцев 20 дней проходил практику на морских судах, в т.ч. 11 месяцев 11 дней – на парусных судах⁵⁴³.

В 1915 г. этим парусным судном для практиканта П.И. Буркова стала шхуна «Зосима».

⁵⁴² ГААО. Ф. 207. Оп. 1. Д. 499. Л. 7.

⁵⁴³ ГААО. Ф. 207. Оп. 1. Д. 499. Л. 8 об.

9.3. Парусник «Зосима» и его плавание в Норвегию в 1915 г.: общие сведения

«Зосима» – парусная шхуна водоизмещением 24,69 рег. тонн. Порт приписки – Архангельск. Владелец шхуны – Илья Васильевич Бурков. Капитан – Николай Васильевич Бурков. Иначе говоря, в 1915 г. Павел Ильич Бурков проходил на практику в качестве матроса на судне, принадлежащем его отцу под командованием своего дяди (брата отца)⁵⁴⁴.

Установить точную численность команды «Зосимы», как ни странно, по дневнику П.И. Буркова нельзя. П.И. Бурков постоянно упоминает лишь капитана, Болюку (это м.б. как фамилия, например «Болюк», так и прозвище) и Василия Дмитриевича. При прочтении дневника поначалу складывается впечатление, что Болюка и Василий Дмитриевич – разные люди. Лишь однажды, в записи от 10 сентября, П.И. Бурков написал: «Приехал на судно Василий Дмитриевич (Болюка)»⁵⁴⁵. Таким образом, получается, что в команде было всего три человека – Николай Васильевич Бурков, Павел Ильич Бурков и Василий Дмитриевич (Болюка?).

Кроме того, один раз упоминается, без указания имени, кок, бывший на судне во время стоянки в Вардё⁵⁴⁶. Но находился ли он на судне в течение всего рейса – не ясно. Судя по контексту – нет. Также один раз упомянут некий Уля (от норвежского мужского имени Ole?), который пытался сушить свои вещи во время стоянки в становище Земляное на Мурмане⁵⁴⁷. Был ли он кем-то из местных жителей, знакомых Буркову, побывавшим на «Зосиме» во время стоянки в качестве гостя или он был какое-то время пассажиром на шхуне? Однозначно ответить нельзя.

Дневник П.И. Буркова охватывает период с 16 мая по 30 сентября (т.е. с 29 мая по 13 октября по григорианскому календарю или «новому стилю») 1915 г. Далее для удобства читателя указываются даты как по юлианскому, так и, в скобках, по григорианскому календарю. В тех случаях, когда указывается одна дата – это дата по юлианскому календарю или «старому» стилю, как в оригинале дневника.

Сведения о ходовом и стояночном времени во время рейса шхуны «Зосима» даны в дневнике П.И. Буркова. Ниже они для удобства восприятия представлены в виде таблицы.

Таблица 9.1

Дата по юлианскому календарю (старому стилю)	Дата по григорианскому календарю (новому стилю)	Сведения о плавании шхуны «Зосима» в навигацию 1915 г. по материалам дневника П.И. Буркова
16 мая	29 мая	Шхуна перешла бар Северной Двины и вышла в Белое море

⁵⁴⁴ ГАО. Ф. 207. Оп. 1. Д. 499. Л. 3 об.

⁵⁴⁵ Два капитана из династии Бурковых: сборник статей и документов... С. 63.

⁵⁴⁶ Там же. С. 25.

⁵⁴⁷ Там же. С. 46.

Илл. 9.2. Обложка дневника П.И. Буркова – 19-летнего учащегося Архангельского торгово-мореходного училища, который он вел в 1915 г. по пути в Норвегию и обратно.

Из семейного архива В.Н. Латкина и В.Н. Пешковой.

Фото обложки впервые опубликовано: Два капитана из династии Бурковых: сборник статей и документов / сост. И.М. Гостев; ред.: И.М. Гостев (отв. ред), Р.А. Давыдов. Архангельск: ИПП «Правда Севера», 2015. С. 13.

16–29 мая	29 мая – 11 июня	Переход из акватории Архангельского порта в Vardø
29 мая – 21 июня	11 июня – 4 июля	Стоянка в Vardø
21–23 июня	4–6 июля	Переход из Vardø в Dyfjord
23 июня–11 августа	6 июля – 24 августа	Стоянка в Dyfjord
11 августа	24 августа	Переход из Dyfjord в Kjøllefjord; стоянка в Kjøllefjord
11–14 августа	24–27 августа	Переход из Kjøllefjord в Vardø
14–19 августа	27 августа – 1 сентября	Стоянка в Vardø
19–20 августа	1–2 сентября	Переход из Vardø в становище Земляное
20–24 августа	2–6 сентября	Стоянка в становище Земляное
24 августа – 1 сентября	6–14 сентября	Переход от становища Земляное до бара Северной Двины
1–4 сентября	14–17 сентября	Стоянка «у Зашейка»
4–5 сентября	17–18 сентября	Переход в Архангельск

9.4. Российско-норвежская торговля на севере Норвегии в 1915 г.: ограничения, обусловленные войной

В годы I мировой войны российско-норвежская торговля в Евро-Арктическом регионе, которую вели преимущественно жители приморских уездов Архангельской губернии и потому известная в зарубежной и отечественной историографии также как «поморская торговля», в значительной мере изменилось под влиянием военных обстоятельств⁵⁴⁸.

Доставка хлебных товаров, более века составлявших основу российского экспорта, в северные порты Норвегии на парусных судах из Архангельской губернии в мае 1915 г. была запрещена российским Министерством финансов. Министерством были разработаны «Правила об отпуске за границу товаров из числа запрещенных к вывозу по обстоятельствам военного времени». В одном из 19-ти параграфов правил было написано: «В навигацию 1915 года допускается беспрепятственный вывоз в Северную Норвегию на паровых и парусных судах, принадлежащих русским поморам Архангельской губернии, лесных материалов, некоторых непродовольственных продуктов и предметов оленеводства по прилагаемому при сем списку с тем, чтобы шкиперами судов по возвращении из Норвегии было предоставлено удостоверение русских консульских властей, а если в месте выгрузки товара их не имеется, то от местных норвежских властей о действительном поступлении товара в Норвегию»⁵⁴⁹.

Правила дополняли три списка товаров. В списке товаров, запрещенных к вывозу из России за границу, значились все хлебные товары. Во втором списке указывались те, что были разрешены к вывозу на север Норвегии в навигацию 1915 г. на поморских судах: лесные материалы; чай; сливочное масло; семга; оленьё мясо, языки, шкуры.

Внимание, которого удостоилась торговля русских поморов с Норвегией, было обусловлено поддержкой ее российским Министерством иностранных дел, с начала 1915 г. ведущего переписку с другими министерствами. Российский МИД настоятельно советовал не мешать торговать «находящейся в совершенно исключительном положении части населения империи» и устранить препятствия к продолжению «обычных торговых сношений с Норвегией». Позже правительство пошло навстречу пожеланиям МИДа и разрешило вывозить в Северную Норвегию: лесные материалы – без ограничения; зерно, муку, крупы – не более чем по 500 пудов на одном судне и всего не более 100 000 пудов за одну навигацию⁵⁵⁰.

⁵⁴⁸ Шрадер Т.А. Русско-норвежские связи на Севере в период Первой мировой войны (по материалам РГИА и РГАВМФ) // Скандинавские чтения 2005 года. СПб., 2005. С. 44–56.

⁵⁴⁹ РГИА. Ф. 21. Оп. 1. Д. 297. Л. 7–7 об.; Шрадер Т.А. Русско-норвежские связи на Севере в период Первой мировой войны... С. 52.

⁵⁵⁰ РГИА. Ф. 21. Оп. 1. Д. 296. Л. 9, 15; Шрадер Т.А. Русско-норвежские связи на Севере в период Первой мировой войны... С. 52–53.

Однако в начале навигации 1915 г., когда запрет на экспорт хлеба оставался еще в силе, а перспективы его отмены были неопределенными, многие из судовладельцев Архангельской губернии отправились в Норвегию, взяв в качестве основного груза не муку с крупой, а пиломатериалы и дрова.

9.5. «Зосима» в Вардё – потерянное время

Как видно из дневника П.И. Буркова, «Зосима» шла в Норвегию с грузом, состоящим главным образом из березовых дров – «березника». На следующий день по прибытии в Вардё, 30 мая (12 июня), дрова были проданы предпринимателю Holmbое по 50 крон за кубическую сажень. Разгрузка заняла два дня: 1 и 2 (14 и 15) июня. В первый день дров было выгружено 1 $\frac{1}{4}$ куб. сажени, а всего – 2 $\frac{3}{8}$ куб. сажени (или более 23 кубометров). 3 (16) июня на шхуну, освободившуюся от груза дров, были приняты 70 бочек испанской соли⁵⁵¹.

Три недели стоянки в Вардё – с 29 мая по 21 июня (11 июня – 4 июля) – для команды «Зосимы» и команд других русских судов, количество которых всё увеличивалось, оказалось зря потерянным временем. Дни были пасмурными, ветреными, холодными, туманными и по большей части дождливыми, из-за чего рыбаки не выезжали на промыслы. Лишь однажды за всё время стоянки в Вардё удалось купить 205 кг рыбы. Команда «Зосимы» коротала время, занималась судовыми работами: сделали новый трап, ремонтировали рангоут, такелаж; сушили и чинили паруса. В дневнике П.И. Буркова сохранились короткие, но скрупулёзные записи: «ставили новые блоки у гафель-гардели и дирик-фалу три-селя», «починяли паруса: трисель и грот-топсель» и т.п. Между делом «шлялись» и «ездили по гостям». Когда пошла третья неделя простоя, капитан Н.В. Бурков и матрос Болюка (Болюк?) от вынужденного безделья стали пить. Судя по дневнику, сам П.И. Бурков пил мало; во всяком случае, пьяные застолья и похождения дяди, которого он называл в дневнике по должности – «капитаном», вызывали у него резкое неприятие. Вот лишь некоторые его записи тех дней:

15 июля. «В 12 ч. Капитан и Болюка напились пьяные, в результате чего получилась драка. Капитан вырвал у Болюки полбороды».

16 июля. «Болюка пьет».

17 июля. «Капитан с Болюкой так напились на отвальной, что я вынужден был отказаться выйти в море. За это капитан на меня рассердился и ушел спать, причем в койку попала только одна голова».

18 июля. «Через несколько времени являются на шлюпке капитан и Болюка – оба пьяные. Капитан выругал меня на чем свет стоит и заявил мне, что он больше не желает быть капитаном, а будет матросом,

⁵⁵¹ Два капитана из династии Бурковых: сборник статей и документов... С. 22–23.

и что перебирается жить в кубрик с этого же дня. Мне осталось только пожелать ему счастья на новоселье и уйти прочь, что я и сделал»⁵⁵².

21 июня (4 июля) «Зосима» снялась с якоря в Вардё и направилась в Ду-фиорд. На следующий день П.И. Бурков написал: «Находимся против Тана-фиорда. Перед концом вахты встретили 6 траулеров и 2 грузовика. На траулерах пушки. Идут, по всей вероятности, в Белое море для траления мин»⁵⁵³. П.И. Бурков был вероятнее всего прав. В мае–июне 1915 г. германский вспомогательный крейсер «Meteor» поставил в Горле Белого моря минные заграждения – 10 отдельных линий по 27–72 мины в каждой, всего 285 мин. В том же 1915 г. году английские и русские тральщики обезвредили 174 и 44 мины соответственно⁵⁵⁴.

9.6. «Зосима» в Дуфьорде: прием улова норвежских рыбаков, ремонт корпуса и «маки»

В 1 час ночи 23 июня (6 июля) «Зосима» встала на якорь в Ду-фиорде. Именно здесь команда приняла основной груз рыбы.

Вопреки упрощенному представлению о поморской торговле, будто бы представлявшей на протяжении всего времени своего существования почти исключительно натуральный обмен русского хлеба на норвежскую рыбу, действительность была сложнее. В конце XIX – начале XX в. товарно-денежные отношения постепенно вытесняли натуральный обмен. В 1915 г. в условиях I мировой войны, когда власти России сначала запретили, а потом ограничили экспорт хлеба за границу на судах, принадлежащих жителям Архангельской губернии, натуральный обмен был вытеснен почти полностью. Команды поморских судов столкнулись с нехваткой наличных денег для покупки рыбы в Норвегии. Денег, полученных за доставленные в Норвегию пиломатериалы и дрова, было недостаточно для того, чтобы купить соль и рыбы полный груз для реализации ее в Архангельске. Дефицит наличности приводил к тому, что русские вынуждены были расплачиваться с норвежскими рыбаками не сразу, писать т.н. «седеля» – долговые расписки (вероятно, от шв. «sedel» – банкнота). Эта ситуация нервировала всех. Русские, в ожидании заказанных из России наличных, отказывались от выгодных предложений норвежцев из опасения, что не смогут расплатиться. Норвежцы выражали понятное беспокойство, что расставшись с выловленной ими рыбой, они могут не получить оговоренной оплаты. Вероятно, некоторые ссуды для расчетов с норвежскими рыбаками давали россия-

⁵⁵² Там же. С. 25.

⁵⁵³ Там же. С. 26.

⁵⁵⁴ Гончаров Л.Г., Денисов Б.А. Использование мин в мировую империалистическую войну 1914 – 1918 гг. М.–Л., 1940. С. 75–76.

нам местные норвежские предприниматели: в дневнике П.И. Бурков неоднократно называет их «кухманами» (от норв. «kjørtmann», буквально «купец»). Одному из них, между прочим, П.И. Бурков продал ружье за 20 крон, что в рублях составляло 14 р. 50 к.⁵⁵⁵

Вот отдельные записи из дневника, в которых упоминаются «седеля»:

15 июля. «Берём на седеля. Денег нет. Не знаю, расстреляют, нет промышленники, если долго не придут».

27 июля. «Дядя уехал на пароходе в Вардё за деньгами, а больше, пожалуй, от промышленников, так как начинают просить деньги по седелям. Да! Вот теперь и вертись, милостивый государь, если не хотел слушать, когда тебе говорили, что не бери рыбы по седелям, пока не узнаешь, что деньги посланы».

28 июля. «Около 6 ч. вечера я принял 1750 кг трески (я могу говорить «Я принял», так как нет капитана) на седел ценой по 18 эре за кг».

5 августа. «После 8 ч. ездили к кухману рассчитывать по седелям»⁵⁵⁶.

Сведения из дневника П.И. Буркова о принятом грузе представлены ниже в виде таблицы. Вес принятого и «убранного» груза он указывает как в пудах («п.», «пуд.»), так и в килограммах («кил», «килогр» «kgr», «kgm» и т.п.). Цены на рыбу в дневнике указаны в основном в норвежских деньгах – øге («эре», «ёре», «ёрушки») за 1 кг. 1 норвежская крона = 100 ёре.

Таблица 9.2

Дата по юлианскому календарю (старому стилю)	Дата по григорианскому календарю (новому стилю)	Сведения о принятом грузе на шхуну «Зосима» во время стоянки в стоянке в Dyfjord с 23 июня (6 июля) по 11 (24) августа по материалам дневника П.И. Буркова
1	2	3
23 июня	6 июля	«В 11 ч. купили 22 кил. сёмги, а после обеда осолоили её».
25 июня	8 июля	«С утра до обеда убирали рыбу и чистили дек. (...) Сегодня приняли и убрали 30 пуд. рыбы».
26 июня	9 июля	«Приняли рыбы 840 кг».
27 июня	10 июля	«В 2 ч. утра приняли рыбы 360 кг. С 7 ч. и до 9 ч. 30 м. убирали рыбу и мыли дек. (...) С обеда приняли и убрали 255 кг рыбы. (...) Вечером приняли 908 кг рыбы».
28 июня	11 июля	«С 4 ч. дня убирали принятую вчера рыбу. Около 8 ч. вечера приняли рыбы 143 kilogramma».
29 июня	12 июля	«Около обеда убрали 200 кг рыбы».

⁵⁵⁵ Два капитана из династии Бурковых: сборник статей и документов... С. 30.

⁵⁵⁶ Там же. С. 34–35, 38, 40.

Таблица 9.2, продолжение

1	2	3
1 июля	14 июля	«Сегодня взяли 900 кг рыбы».
2 июля	15 июля	«С 6 и до 2 ч. приняли 1102, а убрали 2002 килогр. рыбы.
3 июля	16 июля	«С 2 ч. до вечера приняли 864 кг рыбы. Больше – сайда. Цена – 14. (...) В 11 ч. приняли 284 кг рыбы».
4 июля	17 июля	«С утра начали убирать вчерашнюю рыбу и к 9 ч. окончили. (...) Всей рыбы в судне оказывается 605 пудов».
6 июля	19 июля	«В 12 ч. ночи привезли 2 бота сайды по 13 ёрей. Всей рыбы 606 пудов».
7 июля	20 июля	«В 7 ч. утра окончили приемку рыбы и принялись за её уборку. В день убрали около 350 пудов. (...) Около обеда приняли 765 кг рыбы».
8 июля	21 июля	«Сегодня убрали принятую вчера и сегодня рыбу и остальную сайду. (...) Сегодня во время уборки рыбы приняли 309 кг рыбы. Да! За эти 2 дня нам попало хорошо. Больше чем за все 3 недели стоянки в Дуфиорде».
9 июля	22 июля	«Сегодня утром приняли 4358 кг сайды. Сейчас к борту пристал бот. Рыбы купили 4328 кг. Во время уборки рыбы купили еще 1210 кг трески пикшуя».
10 июля	23 июля	«11 ч. вечера. Только что окончили уборку рыбы, как оставшейся после вчерашней уборки, так и принятой сегодня в количестве 1584 кг.»
11 июля	24 июля	«Сегодня очистили палубу от рыбы. (...) Как видно, рыбы долго не придется брать, потому что нет денег. Сегодня от 800 кг трески отказались».
13 июля	26 июля	«Ждем из Архангельска денег. Рыбы 2006 пудов».
15 июля	28 июля	«Утром выехали на брюгу и приняли 1557 кг солёной рыбы. После того как приехали к судну и убрали рыбу, отполоскав предварительно червей, приняли еще свежей 1604 кг».
16 июля	29 июля	«Рыбы сегодня привезли столько, что и не счесть, кажется штук 10 (? – Р.Д.) сайды, если только не меньше».
17 июля	30 июля	«Скоро нужно будет валиться да делать рыбку, которой на палубе, поди, штук полсотни насобирается. Помогите мне, Господи, её скорее замучить. (...) Нам только что привозили палтуса пудов 7 весом, но мы отказались купить его, боясь дешевой цены на них в Архангельске».
18 июля	31 июля	«Около 2 ч. приняли и убрали 120 кг камбалы, за которую отдали последние 10 крон. Теперь, случись что-нибудь, и денег нет ни ёрюшки. С 3 ч. ветер начал затихать. За эту неделю взяли рыбы 301 пуд. Теперь всей рыбы в судёнышке по наборке 2307 п. Войдет еще около 800 п.»

Таблица 9.2, окончание

1	2	3
20 июля	2 августа	«Рыбы привезли 110 кг солёной зубатки».
23 июля	5 августа	«Утром приняли 52 кг зубатки и трески и палтуса 83 кг весом по 45 эре [за] кг»
28 июля	10 августа	«Около 6 ч. вечера я принял 1750 кг трески (я могу говорить «Я принял», так как нет капитана) на седел ценой по 18 эре за кг».
31 июля	13 августа	«Около 12 ч. дня приняли 145 кг рыбы. После обеда ездили к кухману за солью. Взяли 6 бочек, конечно в долг».
1 августа	14 августа	«За день рыбы приняли и убрали 96 пудов. Больше крупная и ровная треска. Мелочи мало».
3 августа	16 августа	«С 6 ч. утра и до 9 ч. мы убрали принятие вчера ночью 655 кг рыбы».
4 августа	17 августа	«В 12 ч. купили 55 п[уд]. рыбы и, взяв с берега соль, занялись её уборкой».
5 августа	18 августа	«После обеда приняли 213 кг рыбы и занялись ее уборкой».
6 августа	19 августа	«Около 8 ч. вечера приехали с рыбой 4 ёлы, но за 15 ёр что-то не отдавают. Наверное, уедут прочь. 11 ч. вечера уехала только одна ёла, а три сдали рыбу».
7 августа	20 августа	«С утра занимались уборкой рыбы, принятой вчера».
8 августа	21 августа	«Около 6 ч. вечера приняли 260 кг рыбы и занялись ее уборкой. В 8 ч. кончали уборку рыбы».

Из таблицы видно, что на протяжении длительного времени команда «Зосимы» почти ежедневно занималась тяжелой и грязной работой по приему, посолу и погрузке рыбы.

Во время стоянки в Дуфиорде в деревянном корпусе шхуны появилась течь, устранить которую команде «Зосимы» не удавалось почти месяц. Поиск течи и устранение ее причины требовали много времени и сил и отвлекали от основных работ:

29 июня. «Сегодня утром от неизвестной причины в судне образовалась течь. С 9 ч. утра до 10 ч. вечера 3 раза пришлось слить воду».

1 июля. «В 5 ч. утра потянулись на обсушку. На подводной части нашли несколько (8) полых стыков и законопатили их. На вечерней воде не стянулись, так как ее проворонили. Течь почти не уменьшилась. Придется побродить немного (часа 4) и ночью».

2 июля. «Сегодня в 5 ч. утра стянулись с берега и стали на якорь на старое место. Течь уменьшилась вдвое».

6 июля. «В 8 ч. утра лили из судна воду. Течь заметно усилилась. С 9 ч. до 12 ч. занимались судовой работой. В 12 ч. поехали за (слово неразборчиво – Р.Д.) и подвели под судно. Течь как будто уменьшилась».

8 июля. «Судно течет. Воду льем через 3 ч.»

16 июля. «С утра займемся приготовлением (слово неразборчиво – Р.Д.) и подводкой их под судно, чтобы остановить течь».

24 июля. «В 3 ч. утра обнаружили течь, услышав, как журчит струя воды. Течь оказалась у форштевня. Предполагаем, что течет сростом между килевой кокорой и форштевнем. По всей вероятности не был забит нагель».

25 июля. «В 10 ч. потащили судно снова на обсушку. Около 6 ч. вечера, во время малой воды, закрепили течь по мере наших сил. Не знаю, что-то будет из нашего старания. А помучались же мы. В 12 ч. встали судном на старое место».

26 июля. «Утром оказалось, что течь в судне незначительная. Воды не лили весь день»⁵⁵⁷.

Рыба, выловленная у берегов Норвегии в июле–августе, быстро портилась. Хранение и сбыт уловов представляли серьезные трудности. Норвежские власти еще с 1790-х гг. всячески стимулировали приобретение скоропортящейся рыбы русскими. Сначала норвежским рыбакам было разрешено свободно продавать свежельвовленную ими рыбу приезжающим русским в самый теплый период лета, в т.н. «червливое время» («makketida»), т.е. в течение шести недель в июле – августе. В 1830-х – 1880-х гг. норвежские власти несколько раз увеличивали продолжительность «червливого времени», снимали ограничения на продажу соленой, вяленой рыбы⁵⁵⁸. Тем самым они обеспечивали устойчивый сбыт продукции норвежского рыболовства, одновременно устраняя конкуренцию норвежским рыбакам со стороны русских поморов, поскольку те отвлекались от рыболовства и ориентировались на торговлю с Норвегией. Сущность этой политики выразил в 1890 г. К. Фальсен, бывший шведско-норвежским консулом в Архангельске в 1886–1898 гг.: «Главным делом есть и остается с норвежской стороны постоянно поощрять и продвигать торговлю поморов, ибо в этом заключается действенное средство противодействия развитию самостоятельного российского рыболовства»⁵⁵⁹. Политика эта была результативной. Ее последствия в начале XX века в резкой форме (и не всегда справедливо по сути дела) критиковались в газетах. Поморы назывались распущенными, развращенными и ленивыми, отвыкшими от самостоятельного рыболовства и предпочитающими «за вонючей треской, да и то выловленной в наших же водах, тащиться в Норвегу»⁵⁶⁰.

О «червях» в треске П.И. Бурков упоминает в своем дневнике неоднократно. Он называет их также «маками» (ср. «маки» с норвежским термином «makketida» – «червливое время»). «Червивость» рыбы, при-

⁵⁵⁷ Два капитана из династии Бурковых: сборник статей и документов... С. 30–31, 32, 37.

⁵⁵⁸ *Niemi E. Pomorhandelen sett med norske øyne // Ottar. 1992. N 4 (192). S. 18.*

⁵⁵⁹ Нильсен Й.П. Хорошие соседи. Норвежцы и русские на Севере. 1826–1917. Осло, 1992. С. 12.

⁵⁶⁰ Музовский А. Охрана русских северных вод // Архангельск. 1909. 22 июля.

нятой в трюм поморского судна в Норвегии, к сожалению, было явлением обычным:

14 июля. «Я сегодня проснулся от чего-то холодного, скользнувшего по руке и начал осматривать постель. К великому моему огорчению на ней нашел я несколько штук червей. Взглянул на бельё – и тут черви. Пришло, верно, житьё – хоть с судна съезжай. (...) Почти весь день занимался выколачиванием червей в койке».

15 июля. «После того как приехали к судну и убрали рыбу, отполоскав предварительно червей, приняли еще свежей 1604 кг».

19 июля. «А теперь я забираюсь спать в койку (уже вторую ночь), так как маков больше в ней не показывается».

9 августа. «Из рыбы понемногу начали выбираться маки. Так и скользят по ватервейсам».

10 августа. «Вечером ловили на палубе червяков, бросали их за борт и смотрели, как их подбирает рыба»⁵⁶¹.

9.7. Путь домой

П.И. Бурков довольно скуп на описания своих личных впечатлений и чувств во время пребывания в Норвегии; в его дневнике гораздо больше места уделено погоде: облачности, осадкам, силе и направлению ветра, изменениям атмосферного давления по показаниям барометра. Он несколько раз упоминает о своих встречах с друзьями, также пришедших на судах в Вардё для закупки рыбы, о некой Магде, встречи с которой ждал в том же Вардё... Среди записей в дневнике за 6 августа видим следующую: «Весь вечер я провел на баке в разговоре с Ерлингом Якобсеном – приказчиком местного кухмана. Оказывается, он отличный малый». Интересно, на каком языке Павел Бурков и Ерлинг Якобсен проговорили весь вечер?

На обратном пути в Архангельск у «Зосимы» были три непродолжительных стоянки: у норвежского селения Кьёлле-фиорд, в городе Вардё, в становище Земляное на Мурмане.

Тёмные ночи, пасмурная, дождливая погода днём и туманы, малое количество маяков по берегам, немецкие мины в Горле Белого моря – всё это вместе взятое делало плавание рискованным. Вдобавок ко всему, если верить дневнику П.И. Буркова, на «Зосиме» все, кроме него были... пьяными. 19-летний практикант Паша Бурков, борясь со сном, большую часть времени самостоятельно вёл шхуну вдоль Мурманского берега и по Белому морю к Архангельску.

Вот отрывки из его записей в дневнике, сделанных во время обратного пути из Норвегии в Архангельск:

⁵⁶¹ Два капитана из династии Бурковых: сборник статей и документов... С. 34, 36, 41, 42.

28 августа. «Волна сильная. Болтает. Темнота страшная, такая, что и за пять сажень ничего не видеть. Идет мелкий дождь».

29 августа. «Находимся между Пулонгой и Сосновцем. Думаем, что теперь уже все мины перескочили, да кто знает – может ещё где есть. Каптин (так – *Р.Д.*) лежит в койке пьяный и кричит: “Не вертись!”».

30 августа. «В 10 утра я вышел на вахту и нашёл Болюку на руле пьяного. Я спросил его, как он держит, на что получил такой ответ: “Держу в шалоник (*SW*, юго-запад – *Р.Д.*), немножко поправее, немножко полее” (...). Я отправил его к чёртовой матери и взял руль и повёл судно на *SSW*. Так прошёл час моей вахты. В 1 ч. 10 м. я увидел с правого борта маяк с постоянным белым огнем, дал к ветру и закричал лежавшему на палубе Болюке, чтобы он подбирал шкоты. Передав Болюке руль и приказав держать на *W*, я отправился посмотреть на карте и решил так, что если он правил в *SW*, да поправее, то это Жижгин. Пошёл доложить о случившемся капитану. Тот оказался тоже в ненормальном состоянии, но всё же вышел на палубу и выразил своё мнение в следующих словах: “Ослепли вы что ли? Ведь маяк-то это Зимнегорский. Приказываю держать в него”. Я угостил его за это хорошим подзатыльником и отправил спать, встал в руль и продолжал держать на *W*. В 2 ч. 15 м. утра я увидел сувой (всплески, водовороты – *Р.Д.*) и, поняв, что маяк был не Жижгинский, а Инцы, взял курс по компасу на *StW*. Около 3-х часов стало светло. Я увидел берег и, убедившись, что не ошибся, продолжал идти тем же курсом».

1 сентября. «В 10 ч. утра пришли и встали на якорь у Зашейка. Погода после бурной ночи стоит прекрасная. Давление атмосферы 757. Мужички у меня по приходе маленько выпили. И теперь один спит в дверях каюты, а другой у себя в койке. Мне тоже страшно хочется спать, так как я не спал больше суток, (...) некому было вести судно. (...) При заходе в бар пришлось сегодня немного попутаться, так как вежи и бакана сбиты и перемешаны, а плавучий маяк не на своем месте»⁵⁶².

«Попутаться» у бара Северной Двины «Зосиме» пришлось из-за изменения расположения навигационных знаков. Эта простая, не требующая особых затрат и эффективная мера применялась для затруднения противнику безопасного входа в устья Северной Двины со стороны моря и в военное время – и I мировую войну, и раньше – в Крымскую войну, и еще раньше – в Северную войну.

То, какие затруднения у команды «Зосимы» вызвало определение местоположения по маяку и самого маяка, само по себе не является свидетельством ее некомпетентности. В те годы в условиях плохой видимости и при отсутствии ориентиров огни упомянутых маяков – Жижгинского, Зимнегорского и Инцы – вполне можно было перепутать и трезвому, и опытному моряку. У маяков Жижгинского и Инцы огонь был одинаковым – «белым постоянным»; у Зимнегорского маяка огонь был так-

⁵⁶² Два капитана из династии Бурковых: сборник статей и документов... С. 53–55, 57, 58.

же «белым постоянным с проблеском каждые полминуты»⁵⁶³. Кстати, ошибочно определивший маяк капитан «Зосимы» Николай Васильевич Бурков, не обиделся на полученный от племянника-практиканта подзатыльник. Впоследствии он дал ему короткую характеристику для Архангельского торгово-мореходного училища: «К службе способен, поведения хорошего»⁵⁶⁴.

5 (18) сентября 2015 г. «Зосима» прибыла в Архангельск.

9.8. Капитан Павел Ильич Бурков

Павел Ильич Бурков прожил не очень долгую жизнь, посвятив ее профессии, полученной им в училище. В семейном архиве потомков П.И. Буркова сохранилась его «Книжка для внесения сведений о плаваниях на парусных и паровых судах». Впервые сканированные цветные копии ее страниц ее были опубликованы в 2014 г.⁵⁶⁵. Из нее видно, что, будучи учащимся Архангельского торгово-мореходного училища, П.И. Бурков проходил практику в 1912 и 1913 гг. в качестве ученика на пароходе «Федор Чижов», в 1914 и 1915 гг. в должности матроса на паруснике «Зосима»; в 1916–1918 гг. он служил штурманом и командиром транспорта «Усури» Морского ведомства.

С «Персеем» связан довольно продолжительный период жизни П.И. Буркова – с 1922 по 1927 гг. Согласно записям в упомянутом выше документе, он занимал следующие должности:

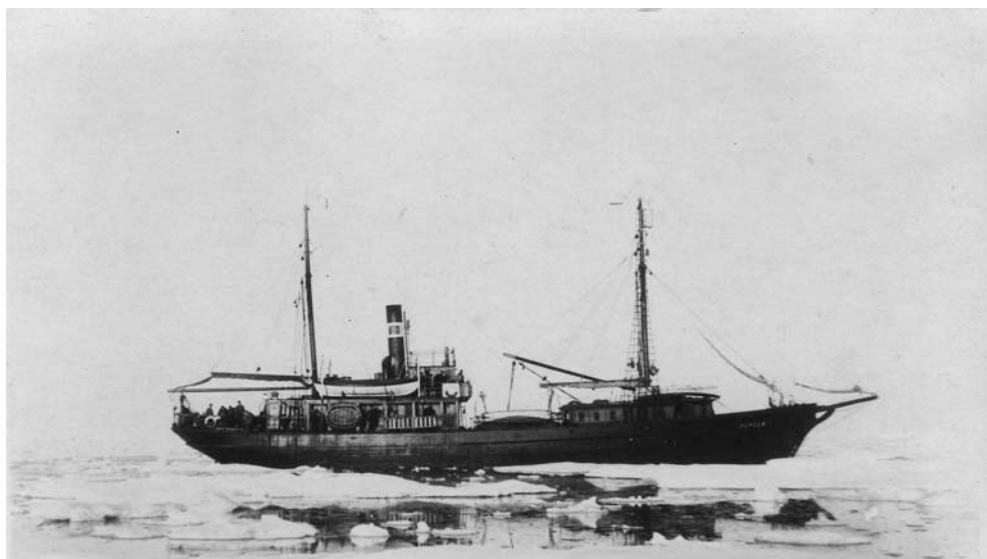
- 9 декабря 1922 г. – 11 марта 1923 г. – II помощник капитана;
- 11 марта – 4 декабря 1923 г. – командир;
- 1 мая – 20 ноября 1924 г. – капитан;
- 20 ноября 1924 г. – 10 февраля 1926 г. – капитан;
- 10 февраля 1926 г. – 1 ноября 1927 г. – капитан.

«Персей» – это судно-символ, первое (!) научно-исследовательское судно СССР. Его плавания положили начало деятельности знаменитого Плавморнина – Плавучего морского научного института, предшественника ПИНРО – Полярного научно-исследовательского институт морского рыбного хозяйства и океанографии имени Н.М. Книповича. Тем не менее, о его капитане П.И. Буркове до сих пор было известно и опубликовано немного. В известной книге В.А. Васнецова «Под звездным флагом “Персея”», в которой довольно подробно рассказывается об исследованиях советских ученых в Арктике в 1920-х – 1930-х гг., ему

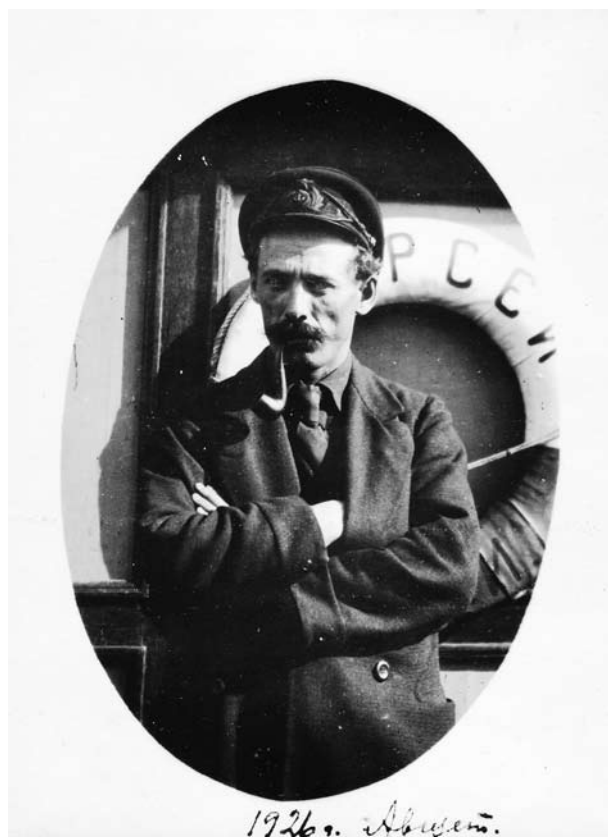
⁵⁶³ Лоция Белого моря. Издание Главного Гидрографического Управления Морского Министерства. 1913 года. Петроград, 1915. С. 340–341, 389; Спутник помора. По Белому морю и Северному Ледовитому океану. Справочник-ежегодник на 1914 год. Архангельск, 1914. С. 145, 147.

⁵⁶⁴ ГАО. Ф. 207. Оп. 1. Д. 499. Л. 3 об.

⁵⁶⁵ Два капитана из династии Бурковых: сборник статей и документов... С. 114–124.

*Илл. 9.3. Научно-исследовательское судно «Персей». 1925 г.
Из семейного архива В.Н. Латкина и В.Н. Пешковой.*

*Илл. 9.3. Павел Ильич Бурков – капитан научно-исследовательского судна «Персей». Август 1926 г.
Из семейного архива В.Н. Латкина и В.Н. Пешковой.*

уделено довольно скромное внимание – всего несколько абзацев. Однако и они запоминаются, по-своему ярко показывая характер капитана:

«Капитаном «Персея» в первом плавании был Павел Ильич Бурков, уроженец острова Мудьюгского [так в книге – *Р.Д.*], где все жители Бурковы, Седуновы или Копытовы. Павел Ильич невысокого роста, худощав, крепко сложен. На обветренном смугловатом его лице выделяются рыжие усики и светло-голубые глаза. Настоящий писатель назвал бы их стальными. Плавал он с детства, и много. Взгляды на жизнь у него устоявшиеся, свои собственные, не меняющиеся. Характер имеет независимый, твердый и прямой. Капитан он опытный, человек умный, но жестковатый и в обращении иногда резкий. И вот маленькое происшествие раскрыло совсем иные черты его характера.

Однажды глубокой ночью во время стоянки у пристани я проснулся, услышав характерный звук блоков шлюпбалочных талей, затем шлюпка плюхнулась днищем о воду. Что могло случиться и зачем ночью, да еще у причала понадобилось спускать шлюпку? Я быстро оделся и побежал на звук голосов. Узнал я следующее. Капитан вышел на палубу, и послышалось ему мяуканье кошки на корме. Он предположил, что кошка, случайно забравшись на судно, могла проникнуть в камбуз. Но нет, камбуз заперт, а мяуканье где-то совсем рядом, как будто под кормой. Взял переносный фонарь и опустил его к воде. А там, вцепившись в выступающую над водой часть рулевого пера, сидел мокрый котенок и громко орал. Этот «черствый» человек вызвал вахтенных, вместе с ними спустил спасательную шлюпку и стоял теперь в ней, прижимая к груди мокрого и дрожащего котенка, который вцепился когтями в его тужурку.

– Возьми-ка от меня утопленника да отнеси его посушиться, – сказал капитан.

Я перегнулся через борт, протянул вниз руку, и котенок, которого Павел Ильич еле оторвал от себя, так же судорожно вцепился в рукав моего бушлата. Он прижился у меня, а я назвал его Лямышкой, в память о таком же черно-белом котенке из моего далекого детства. Так я узнал, что под суровой капитанской оболочкой запрятано доброе сердце. С Павлом Ильичом у нас на долгие годы установились дружеские отношения. Его сухость и неразговорчивость объяснялись некоторой застенчивостью – раньше он плавал на военных, торговых и зверобойных кораблях и впервые попал на исследовательское судно в среду научных работников. Он еще не нашел общих с ними тем и интересов, и взаимоотношения еще не сложились. Впоследствии он вполне сжился с этой средой. Бурков был прекрасным капитаном. И еще я хочу сказать, что за все 10 лет моих плаваний на «Персее» это был единственный случай, когда спасательная шлюпка корабля использовалась по своему прямому назначению, т. е. для спасения терпящих бедствие»⁵⁶⁶.

⁵⁶⁶ Васнецов В.А. Под звездным флагом «Персея». Л., Гидрометеиздат, 1974. С. 98–99.

В другой книге, написанной выдающимся советским ученым и популяризатором науки Сергеем Владимировичем Обручевым, о капитане «Персея» говорится следующее:

«Наш капитан П.И. Бурков, потомок поморов-судоводителей, твердо хранит морские традиции. Он еще молод, но держится линии сурового морского волка. Посторонний человек на мостике – это оскорбление достоинства судна, а появление здесь женщины – прямо неприлично. И три женщины – научные сотрудники, которые едут на “Персее”, знают это и стараются не преступать правил хорошего тона полярных морей. В остальном капитан – джентльмен и очень милый человек, но боже упаси перейти через какую-то невидимую линию морских обычаев. Нельзя, например, осведомляться, когда судно придет в назначенное место: это зависит не от капитана, а от судьбы – ветра, льдов, сохранности судна; хотя с изобретением паровых машин судно не так сильно зависит от стихии, но моряки суеверны и обычаи еще в силе. Как-то я по поручению директора института А. Россолимо явился в навигационную узнать, когда придем к Шпицбергену, – и в ответ получил суровую отповедь в “морских” терминах, и мне удалось рассеять бурю только иронически приняв сказанное, как ожидаемый директором ответ»⁵⁶⁷.

По воспоминаниям В.А. Васнецова, Павел Ильич Бурков после двенадцатой экспедиции, будучи в Мурманске, «по каким-то чисто принципиальным вопросам» не сошелся во взглядах с Иваном Илларионовичем Месяцевым, руководившим на «Персее» научными работами. «Со свойственной ему прямолинейностью, а быть может, некоторой резкостью», он высказал И.И. Месяцеву свое мнение и подал заявление об увольнении. «Все мы уже сплавались с Бурковым и очень жалели об уходе этого опытного капитана, честного и хорошего человека», – писал В.А. Васнецов⁵⁶⁸.

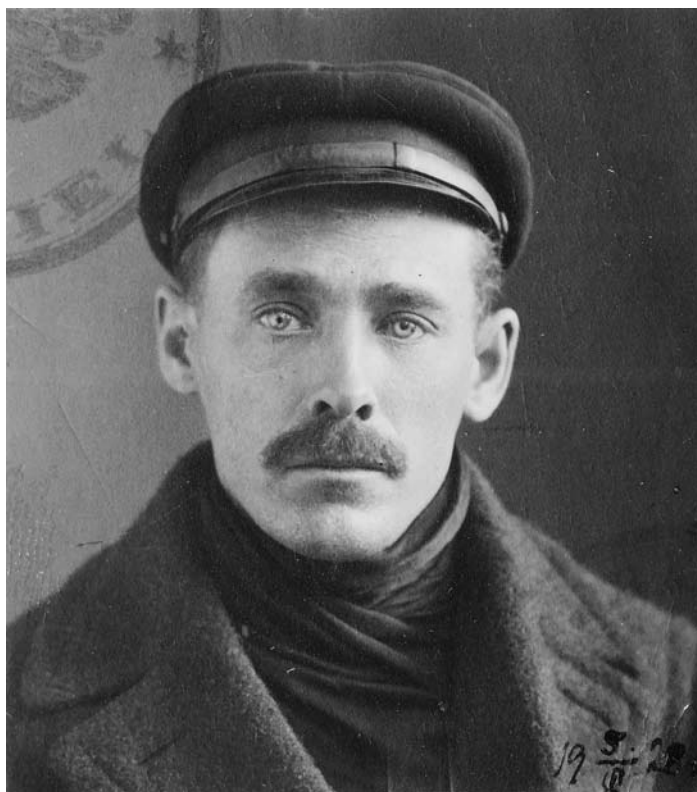
В конце 1920-х – 1930-х гг. П.И. Бурков служил на паровых судах «Плеханов», «Азимут», «Спасательный II», «Поной», «Госторг РСФСР». Потомки П.И. Буркова полагают, что, несмотря на высокий профессионализм и опыт плавания в Арктике, карьере Павла Ильича мог существенно мешать короткий эпизод его службы у белых во время гражданской войны. В занятом интервентами Архангельске он будто бы был мобилизован и непродолжительное время командовал нестроевой ротой⁵⁶⁹. После окончания интервенции, П.И. Бурков служил уже Советской России на Черном море. В Дивизии траления он был с 25 ноября 1920 г. по 25 марта 1921 г. флаг-штурманом 3 дивизиона; с 25 марта по 27 октября 1921 г. – командиром группы тральщиков⁵⁷⁰.

⁵⁶⁷ Обручев С. На «Персее» по полярным морям. М., 1929. С. 28–29.

⁵⁶⁸ Васнецов В.А. Под звездным флагом «Персея»... С. 99.

⁵⁶⁹ Попов Г.П., Семьин А.А., Бурков Г.Д. Мореходы Зимнего берега. Екатеринбург: УрО РАН, 2007. С. 313.

⁵⁷⁰ Два капитана из династии Бурковых: сборник статей и документов / сост. И.М. Гостев; ред.: И.М. Гостев (отв. ред), Р.А. Давыдов. Архангельск: ИПП «Правда Севера», 2015. С. 125.

*Илл. 9.3. Павел Ильич Бурков. 1928 г.
Из семейного архива В.Н. Латкина и В.Н. Пешковой.*

Летом 1936 г. П.И. Бурков простудился и заболел. Он скоропостижно скончался 3 августа в возрасте 40 лет. Согласно семейному преданию, однажды ночью в следующем, 1937 г., в квартиру, где жила вдова П.И. Буркова, пришли сотрудники НКВД и потребовали Павла Ильича. Но ушли ни с чем: вдова предъявила им справку о его смерти от воспаления лёгких⁵⁷¹.

⁵⁷¹ Два капитана из династии Бурковых: сборник статей и документов... С. 8–9.

Заключение

В главах 1, 7 и 8 книги рассмотрена деятельность россиян в Финн-марке, связанная с рыболовством. При этом рассматривались преимущественно не технические аспекты промыслов, а политические и правовые, связанные с российско-норвежскими отношениями в целом.

В главе 1 изложена более чем 80-летняя история речного рыболовства российских пазрецких саамов на территории, ставшей норвежской после разграничения России и Норвегии в 1826 года. Традиционные промыслы российских саамов в Норвегии были официально согласованы с норвежскими властями и разрешены. Несмотря на то, что норвежская сторона старались ограничить и, в идеале, вообще прекратить хозяйственную деятельность российских саамов на своей территории, последние вплоть до середины 1910-х либо сами продолжали заниматься рыболовством (в основном добычей семги), либо официально предоставляли возможность лова вместо них за денежное вознаграждение туристам из Великобритании. Отказываться от закрепленного за ними в международных договорах права рыболовства в Норвегии они решительно не хотели. Промыслы эти прекратились лишь после изменения государственных границ в конце 1910-х – начале 1920-х гг. Тогда, в результате прихода к власти большевиков и боевых действий на севере во время Гражданской войны, Финляндия вместе с независимостью получила и выход к Северному Ледовитому океану в районе Печенги (Петсамо); общая граница между Норвегией и Советской Россией была утрачена и восстановлена лишь по итогам II мировой войны.

В главе 7 показано, как в поселке Киберг – крупнейшем пункте пребывания российских рыбаков на территории Норвегии во время летних промыслов, – после установлении Швеции и Норвегии в 1814 г., изменилось отношение властей к русским. В 1816–1818 гг. норвежская сторона под угрозой применения корабельных орудий своего флота вынудила россиян снести свои жилые и хозяйственные постройки в Киберге, наличие которых до этого на протяжении десятилетий у нее не вызывало неприятия. Создание невыносимых условий для проживания и хозяй-

ственной деятельности русских рыбаков привело к массовой заболеваемости среди них. В главе процитированы источники середины – второй четверти XIX в., в которых российские официальные лица зафиксировали внимание на большом количестве больных россиян в Киберге. Описаны обстоятельства появления и работы в Киберге сезонного приемного покоя Российского Общества Красного Креста, сотрудники которого оказывали бесплатную помощь всем желающим, независимо от подданства с 1882 г. по 1913 г. включительно. Показан отложенный результат многолетнего проживания по соседству и взаимодействия норвежцев и россиян, занимающихся рыболовством у Киберга, а также работы там российских медиков. В годы II мировой войны, после оккупации Норвегии нацистской Германией, состоялся массовый исход жителей поселка в СССР, которые после нападения Германии на СССР приняли активнейшее участие в борьбе с немецкими оккупантами в Норвегии, добывая и передавая разведданные для СССР.

Глава 8 книги посвящена спекуляциям в Норвегии вокруг «русских тюленей», конфликтной ситуации 1903 г. (которую норвежские историки называли даже «революцией») и ее предыстории, во время которой толпа норвежских рыбаков уничтожила норвежский же завод в норвежском поселке Мехамн по переработке продукции китобойного промысла. Локальные массовые беспорядки, случившиеся в ходе «революции», была пресечена в зародыше силами норвежской армии и полиции. Несмотря на то, что причины, поводы к беспорядкам, непосредственные их участники не имели никакого отношения к России, скандинавская пресса безосновательно увидела в них очередное свидетельство якобы имеющегося стремления России к захвату севера Финнмарка. У автора настоящей книги были сомнения о том, стоит ли включать эту главу в книгу о русских на севере Норвегии? Ведь в данном случае русская активность на севере Норвегии хотя и существовала, но не в реальности, а лишь в фантазиях скандинавских журналистов. Но, после некоторого размышления, я посчитал нужным оставить эту главу. «Русская угроза» и в рассматриваемый период, и в настоящее время являлась и является важным элементом скандинавской культуры и массового сознания. Различные спекуляции вокруг нее и фантазии по-прежнему востребованы и представляют очень серьезный бизнес⁵⁷². Поэтому, хотя в настоящее

⁵⁷² Одним из примеров бизнес-проектов, связанных с эксплуатацией вымышленной «русской угрозы», может служить недавний норвежский телесериал «Оккупированные» («Okkupert»). На время съемок это был самый дорогой сериал за всю историю Норвегии. 24 серии демонстрировались в течение трех сезонов, начиная с 2015 года. Осваивая значительный, по европейским меркам, бюджет, норвежские кинематографисты изобразили русских в качестве оккупантов. Премьера первого сезона состоялась в год 70-летия победы стран антигитлеровской коалиции во II мировой войне, во время которой именно русские, точнее советские солдаты, при содействии норвежских патриотов освободили север Норвегии от реальной, а не выдуманной нацистской оккупации. Интересно, что появление сериала вообще не связано, как можно было бы подумать, с событиями на Украине и возвращением Крыма «в родную гавань» в 2014 г. Работы над сценарием сериала, подготовка к съемкам, решение вопросов по финансированию начались задолго до (!) 2014 г. См., например: URL: <https://www.nrk.no/kultur/nesbo-serie-om-russisk-okkupasjon-1.11001219> (дата обращения 30.04.2025).

время однозначно доказано, в т.ч. и норвежскими историками, что «русская угроза» Финнмарку была лишь «мифом», конкретные обстоятельства его происхождения и эволюции нужно изучать и популяризировать. Хотя бы потому, что, видоизменившись почти за 200 лет, этот миф не исчез.

В главах 2, 3 и 9 настоящей книги на примерах плаваний отдельных частных судов из Архангельской губернии на север Норвегии и деятельности их команд показана «поморская торговля» в условиях военного времени – в эпоху наполеоновских войн, Крымской и Первой мировой войн. При этом конкретные события показаны в более широком контексте российско-норвежских торговых отношений на севере Норвегии.

Глава 2 посвящена захвату английским капером русской лодки «Евплюс 2-й», управляемой шкипером М.А. Герасимовым, и последующему самоосвобождению попавших в плен и везомых в Англию россиян, которые сумели восстановить контроль над своим судном, и доставили в норвежский порт Вардё английскую призовую команду, где и сдали ее коменданту местной крепости. Событие, известное по художественному произведению – повести А.А. Бестужева-Марлинского «Мореход Никитин» (1834 г.) здесь представлено на основе документов из фондов ГААО, в общем контексте истории поставок российского хлеба в Норвегию в эпоху наполеоновских войн. Рассмотрена последующая судьба М. Герасимова и его трофеев.

В главе 3 торговля россиян в Норвегии рассмотрена в контексте военных действий на Севере в годы Крымской войны в 1854 и 1855 годы. Анализ сохранившихся документов недвусмысленно показывает: в условиях войны торговля России с формально нейтральными государствами (Швецией и Норвегией) продолжалась с официального разрешения на нее воюющих с Россией стран (Великобритании и Франции). В досоветской и советской отечественной историографии этой торговле не уделялось особого внимания. С позиций дня сегодняшнего этот опыт одновременного ведения международной торговли и военных действий воспринимается совершенно иначе, нежели, например, в советскую эпоху. На конкретных примерах показано, что командующими английских и французских эскадр официальные гарантии Великобритании и Франции нередко игнорировались. Груз с российских судов, задействованных в торговле с Норвегией, захватывался или уничтожался, нередко вместе с самими судами.

В основе главы 9 – сведения из дневника учащегося Архангельского торгово-мореходного училища Павла Ильича Буркова, проходившего практику на шхуне во время плавания в Норвегию и обратно в 1915 г., во время I мировой войны. Дневник П.И. Буркова, сравнительно недавно введен в научный оборот при участии автора настоящей книги. Возможно, он является единственным источником, автор которого – член команды одного из частных судов, задействованных в торговле

с Норвегией, который от первого лица, подробно и методично, день за днем, показывает эту далеко не простую деятельность многих жителей Архангельской губернии. Дневник П.И. Буркова также ценен, поскольку известна дальнейшая судьба автора, многие годы прослужившего капитаном первого советского научно-исследовательского судна «Персей».

В главах 4, 5, 6 рассмотрены отдельные аспекты российско-норвежских отношений в Финнмарке, имеющие отношение к религии и церкви.

В главе 4 описана деятельность католической «Полярной миссии», организованная в Финнмарке русским эмигрантом С.С. Джунковским в середине 1850-х – 1860-х гг. Отмечено, что решение о начале работы миссии было принято в годы Крымской войны. Основной целевой группой, на которую была ориентирована деятельность С.С. Джунковского, были русские, приезжавшие на север Норвегии для ведения промыслов и торговли, многие из которых были старообрядцами. В главе высказано и обосновано предположение, что такого рода деятельность С.С. Джунковского, будучи религиозной и миссионерской по форме, была объективно направлена на культивирование религиозных противоречий в России на региональном уровне в условиях военного времени.

Глава 5 логически продолжает главу 4, показывая продолжившуюся практику распространения в 1863 г. на севере Норвегии среди русских поморов провокационных листовок, оформленных и замаскированных под «молитвы». Введен в научный оборот новый источник – список 69 судов и поименный список 256 жителей Архангельского уезда, бывших в Норвегии в 1863 г. (аналогичные по полноте данных списки за другие годы пока неизвестны), позволяющий получить более детальные представления о плаваниях русских в Норвегию.

В главе 6 изложены обстоятельства несостоявшегося строительства в норвежском городе Вардё православного храма. Эта, казалось бы, достаточно «локальная» история интересна главным образом тем, она в примере частного случая наглядно показывает общий подход российского МИДа к беспокоившей норвежцев проблеме мифической «русской угрозы» Финнмарку. Российский МИД как правило опасался любых инициатив и действий других российских ведомств, а также частных лиц, которые могли быть интерпретированы в Норвегии и шире – в Скандинавии, в Европе, как некие приготовления России к экспансии в Финнмарке. В данном случае именно российский МИД (а не МИД Норвегии!) фактически воспрепятствовал развитию и реализации региональной российской инициативы по строительству русского православного храма в норвежском городе Вардё в 1880-х – 1890-х гг. Возведение храма было организационно и технически полностью готово; о каком-либо противодействии этому со стороны норвежских властей не сохранилось ни малейшего намека, а с норвежским собственником земли, где предполагалось возведение храма, существовали предварительные договоренности.

Теперь о том, что также могло бы быть представлено в этой книге, но чего в ней нет.

Во-первых, специально и в системе не рассматривались вопросы, связанные с законодательным регулированием промыслов и торговли россиян в Норвегии: как в норвежском, так и российском законодательстве, и соответствующие правовые обычаи. Во-вторых, не были опубликованы и не анализировались количественные показатели, характеризующие промыслы и торговлю россиян в Норвегии на протяжении всего рассматриваемого периода (по-хорошему к такой работе еще никто не приступал). В-третьих, не рассматривалась деятельность российских революционеров на севере Норвегии начала XX в., связанная в основном с изданием революционной литературы, ее нелегальной доставкой в Россию и распространением. Наконец, не представлена в обобщенном виде деятельность российских консулов на севере Норвегии, их биографии.

Почему же эта тематика не нашла отражения в книге?

Значительный объем соответствующего материала мною собран. Но систематизация, верификация, анализ его потребуют не один год работы. А будут ли эти годы у автора? Про горизонт, который «сумрачен, и близок» писал один поэт в первой половине XIX века. «Всё крохотней “завтра” и всё необъятней “вчера”», – писал другой поэт уже во второй половине XX века. Исследователь-перфекционист может десятилетиями работать над каким-либо трудом и не спешить представлять результат, пока он не доведет его до максимальной полноты и идеала, как он его представляет. Но вот успеет ли он достичь его?

Любой, кто подолгу работал с труднодоступными источниками, знает, что мало их выявить. Нужно еще и получить возможность поработать с ними. А «обстоятельства непреодолимой силы» могут раз за разом тормозить в целом понятную работу. То библиотека, в которой находятся на хранении редкие издания (которые, разумеется, не оцифрованы и не выложены в открытый доступ в Интернет), будет на протяжении длительного времени «переезжать» в другое здание. То в другой библиотеке нужные подшивки по техническим причинам вдруг не будут выдаваться в читальный зал в течение какого-то времени – причем как раз тогда, когда интересующийся ими иногородний исследователь будет готов с ними поработать. И кто, например, мог представить до начала 2020-х гг., что многочисленные ограничения, связанные пандемией COVID-19, будут, среди прочего, мешать и исследовательской работе?

Я лично знаю немало случаев, когда людям не хватало жизни завершить начатое; их наработки, черновики книг оказывались либо утраченными, либо недоступными для тех, кому они могли бы оказаться полезными. Поэтому здесь я впервые под одной обложкой представляю свои результаты работ разных лет по истории российского присутствия на севере Норвегии в XIX – начале XX вв. и надеюсь, что специалистам и заинтересованным читателям они чем-то пригодятся.

А к тому, что не попало в эту книгу, я, возможно, обращусь позже. Есть, например, желание, не дублируя представленного здесь, показать Норвегию в восприятии российских дипломатов, туристов, ученых, моряков на основе их донесений, частных путевых заметок, воспоминаний. Показать Норвегию XIX – начала XX вв. «глазами русских». Время покажет, получится ли превратить папки с собранными выписками, копиями документов в новую книгу.

Список используемых сокращений

- АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи
АГВ – Архангельские губернские ведомости
АОИРС – Архангельское общество изучения Русского Севера
ГААО – Государственный архив Архангельской области
ГАМО – Государственный архив Мурманской области
МГИ – Министерство государственных имуществ
МОКМ – Мурманский областной краеведческий музей
ПСЗРИ-I – Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое.
ПСЗРИ-II – Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе.
ПСЗРИ-III – Полное собрание законов Российской империи. Собрание Третье.
РГИА – Российский государственный исторический архив
TNA – The National Archives.

Источники и литература

- АВПРИ. Ф. 155. Оп. 445. Д. 6. Ч. I.
АВПРИ. Ф. 155. Оп. 445. Д. 27.
АВПРИ. Ф. 155. Оп. 445. Д. 31.
АВПРИ. Ф. 155. Оп. 445. Д. 33.
АВПРИ. Ф. 155. Оп. 445. Д. 34.

ГААО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1010.
ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 1. Д. 94.
ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 1. Д. 1455.
ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 1. Д. 2784
ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 5а. Д. 597.
ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 5а. Д. 626.
ГААО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 829.
ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Т. 1. Д. 1632а.

ГАО. Ф. 1. Оп. 8. Т. 1. Д. 2234.
ГАО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 5. Д. 5578.
ГАО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 5. Д. 5581.
ГАО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 5. Д. 5599.
ГАО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 5. Д. 5630.
ГАО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 5. Д. 5631.
ГАО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 5. Д. 5712.
ГАО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 5. Д. 5729.
ГАО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 5. Д. 6017.
ГАО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 5. Д. 6035.
ГАО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3076.
ГАО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 468.
ГАО. Ф. 4. Оп. 14. Т. 1. Д. 94.
ГАО. Ф. 5. Оп. 2. Т. 1. Д. 1011.
ГАО. Ф. 5. Оп. 2. Т. 1. Д. 1281.
ГАО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 3. Д. 1312.
ГАО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 345.
ГАО. Ф. 51. Оп. 18. Т. 1. Д. 651.
ГАО. Ф. 71. Оп. 4. Д. 692.
ГАО. Ф. 115. Оп. 1. Д. 216.
ГАО. Ф. 115. Оп. 1. Д. 217.
ГАО. Ф. 207. Оп. 1. Д. 499.
ГАО. Ф. 549. Оп. 3. Д. 2.
ГАО. Ф. 786. Оп. 1. Д. 415.
ГАО. Ф. 786. Оп. 1. Д. 423.

ГАМО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 73.
ГАМО. Ф. 87. Оп. 1. Д. 24.

РГИА. Ф. 21. Оп. 1. Д. 296.
РГИА. Ф. 21. Оп. 1. Д. 297.

TNA. ADM 1/5631.
TNA. ADM. 344/1934.
TNA. FO 264/3
TNA. TS 45/140
TNA. TS 45/155

ПСЗРИ-I. Т. XXIV. 1796–1797. СПб., 1830. № 17634. С. 229;
ПСЗРИ-I. Т. XXVII. 1802–1803. СПб., 1830. № 20353. С. 210;
ПСЗРИ-I. Т. XXVII. 1802–1803. СПб., 1830. № 20455. С. 305.
ПСЗРИ-II. Т. I. СПб., 1830. № 302. С. 408–412.
ПСЗРИ-III. Т. V. СПб., 1887. № 2853. С. 137–138.

Административно-территориальное деление Архангельской губернии и области в XVIII–XX веках: Справочник. Архангельск, 1997.

Адрес-календарь Архангельской губернии на 1903 год со справочными сведениями по торговому и промышленному предприятиям и списком волостей Архангельской губернии. Архангельск, 1903.

Алимова Т.А. О торговле русских поморов в Северной Норвегии на рубеже XVIII – XIX вв. // Скандинавский сборник. Т. XXVI. 1981. С. 73–83.

Алимова Т.А. Русская крестьянская торговля с северной Норвегией (Первое десятилетие XIX века) // Скандинавский сборник. Т. XXII. 1977. С. 45–54.

Андреев А.Н. Давние встречи // Русский архив. 1890. Кн. 1. С. 536–552.

Андреев Н.П. Крейсерство у Мурманского берега // Кронштадтский вестник. 1881. №№ 105, 111, 112; 1882. № 15, 26, 27, 63. 1883, № 21, 22, 27.

Архангельский Север в документах истории (с древнейших времен до 1917 года). Хрестоматия / Общ. ред. А.А. Куратова. Архангельск, 2004.

Аселиус Г. Зеркало «русской угрозы» // Родина. 1997. № 10. С. 108–112.

Бабицын Н. Из Беломорья в Балтику // Кронштадтский вестник. 1862. № 102.

Балсвик Р.Р. Партизаны Финнмарка во время Второй мировой войны – сопротивление без признания // Россия и Норвегия. Многогранные взаимоотношения в приграничье / Под ред. В.В. Тевлиной, И.В. Рыжковой, У. Врокберга. Мурманск: Изд-во МАГУ, 2020. С. 141–149.

Барановский С.И. Борьба в Норвегии между китоловами и рыболовами // Труды С.-Петербургского отделения Императорского общества для содействия русскому торговому мореходству за 1880 год (с 10 марта 1880 по 9 января 1881 г.). СПб., 1881. С. 38–46.

Белавенец П. Дезин, фон, Мартын Петрович // Русский биографический словарь. Т. VI. Дабелов–Дядьковский. СПб., 1905. С. 171–173.

Беляев Д.П., Карелин В.А., Орехова Е.А. К 10-летию «Вестника Баренц-центра МГТУ»: библиография публикаций мурманских историков по истории российско-норвежских связей (2005–2010 гг.) // Вестник «Баренц-центра» МГТУ. Мурманск, 2010. Вып. 9. С. 189–198.

Березников В.А. Поездка по Норвежской Лапландии в 1894 году. СПб., 1897.

Беспятых Ю.Н. История знаменитого сражения: Шведская экспедиция в Архангельск в 1701 году. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1990.

Булатов В.Н., Шалев А.А. Баренцев Евро-Арктический регион и Архангельская область: международное сотрудничество. История и современность. Архангельск: Поморский госуниверситет, 2001.

Бухаров Д.Н. Русские в Финмаркене: I. Меновая торговля. II. Поморские промыслы в Киберге. СПб., 1883.

Васнецов В.А. Под звездным флагом «Персея». Л., Гидрометеиздат, 1974.

Востряков Л.Е. «Пожаловать знак отличия...» (Матвей Герасимов – русский патриот) // Архангельское поморье. История и культура. Архангельск, 1983. С. 3–12.

Высшие и центральные государственные учреждения России: 1801–1917. В 4-х т. Т. 1: Высшие государственные учреждения / Отв. ред. Н.П. Ерошкин, отв. сост. Д.И. Раскин. СПб., 1998.

Герасимов, Матвей Андреевич // Русский биографический словарь. Т. IV. Гааг–Гербель. М., 1914. С. 470–471.

Герцен А.И. Былое и думы. В 3-х т. Т. II. М.–Л., 1931.

Гагарин (князь Иван Сергеевич) // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза, И.А. Ефрона. Т. VIIA. СПб., 1892. С. 767–768.

Голдин В.И. Новый труд по истории Баренцева региона // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2015. № 5. С. 159–163.

Голдин В.И. Энциклопедия Баренцева региона // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2017. № 4. С. 148–150.

Голдин В.И., Зайков К.С. Норвегия и Россия: 1814–2014. Итоги мега-проекта // Вопросы истории. 2019. № 3. С. 100–109.

Голубцов Н. К истории разграничения России с Норвегией. Архангельск: Типо-литография В.А. Черепанова, 1910.

Гончаров Л.Г., Денисов Б.А. Использование мин в мировую империалистическую войну 1914–1918 гг. М.–Л., 1940. С. 75–76.

Гребенщикова Г.А. Карл Роберт Нессельроде: к 230-летию со дня рождения. Штрихи к портрету // Клио. 2010. № 2 (49). С. 98–108.

Горсул В.Я. Международные связи российской политической эмиграции во 2-й половине XIX в. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001.

Горсул В.Я. О периодизации всемирной и отечественной истории // Отечественная история. 2007. № 3. С. 122–139.

Гулевич В. К этиологии цинги на Мурмане // Архангельские губернские ведомости. 1885. № 91, 100.

Гулевич В. Мурманский берег в промысловом и санитарном отношении. Архангельск, 1883.

Гулевич В. Русская Лапландия и ее промыслы. Архангельск, 1891.

Давыдов А.Н., Ружников А.В. Ономастикон поморских судов XIX – начала XX вв. // Народная культура Севера: «первичное» и «вторичное», традиции и новации. Тезисы докладов и сообщений региональной научной конференции 28–30 мая 1991 г. / редактор-составитель А.А. Кура-тов. Архангельск, 1991. С. 48–51.

Давыдов Р.А. Архангельский порт в условиях блокады его военноморскими силами Великобритании и Франции в годы Крымской войны и Архангельская портовая таможня // Российская таможня: история, современность, перспективы развития: материалы научно-практической конференции. Архангельск: Поморский университет, 2006. С. 62–67.

Давыдов Р.А. Взгляды на экологию моря в российско-норвежских отношениях (конец XIX – начало XX века) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2014. № 1. С. 15–22.

Давыдов Р.А. «Девушки с веслами»: из воспоминаний и путевых заметок путешественников по Белому морю второй половины XIX в. // Сила слабых: гендерные аспекты взаимопомощи и лидерства в прошлом и настоящем: Материалы X международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН. 7–10 сентября 2017 г., Архангельск: В 3-х томах / Отв. ред. Н.Л. Пушкарева, Т.И. Трошина. М.: ИЭА РАН, 2017. Т. 1. С. 45–48.

Давыдов Р.А. Дневник Павла Ильича Буркова 1915 года как источник по истории российско-норвежской торговли в Евро-Арктическом регионе // Мурман и Российская Арктика: прошлое, настоящее, будущее: материалы межрегиональной научной конференции, 26–28 сентября 2016 года. Мурманск: МАГУ, 2016. С. 197–212.

Давыдов Р.А. Захват англо-французскими военноморскими силами русских шхун «Волга» и «Двина» на Белом море в 1854 г. и бедствия их владельцев в плену и после освобождения // III Ушаковские чтения: Сборник научных статей / Науч. ред. А.В. Воронин. Мурманск: МГПУ, 2006. С. 160–172.

Давыдов Р.А. Кола глазами неприятеля. К 150-летию сожжения Колы английским пароходом «Миранда» // Наука и бизнес на Мурмане. 2004, № 4 (43). С. 17–20.

Давыдов Р.А. Краткий обзор судоходства и внешней торговли России в Евро-Арктическом регионе в годы Крымской войны // Проблемы истории России и стран Северной Европы: от Средних веков до наших дней (к 90-летию со дня рождения И.П. Шаскольского) / Сост. В.Е. Возгрин. СПб: АИК, 2009. С. 148–153.

Давыдов Р.А. Крымская война... в Арктике. Оборона города Колы в 1854 году // Военно-исторический журнал. 2016. № 5. С. 59–66.

Давыдов Р.А. «Миссия Северного полюса» Римско-католической церкви и деятельность С.С. Джунковского в середине 1850-х – начале 1860-х годов // Новая и новейшая история. 2014. № 6. С. 188–199.

Давыдов Р.А. Миф о «русской угрозе» для Северной Норвегии: историко-культурный феномен // Экологические проблемы Севера: Материалы докладов молодежной научной конференции (11–13 марта 2008 г.) / Отв. ред. чл.-корр РАН Ф.Н. Юдахин. Архангельск, 2008. С. 228–231.

Давыдов Р.А. Миф о русской угрозе Северной Норвегии и его влияние на мероприятия властей Российской империи в Евро-Арктическом регионе (вторая половина XIX – начало XX в.) // Империи и империализм нового и новейшего времени: Сборник статей. СПб: Исторический факультет СПбГУ, 2009. С. 356–361.

Давыдов Р.А. Народные волнения в Северной Норвегии, слухи о русской угрозе и... массовой измене норвежцев в пользу России (по донесениям русского консула О. Визеля лета 1903 г.) // Живущие на Севере: Альманах. Вып. 1. Мурманск, 2010. С. 79–86.

Давыдов Р.А. Оборона города Колы в Крымскую войну в рапортах и воспоминаниях лейтенанта А.М. Бруннера // Исторические поселения севера Европы. Материалы историко-краеведческой конференции. Тринадцатые Феодоритовские чтения / под ред. митрополита Митрофана (Баданина). Апатиты: Издательство Кольского научного центра, 2021. С. 26–63.

Давыдов Р.А. Православная церковь для норвежского города Вардё // Скандинавские чтения 2008 года / Сост. Т.А. Шрадер. СПб.: МАЭ РАН, 2010. С. 221–255.

Давыдов Р.А. Предыстория и начало норвежской и финской колонизации Мурмана. Формирование и трансформация собирательного образа Мурманского колониста в 1860–1876 гг. // Живущие на Севере: образы и реальность: Сборник научных статей / Науч. ред. П.В. Федоров. Мурманск: МГПУ, 2006. С. 59–82

Давыдов Р.А. Приемный покой Российского общества Красного Креста в Киберге (1882–1912) // Первопроходцы Крайнего Севера. Материалы историко-краеведческой конференции. Четырнадцатые Феодоритовские чтения / Под ред. митрополита Митрофана (Баданина). Мурманск: Издательство Мурманской епархии, 2022. С. 100–123.

Давыдов Р.А. Промыслы российских лопарей в контексте российско-норвежских отношений (XIX – начало XX в.) // Баренц-журнал. 2007. № 1(5). С. 42–53.

Давыдов Р.А. Пушки из Северной Норвегии на Русском Севере? // Архангельская старина. 2012. № 1 (9). С. 18–22.

Давыдов Р.А. Российский генеральный консул в Норвегии Г.А. Мехелин, его наблюдения и предложения, касающиеся Мурмана и Север-

ной Норвегии (1850-1860-х гг.) // Живущие на Севере. Вып. 2. Мурманск, 2012. С. 20–30.

Давыдов Р.А. Русские на севере Норвегии в XIX – начале XX вв.: Киберг // Вопросы истории. 2021. № 11(2). С. 91–107

Давыдов Р.А. С.С. Джунковский и его деятельность по распространению католицизма на Севере Европы в 1850-х гг. // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2006. № 6. С. 88–96.

Давыдов Р.А. Семужий промысел российских лопарей в Норвегии (XIX – начало XX в.) // Скандинавские чтения 2002 года. Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 2003. С. 127–138.

Давыдов Р. Трофеи кольского мещанина Матвея Герасимова: к 200-летию подвига // Архангельская старина. 2010. № 2. С. 64–71.

Давыдов Р.А. Трофеи кольского мещанина Матвея Герасимова: к 200-летию подвига // VII Ушаковские чтения: сборник научных статей / научн. ред. Ю.П. Бардилева, Е.Л. Крикун, С.А. Никонов. Мурманск: МГТУ, 2011. С. 25–35.

Давыдов Р.А. «Церковь совсем уже построена»: Попытка возведения православной церкви в норвежском городе Варде в 1894 г. // Живущие на Севере: опыт и прогнозы: Сборник статей / Науч. ред. П.В. Федоров. Мурманск: МГПУ, 2008. С. 150–179.

Давыдов Р.А., Ермолаев Д.А. Гибель парохода «Федор Чижев» в 1918 г. // Два капитана из династии Бурковых: сборник статей и документов. Архангельск: ИПП «Правда Севера», 2015. С. 77–108

Давыдов Р.А. Ермолаев Д.А. Расстрел «Федора Чижева» // Архангельская старина. 2014. № 2–3 (13–14). С. 74–81.

Давыдов Р.А., Ермолаев Д.А. Расстрел «Федора Чижева»: свидетельства очевидцев и исторический контекст // Первая мировая война и Европейский Север России: материалы международной научной конференции «Великая война и Европейский Север России (к 100-летию начала Первой мировой войны)» (Архангельск, 21–25 июня 2014 г.) / сост. Т.И. Трошина; под общ. ред. Т.И. Трошиной. Архангельск: ИД САФУ, 2014. С. 165–175.

Давыдов Р.А., Зайков К.С., Карелин В.А. и др. Сближение: Россия и Норвегия в 1814 – 1917 годах / ред. Й.П. Нильсен. Пер. с норв. М.: Вест Мир, 2017.

Давыдов Р.А., Попов Г.П. Оборона Русского Севера в годы Крымской войны: Хроника событий. Екатеринбург: УрО РАН, 2005.

Два капитана из династии Бурковых: сборник статей и документов / сост. И.М. Гостев; ред.: И.М. Гостев (отв. ред), Р.А. Давыдов. Архангельск: ИПП «Правда Севера», 2015.

Джунковский (Степан Степанович) // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза, И.А. Ефрона. Т. ХА. Десмургия–Домициан. СПб., 1893. С. 559–560.

Ерошкин Н.П. Российское самодержавие. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2006.

Зайков К.С. История российско-норвежского пограничья в свете российской и европейской историографии // Россия и страны Северной Европы: физические и символические границы: сборник статей V Киркенесского Международного семинара историков. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2016. С. 75–90.

Зайков К.С. Российско-норвежское пограничье в зарубежной историографии XX – начала XXI вв. // Арктика и Север. 2018. № 30. С. 60–75.

Зайков К.С. Российско-норвежское пограничье в отечественной историографии XIX – XXI века // Вест. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2018. № 2. С. 27–39.

Зайков К.С., Тамицкий А.М. Лопарские промыслы в истории российско-норвежского пограничья 1855–1900 гг. // Былые годы. 2017. Т. 45. Вып. 3. С. 915–927.

Зайков К.С., Тамицкий А.М. Россия и Норвегия – пограничная комиссия 1825 г. Мифы и реальность // Международные отношения на Европейском Севере и в Арктике в первой четверти XX века: исторический опыт и современность: материалы междунар. науч. конф. «Государственная политика по защите национального суверенитета и урегулированию спорных проблем международных отношений на Европейском Севере и в Арктике в первой четверти XX века: исторический опыт и уроки для современности» (Архангельск, 6–10 сентября 2015 г.) / сост. В.И. Голдин, Т.И. Трошина, под общ. ред. В.И. Голдина; Сев. (Аркт.) федер. ун-т им. М.В. Ломоносова. Архангельск: САФУ, 2015. С. 91–97.

Зарецкая О.В., Топтунов А.А. Трансформация представлений о «русской угрозе» в Швеции и Норвегии накануне Первой мировой войны // Мурманск в истории российской государственности. Сборник докладов международной научно-практической конференции (Мурманск: 22–23 сентября 2016 года). Екатеринбург: Издательский дом «Сократ», 2016. С. 24–29.

Заринский М. Подвиг морехода Герасимова // АГВ. 1854. 10 апреля.

Заринский М. Подвиг морехода Герасимова // Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. 1854. Т. III. С. 330–338.

Заринский М. Подвиг морехода Герасимова // Северная пчела. 1849. № 178.

Историческое описание Ставропигиального Соловецкого монастыря. Составлено тщанием настоятеля Соловецкого монастыря архимандрита Мелетия. М. 1881.

История Норвегии / Отв.ред. А.С.Кан. М.: Наука, 1980.

Карелин В.А. Российская торговля с Норвегией накануне Первой мировой войны в «зеркале статистики» и экспертных оценок современников // XVI Конференция по изучению скандинавских стран и Финляндии. 9–12 сентября 2008 г.: Материалы конференции в 2-х частях. Ч. 1. М.-Архангельск, 2008. С. 9–12.

Карелин В.А., Зайков К.С. Проблема саамских сервитутных прав в пограничных отношениях России и Норвегии в начале XX века // Вест. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2016. № 1. С. 32–41.

Касиян А.С. Зарубежная историография российско-норвежских отношений рубежа XIX–XX веков // Новая и Новейшая история. 1916. №2. С. 115–121.

Касиян А.С. «Русская угроза» Норвегии: происхождение, эволюция и интерпретация мифа // Вестник Баренц-Центра МГПИУ. Вып. 7. Мурманск, 2008. С. 31–42.

Кельсиев, Василий Иванович // Русский биографический словарь. Т. VIII. Ибак – Ключарев. СПб., 1897. С. 609–611.

Кельсиев В.И. Исповедь // Литературное наследство. Т. 41–42. Кн. 2. М., 1941. С. 253–470.

Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987.

Козлов С.А. «Лишиться вовсе жизни или спасти оную...». Записка русского корабельщика Матфея Герасимова о пленении его англичанами в 1810 году // Новый часовой. 2002. № 13–14. С. 231–236.

Козмин К. К вопросу о русско-норвежской границе // Известия АО-ИРС. 1913. № 17. С. 769–776.

Колчин З. Новая церковь в Соломбале // Архангельские епархиальные ведомости. 1897. № 1. Часть неофициальная. С. 22.

Коротяев В.И. Колонизация Мурмана иностранцами в контексте концепции модернизации // Вестник Поморского университета. 2004, № 1 (5). С. 18–31

Корсакова Н.Л., Носков В.В. Списки дипломатического корпуса в Санкт-Петербурге, 1835 г. (по материалам РГИА) // Петербургский исторический журнал. 2015. № 4. С. 172–210.

Красавцев Л.Б. Правовые аспекты поморской торговли с Норвегией в XIX в. // Архангельск и северные страны конца XVI – начала XX веков: Избранные доклады. Архангельск, 1999. С. 50–58.

Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Вып. III. Уезды Онежский, Кемский и Кольский. Архангельск, 1896.

Кристиансен Т. «Русские губят нас; они лишают нас средств к пропитанию...»: Русско-норвежские отношения на Крайнем Севере до 1820 года // Русский сборник: Исследования по истории России. Т. VIII. М.: МОДЕСТ КОЛЕРОВ, 2010. С. 26–52.

Кристоман Б.Б. Территориальные споры на северо-западной границе Российской империи в период XIX-начала XX вв.: исторический опыт решения. Архангельск: Помор. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2003.

Куратов А.А. Метрология Русского Севера. Архангельск, 1991.

Литке Ф.П. Четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый океан на военном бриге «Новая Земля» в 1821–1824 годах / Ред., примеч. Я.А. Марголина. М.: Географгиз, 1948.

Лоция Белого моря. Издание Главного Гидрографического Управления Морского Министерства. 1913 года. Петроград, 1915.

Материалы для разработки вопросов, касающихся Севера России. Выпуск первый. Мурман и беломорские порта. СПб., 1881.

Матонин В.Н., Колебакина Е.Ю., Селянина С.Б., Давыдов Р.А. Благотворительность на Архангельском Севере в прошлом и настоящем. Архангельск: Поморский университет, 2008. С. 102–108.

Мехелин. О рыбном промысле и торговле русских в норвежском Финмаркене // Северная почта. 1866. 8 (20) декабря.

Минкин А.А. Топонимы Мурмана. Мурманск: Мурманское кн. изд-во, 1976.

Музовский А. Охрана русских северных вод // Архангельск. 1909. 22 июля.

Нашествие тюленей // Русское судоходство. 1903. № 3. С. 174–177.

Ниеми Э. Поморская торговля глазами норвежцев // Оттар. 1992. № 4 (192). С. 15–23.

Никольский В.Н. На русско-норвежской границе // Известия АОИРС. 1914. № 6. С. 161–167.

Нильсен Й.П. Миф о «русской угрозе» Северной Норвегии // Слово о людях и земле Поморской. Тезисы докладов III научно-краеведческих чтений «Слово о людях и земле Поморской» / Под ред. А.В. Репневского. Архангельск: Изд-во Поморского педуниверситета, 1995. С. 77–86.

Нильсен Й.П. Представление о России в Европе и Норвегии в XIX веке // Россия и мир: история, международные отношения, наука и образование: Сборник научных статей / Отв. ред. Л.Б. Красавцев, сост. Ф.Х. Соколова. Архангельск – Москва: Солти, 2009. С. 194–203.

Нильсен Й.П. Российско-норвежские отношения в арктической Европе и история Баренцева Евро-Арктического региона // Barents-Journal. 2002. № 1. С. 14–25.

Нильсен Й.П. «Русская угроза» на севере Европы и Ноябрьский договор 1855 года // Российская история. 2009. № 3. С. 84–89.

Нильсен Й.П. С.С. Джунковский и «миссия Северного полюса». Проект освоения Арктики Римско-католической церковью в XIX в. // Скандинавские чтения – 2006 / Отв. ред. И.Б. Губанов, Т.А. Шрадер. СПб.: МАЭ РАН, 2008. С. 504–514.

Нильсен Й.П. Старая Россия и новая Норвегия (1905–1917): соседство без страха? // Страх и ожидания. Россия и Норвегия в XX веке / Под ред. В.И. Голдина, Й.П. Нильсена. Архангельск: Изд-во Поморского государственного университета им. М.В. Ломоносова, 1997. С. 6–28.

Нильсен Й.П. Хорошие соседи. Норвежцы и русские на Севере. 1826–1917. Осло, 1992.

Нильсен Й.П., Байль Б. «Призрак русского нашествия». Записка вице-консула в Хаммерфесте (Северная Норвегия) Е. Попова в Российскую миссию в Стокгольме. 1902 г. // Исторический архив. 1999. № 2. С. 139–156.

Нильсен Й.П., Зайков К.С. Норвежско-российское пограничье: от общих округов к Поморской зоне // Арктика и Север. 2012. № 5. С. 71–84.

Обручев С. На «Персее» по полярным морям. М., 1929.

Общий морской список. Часть X. Царствование Николая I. Д - М. СПб., 1898.

Общий морской список. Часть XII. Царствование Николая I. Т-Ю. СПб., 1900.

Овсянкин Е.И. Архангельск купеческий. Архангельск, 2000.

Огородников С.Ф. Очерк истории города Архангельска в торгово-промышленном отношении. СПб., 1890.

Озерецковский Н.Я. Описание Колы и Астрахани. СПб., 1804.

Орехова Е.А. Колонизация Мурманского берега Кольского полуострова во второй половине XIX – первой трети XX в. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009.

Орехова Е.А., Давыдов Р.А. «Разбойники» на Мурмане и их «жертвы» – норвежцы: еще один аспект старого мифа о русской угрозе Норвегии? // Скандинавские чтения 2016 года. Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб.: МАЭ РАН, 2018. С. 99–123.

Отчет Архангельского местного управления Общества Красного Креста о врачебной помощи на Мурмане и под Кибергом за 1883 год. Архангельск, 1883.

Отчет о деятельности и средствах архангельских учреждений Российского Общества Красного Креста за 1893 год. Архангельск, 1894.

Отчет о деятельности и средствах архангельских учреждений Российского общества Красного Креста за 1894 год. Архангельск, 1895.

Отчет о деятельности и средствах архангельских учреждений Российского Общества Красного Креста за 1895 год. Архангельск, 1896.

Отчет о деятельности и средствах архангельских учреждений Российского Общества Красного Креста за 1896 год. Архангельск, 1897.

Отчет о деятельности и средствах Архангельских учреждений Российского Общества Красного Креста за 1897 год. Архангельск, 1898.

Отчет о деятельности и средствах архангельских учреждений Российского общества Красного Креста за 1900 год. Архангельск, 1901.

Отчет о деятельности и средствах архангельских учреждений Российского общества Красного Креста за 1901 год. Архангельск, 1902.

Отчет о деятельности и средствах архангельских учреждений Российского общества Красного Креста за 1902 год. Архангельск, 1903.

Отчет о деятельности и средствах архангельских учреждений Российского общества Красного Креста за 1903 год. Архангельск, 1904.

Отчет о деятельности и средствах архангельских учреждений Российского общества Красного Креста за 1905 год. Архангельск, 1906.

Отчет о деятельности и средствах архангельских учреждений Российского общества Красного Креста за 1906 год. Архангельск, 1907.

Отчет о средствах и деятельности архангельских учреждений Российского Общества Красного Креста за 1882 год. Архангельск: Губернская типография, 1883.

Отчет о средствах и деятельности архангельских учреждений Российского Общества Красного Креста за 1886 год. Архангельск, 1887.

Отчет о средствах и деятельности Архангельских учреждений Российского Общества Красного Креста за 1888 год. Архангельск, 1889.

Отчет о средствах и деятельности архангельских учреждений Российского Общества Красного Креста за 1890 год. Архангельск: Губернская типография, 1891.

Отчет о средствах и деятельности архангельских учреждений Российского Общества Красного Креста за 1891 год. Архангельск, 1892.

Отчет о средствах и деятельности архангельских учреждений Российского Общества Красного Креста за 1892 год. Архангельск, 1893.

Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802–2002: В 3 т. Т. 1. 860–1917 гг. М.: ОЛМА–ПРЕСС, 2002.

Пальмин В.А. Военно-морское судостроение на Севере России в эпоху парусного флота. Архангельск: Поморский ун-т, 2008.

Памятная книжка Архангельской губернии на 1864 год. Архангельск, 1864.

Парели Л. Саамы – коренные жители пограничья // Россия и Норвегия. Сквозь века и границы. М.: ИПЦ «Художник и книга», 2004. С. 59 – 61.

Пересадило Р.В. Российско-норвежские экономические отношения на русском Севере (конец XVII — начало XX вв.) // Материалы Шестой ежегодной научной конференции (14–16 апреля 2004 г.) Под ред. В. Н. Барышникова. СПб, 2005. С. 100–114.

Платонов С.Ф. Лекции по русской истории, читанные в 1898–99 учебном году на Высших Женских Курсах, в Императорском С.-Петербургском университете и в Военно-Юридической Академии. Вып. I. СПб., 1899.

Попов Г.П. Ногою твердой стать при море...: Штрихи к истории Архангельского порта. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1992.

Попов Г.П., Давыдов Р.А. Мурман. Очерки истории края XIX - начала XX в. Екатеринбург: УрО РАН, 1999.

Порцель А.К. Норвежские колонисты на Мурмане // Наука и бизнес на Мурмане. 1999. № 2 (13). С. 14–18.

Порцель А.К. Российско-норвежская морская торговля на Кольском Севере в 1914–1920 гг. // Новейшая история России. 2011. № 2. С. 80–89.

Постановления и распоряжения правительства. Приказы Е.И.В. Генерал-Адмирала // Морской сборник. 1862. № 4. С. 51–53.

Ратке Й. К истории торговых отношений русского севера с норвежским Финмаркеном. [Б. м., Б. г.].

Русские книги в библиотеках К.Маркса и Ф.Энгельса. Сборник материалов. М.: Политиздат, 1979.

Репневский А.В. 25 лет сотрудничества: вехи на пути к международному проекту «Асимметричное соседство: Норвегия и Россия 1814–2014» // Россия и страны Северной Европы: физические и символические границы: сборник статей V Киркенесского Международного семинара историков. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2016. С. 163–174.

Репневский А.В. Историческая судьба поморской торговли и день сегодняшний // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2004. С. 138–145.

Репневский А.В. Мифы и реалии поморской торговли // М.В. Ломоносов и национальное наследие России. Тезисы докладов международной научной конференции. Архангельск, 1996. С. 129–132.

Репневский А.В. Российский взгляд на Норвегию в «розовых очках» и без них // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2013. № 1. С. 32–40.

Ристе У. История внешней политики Норвегии / Пер. с англ. М.: Весь Мир, 2003.

Россия и Норвегия: вопросы отечественного источниковедения и историографии (XIX – XXI вв.) / Отв. ред. А.А. Комаров. М.: URSS, 2012.

Россия и Норвегия. Многогранные взаимоотношения в приграничье. Сборник научных статей. / Под ред. В.В. Тевлиной, И.В. Рыжковой, У. Врокберга. Мурманск: Изд-во МАГУ, 2020.

Ружникова Е.И. Виды города Архангельска на акварелях В.Е. Галямина // Мильчик М.И., Попова Л.Д. Первые ворота Российского государства: Очерки градостроительной и архитектурной истории Архангельска и Холмогор. СПб.: Лики России, 2002. С. 202–205.

Русский сборник: исследования по истории России / редактор-составитель: О.Р. Айрапетов, М. Йованович, М.А. Колеров, Б. Меннинг, П. Чейсти. Т. XV. Польское восстание 1863 года. М.: Модест Колеров, 2013.

Русско-польские революционные связи 60-х годов и восстание 1863 года. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962.

Рябов С.А. Российско-норвежская граница: история с топографией. М.: Институт Наследия, 2018.

Саамская библиография: литература на русском и саамском языках (1776–1996). Мурманск, 2005.

Саариниеми П. Поморская торговля глазами русских // Оттар. 1992. № 4 (192). С. 47–53.

Сборник норвежских узаконений, касающихся русских подданных по производству торговли и промыслов в Северной Норвегии / сост. А. Теттерман. СПб., 1883.

Сборник норвежских узаконений касающихся торговли и промыслов русских подданных в Северной Норвегии / сост. О. Визель. СПб., 1909.

Свод постановлений, извлеченных из законов Норвежского королевства и касающихся до рыбной ловли и торговли, производимых

русскими промышленниками в портах и приморских губах Норвегии. Архангельск, 1871.

Селешников С.И. История календаря и хронология / Под ред. П.Г. Куликовского. М.: Наука, 1970.

Семушин Д.Л. «Поморская торговля» и «русские поморы» с точки зрения российского государственного законодательства XIX века // Арктика и Север. 2014. № 15. С. 125–146.

Сидоров М. Север России. СПб. 1870.

Скепнер Л.С., Шапенков В.Н. К вопросу об истории создания и судьбе повести А. Бестужева-Марлинского «Мореход Никитин» // Русская литература. 1997. № 4. С. 149–153.

Соркажердыев В. Английские пленники кольского шкипера // Мурманский вестник. 2005. 9 апреля.

«Старая» Россия и «новая» Норвегия: российско-норвежские отношения (1905–1917): сборник документов / Сост. В.А. Карелин, Й.П. Нильсен. М.: URSS; ЛЕНАНД, 2014.

Список русских военных судов с 1668 по 1860 год / Под ред. Ф.Ф. Веселаго. СПб., 1872.

Справочная книжка Архангельской губернии на 1852 год. Архангельск, 1852.

Спутник помора. По Белому морю и Северному Ледовитому океану. Справочник-ежегодник на 1914 год. Архангельск, 1914.

Суханов И.П. История российского морского кортика. СПб.: ООО «Бранко», 2007.

Суханов И.П. Оружейные реликвии Российского флота. Из коллекции центрального военно-морского музея. СПб: ООО «Фортекс», 2002.

Сырцов И. Англичане, бомбардирующие Соловецкий монастырь в 1854 году. М., 1904.

Таньшина Н.П. Граф К.В. Нессельроде в восприятии современников: причины непопулярности // Ключевские чтения – 2020. Народ и власть: Материалы международной научной конференции молодых ученых. Сборник научных трудов. / Отв. ред. В.Е. Воронин. М.: Издательство «Спутник+», 2021. С. 446–455.

Таньшина Н.П. К.В. Нессельроде и Крымская война: изменник или защитник национальных интересов России? // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: Материалы V международной научной конференции (Севастополь, 2–6 июня 2021 г.) / Отв. ред. В.В. Лебединский; ред.-сост. Н.В. Гинькут, Ю.А. Пронина. М.: ИВ РАН, 2021. С. 273–275.

Таньшина Н.П. К.В. Нессельроде: Искусство быть дипломатом. СПб.: Евразия, 2021.

Трофимов П.М. Очерки экономического развития Европейского Севера России. М., 1961.

Уваров С.С. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010.

Ульрих Ф. Кемский уезд и рыбные промыслы на Мурманском берегу во врачебном и экономическом отношениях. СПб., 1877.

Ухтомский Л. Путевые заметки при обзоре состояния мурманских рыболовных промыслов // Морской сборник. 1874. № 8. Неофициальная часть. С. 113–144; № 9. Неофициальная часть. С. 81–121.

Ушаков И.Ф. Кольская земля. Очерки истории Мурманской области в дооктябрьский период. Мурманское кн. изд-во, 1972.

Ушаков И.Ф. Кольский Север в досоветское время: Историко-краеведческий словарь. Мурманск: Мурманское кн. изд-во, 2001.

Фруменков Г.Г. Соловецкий монастырь и оборона Беломорья в XVI–XIX вв. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1975.

Фруменков Г.Г. Узники Соловецкого монастыря. Изд-е 4-е, перераб. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1979.

Фруменков Г.Г. Новожилов Ю.К. Поморы, сыны отечества // Архангельск 1584–1984: Фрагменты истории. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1984. С. 38–53.

Черкас А. Джунковский Степан Степанович // Русский биографический словарь. В 25 т. Т. VI. Дабелов–Дядьковский. СПб., 1905. С. 345–347.

Чернышев В. Русский мореход Герасимов // Москвитянин. 1849. № 16. С. 81–84.

Чернышев В. Русский мореход Герасимов // Журнал Министерства внутренних дел. 1849. № 5. С. 289–296.

Чудинов К.А. Конвенция о русско-норвежской границе 1826 года // Россия и Норвегия: история и культура. Архангельск, 1992. С. 16–20.

Шишова Т. Ротан Ян Филип // Католическая энциклопедия. В 4-х томах. Т. IV. Р–Ф. М.: Изд-во Францисканцев, 2011. Стлб. 395–396.

Шрадер Т.А. Русско-норвежские связи на Севере в период Первой мировой войны (по материалам РГИА и РГАВМФ) // Скандинавские чтения 2005 года. СПб., 2005. С. 44–56.

Шрадер (Алимова) Т. С торгом в Норвегу // Следопыт Севера. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1986. С. 193–204.

Шрадер Т.А. С торгом в Норвегу (Поморская торговля как фактор взаимовлияния культур) // Скандинавские чтения 2008 года / Сост. Т.А. Шрадер. СПб. МАЭ РАН; 2010. С. 256–273.

Шрадер Т.А. Торговые связи русского Поморья с Северной Норвегией, конец XVIII – начало XIX веков : диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.02. Л., 1985.

Эджертон В. Лесков, Артур Бенни и подпольное движение начала 1860-х годов. О реальной основе «Некуда» и «Загадочного человека» // Литературное наследство. Т. 101. Кн. 1. М.: Наследие, 1997. С. 614–637.

Юдин А. Джунковский Степан Степанович // Католическая энциклопедия. В 4-х томах. Т. IV. Р–Ф. М.: Изд-во Францисканцев, 2011. Стлб. 1617–1619.

Юрченко А.Ю. Колонизация побережья Баренцева моря в XIX – начале XX века: два подхода к освоению региона // Скандинавские чтения 2000 года. Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 2002. С. 184–190.

Balsvik R.R. Vardø. Grensepost og fiskevær 1850–1950. 2 bd. Vardø kommune, 2007.

Caution and Compliance. Norwegian-Russian Diplomatic Relations 1814–2014 / Ed. by K.A. Myklebost & S. Bones. Orkana Akademisk, 2012.

Christensen O., Davydov R.A., Egeberg E. et al. Russland kommer nærmere. Norge og Russland 1814–1917 / J.P. Nielsen (red.), P. Mankova (bildered). Oslo: Pax Forlag, 2014.

Clowes Wm. The Royal Navy. A History from the Earliest Times to the Present. In VII Vol. Vol. VI. London, 1901.

Davydov R. En orthodox kirke for Vardø by // Årbok for Vardø 2009. Vardø, 2009. S. 185–192.

Davydov R. Fra pomorhandelens historie under Napoleonskrigene // Årbok for Vardø 2016. Vardø, 2016. S. 35–41.

Davydov R.A., Orekhova Je.A. Norske kolonister på Murmankysten 1860–1940 // Ottar. 2017. Nr. 1 (314). S. 16–23.

Den katolske kirke i Norge. Fra Kristningen til idag. Oslo, 1993.

Derry T.K. A History of Modern Norway. 1814–1972. Oxford: Clarendon press, 1973.

Encyclopedia of the Barents Region / ed. by M.-O. Olsson: in two vols. Oslo, 2016.

Ethnographisk kart over Finmarken. Utgivet af Videnskabselskabet i Christiania, med Bidrag af Oplysnings-væsenets Fond. 1861.

Friis J.A. En Sommer i Finmarken, Russisk Lapland og Nordkarelen. Christiania: Forlagt af Alb. Cammermeyer, 1880.

In the North My Nest is Made. Studies in the History of the Murman Colonization 1860–1940. SPb., 2006.

Kjell F. Lille-Moskva: Den glemte krigen. Oslo, 1983

Kraft S. Nord-Norge i de förenade konungarikernas handelstraktater med Russland. Stockholm, 1954.

Kraft S. Pomorhandelen på Nord-Norge under 1800-tallets förra hölt. Tromsø-Oslo, 1968.

Laing S. Journal of a Residence in Norway during the Years 1834, 1835 & 1836. Second edition. London, 1837.

Lunde A. Sør-Varangers Historie. Sur-Varanger kommune, 1979.

Nielsen J.P. Alta historie. 2 bd. Alta commune, 1990, 1995.

Nielsen J.P. I Kopperverkets tid. Kåfjord kirke 150 år. Alta, 1987.

Nielsen J.P. Praefectura Apostolica Poli Arctici: A Nineteen century Roman Catholic Missionary Offensive in the Far North // Europa und der Norden. Tromsø, 1994. P. 140–151.

Nielsen J.P. Russisk fare mot Nord-Norge? // Ottar. 1992. № 4 (192). S. 33–40.

Nielsen J.P. Ønsket tsaren seg en istfri havn i nord // Historisk tidsskrift. 1991. №. 4. S. 604–621.

Niemi E. Pomorhandelen sett med norske øyne // Ottar. 1992. № 4 (192). S. 15–23.

Norway North of 65 / Ed. Ørnulv Vorren.: Oslo: Oslo University Press; London: George Allen and Unwin LTD, 1961.

Paine R. The Russian Trade in Finmarken // The Norseman. Vol. 16. 1958. P. 73–80.

Palmstierna S.F. Sverige, Russland och England 1833–1855. Kring Novembertraktatens förutsättningar. Stockholm, 1932.

Riste O. Norway's Foreign Relations – A History. Oslo: Universitetsforlaget, 2001.

Russland kommer nærmere. Norge og Russland 1814–1917 / J.P. Nielsen (red.), P. Mankova (bildered). Oslo, 2014.

Schrader T.A. Pomor Trade with Norway // Acta Borealia. 1988. № 1/2. P. 111–118.

Shrader T.A. Across the Borders: the Pomor Trade // Russia-Norway: Physical and Symbolic Borders. Ed. T. N. Jackson and J. P. Nielsen. Moscow, 2005. P. 105–115.

Sæther O. Nordmenn på Murmankysten. En norsk koloni i Russland // Pomor. Nord-Norge og Nord-Russland gjennom tusen år / E. Niemi (red.). Oslo: Gyldendal Norsk Forlag, 1992. S. 69–83.

Taylor B. Northern Travel. Summer and Winter Pictures of Sweden, Lapland and Norway. London, 1858.

The Barents Region. A Transnational History of Subarctic Northern Europe / Chief ed. L. Elenius. Oslo: Pax Forlag, 2015.

Worm-Müller J.S. Norge gjennom nødsaarene (1807-1810). Christiania, 1918.

Yonge C.D. The History of the British Navy from the Earliest Period to the Present Time. Second edition. In 3 vol. London, 1866. Vol. III.

Электронные ресурсы

Касиян А.С. Проблема «русской угрозы» Норвегии (XIX – начало XX в.) в освещении зарубежной историографии и отечественных источников // История. 2011. Вып. 5. Т. 2. URL: <https://history.jes.su/s207987840000114-4-2/> (дата обращения: 22.04.2025).

Зайков К.С. Пространственные границы Российской Империи на Мурманском побережье в начале XIX в. // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. 2010. № 1 (9). С. 49 – 72. URL: <http://www.hcrncr.com/journ910/journ910zaykov.html> (Дата обращения: 30.08.2020).

Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу. URL: <http://government.ru/info/18359/> (дата обращения 07.04.2025).

Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/62947> (дата обращения 07.04.2025).

О Шпицбергене и вокруг него // URL: https://archive.mid.ru/web/guest/about/social_organizations/association/-/asset_publisher/w6CkLeKcy2bQ/content/id/4058415 (Дата обращения: 26.03.2025).

Семушин Д.Л. Подвижная идентичность. Русские поморы XIX века // URL: <https://goarctic.ru/korennyye-narody-severa/podvizhnaya-identichnost-russkie-pomory-xix-veka/> ; <https://goarctic.ru/korennyye-narody-severa/podvizhnaya-identichnost-russkie-pomory-xix-veka-chast-ii/> (дата обращения: 07.04.2025).

Топтунов А.А., Зарецкая О.В. Миф о «русской угрозе» в Швеции и Норвегии: особенности формирования и трансформации в начале XIX в. // История. 2018. № 10 (74). URL: <https://history.jes.su/s207987840002191-9-1/> (дата обращения: 22.04.2025).

Nilsen T. Trademark Barents. URL: <https://barentsobserver.com/ru/briefs/barenc-tm> (дата обращения: 07.04.2025).

Partisanmuseet. URL: <https://partisanmuseum.no> (дата обращения: 31.08.2021).

TV-drama om russisk okkupasjon. URL: <https://www.nrk.no/kultur/nesbo-serie-om-russisk-okkupasjon-1.11001219> (дата обращения 30.04.2025).

Подписи к иллюстрациям, размещенным на обложке, форзаце и нахзаце

На первой странице обложки:

Киберг (Финнмарк, Норвегия).

Фото Грасмо Йохан Оскар Андреас (Grasmo Johan Oskar Andreas), 1910-е гг.

Finnmark fylkesbibliotek. FBib.83002-327.

URL: <https://digitaltmuseum.no/021015856248/kaier-i-kiberg-vi-ser-thomas-skjaeret-og-bater-bortenfor-thomasskjaeret> (дата обращения 16.04.2025)

Поселок Киберг в XIX – начале XX вв. ежегодно посещали десятки русских судов для ведения промыслов и меновой торговли. С 1882 по 1913 гг. здесь ежегодно, в основном в течение летних месяцев, оказывал бесплатную медицинскую помощь всем нуждающимся приемный покой Российского Общества Красного Креста. Видимые в отдалении парусные суда, с большой вероятностью, российские.

На последней странице обложки:

«Тип русского помора из числа приезжающих в Финмаркен на своих шхунах для закупки трески и другой рыбы»

Всемирный следопыт. 1928. № 1. С. 23.

Автор рисунка – Владимир Михайлович Голицын (1901–1943).

Форзац

Карта Архангельской губернии.

Карта Архангельской губернии // Подробный атлас Российской империи с планами главных городов. 70 карт. СПб.: Издание картографического заведения А. Ильина, 1871.

В левом верхнем углу карты территория норвежской провинции Финнмарк (устар. Финмаркен), где российско-норвежские контакты в XIX – начале XX вв. были наиболее развиты. Составители карты обозначили ее как часть территории Швеции потому, что с 1814 по 1905 гг. Норвегия находилась в унии со Швецией, причем последняя занимала доминирующее положение и определяла внешнюю политику обоих королевств.

Нахзац

Карта губернии Финмаркен.

Kart over Finmarkens amt . Utgivet af Norges geografiske Opmaaling, 1906.

Содержание

Введение	3
-----------------------	---

Глава 1

Российские саамы и их промысел сёмги в Финнмарке во второй половине 1820-х – 1910-е гг.	15
--	----

1.1. «Приличнейшее решение» комиссаров.....	17
1.2. Право «ходить на земли другой державы для звериных и рыбных промыслов»	25
1.3. «Притеснения» лопарей и переписка по этому вопросу.....	27
1.4. «Англичан интересует не прибыль, а процесс лова»	28
1.5. «Необходимо усилить административный надзор».....	30
1.6. «Лопари... должны быть благодарны норвежскому правительству».....	31
1.7. «Определить в натуре и нанести на специальную карту...»	33
1.8. «Единогласно и решительно высказались против уступки...»	35
1.9. «Пойти навстречу норвежскому предложению...»	38
1.10. «Простое выполнение пожеланий».....	41

Глава 2

Из истории поморской торговли в эпоху наполеоновских войн: подвиг Матвея Герасимова 1810 г.	45
--	----

2.1. Поставки русского хлеба в Норвегию в эпоху наполеоновских войн	45
2.2. Бедствия и героизм команды русской лодьи.....	47
2.3. «Добровольно отдал мне свою шпагу...»	49
2.4. «Вещи эти лично от него истребовать»: адмирал Мартын Петрович фон Дезин отбирает трофеи у героя.....	51
2.5. «Возвратить по принадлежности»: адмирал Алексей Григорьевич Спиридов восстанавливает справедливость.	54
2.6. Затерянные трофеи.....	55
2.7. Кортик	57

Глава 3

Торговля с Норвегией

в условиях блокады беломорских портов

во время Крымской войны (1853 – 1856)	62
3.1. «Беспрепятственное продолжение» торговли?	67
3.2. «Покорнейше прошу Вас продолжать...»	68
3.3. «Здорово, ребята!»	70
3.4. Захват шхуны «Волга» англичанами: «Правила наши иначе не позволяют!»	71
3.5. Лукавые цифры	81
3.6. «Отличный стрелок норвежец Гардер»	85
3.7. «Пушка... приобретена в Норвегии»?	88
3.8. «Торговля... ныне как бы совершенно прекратилась»	92
3.9. «Шхуна салютовала 12-ю пушечными выстрелами»	93
3.10. Захват шхуны «Двина» французами	94
3.11. «Странная» и «строгая» блокады беломорских портов в 1854 и 1855 гг.	99

Глава 4

«Полярная миссия» римско-католической церкви

и ее деятельность в отношении жителей

Архангельской губернии

(середина 1850-х – начало 1860-х гг.)	104
4.1. Первая наднациональная организация Евро-Арктического региона или антироссийский пропагандистский проект, созданный в условиях войны?	104
4.2. «Отличаясь с юности особенной религиозностью...»	106
4.3. «Считать навсегда изгнанным из пределов государства...»	109
4.4. В поисках «сокровищ»	112
4.5. Уголовных дел стряпчий Знаменский собирает сведения	113
4.6. «Мы сами ищем союза с революционерами...»	118
4.7. Конец «полярной миссии» С.С. Джунковского	121
4.8. Итоги работы миссии	124

Глава 5

«Список крестьянам Архангельского уезда,

бывшим в навигацию 1861 года в Норвегии» 126 |

5.1. «Возмутительное воззвание»	126
5.2. «Внушают... всё дурное против России»	128
5.3. Список	129
5.4. Ономастикон судов Архангельского уезда, бывших в Норвегии в навигацию 1863 г.	136

Глава 6

Православная церковь для города Вардё

(конец 1880-х – 1890-е гг.)	144
6.1. «Иеромонах Никандр... просит оказать содействие»	145
6.2. «С.Д. Лемяхов пожертвовал капитал»	149
6.3. «Соображения относительно наиболее удобного места»	151
6.4. «Русская угроза» и «дело щекотливое»	156
6.5. «Желая сделать доброе дело»	163
6.6. «Я отвечал полным отрицанием»	166
6.7. «Так как доселе не дано разрешения на постройку церкви в Вардэ, то я прошу устроить таковую в Соломбале»	167
6.8. «При внезапно вспыхнувшем пожаре» и после него	170
6.9 «Величественное зрелище»	172
6.10 «Для молебствия была выбрана большая зала в гостинице»	174

Глава 7

Русские в Киберге

7.1. Военно-морские силы Норвегии против поморов	176
7.2. «Жилища промышленников в Киберге представляют тяжелую, надрывающую душу картину»	181
7.3. Деятельность Российского общества Красного Креста в Киберге. Первые опыты	184
7.4. Тридцать лет работы русских медиков в Киберге	188

Глава 8

Во всем виноваты русские.

Даже если они – тюлени. И даже если их нет

8.1. Суть «борьбы в Норвегии между китоловами и рыболовами» в изложении С.И. Барановского и Н.П. Андреева	195
8.2. Попытки легализации норвежских незаконных зверобойных промыслов у русских берегов	196
8.3. Бунт норвежских рыбаков Мехамне в 1903 году: «русский след»?	202
8.4. «Тысячи виноваты в тяжком преступлении изготовления телеграммы к русскому правительству с просьбою о помощи...»	207
8.5. Скромное обаяние русской «тирании»	209

Глава 9

Дневник Павла Ильича Буркова как источник по истории русской торговли в Финнмарке в годы I мировой войны (1915 год)

9.1. Статья в «Архангельской старине» и неожиданное продолжение работы	214
9.2. Павел Бурков – учащийся Архангельского торгово-мореходного училища	217

9.3. Парусник «Зосима» и его плавание в Норвегию в 1915 г.:	
общие сведения	218
9.4. Российско-норвежская торговля на севере Норвегии	
в 1915 г.: ограничения, обусловленные войной	220
9.5. «Зосима» в Вардё – потерянное время	221
9.6. «Зосима» в Дуфьорде: прием улова	
норвежских рыбаков, ремонт корпуса и «маки»	222
9.7. Путь домой.....	227
9.8. Капитан Павел Ильич Бурков.....	229
Заключение	234
Список сокращений	240
Источники и литература	240

Научное издание

Руслан Александрович Давыдов

Русские на севере Норвегии в XIX – начале XX вв.

Рекомендовано к изданию
Объединенным ученым советом УрО РАН по гуманитарным наукам
по представлению Ученого совета Федерального государственного
бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра
комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лаверова
Уральского отделения Российской академии наук

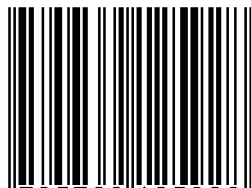
Технический редактор А. Якубовский

Подписано в печать 10.07.2025. Формат 84×108/16

Бумага ВХИ. Уч.-изд. л. 12,7. Усл. печ. л. 16,25.

Тираж 300. Заказ № 25044

ISBN 978-5-7691-2592-8

9 785769 125928 >

Отпечатано с готового оригинал-макета

Типография «КИРА»

163061, г. Архангельск, ул. Поморская, 34, тел. 65-47-11.

e-mail: oookira@yandex.ru